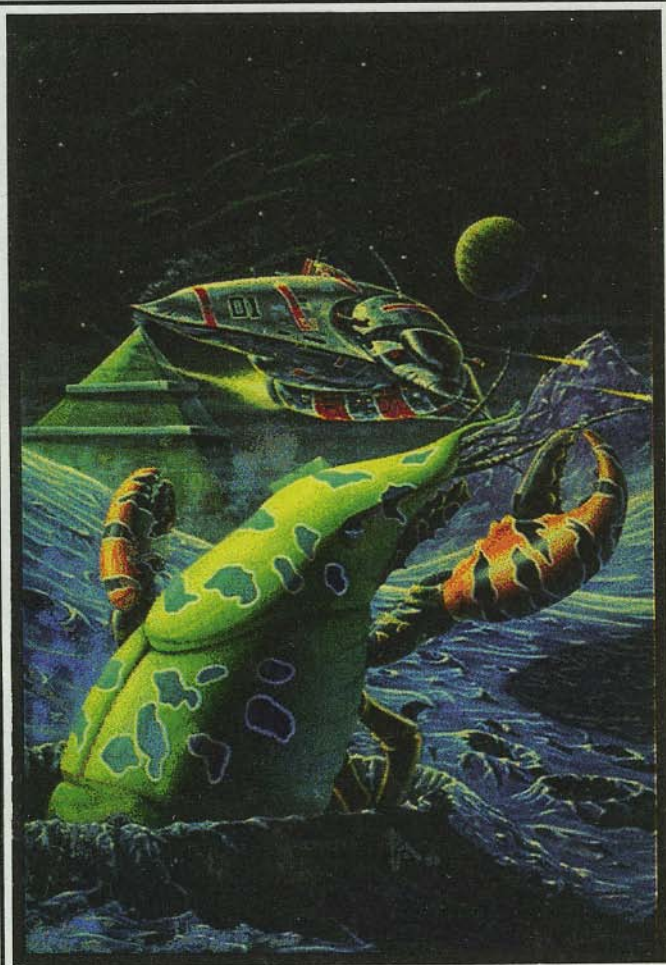

**НОВЫЕ
МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

**NEW
WORLDS
OF ISAAC
ASIMOV**

Volume four

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

**НОВЫЕ
МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Том четвертый

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

Новые Миры Айзека Азимова. Т. 4 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 350 с.

В четвертый том собрания рассказов выдающегося писателя
вошли произведения из сборников «Детективы по Азимову» и
«Покупаем Юпитер».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются
законом Российской Федерации об авторском праве.
Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом
запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-266-5

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1996

ДЕТЕКТИВЫ ПО АЗИМОВУ

ЧТО ЗНАЧИТ ИМЯ?*

Если вы полагаете, будто раздобыть цианистый калий очень уж трудно, вы судите опрометчиво. Я стоял и держал в руке пол-литровую бутылку. Темное стекло, опрятная четкая этикетка с надписью: «Цианистый калий ХЧ» (последние буквы, мне сказали, означают «химически чистый»), под которой был изображен небольшой череп и скрещенные кости. Человек, которому принадлежала эта бутылка, протер очки и заморгал, глядя на меня с выражением полного безразличия на лице к тому обстоятельству, что у меня в руке достаточно яду, чтобы отправить на тот свет целый полк.

— Вы хотите сказать, профессор, что эта штука запросто стоит у вас на полке? — спросил я.

— В общем, да. — Он потер подбородок. — Мне известно, что у меня есть эта бутылка.

— Ну а если, предположим, кто-то вошел бы сюда и отсыпал себе столовую ложку этого зелья? Вы бы заметили?

— Вряд ли. — Профессор Родни покачал головой.

— И все же, профессор, зачем вы держите его здесь в таком количестве? Травите крыс?

— Что вы, Господь с вами! — От этой мысли его, казалось, покорило — Цианистый калий иногда используется в органических реакциях: для образования промежуточных соединений, для обеспечения соответствующей основной среды, как катализатор...

What's In a Name

© 1968 by Isaac Asimov

Что значит имя?

© В Постников, перевод, 1993

* Слова Джульетты из трагедии «Ромео и Джульетта» У Шекспира (акт 2, сц 2) (Примеч пер)

— Понятно, понятно. Ну и в каких же других лабораториях цианистый калий столь же доступен?

— Да чуть ли не во всех, — не раздумывая, ответил профессор. — Даже в студенческих. В конце концов, это же рядовой химический препарат, обыкновенно применяемый при синтезе.

— А вот сегодняшнее его применение я бы обыкновенным не назвал.

— Да уж, пожалуй, нет, — со вздохом согласился он, потом задумчиво добавил: — Их называли «Библиотечные двойняшки».

Я кивнул. Происхождение этого прозвища было очевидно: две девушки-библиотекарши были очень похожи. Не при внимательном рассмотрении, разумеется. У одной был небольшой острый подбородок и круглое личико, а у другой — квадратная челюсть и длинный нос. И все же, когда они обе склоняются над конторкой, вы видите медово-золотистые волосы с пробором посередине и с одинаковой завивкой. Бросьте беглый взгляд на их лица, и прежде всего вам, вероятно, запомнятся широко поставленные глаза одного и того же синего цвета. Посмотрите, как они стоят на порядочном расстоянии от вас, и вы, наверное, скажете, что они одного роста, а бюстгальтеры у них одного размера и фасона. У обеих были тонкие талии и стройные ноги. А сегодня они даже оделись одинаково — в синее.

Правда, теперь уже спутать их было невозможно: девушка с маленьким подбородком и круглым личиком была напичкана цианистым калием и совершенно мертва.

Эта схожесть прежде всего и поразила меня, когда я прибыл на место происшествия со своим напарником Эдом Хэтуэем. Одна девушка, мертвая, с выпученными глазами, обмякла на стуле, рука у нее повисла, а на полу под ней, как точка под вопросительным знаком, лежала разбитая чашка. Ее звали, как выяснилось, Луэлла-Мэри Буш. Там же находилась вторая девушка (ни дать ни взять ожившая первая): невидящим взором она смотрела прямо перед собой, как бы позволяя занятым работой полицейским обтекать ее со всех сторон. Ее звали Сюзн Мори.

— Родственницы? — был мой первый вопрос.

Нет. Даже не троюродные сестры.

Я оглядел библиотеку. К счастью, в тот день народу оказалось мало.

Ровным невыразительным тоном Сюзн Мори рассказала нам, что произошло.

Пожилая миссис Неттлер, старший библиотекарь, взяла полдня за свой счет и оставила этих двух девушек приглядывать за хозяйством. Очевидно, ничего необычного в этом не было. В два часа, плюс-минус пять минут, Луэлла-Мэри удалилась в заднюю комнатку за конторкой библиотекаря. Там, кроме новых книг, ожидавших каталогизации, и стопок журналов, находилась также небольшая электроплитка, чайник и все необходимое для приготовления чая. Значит, чай в два часа, очевидно, был делом привычным.

— А Луэлла-Мэри готовила чай каждый день? — спросил я.

Сюзн посмотрела на меня своими пустыми синими глазами.

— Иногда этим занимается миссис Неттлер, но обычно варила Лу... Луэлла-Мэри.

Когда чай был готов, Луэлла-Мэри позвала ее, и они пошли пить чай.

— Обе? — резко спросил я. — А кто же присматривал за библиотекой?

— А нам видно через открытую дверь. Если бы кто-то подошел к конторке, одна из нас могла выйти.

— А кто-нибудь подходил к конторке?

— Никто. Сейчас тут почти никого нет. Весенний семестр уже кончился, а летняя сессия еще не началась.

Рассказывать больше было почти нечего. Мешочки с чаем уже были вытащены из чашек, сахар положен.

— Вы обе пьете с сахаром? — спросил я ее.

— Да, — неторопливо ответила Сюзн, — но в моей сахара не оказалось.

— Не оказалось?

— Я сделала глоток-другой и как раз хотела потянуться за сахаром, когда...

Когда Луэлла-Мэри издала страшный сдавленный крик, уронила чашку и через минуту умерла. После чего Сюзн пронзительно завизжала, а потом пришли и мы.

Все шло по заведенному порядку: сделали снимки, взяли отпечатки пальцев, записали фамилии и адреса мужчин и женщин, находившихся в здании, и отправили их по домам. Причина смерти была очевидна: цианистый калий, а в роли преступника выступала сахарница. Взяли образцы для официальной экспертизы.

В момент убийства в библиотеке находилось шесть человек. Пятеро из них — студенты; они казались испуганными, смущенными, больными — в зависимости, я полагаю, от их характеров. Шестым был мужчина средних лет, причем

нездешний, который говорил с немецким акцентом и вообще не имел никакого отношения к университету. Он казался испуганным, смущенным и больным — все сразу. Мой напарник Хэтуэй как раз выводил их из библиотеки. Один из студентов оторвался от группы и прошел мимо, даже не взглянув на меня. Сюзн бросилась ему навстречу и схватила за рукава повыше локтей.

— Пит, Пит!

Пит был скроен как игрок в американский футбол — вот только профиль у него был чрезмерно красив. Пит смотрел куда-то мимо девушки, а лицо расплывалось, пока вся краса не потонула в гримасе тревоги и ужаса.

— Как же это Лолли... — сказал он хриплым сдавленным голосом. Сюзн ахнула.

— Не знаю... — она норовила поймать его взгляд. Он так ни разу и не взглянул на Сюзн, а смотрел куда-то через ее плечо. Тут он почуствовал руку Хэтуэя у себя на локте и позволил себя увести.

— Дружок? — спросил я.

Сюзн оторвала взгляд от уходящего студента.

— Что?

— Он ваш друг?

Она посмотрела на свои не находящие покоя руки.

— Мы встречались.

— Насколько это серьезно?

— Довольно серьезно, — прошептала она.

— А другую девушку он тоже знает? Он ведь назвал ее Лолли.

Она пожала плечами:

— Ну...

— Давайте выразимся так: он ходил с ней гулять, да?

— Иногда.

— Серьезно?

— Откуда я знаю? — вспыхнула она.

— Успокойтесь, пожалуйста. Она ревновала его к вам?

— Что все это значит?

— Кто-то подсыпал цианистого калия в сахарницу и положил эту смесь только в одну чашку. Предположим, Луэлла-Мэри настолько приревновала, что решила попробовать вас отравить, чтобы никто не мешал ей гулять с вашим дружком Питом. И, предположим, она по ошибке сама взяла не ту чашку.

— Это безумие, — возразила Сюзн. — Луэлла-Мэри никогда бы такого не сделала.

Но ее губы превратились в тонкую ниточку, глаза блеснули. И я никогда не обманываюсь, если слышу в чем-то голосе нотки ненависти.

В библиотеку вошел профессор Родни. Он был первым, кого я встретил в этом здании, и я по-прежнему относился к нему с прохладцей.

— Миссис Неттлер у меня в кабинете, — сообщил он, появившись в библиотеке. — Видимо, она услышала о случившемся по радио и сразу же явилась. Она очень взволнована. Побеседуете с ней? — В его устах это прозвучало как приказание.

— Приведите ее, профессор. — Я постарался, чтобы это прозвучало как разрешение.

Миссис Неттлер, что типично для пожилых дам, не знала, как себя держать. После того как она заглянула во внутреннюю комнату, она мешком опустилась в кресло и расплакалась.

— Я и сама пила здесь чай, — простонала она. — Это могла оказаться и...

Я произнес тихо и как мог успокаивающе:

— Когда вы пили здесь чай, миссис Неттлер?

Она повернулась в кресле, подняла глаза.

— Господи... Господи... да, по-моему, в самом начале второго. Помню еще, что предложила чашечку профессору Родни. Пошел ведь как раз второй час, правда, профессор Родни?

На лице профессора промелькнула тень недовольства. Он сказал мне:

— Я забежал сюда на минутку, чтобы навести одну справочку. Миссис Неттлер действительно предложила мне чашку чаю. Но я был слишком занят, чтобы принять приглашение или заметить точное время.

Я хмыкнул и снова повернулся к старушке:

— Вы пьете с сахаром, миссис Неттлер?

Она кивнула и снова расплакалась. Подождав, я спросил:

— А вы не заметили, в каком состоянии была сахарница?

— Она была... она была... — неожиданно удивившись этому вопросу, она вскочила на ноги. — Она была пуста. Я сама насыпала из двухфунтовой коробочки сахарного песка, помню еще, сказала, что, когда бы мне ни захотелось сахару, его не оказывается, и пожалела, что девочки... — Она снова расплакалась, употребив слово «девочки».

Очевидно, между часом и двумя кто-то опорожнил сахарницу, а затем насыпал немного сахару, тщательно подмешав туда отраву.

Возможно, появление миссис Неттлер вернуло Сюзи обычную строгость библиотекаря, потому что, когда Хэтуэй потянулся за сигарой — спичку он уже зажег, — девушка сказала:

— В библиотеке не курят, сэр.

Хэтуэй так удивился, что задул спичку, а сигару сунул обратно в карман. Девушка быстро прошла к одному из длинных столов и протянула руку за большим раскрытым томом, но Хэтуэй опередил ее:

— Что это вы хотите сделать, мисс?

Она удивилась:

— Поставить книгу обратно на полку.

— Зачем? А что это? — Он взглянул на раскрытую страницу. К тому времени я тоже уже оказался у стола. Я заглянул через его плечо. Книга была немецкая. Я не читаю на этом языке, но узнаю его, когда вижу тексты. Шрифт был мелкий, страница пестрела какими-то геометрическими фигурами и разрозненными строчками букв. Тут и моих познаний хватило, чтобы догадаться, что это химические формулы. Заложив страницу пальцем, я закрыл книгу и посмотрел на корешок.

— Это том Байлштайна, — сказал профессор совершенно невыразительным голосом, будто стоял на кафедре с указкой и мелом в руках. — Нечто вроде энциклопедии органических соединений. Тут их перечислено несколько сотен тысяч.

— В этой книге? — спросил Хэтуэй.

Профессор похлопал книгу таким дружеским жестом.

— Берясь за какое-нибудь неизвестное вещество, — сказал он, — не мешает сперва справиться о нем у Байлштайна. У него вы найдете способы приготовления этого вещества, его свойства, справочную литературу и все такое прочее. Вещества выстроены по ясной, но не сразу заметной логической системе. В своем курсе по органическому синтезу я отвожу несколько лекций методике нахождения того или иного вещества в любом из этих шестидесяти томов.

Я пришел туда вовсе не для того, чтобы изучать органический синтез, и резко сказал:

— Профессор, я хочу побеседовать с вами в вашей лаборатории.

И вот я стою, держа в руках фунт цианистого калия и понимая, что всяк, кому не лень, мог взять любое его количество, просто попросив, а то и без всякого спросу. А профессор задумчиво говорит:

— Их называли «Библиотечные двойняшки»

Я кивнул:

— Ну и что?

— А только то, что это доказывает, сколь поверхностны суждения большинства людей. В них не было совершенно ничего похожего, кроме волос и глаз. Вы, наверное, полагаете, что умершая девушка сама замышляла убийство?

Я пока не собирался высказывать свои мысли вслух.

— А вы разве так не думаете? — спросил я.

— Нет. Она не была способна на такое. Она исполняла свои обязанности с неизменной вежливостью и готовностью помочь. Кроме того, с чего бы вдруг ей это делать?

— А из-за одного студентика, — ответил я. — Его имя Питер.

— Питер Ван-Норден, — сразу же сказал он. — В меру смущенный, но почему-то никудашный студент.

— Девушки оценивают людей по иным меркам, профессор. Обе библиотекарши, похоже, очень им интересовались. Сюзи, вероятно, добилась больших успехов, и Луэлла-Мэри, возможно, решила действовать.

— А потом взяла по ошибке не ту чашку? Я в это не верю.

— Что же тогда, профессор? Сахар был отравлен после того, как миссис Неттлер пила чай в час дня. Сделала ли это миссис Неттлер?

Он быстро поднял глаза.

— А какой у нее может быть мотив?

Я пожал плечами:

— Может быть, она боялась, что девушки займут ее место.

— Вздор. Она уходит на пенсию перед началом нового учебного года.

— Вы тоже были там, — мягко сказал я.

К моему удивлению, он воспринял это совершенно спокойно.

— Мотив? — спросил он.

— Вы не так уж стары, профессор, и могли заинтересоваться Луэлой-Мэри. Предположим, она грозила сообщить декану о том, что вы когда-то сказали или сделали.

Профессор горько улыбался.

— Как же я мог наверняка знать, что цианистый калий достанется тому, кому он предназначен? И почему одна чашка должна оказаться вовсе без сахара? Я мог отравить сахар, но не я же заваривал чай.

Мое мнение о профессоре Родни начало меняться. Он даже не подумал изображать возмущение. Он просто указал

на логический изъян моего утверждения, и я сразу оставил его в покое. Это мне понравилось.

— Что же, по-вашему, тут произошло? — спросил я.

— Зеркальное отображение, — сказал он. — Нечто прямо противоположное. Я полагаю, оставшаяся в живых все перевернула. Предположим, что парень достался Луэлле-Мэри, а Сюзн это не понравилось. Скорее было так, а не наоборот. Предположим, что на этот раз именно Сюзн готовила чай, а Луэлла-Мэри сидела за конторкой. В таком случае девушка, заваривающая чай, взяла бы нужную чашку и осталась невредимой. И все было бы логично.

Это-то все и решило. Этот человек пришел к тому же выводу, что и я, так что в конечном счете мне понравился, хотел я того или нет.

— Это надо неопровержимо доказать, — продолжал я. — Но как? Я думал, что доступ к цианистому калию имел кто-то один, а не кто угодно. Но доступ был у всех. И что же мне теперь делать?

— Проверьте, какая девушка на самом деле сидела за конторкой в два часа, пока готовился чай, — предложил профессор.

Мне стало ясно, что он читает детективные истории и оттого доверяет свидетельствам очевидцев. Я такими делами не занимался, но тем не менее встал.

— Что ж, профессор, так я и поступаю.

— Могу ли я присутствовать при этом? — спросил профессор, словно речь шла о настоящей необходимости.

Я задумался.

— А зачем? Ответственность перед деканом?

— В некотором смысле. Хочу, чтобы все это поскорее кончилось.

— Идемте, — сказал я, — если считаете, что это поможет.

Эд Хэтуэй поджидал меня в пустой библиотеке.

— Я понял, — сказал он, — как все это произошло. Я вывел это методом дедукции.

— О-о-о!

На профессора Родни он не обращал никакого внимания.

— Цианистый калий пришлось протаскивать со стороны. Кто же это сделал? Тот случайный посетитель, который говорил с акцентом, как там его... — Он стал копаться в карточках, на которые занес сведения о свидетелях.

Я знал, кого он имеет в виду, и сказал:

— Ничего, имя не имеет значения. Что значит имя? Продолжай.

Это мое высказывание доказывает лишь, что и я могу быть так же глуп, как и любой другой.

— Он немец, книга тоже немецкая. Он, возможно, был с нею знаком. Он положил конвертик на заранее выбранную страницу, согласно какой-то особой формуле, заранее выбранной... Профессор говорил, что есть какой-то способ найти любую формулу. Верно, профессор?

— Верно, — холодно ответил тот.

— Ну вот. Библиотекарша знала формулу, так что могла найти эту страницу. Она берет цианистый калий и высыпает его в чай. От волнения забывает закрыть книгу...

— Послушай, Хэтуэй, с чего бы этот человек стал заниматься такими делами? Как он объясняет свое присутствие здесь?

— Говорит, что он скорняк и его интересуют репелленты моли и инсектициды. Вы когда-нибудь слышали подобную чушь?

— Конечно, слышали. Твоя версия, к примеру, — сказал я. — Послушай, ну кто станет прятать конверт с цианистым калием в книге? Стоит снять том с такой «закладкой» с полки, как он сам раскроется на нужной странице. Ничего себе тайничок!

Хэтуэй понемногу становился похожим на дурачка, а я беспощадно довершал разгром:

— Кроме того, цианистый калий вовсе не обязательно протаскивать сюда тайком с улицы. Тут его навалом, чуть ли не тонны. Любой, кому нужен фунт-другой, может просто взять. Спроси у профессора.

Глаза Хэтуэя полезли на лоб, он порылся в кармане пиджака, вытащил какой-то конверт и извлек из него печатную страницу с немецким текстом.

— Это из того немецкого тома, который...

Профессор Родни вдруг побагровел.

— Вы вырвали страницу из Байлштайна! — выкрикнул он пронзительным голосом, что чертовски меня удивило. Ни за что бы не подумал, что он способен кричать.

— Я думал, — оправдывался Хэтуэй, — попробовать ее на отпечатки пальцев с клейкой лентой. А может, удалось бы обнаружить крупинки цианистого калия.

— Дайте же сюда! — завопил профессор. — Невежественный болван!

Он разгладил страницу, осмотрел обе ее стороны, убеждаясь, что текст цел.

— Ванда! — прорычал он, и я уверен, что в тот миг он мог бы запросто убить Хэтуэя.

Профессор Родни, возможно, был убежден в виновности Сюзи, и, если уж на то пошло, я тоже. Однако уверенность присяжным не представишь. Нужны доказательства. Поэтому, не доверяя свидетелям, я решил нанести удар, сыграв на единственной слабости возможного виновника.

Я позвал Сюзи и задал ей ряд новых вопросов. Если же вопросы не помогут изобличить ее, думал я, то, возможно, девушку подведут нервы.

Но первым я допросил маленького скорняка-немца, который был страшно напуган.

— Я ничего не сделал, — лопотал он. — Пожалуйста, у меня работа. Сколько мне здесь оставаться?

— Вы пришли сюда незадолго до двух часов, верно?

— Да. Мне хотелось почитать о репеллентах моли...

— Хорошо. Когда вы вошли, вы направились к конторке, верно?

— Да. Я назвал свою фамилию, сказал, кто я, что мне нужно...

— Кому сказали? — задал я главный вопрос.

Маленький человечек уставился на меня. У него были курчавые волосы и запавший рот, из-за которого он казался беззубым. Но когда он говорил, отчетливо были видны маленькие пожелтевшие зубки.

— Ей, — сказал он. — Я сказал ей, девушке, которая там сидела.

— Совершенно верно, — невыразительным голосом подтвердила Сюзи. — Он разговаривал со мной.

— Вы уверены, что говорили именно с этой девушкой? — обратился я к скорняку.

— Да, — подтвердил он, — я назвал ей свою фамилию и сказал, что мне нужно, и она улыбнулась. Она показала мне, где найти книги по инсектицидам. Затем, когда я отходил от конторки, вон оттуда вышла еще одна девушка.

— Прекрасно! — сказал я. — Вот фотография другой девушки. Скажите, вы говорили вот с этой девушкой за конторкой, а из задней комнаты вышла та, которая на фотографии? Или вы говорили с той девушкой, которая на фотографии, а девушка, сидящая сейчас за конторкой, вышла из задней комнаты?

Долгую минуту скорняк пристально разглядывал сначала девушку, потом фотографию.

— Они же совсем одинаковые.

Я выругался про себя. На губах Сюзи заиграла едва заметная улыбка, которая почти тут же исчезла. Должно быть, на этом она и строила свои расчеты. В библиотеке почти никого не было из студентов, чужой вряд ли станет вглядываться в библиотечкаря — такую же принадлежность читального зала, как книжные полки.

Теперь я уже знал, что она виновна, но знание еще ничего не значит.

— Ну так которая же? — спросил я.

— Я говорил с ней, с той, которая за конторкой, — ответил он с видом человека, которому хочется покончить с допросом.

— Совершенно верно, — невозмутимо подтвердила Сюзи.

Я уже успел до дна исчерпать свои надежды на ее слабые нервы.

— А вы могли бы присягнуть в этом? — спросил я скорняка.

— Нет, — тут же ответил он.

— Что ж, Хэтуэй, уведи его и отправь домой.

Профессор Родни подался вперед и тронул меня за локоть.

— Почему она улыбнулась этому человеку, когда он сказал, какие книги ему нужны? — прошептал он.

— А почему бы и нет? — шепнул я в ответ, но все равно задал девушке этот вопрос. Брови у нее слегка вздрагнули.

— Обыкновенная вежливость. Что в этом дурного?

Она прямо ликовала, я мог бы в этом поклясться. Профессор слегка покачал головой и снова шепнул мне:

— Она не из тех, кто улыбается незнакомцам, с которыми надо возиться. За конторкой наверняка сидела Луэлла-Мэри.

Я пожал плечами, представив себе, как выкладываю подобные доказательства комиссару.

Четверо студентов ничего не видели, и их допрос почти не отнял времени. Они занимались исследованиями, знали, какие им нужны книги и где они стоят. Они не задерживались у конторки, не могли сказать, кто и когда за ней сидел. Никто даже не поднимал глаз от книг, пока пронзительный крик не всполошил всех и вся.

Пятым был Питер Ван-Норден. Он вперил взор в большой палец своей правой руки. Ноготь на нем был жутко изгрызен. На Сюзи он даже не взглянул. Я дал ему немного посидеть и прийти в себя. Наконец я спросил:

— Что вы здесь делаете в такое время года? Насколько я понял, сейчас каникулы.

— У меня через месяц кандидатский минимум, — пробормотал он. — Я занимаюсь. Если я сдам экзамен, то смогу работать над своей диссертацией, понимаете?

— Я полагаю, вы задержались у конторки, войдя сюда?

— Нет, не думаю. По-моему, я не задерживался, — ответил он так же тихо, как и прежде.

— Странно, не правда ли? Я полагаю, вы хороший друг как Сюзн, так и Луэллы-Мэри. Разве вы не говорите им «привет»?

— Я волновался. Я думал об экзамене. Мне надо было заниматься. Я...

— Выходит, у вас даже не нашлось времени сказать «привет»?

Я посмотрел на Сюзн, чтобы узнать, как все это действует на нее. Она побледнела. Но ведь мне могло и показаться.

— Однако вы были чуть ли не обручены с одной из них. Разве не так? — спросил я.

Он поднял глаза, в которых отразилась смесь тревоги и возмущения.

— Нет! Я не могу обручиться, пока не получу степень. Кто вам сказал, что я обручен?

— Я сказал «чуть ли не обручены».

— Нет! Может, мы и встречались раз-другой, но что значат одно-два свидания?

— Полноте, Пит, — вкрадчиво сказал я. — Которая же из них была вашей подружкой?

— Говорю вам, ничего подобного не было! — Он так усердно умывал руки от этого дела, что казалось, весь погрузился в невидимую пену.

— Ну так как? — вдруг спросил я Сюзн. — Останавливался он у вашей конторки?

— Он помахал рукой, когда проходил, — сказала она.

— В самом деле, Пит?

— Не помню, — утрюмо ответил он. — Может, и помахал. Ну и что?

— А ничего, — сказал я.

В душе я жалел Сюзн. Если ради этого типа она убила человека, ее старания канули втуне. Я был уверен, что отныне он на нее и внимания не обратит, даже если она рухнет ему на голову с крыши двухэтажного дома. Она, должно быть, тоже это поняла. Судя по взгляду, брошенному ею на Питера Ван-Нордена, его можно было считать вторым кандидатом на угощение цианистым калием. Если, конечно, все сойдет ей с рук. А дело к тому и шло...

Было уже около шести, и я не представлял себе, что еще можно сделать. Выходило, что никто даже не опровергал утверждений Сюзн. Будь у нее преступное прошлое, уж мы бы смогли выжать истину, если не напором, то измором. Но к ней такие способы неприменимы. Я повернулся к профессору, готовый высказать это вслух, но он неотрывно смотрел на карточки Хэтуэя. Во всяком случае, на одну из них, которую держал в руках. Знаете, рассказывают, будто у кого-то там руки дрожат от волнения, но видеть такое приходится нечасто. Рука Родни дрожала как молоточек старомодного будильника. Он прокашлялся.

— Позвольте мне задать ей один вопрос.

— Валайте, — сказал я. Терять было уже нечего. Он посмотрел на девушку и положил карточку на стол чистой стороной вверх.

— Мисс Мори, — неуверенно сказал он. Казалось, он намеренно избегал обращения по имени. Сюзн воззрилась на него. На какое-то мгновение она, казалось, занервничала, но это прошло, и она снова была спокойна.

— Да, профессор?

— Вы улыбнулись, когда скорняк сказал, что ему нужно. Почему?

— Я же сказала вам, профессор Родни. Это была простая вежливость.

— А может, в том, что он сказал, было нечто особенное, смешное?

— Я старалась быть вежливой, — повторила она.

— Возможно, вам показалась забавной его фамилия, мисс Мори?

— Не особенно, — безразлично сказала она.

— Ну что ж, его фамилию еще никто не упоминал. Я не знал ее, пока случайно не взглянул на эту карточку. Так какая же у него была фамилия, мисс Мори? — вдруг воскликнул он полным волнения голосом.

— Не помню, — помолчав, ответила она.

— Ах, не помните? Он же назвал свою фамилию, разве нет?

В ее голосе зазвучало раздражение:

— Ну и что, если назвал? Фамилия, она фамилия и есть. Вряд ли после всего случившегося можно ожидать, что я запомню какую-то там илостранную фамилию, которую слышала раз в жизни.

— Значит, она была иностранная?

Она резко дала задний ход, избегая ловушки.

— Не помню. Мне кажется, это была типично немецкая фамилия. Да мне все равно, как его звали, пусть хоть Джон Смит

— Что вы пытаетесь доказать, профессор Родни? — спросил я.

— Я пытаюсь доказать, — твердо заявил он, — а фактически уже доказываю, что именно Луэлла-Мэри сидела за конторкой, когда вошел скорняк. Он назвал свою фамилию, и эта фамилия вызвала у Луэллы-Мэри улыбку. И именно мисс Мори выходила из задней комнаты, когда он отворачивался от конторки. Именно мисс Мори, вот эта девушка, только что заварившая и отравившая чай.

— Вы основываете свое утверждение на том факте, что я не могу запомнить имя какого-то человека, — пронзительно вскричала Сюзн Мори. — Это смехотворно!

— Нисколько, — отвечал профессор. — Будь вы за конторкой, вы бы запомнили его фамилию, вы бы просто не смогли забыть ее. Если бы вы сидели за конторкой, — он поднял карточку. — Фамилия этого скорняка Байлштайн. Байлштайн!

Из Сюзн вышел весь дух, как будто ее пнули ногой в живот. Она побледнела как мел. Профессор увлеченно продолжал.

— Ни один сотрудник химической библиотеки ни за что не забыл бы фамилию человека, который заявляет, что он Байлштайн. Эта шестидесятитомная энциклопедия, которую мы сегодня упоминали раз пять, неизменно именуется по фамилии ее редактора, Байлштайна. Эта фамилия для сотрудника химической библиотеки все равно что Джордж Вашингтон или Христофор Колумб. Для него она привычнее любого из этих имен. Если эта девушка утверждает, что забыла фамилию, значит, она ее вовсе не слышала. А не слышала она ее потому, что не сидела за конторкой!

Я встал и мрачно сказал:

— Ну, мисс Мори, что вы на это ответите?

Она так пронзительно завизжала в истерике, что у нас чуть не полопались барабанные перепонки. Полчаса спустя она во всем призналась.

ПОЮЩИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Луис Пейтон никогда никому не рассказывал о способах, какими ему удавалось взять верх над полицией Земли в многочисленных хитроумных поединках, когда порой уже казалось, что его вот-вот подвергнут психоскопии, и все-таки каждый раз он выходил победителем.

Он не был таким дураком, чтобы раскрывать карты, но порой, смакуя очередной подвиг, он возвращался к давно взлелеянной мечте: оставить завещание, которое вскроют только после его смерти, и в нем показать всему миру, что природный талант, а вовсе не удача, обеспечивал ему неизменный успех.

В завещании он написал бы: «Ложная закономерность, созданная для маскировки преступления, всегда несет в себе следы личности того, кто ее создает. Поэтому разумнее установить закономерность в естественном ходе событий и приспособить к ней свои действия»

И убить Альберта Корнуэлла Пейтон собирался, следуя именно этому правилу.

Корнуэлл, мелкий скупщик краденого, в первый раз завел с Пейтоном разговор о деле, когда тот обедал в ресторане Гриннела за своим обычным маленьким столиком. Синий костюм Корнуэлла в этот день, казалось, лоснился по-особенному, выцветшие усы топорщились по-особенному.

— Мистер Пейтон, — сказал он, здороваясь со своим будущим убийцей без тени зловещих предчувствий, — рад вас видеть. Я уж почти всякую надежду потерял — всякую!

Пейтон не выносил, когда его отвлекали от газеты за десертом, и ответил резко:

— Если у вас ко мне дело, Корнуэлл, вы знаете, где меня найти.

Пейтону было за сорок, его черные волосы уже начали сесть, но годы еще не успели его согнуть, он выглядел молодо, глаза не потускнели, и он умел придать своему голосу особую резкость, благо тут у него имелась немалая практика.

— Не то, что вы думаете, мистер Пейтон, — ответил Корнуэлл. — Совсем не то. Я знаю один тайник, сэр, тайник с... вы понимаете, сэр.

Указательным пальцем правой руки он словно слегка постучал по невидимой поверхности, а левую ладонь на миг приложил к уху.

Пейтон перевернул страницу газеты, еще хранившей влажность телераспределителя, сложил ее пополам и спросил:

— Поющие колокольчики?

— Тише, мистер Пейтон, — произнес Корнуэлл испуганным голосом.

Пейтон ответил:

— Идемте.

Они пошли парком. У Пейтона было еще одно нерушимое правило — обсуждать тайны только на вольном воздухе. Любую комнату можно взять под наблюдение с помощью лучевой установки, но никому еще не удавалось обшаривать все пространство под небосводом.

Корнуэлл шептал:

— Тайник с поющими колокольчиками... накоплены за долгий срок, неотшлифованные, но первый сорт, мистер Пейтон.

— Вы их видели?

— Нет, сэр, но я говорил с одним человеком, который их видел. И он не врал, сэр, я проверил. Их там столько, что мы с вами сможем уйти на покой богатыми людьми. Очень богатыми, сэр.

— Кто этот человек?

У Корнуэлла в глазах зажегся хитрый огонек, словно чадящая свеча, от которой больше копоти, чем света, и его лицо приобрело отвратительное масляное выражение.

— Он был старателем на Луне и умел отыскивать колокольчики в стенках кратеров. Как именно — он мне не рассказывал. Но колокольчиков он собирал около сотни и

припрятал на Луне, а потом вернулся на Землю, чтобы здесь их пристроить.

— И, видимо, погиб?

— Да. Несчастный случай. Ужасно, мистер Пейтон, — упал с большой высоты. Прискорбное происшествие. Разумеется, его деятельность на Луне была абсолютно противозаконной. Власти Доминиона строго преследуют контрабандную добычу колокольчиков. Так что, возможно, его постигла Божья кара... Как бы то ни было, у меня его кара.

Пейтон с выражением холодного безразличия ответил:

— Меня не интересуют подробности вашей сделки. Я хочу знать только, почему вы обратились ко мне?

— Видите ли, мистер Пейтон, — сказал Корнуэлл, — там хватит на двоих, и каждому из нас найдется что делать. Я, например, знаю, где находится тайник, и могу раздобыть космический корабль. А вы...

— Ну?

— Вы умеете управлять кораблем, и у вас такие связи, что пристроить колокольчики будет легко. Очень справедливое разделение труда, мистер Пейтон, ведь так?

Пейтон на секунду задумался о естественном ходе своей жизни — ее существующей закономерности: концы, казалось, сходились с концами.

Он сказал:

— Мы вылетаем на Луну десятого августа.

Корнуэлл остановился.

— Мистер Пейтон, сейчас ведь еще только апрель.

Пейтон продолжал идти, и Корнуэллу пришлось рысцой пуститься за ним вдогонку.

— Вы расслышали, что я сказал, мистер Пейтон?

Пейтон повторил:

— Десятого августа. Я своевременно свяжусь с вами и сообщу, куда доставить корабль. До тех пор не пытайтесь увидеться со мной. До свидания, Корнуэлл.

Корнуэлл спросил:

— Прибыль пополам?

— Да, — ответил Пейтон. — До свидания.

Дальше Пейтон пошел один, раздумывая о закономерностях своей жизни. Когда ему было двадцать семь лет, он купил в Скалистых горах участок земли с домом; один из прежних владельцев построил этот дом как убежище на случай атомной войны, которой все опасались два столетия назад и которой так и не суждено было разразиться. Однако дом сохранился — памятник стремлению к полной безопасности,

стремлению существовать без какой-либо связи с внешним миром, порожденному смертельным страхом.

Здание было выстроено из стали и бетона в одном из самых уединенных уголков Земли; оно стояло высоко над уровнем моря, и почти со всех сторон его защищали горы, поднимавшиеся еще выше. Дом располагал собственной электростанцией и водопроводом, который питали горные потоки, холодильными камерами, вмещавшими сразу десяток коровьих туш; подвал напоминал крепость с целым арсеналом оружия, предназначенного для того, чтобы сдерживать напор обезумевших от страха толп, которые так и не появились. Установка для кондиционирования воздуха могла очищать воздух до бесконечности, пока из него не будет вычищено все, кроме радиоактивности (увы, человек несовершенен!).

И в этом спасительном убежище Пейтон, убежденный холостяк, из года в год проводил весь август. Он раз и навсегда отключил средства сообщения с внешним миром — телевизионную установку, телераспределитель газет. Он окружил свои владения силовым полем и установил сигнальный механизм в том месте, где ограда пересекала единственную горную тропу, по которой можно было добраться до его дома.

Ежегодно в течение месяца Пейтон оставался наедине с самим собой. Его никто не видел, до него никто не мог добраться. Лишь в полном одиночестве он по-настоящему отдыхал от одиннадцати месяцев пребывания в человеческом обществе, к которому не испытывал ничего, кроме холодного презрения.

Даже полиция (тут Пейтон усмехнулся) знала, как строго он блюдет это правило. Однажды он даже махнул рукой на большой залог и, рискуя подвергнуться психоскопии, все-таки уехал в Скалистые горы, чтобы провести август, как всегда.

Пейтон подумал, что, пожалуй, включит в свое завещание еще один афоризм: самое лучшее доказательство невинности — это полное отсутствие алиби.

Тридцатого июля, как и ежегодно в этот день, Луис Пейтон в 9 часов 15 минут утра сел в Нью-Йорке на антигравитационный реактивный стратолет и в 12 часов 30 минут прибыл в Денвер. Там он позавтракал и в 1 час 45 минут отправился на полуантигравитационном автобусе в Хампс-Пойнт, откуда Сэм Лейбмен на старинном наземном автомобиле (не антигравитационном) довез его до границы его усадьбы. Сэм Лейбмен невозмутимо принял на чай десять

долларов, которые получал всегда, и приложил руку к шляпе, что вот уже пятнадцать лет проделывал тридцатого июля.

Тридцать первого июля, как каждый год в этот день, Луис Пейтон вернулся в Хампс-Пойнт на своем антигравитационном флиттере и заказал в универсальном магазине все необходимое на следующий месяц. Заказ был самым обычным. По сути дела, это был дубликат заказов предыдущих лет.

Макинтайр, управляющий магазином, внимательно проверил заказ, передал его на Центральный склад Горного района в Денвере, и через час все требуемое было доставлено по линии масс-транспортировки. Пейтон с помощью Макинтайра погрузил припасы во флиттер, оставил, как обычно, десять долларов на чай и возвратился домой.

Первого августа в 12 часов 01 минуту Пейтон включил на полную мощность силовое поле, окружавшее его участок, и оказался полностью отрезанным от внешнего мира.

И тут привычный ход событий был нарушен. Пейтон расчетливо оставил в своем распоряжении восемь дней. За это время он тщательно и без спешки уничтожил столько припасов, сколько могло ему потребоваться на весь август. Тут ему помогли мусорные камеры, предназначенные для уничтожения отходов, — это была последняя модель, с легкостью превращавшая что угодно, в том числе металлы и силикаты, в мельчайшую молекулярную пыль, которую никакими средствами нельзя было обнаружить. Избыток энергии, выделявшейся при этом процессе, он спустил в горный ручей, который протекал возле дома. Всю эту неделю вода в ручье была на пять градусов теплее обычного.

Девятого августа Пейтон спустился на аэрофлиттере в условленное место в штате Вайоминг, где Альберт Корнуэлл уже ждал его с космическим кораблем. Корабль сам по себе, конечно, делал весь план уязвимым, поскольку о нем знали те, кто его продал, и те, кто доставил его сюда и помог готовить к полету. Но все эти люди имели дело только с Корнуэллом, а Корнуэлл, подумал Пейтон с тенью усмешки, скоро будет нем как могила.

Десятого августа космический корабль, которым управлял Пейтон, оторвался от поверхности Земли, имея на борту одного пассажира — Корнуэлла (конечно, с картой). Антигравитационное поле корабля оказалось превосходным. При включении на полную мощность корабль весил меньше унции. Микрореакторы вырабатывали энергию безотказно и бесшумно, и корабль беззвучно прошел атмосферу — такой не похожий на грохочущие, окутанные пламенем ракеты

прошлого, — превратился в крошечную точку и скоро совсем исчез.

Вероятность того, что кто-нибудь увидит взлетающий корабль, была ничтожно мала. И его действительно никто не увидел.

Два дня в космическом пространстве, и вот уже две недели на Луне. Чутье с самого начала подсказало Пейтону, что понадобятся именно две недели. Он не питал никаких иллюзий относительно самодельных карт, составленных людьми, которые ничего не смыслят в картографии. Такая карта могла помочь только самому составителю — ему приходила на помощь память. Для всех остальных такая карта — сложный ребус.

В первый раз Корнуэлл показал Пейтону карту уже в полете. Он подобоострастно улыбался.

— В конце концов, сэр, ведь это мой единственный козырь.

— Вы сверили ее с картами Луны?

— Я ведь в этом ничего не смыслю, мистер Пейтон. Целиком полагаюсь на вас.

Пейтон смерил его холодным взглядом и вернул карту. Сомнения на ней не вызывал только кратер Тихо Браге, где находился подземный лунный город.

Хоть в чем-то, однако, астрономия сыграла им на руку. Кратер Тихо Браге находился на освещенной стороне Луны, следовательно, патрульные корабли вряд ли будут нести там дежурство, так что у них были все шансы остаться незамеченными.

Пейтон совершил рискованно быструю антигравитационную посадку в холодной тени, отбрасываемой склоном кратера. Солнце уже прошло зенит, и тень не могла стать меньше.

Корнуэлл помрачнел.

— Какая жалость, мистер Пейтон. Мы ведь не можем начать поиски, пока стоит лунный день.

— У него тоже бывает конец, — оборвал его Пейтон. — Солнце будет здесь приблизительно сто часов. Это время мы используем, чтобы акклиматизироваться и как следует изучить карту.

Загадку Пейтон разгадал быстро; оказалось, что у нее несколько ответов. Он долго изучал лунные карты, тщательно вымеряя расстояния и стараясь определить, какие именно

кратеры изображены на самодельной карте, дававшей им ключ... к чему?

Наконец он сказал:

— Колокольчики могут быть спрятаны в одном из трех кратеров — ГЦ-3, ГЦ-5 или МТ-10.

— Как же нам быть, мистер Пейтон? — спросил Корнуэлл расстроено.

— Осмотрим все три, — сказал Пейтон. — Начнем с ближайшего.

Место, где они находились, пересекло терминатор, и их окутала ночная мгла. После этого они все дальше оставались на лунной поверхности, постепенно привыкая к извечной тьме и тишине, к резким точкам звезд и к полосе света над краем кратера — это в него заглядывала Земля. Они оставляли глубокие бесформенные следы в сухой пыли, которая не поднималась кверху и не осыпалась. Пейтон в первый раз заметил эти следы, когда они выбрались из кратера на яркий свет, отбрасываемый горбатым полумесяцем Земли. Это случилось на восьмой день их пребывания на Луне.

Лунный холод не позволял надолго покидать корабль. Каждый день, однако, им удавалось удлинить этот промежуток. На одиннадцатый день они убедились, что в ГЦ-5 поющих колокольчиков нет.

На пятнадцатый день холодная душа Пейтона согрелась жаром отчаяния. Они непременно должны обнаружить тайник в ГЦ-3. МТ-10 слишком далеко. Они не успеют добраться до него и исследовать: ведь вернуться на Землю необходимо не позже тридцать первого августа.

Однако в тот же день отчаяние рассеялось: тайник с колокольчиками был найден.

Осторожно, в ладонях, они переносили колокольчики на корабль, укладывали их в мягкую стружку и возвращались за новыми. Им трижды пришлось проделывать путь, который на Земле оставил бы их без сил. Но на Луне с ее незначительным тяготением такое расстояние почти не утомляло.

Корнуэлл передал последний колокольчик Пейтону, который осторожно размещал их в выходной камере.

— Отодвиньте их подальше от люка, мистер Пейтон, — сказал он, и его голос в наушниках показался Пейтону слишком громким и резким. — Поднимаюсь.

Корнуэлл прыгнул, готовясь к лунному прыжку — высокому и замедленному, посмотрел вверх и застыл в ужасе. Его лицо, ясно видимое за выпуклым лузитовым иллюминатором шлема, исказилось предсмертной гримасой.

— Нет, мистер Пейтон! Нет!

Пальцы Пейтона сомкнулись на рукоятке бластера, последовал выстрел. Непереносимо яркая вспышка — и Корнуэлл превратился в бездыханный труп, распростертый среди клочьев скафандра и покрытый брызгами замерзающей крови.

Пейтон угрюмо поглядел на мертвеца, но это длилось какое-то мгновение. Затем он уложил последние колокольчики в приготовленные для них контейнеры, снял скафандр, включил сначала антигравитационное поле, затем микро-реакторы и, став миллиона на два богаче, чем за полмесяца до этого, отправился в обратный путь на Землю.

Двадцать девятого августа корабль Пейтона бесшумно приземлился кормой вниз в Вайоминге на той же площадке, с которой взлетел десятого августа. Пейтон недаром так заботливо выбирал это место. Его аэрофлиттер по-прежнему спокойно стоял в расселине, которыми изобиловало это каменистое плато.

Контейнеры с поющими колокольчиками Пейтон отнес в дальний конец расселины и аккуратно присыпал их землей. Затем он вернулся на корабль, чтобы включить приборы и сделать последние приготовления. Через две минуты после того, как он снова спустился на землю, сработала автоматическая система управления.

Бесшумно набирая скорость, корабль устремился ввысь, он слегка отклонился в полете к западу под воздействием вращения Земли. Пейтон следил за ним, приставив руку козырьком к прищуренным глазам, и уже почти за пределами видимости заметил крошечную вспышку света и облачко на фоне синего неба.

Его рот искривился в усмешке. Он рассчитал правильно. Стоило только отвести в сторону кадмиевые стержни поглотителя, и микрореакторы вышли из режима; корабль исчез в жарком пламени ядерного взрыва.

Двадцать минут спустя Пейтон был дома. Он устал, все мышцы у него болели — сказывалось земное тяготение. Спал он хорошо.

Двенадцать часов спустя, на рассвете, явилась полиция.

Человек, который открыл дверь, сложил руки на крутом брюшке и несколько раз приветливо кивнул головой. Человек, которому открыли дверь, Сетон Дейвенпорт из Земного бюро расследований, огляделся, чувствуя себя крайне неловко.

Комната, куда он вошел, была очень большая и тонула в полутьме, если не считать яркой лампы видеоскопа, установленной над комбинированным креслом — письменным столом. По стенам тянулись полки, уставленные кинокнигами. В одном углу были развешены карты Галактики, в другом на подставке мягко поблескивал «Галактический объектив».

— Вы доктор Уэнделл Эрт? — спросил Дейвенпорт так, словно этому трудно было поверить. Дейвенпорт был коренаст и черноволос. На щеке, рядом с длинным тонким носом, виднелся звездообразный шрам — след нейронного хлыста, однажды чуть-чуть задевшего его.

— Я самый, — ответил доктор Эрт высоким тенорком. — А вы — инспектор Дейвенпорт.

Инспектор показал свое удостоверение и объяснил:

— Университет рекомендовал мне вас как специалиста в области экстратеррологии.

— Да, вы мне это уже говорили полчаса назад, когда звонили, — любезно ответил доктор Эрт. Черты лица у него были расплывчатые, нос — пуговкой. Сквозь толстые стекла очков глядели выпуклые глаза.

— Я сразу перейду к делу, доктор Эрт. Вы, вероятно, бывали на Луне...

Доктор Эрт, который успел к этому времени вытащить из-за груды кинокниг бутылку с красной жидкостью и две почти не запыленные рюмки, сказал с неожиданной резкостью:

— Я никогда не бывал на Луне, инспектор, и не собираюсь. Космические путешествия — глупое занятие. Я их не одобряю.

Потом добавил, уже мягче:

— Присаживайтесь, сэр, присаживайтесь. Выпейте рюмочку.

Инспектор Дейвенпорт выпил рюмочку и сказал:

— Но вы же не...

— Экстратерролог. Да. Меня интересуют другие миры, но это вовсе не значит, что я должен их посещать. Господи, да разве обязательно быть путешественником во времени, чтобы получить диплом историка?

Он сел, его круглое лицо вновь расплылось в улыбке, и он спросил:

— Ну а теперь расскажите, что вас, собственно, интересует?

— Я пришел, — сказал инспектор, нахмутив брови, — чтобы проконсультироваться с вами относительно одного убийства.

— Убийства? А что я понимаю в убийствах?

— Это убийство, доктор Эрт, совершено на Луне.

— Поразительно!

— Более чем поразительно. Беспрецедентно, доктор Эрт. За пятьдесят лет существования Доминиона Луны были случаи, когда взрывались корабли или скафандры давали течь. Люди сгорали на солнечной стороне, замерзали на теневой и погибали от удушья на обеих. Некоторые даже ухитрялись умереть, упав со скалы, что не так-то просто сделать, принимая во внимание лунное тяготение. Но за все это время ни один человек на Луне не стал жертвой преднамеренного акта насилия со стороны другого человека... Это случилось впервые.

— Как было совершено убийство? — спросил доктор Эрт.

— Выстрелом из бластера. Благодаря счастливому стечению обстоятельств представители закона оказались на месте преступления менее чем через час. Патрульный корабль заметил вспышку света на лунной поверхности. Вы ведь представляете себе, насколько далеко может быть видна вспышка на теневой стороне. Пилот сообщил об этом в Лунный город и пошел на посадку. Делая вираж, он разглядел в свете Земли взлетающий корабль — он клянется, что не ошибся. Высадившись, он обнаружил обгоревший труп и следы.

— Вы считаете, что эта вспышка была выстрелом из бластера? — заметил доктор Эрт.

— Несомненно. Убийство было совершено совсем недавно. Труп еще не успел промерзнуть. Следы принадлежали двум разным людям. Тщательные измерения показали, что углубления в пыли имеют два различных диаметра; другими словами, сапоги, их оставившие, были разных размеров. Следы в основном вели к кратерам ГЦ-3 и ГЦ-5. Это два...

— Мне известна официальная система обозначения лунных кратеров, — любезно объявил доктор Эрт.

— Гм-м. Одним словом, следы в ГЦ-3 вели к расселине на склоне кратера, внутри которой были обнаружены обломки затвердевшей пемзы. Рентгеноанализ показал...

— Поющие колокольчики, — перебил экстратерролог в сильном волнении. — Неужели это ваше убийство связано с поющими колокольчиками?

— А что, если это так? — спросил инспектор растерянно.

— У меня есть один колокольчик. Его нашла университетская экспедиция и подарила мне в благодарность за... Нет, я должен его вам показать, инспектор.

Доктор Эрт вскочил с кресла и засеменял через комнату, сделав знак своему гостю следовать за ним. Дейвенпорт с досадой повиновался.

Они вошли в соседнюю комнату, значительно большую, чем первая. Там было еще темнее и царил совершенный хаос. Дейвенпорт в удивлении воззрился на самые разнообразные предметы, сваленные вместе без малейшего намека на какой-либо порядок.

Он разглядел кусок синей глазури с Марса, которую неизлечимые романтики считали переродившимися останками давно вымерших марсиан, затем небольшой метеорит, модель одного из первых космических кораблей и запечатанную бутылку с жидкостью — на этикетке значилось «Океан Венеры».

Доктор Эрт с довольным видом сообщил:

— Я превратил свой дом в музей. Одно из преимуществ холостяцкой жизни. Конечно, надо еще многое привести в порядок. Вот как-нибудь выберется свободная неделя-другая...

С минуту он озирался в недоумении, потом, вспомнив, отодвинул схему развития морских беспозвоночных — высшей формы жизни на Арктуре V — и сказал:

— Вот он. К сожалению, он с изъяном.

Колокольчик висел на аккуратно впаянной в него тонкой проволочке. Изъян заметить было нетрудно: примерно на середине колокольчик опоясывала вмятинка, так что он напоминал два косо слеplенных шарика. И все-таки его любовно отполировали до неяркого серебристо-серого блеска; на бархатистой поверхности виднелись те крошечные оспинки, которые не удавалось воспроизвести ни в одной лаборатории, пытавшейся синтезировать искусственные колокольчики.

Доктор Эрт продолжал:

— Я немало экспериментировал, пока подобрал к нему подходящее било. Колокольчики с изъяном капризны. Но кость подходит. Вот, — он поднял что-то вроде короткой широкой ложки, сделанной из серовато-белого материала, — это я сам вырезал из берцовой кости быка... Слушайте.

С легкостью, которой трудно было ожидать от его толстых пальцев, он стал ощупывать поверхность колокольчика, стараясь найти место, где при ударе возникал самый нежный звук. Затем он повернул колокольчик, осторожно его придерживая. Потом отпустил и слегка ударил по нему широким концом костяной ложки.

Казалось, где-то вдали запели миллионы арф. Пение нарастало, затихало и возвращалось снова. Оно возникало словно нигде. Оно звучало в душе у слушателя, небывало сладостное, и грустное, и трепетное.

Оно медленно замерло, но ученый и его гость еще долго молчали.

Доктор Эрт спросил:

— Неплохо, а?

И легким ударом пальца раскачал колокольчик.

Дейвенпорт с тревогой посмотрел на него:

— Осторожно! Не разбейте!

Хрупкость хороших колокольчиков давно вошла в поговорку.

Доктор Эрт сказал:

— Геологи утверждают, что колокольчики — это всего-навсего затвердевшие под большим давлением полые кусочки пемзы, в которых свободно перекачиваются маленькие камешки. Так они утверждают. Но, если этим все и исчерпывается, почему же мы не в состоянии изготавливать их искусственно? И ведь по сравнению с колокольчиком без изъяна этот звучит как губная гармоника.

— Верно, — согласился Дейвенпорт, — и на Земле вряд ли найдется хотя бы десяток счастливых, обладающих колокольчиком безупречной формы. Сотни людей, музеев и учреждений готовы отдать за такой колокольчик любые деньги, ни о чем при этом не спрашивая. Запас колокольчиков стоит убийства!

Экстратерролог обернулся к Дейвенпорту и пухлым указательным пальцем поправил очки на носу-путовке.

— Я не забыл про убийство, из-за которого вы пришли. Пожалуйста, продолжайте.

— Все можно рассказать в двух словах. Я знаю, кто убийца.

Они вернулись в библиотеку, и, снова опустившись в кресло, доктор Эрт сложил руки на объемистом животе, а потом спросил:

— В самом деле? Тогда что же вас затрудняет, инспектор?

— Знать и доказать — не одно и то же, доктор Эрт. К сожалению, у него нет алиби.

— Вероятно, вы хотели сказать «к сожалению, у него есть алиби»?

— Я хочу сказать то, что сказал. Будь у него алиби, я сумел бы доказать, что оно фальшивое, потому что оно было бы фальшивым. Если бы он представил свидетелей, готовых показать, что они видели его на Земле в момент совершения

убийства, их можно было бы поймать на лжи. Если бы он представил документы, можно было бы обнаружить, что это подделка или еще какое-нибудь жульничество. К сожалению, ни на что подобное преступник не ссылается.

— А на что же он ссылается?

Инспектор Дейвенпорт подробно описал имение Пейтона в Колорадо и сказал в заключение:

— Он всегда проводит август там в полнейшем одиночестве. Даже ЗБР вынуждено было бы это подтвердить. И присяжным придется сделать вывод, что он этот август провел у себя в имении, если только мы не представим убедительных доказательств того, что он был на Луне.

— А почему вы думаете, что он действительно был на Луне? Может быть, он и не виновен.

— Виновен! — Дейвенпорт почти кричал. — Вот уже пятнадцать лет я напрасно пытаюсь собрать против него достаточно улик. Но преступления Пейтона я теперь нюхом чувую. Говорю вам, на всей Земле только у Пейтона хватит наглости попробовать сбыть контрабандные колокольчики — и к тому же он знает нужных людей. Известно, что он перво-классный космический пилот. Известно, что у него были какие-то дела с убитым, хотя последние несколько месяцев они не виделись. К сожалению, все это еще не доказательства.

Доктор Эрт спросил:

— А не проще ли прибегнуть к психоскопии, ведь теперь это узаконено.

Дейвенпорт нахмурился, и шрам у него на щеке побелел.

— Разве вам не известен закон Конского—Хианавы, доктор Эрт?

— Нет.

— Он, по-моему, никому не известен. Внутренний мир человека, заявляет государство, свободен от посягательств. Прекрасно, но что отсюда вытекает? Человек, подвергнутый психоскопии, имеет право на такую компенсацию, какой он только сумеет добиться от суда. Недавно один банковский кассир получил 25 000 долларов возмещения за психоскопическую проверку по поводу необоснованного обвинения в растрате. А косвенные улики, которые как будто указывали на растрату, в действительности оказались связанными с любовной интрижкой. Кассир подал иск, указывая, что он лишился места, был вынужден принимать меры предосторожности, так как оскорбленный муж грозил ему расправой, и, наконец, его выставили на посмешище, поскольку

газетный репортер узнал и описал результаты психоскопической проверки, проведенной судом.

— Мне кажется, у этого кассира были основания для иска.

— Конечно. В том-то и беда. А кроме того, следует помнить еще один пункт: человек, один раз подвергнутый психоскопии по какой бы то ни было причине, не может быть подвергнут ей вторично. Нельзя дважды подвергать опасности психику человека, гласит закон.

— Не слишком-то удобный закон.

— Вот именно. Психоскопию узаконили два года назад, и за это время все воры и аферисты старались пройти психоскопию из-за карманной кражи, чтобы потом спокойно приниматься за крупные дела. Таким образом, наше Главное управление разрешит подвергнуть Пейтона психоскопии, только если против него будут собраны веские улики. И не обязательно веские с точки зрения закона — лишь бы поверило мое начальство. Самое скверное, доктор Эрт, что мы не можем передать дело в суд, не проведя психоскопической проверки. Убийство — слишком серьезное преступление, и, если обвиняемый не будет подвергнут психоскопии, даже самый тупой присяжный решит, что обвинение не уверено в своих позициях.

— Так что же вам нужно от меня?

— Доказательство того, что в августе Пейтон побывал на Луне. И оно мне нужно немедленно. Пейтон арестован по подозрению, и долго держать его под стражей я не могу. А если об этом убийстве кто-нибудь проведаст, мировая пресса взорвется, как астероид, угодивший в атмосферу Юпитера. Ведь это же сенсационное преступление — первое убийство на Луне.

— Когда именно было совершено убийство? — тон Эрта внезапно стал деловым.

— Двадцать седьмого августа.

— Когда арестовали Пейтона?

— Вчера, тридцатого августа.

— Значит, если Пейтон — убийца, у него должно было хватить времени вернуться на Землю.

— Времени у него было в обрез. — Дейвенпорт сжал губы. — Если бы я не опоздал на день, если бы оказалось, что его дом пуст...

— Как по-вашему, сколько они всего пробыли на Луне, убийца и убитый?

— Судя по количеству следов, несколько дней. Не меньше недели.

— Корабль, на котором они летели, был обнаружен?

— Нет, и вряд ли он будет обнаружен. Часов десять назад обсерватория Денверского университета сообщила об увеличении радиоактивного фона, возникшем позавчера в шесть вечера и державшемся несколько часов. Ведь совсем не трудно, доктор Эрт, установить приборы на корабле так, чтобы он взлетел без экипажа и взорвался примерно в пятидесяти милях от Земли от короткого замыкания в микро-реакторах.

— На месте Пейтона, — задумчиво проговорил доктор Эрт, — я убил бы сообщника на борту корабля и взорвал бы корабль вместе с трупом.

— Вы не знаете Пейтона, — мрачно ответил Дейвенпорт. — Он упивается своими победами над законом. Он их смакует. Труп, оставленный на Луне, — это вызов нам.

— Вот как! — Эрт погладил себя по животу и добавил: — Что ж, возможно, мне это и удастся.

— Доказать, что он был на Луне?

— Составить свое мнение на этот счет.

— Теперь же?

— Чем скорее, тем лучше. Если, конечно, мне можно будет побеседовать с мистером Пейтоном.

— Это я устрою. Меня ждет антигравитационный реактивный самолет. Через двадцать минут мы будем в Вашингтоне.

На толстой физиономии экстратерролога выразилось глубочайшее смятение. Он вскочил и бросился в самый темный угол своей загроможденной вещами комнаты, подальше от агента ЗБР.

— Ни за что!

— В чем дело, доктор Эрт?

— Я не полечу на реактивном самолете. Я им не доверяю.

Дейвенпорт озадаченно уставился на доктора Эрта и пробормотал, запинаясь:

— А монорельсовая дорога?

— Я не доверяю никаким средствам передвижения, — отрезал доктор Эрт. — Не доверяю. Только пешком. Пешком — пожалуйста.

Потом он вдруг оживился.

— А вы не могли бы привезти мистера Пейтона в наш город, куда-нибудь поблизости? В здание муниципалитета, например? До муниципалитета мне дойти не трудно.

Дейвенпорт растерянно обвел глазами комнату. Крутом стояли бесчисленные тома, повествующие о световых годах. В открытую дверь соседнего зала виднелись сувениры далеких миров. Он перевел взгляд на доктора Эрта, который побледнел от одной только мысли о реактивном самолете, и пожал плечами:

— Я привезу Пейтона сюда. В эту комнату. Это вас устроит?

Доктор Эрт испустил вздох облегчения:

— Вполне.

— Надеюсь, у вас что-нибудь получится, доктор Эрт.

— Я сделаю все, что в моих силах, мистер Дейвенпорт.

Луис Пейтон брезгливо осмотрел комнату и смерил презрительным взглядом толстяка, любезно ему кивавшего. Он покосился на предложенный стул и, прежде чем сесть, смахнул с него рукой пыль. Дейвенпорт сел рядом, поправив кобуру бластера.

Толстяк с улыбкой уселся и стал поглаживать свое округлое брюшко, словно он только что отлично поел и хочет, чтобы об этом знал весь мир.

— Добрый вечер, мистер Пейтон, — сказал он. — Я доктор Уэнделл Эрт, экстратерролог.

Пейтон снова взглянул на него:

— А что вам нужно от меня?

— Я хочу знать, были ли вы в августе на Луне.

— Нет.

— Однако ни один человек на Земле не видел вас между первым и тридцатым августа.

— Я проводил август, как обычно. В этом месяце меня никогда не видят. Спросите хоть у него.

И Пейтон кивнул в сторону Дейвенпорта.

Доктор Эрт усмехнулся:

— Ах, если бы у вас был какой-нибудь объективный критерий! Если бы между Луной и Землей существовали какие-то физические различия. Скажем, мы сделали бы анализ пыли с ваших волос и сказали: «Ага, лунные породы». К сожалению, это невозможно. Лунные породы ничем не отличаются от земных. Да если бы даже они и отличались, у вас на волосах все равно не найти ни одной пылинки, разве что вы выходили на лунную поверхность без скафандра, а это маловероятно.

Пейтон слушал его, сохраняя полнейшее равнодушие.

Доктор Эрт продолжал, благодушно улыбаясь и поправляя рукой очки, которые плохо держались на его крохотном носике:

— Человек в космосе или на Луне дышит земным воздухом, ест земную пищу. И на корабле, и в скафандре он остается в земных условиях. Мы разыскиваем человека, который два дня летел на Луну, пробыл на Луне по крайней мере неделю и еще два дня потратил на возвращение на Землю. Все это время он сохранял вокруг себя земные условия, что очень усложняет нашу задачу.

— Мне кажется, — сказал Пейтон, — вы могли бы ее облегчить, если бы отпустили меня и начали поиски настоящего убийцы.

— Это не исключено, — сказал доктор Эрт. — Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Он пошарил пухлой рукой на полу возле кресла и поднял серый шарик, который отбрасывал приглушенные блики.

Пейтон улыбнулся:

— Я бы сказал, что это поющий колокольчик.

— Да, это поющий колокольчик. Убийство было совершенно ради поющих колокольчиков... Как вам нравится этот экземпляр?

— По-моему, он с большим изыском.

— Рассмотрите его повнимательнее, — сказал доктор Эрт и внезапно бросил колокольчик Пейтону, который сидел от него в двух метрах.

Дейвенпорт вскрикнул и приподнялся на стуле. Пейтон вскинул руки и успел поймать колокольчик.

— Идиот! Кто же их так бросает, — сказал Пейтон.

— Вы относитесь к поющим колокольчикам с почтением, не правда ли?

— Со слишком большим почтением, чтобы их разбивать. И это по крайней мере не преступление.

Пейтон тихонько погладил колокольчик, потом поднял его к уху и слегка встряхнул, прислушиваясь к мягкому шороху осколков лунолита — маленьких кусочков пемзы, сталкивающихся в пустоте.

Затем, подняв колокольчик за вделанную в него проволочку, он уверенным и привычным движением провел ногтем большого пальца по выпуклой поверхности. И колокольчик запел. Звук был нежный, напоминающий флейту, — задрожав, он медленно замер, вызывая в памяти картину летних сумерек.

Несколько секунд все трое заворуженно слушали.

А потом доктор Эрт сказал:

— Бросьте его мне, мистер Пейтон. Скорее!

И он повелительно протянул руку.

Машинально Луис Пейтон бросил колокольчик. Он описал короткую дугу и, не долетев до протянутой руки доктора Эрта, с горестным звенящим стоном вдребезги разбился на полу.

Дейвенпорт и Пейтон, охваченные одним чувством, молча смотрели на серые осколки и толком не расслышали, как доктор Эрт спокойно произнес:

— Когда будет обнаружен тайник, где преступник укрыв неотшлифованные колокольчики, я хотел бы получить безупречный и правильно отшлифованный экземпляр в качестве возмещения за разбитый и в качестве моего гонорара.

— Гонорара? За что же? — сердито спросил Дейвенпорт.

— Но ведь теперь все очевидно. Хотя несколько минут назад в моей маленькой речи я не упомянул об этом, но тем не менее одну земную особенность космический путешественник взять с собою не может... Я имею в виду силу земного притяжения. Мистер Пейтон очень неловко бросил столь ценную вещь, а это неопровержимо доказывает, что его мышцы еще не приспособились вновь к земному притяжению. Как специалист, мистер Дейвенпорт, я утверждаю: арестованный последнее время находился вне Земли. Он был либо в космическом пространстве, либо на какой-то планете, значительно уступающей Земле в размерах, например на Луне.

Дейвенпорт с торжеством вскочил на ноги.

— Будьте добры, дайте мне письменное заключение, — сказал он, положив руку на бластер, — и его будет достаточно, чтобы получить санкцию на применение психоскопии.

Луис Пейтон и не думал сопротивляться. Оглушенный случившимся, он сознавал только одно: в завещании ему придется упомянуть, что его блистательный путь завершился полным крахом.

БУКВА ЗАКОНА

Н и у кого не возникало сомнения в том, что Монтги Стайн с помощью хитроумного обмана действительно прикарманил более ста тысяч долларов. Никто не сомневался также, что в один прекрасный день его задержат, несмотря на то что срок давности уже истек.

Процесс «Штат Нью-Йорк против Монтгомери Харлоу Стайна» наделал шума и стал прямо-таки эпохальным ввиду способа, с помощью которого Стайн избежал ареста до истечения срока давности. Ведь решение судьи распространило действие закона о сроках давности на четвертое изменение.

Дело, видите ли, в том, что после совершения мошенничества, в результате которого Стайн положил в карман сто с лишним тысяч, он преспокойно вошел в машину времени, которой владел незаконно, и перевел рычаги управления на семь лет и один день вперед.

Адвокат Стайна рассуждал так: исчезновение во времени принципиально не отличается от исчезновения в пространстве. Коль скоро представители закона не сумели обнаружить Стайна на протяжении семи лет, значит, им не повезло.

Окружной прокурор в свою очередь указал, что закон о сроке давности при всем желании не может быть применен к данному преступлению. Это была гуманная мера, направленная на то, чтобы избавить обвиняемого от неопределенно долгого периода боязни быть арестованным. Испытываемый в течение определенного времени страх быть задержанным

A Joint of Paw

© 1968 by Isaac Asimov

Буква закона

© А. Мельников, перевод, 1992

сам по себе считается достаточным, так сказать, наказанием. Однако, настаивал окружной прокурор, Стайн вовсе не пережил какого-либо периода страха.

Адвокат Стайна стоял на своем. В законе не были определены размеры наказания в виде страха и страданий преступника. Закон просто устанавливал срок давности.

Окружной прокурор сказал, что Стайн фактически не жил в течение срока давности.

Защита утверждала, что по сравнению с моментом совершения преступления Стайн состарился на семь лет и потому реально жил в течение срока давности.

Окружной прокурор опротестовал это заявление, так что защите пришлось представить свидетельство о рождении Стайна. Он родился в две тысячи девятьсот семьдесят третьем году. В момент совершения преступления, а именно: в три тысячи четвертом году, ему был тридцать один год. Сейчас, в три тысячи одиннадцатом году, Стайну было тридцать восемь лет.

Окружной прокурор просто вышел из себя и завопил, что с точки зрения физиологии Стайну не тридцать восемь лет, а тридцать один год.

Защита ледяным тоном указала на то, что, когда индивидуум считается умственно дееспособным, закон признает единственный хронологический возраст, который может быть установлен лишь путем вычитания даты рождения из нынешней даты.

Окружной прокурор, теряя терпение, заявил, что если Стайн выйдет из этого процесса безнаказанным, то половина законов в различных кодексах потеряет свою силу.

В таком случае измените законы, посоветовала защита, чтобы они учитывали возможность перемещения во времени, но пока законы не изменены, пусть применяются в том виде, в каком существуют.

Судье Невиллу Престону понадобилась целая неделя, чтобы разобраться в этом деле, а затем он объявил о своем решении. Это был поворотный пункт в истории юриспруденции, поэтому немного жаль, что некоторые подозревают, будто на ход рассуждений судьи Престона повлияло то обстоятельство, что у него было непреодолимое желание сформулировать свое решение именно так, как он это сделал.

Ибо решение в полном виде звучало так: «Стайн затаился, во времени укрылся — и это его спасло».

В ПЛЕНУ У ВЕСТЫ

— **М**ожет быть, ты перестанешь ходить взад и вперед? — донесся с дивана голос Уоррена Мура. — Вряд ли нам это поможет; подумай-ка лучше о том, как нам дьявольски повезло — никакой утечки воздуха, верно?

Марк Брэндон стремительно повернулся к нему и скрипнул зубами.

— Я рад, что ты доволен нашим положением, — ядовито заметил он. — Конечно, ты и не подозреваешь, что запаса воздуха хватит всего на трое суток. — С этими словами он возобновил бесконечное хождение по каюте, с вызывающим видом поглядывая на Мура.

Мур зевнул, потянулся и, расположившись на диване удобнее, ответил:

— Напрасная трата энергии только сократит этот срок. Почему бы тебе не последовать примеру Майка? Его спокойствию можно позавидовать.

«Майк» — Майкл Ши — еще недавно был членом экипажа «Серебряной королевы». Его короткое плотное тело покоилось в единственном на всю каюту кресле, а ноги лежали на единственном столе. При упоминании его имени он поднял голову, и губы у него растянулись в кривой усмешке.

— Ничего не поделаешь, такое случается, — заметил он. — Полеты в поясе астероидов — рискованное занятие. Нам не стоило делать этот прыжок. Потратили бы больше времени, зато были бы в безопасности. Так нет же, капитану не

захотелось нарушать расписание; он решил лететь напрямик, — Майк с отвращением сплюнул на пол, — и вот результат.

— А что такое «прыжок»? — спросил Брэндон.

— Очевидно, наш друг Майк хочет этим сказать, что нам следовало проложить курс за пределами астероидного пояса вне плоскости эклиптики, — ответил Мур. — Верно, Майк?

После некоторого колебания Майк осторожно ответил:

— Да, пожалуй.

Мур вежливо улыбнулся и продолжал:

— Я не стал бы обвинять во всем случившемся капитана Крейна. Защитное поле вышло из строя за пять минут до того, как в нас врезался этот кусок гранита. Так что капитан не виноват, хотя, конечно, ему следовало бы избегать астероидного пояса и не полагаться на антиметеорную защиту. — Он задумчиво покачал головой. — «Серебряная королева» буквально рассыпалась на куски. Нам просто волшебным повезло, что эта часть корабля осталась невредимой и, больше того, сохранила герметичность.

— У тебя странное представление о везении, Уоррен, — заметил Брэндон. — Сколько я тебя помню, ты всегда этим отличался. Мы находимся на обломке — это всего одна десятая корабля, три целые каюты с запасом воздуха на трое суток и перспективой верной смерти по истечении этого срока, и у тебя хватает наглости говорить о том, что нам повезло!

— По сравнению с теми, кто погиб в момент столкновения с астероидом, нам действительно повезло, — последовал ответ Мура.

— Ты так считаешь? Тогда позволь напомнить тебе, что мгновенная смерть совсем не так уж плоха по сравнению с тем, что предстоит нам. Смерть от удушья — чертовски неприятный способ проститься с жизнью.

— Может быть, нам удастся найти выход, — с надеждой в голосе заметил Мур.

— Почему ты отказываешься смотреть правде в глаза? — лицо Брэндона покраснело, и голос задрожал. — Нам конец! Конец!

Майк с сомнением перевел взгляд с одного на другого, затем кашлянул, чтобы привлечь внимание.

— Ну что ж, джентльмены, поскольку наше дело — труба, я вижу, что нет смысла что-то утаивать. — Он вытащил из кармана плоскую бутылку с зеленоватой жидкостью. — Превосходная джабра, ребята. Я готов со всеми вами поделиться.

Впервые за день на лице Брэндона отразился интерес.

— Марсианская джабра! Что же ты раньше об этом не сказал?

Но только он потянулся за бутылкой, как его кисть стиснула твердая рука. Он повернул голову и встретился взглядом со спокойными синими глазами Уоррена Мура.

— Не валяй дурака, — сказал Мур, — этого не хватит, чтобы все три дня беспробудно пьянствовать. Ты что, хочешь сейчас накачаться, а потом встретить смерть трезвым как стеклышко? Оставим эту бутылочку на последние шесть часов, когда воздух станет тяжелым и будет трудно дышать — вот тогда мы ее прикончим и даже не почувствуем, как наступит конец, — нам будет все равно.

Брэндон неохотно убрал руку.

— Черт побери, Майк, у тебя в жилах не кровь, а лед. Как тебе удастся держаться молодцом в такое время? — Он махнул рукой Майку, и бутылка исчезла у того в кармане. Брэндон подошел к иллюминатору и уставился в пространство.

Мур приблизился к нему и по-дружески положил руку на плечо юноши.

— Не надо так переживать, приятель, — сказал он. — Эдак тебя ненадолго хватит. Если ты не возьмешь себя в руки, то через сутки свихнешься.

Ответа не последовало. Брэндон не сводил глаз с шара, заполнившего почти весь иллюминатор. Мур продолжил:

— И лицемерие Весты ничем не поможет тебе.

Майк Ши встал и тоже тяжело двинулся к иллюминатору.

— Если бы нам только удалось спуститься, мы были бы в безопасности. Там живут люди. Сколько нам осталось до Весты?

— Если прикинуть на глазок, не больше чем триста—четыреста миль, — ответил Мур. — Не забудь, что диаметр самой Весты всего двести миль.

— Спасение — в трех сотнях миль, — пробормотал Брэндон. — А мог бы быть весь миллион. Если бы только нам удалось заставить этот паршивый обломок изменить орбиту... Понимаете, как-нибудь оттолкнуться, чтобы упасть на Весту. Ведь нам не угрожает опасность разбиться, потому что силы тяжести у этого карлика не хватит даже на то, чтобы раздавить крем на пирожном.

— И все же этого достаточно, чтобы удержать нас на орбите, — заметил Брэндон. — Должно быть, Веста захватила нас в свое гравитационное поле, пока мы лежали без

сознания после катастрофы. Жаль, что мы не подлетели поближе; может, нам удалось бы опуститься на нее.

— Странный астероид эта Веста, — заметил Майк Ши. — Я раза два-три был на ней. Ну и свалка! Вся покрыта чем-то, похожим на снег, только это не снег. Забыл, как называется...

— Замерзший углекислый газ? — подсказал Мур.

— Во-во, сухой лед, этот самый углекислый. Говорят, именно поэтому Веста так ярко сверкает в небе.

— Конечно, у нее высокий альbedo.

Майк подозрительно покосился на Мура, однако решил не обращать внимания.

— Из-за этого снега трудно разглядеть что-нибудь на поверхности, но если присмотреться, то вон там, — он ткнул пальцем, — видно что-то вроде грязного пятна. По-моему, это обсерватория, купол Беннетта. А вот купол Калорна, у них там заправочная станция. На Весте много других зданий, только отсюда я не могу их рассмотреть.

После минутного колебания Майк повернулся к Муру:

— Послушай, босс, вот о чем я подумал. Разве они не примутся за поиски, как только узнают о катастрофе? К тому же нас будет нетрудно заметить с Весты, верно?

Мур покачал головой:

— Нет, Майк, никто нас не станет разыскивать. О катастрофе узнают только тогда, когда «Серебряная королева» не вернется в назначенный срок. Видишь ли, когда мы столкнулись с астероидом, то не успели послать SOS, — он тяжело вздохнул, — да и с Весты очень трудно нас заметить. Наш обломок так мал, что даже с такого небольшого расстояния нас можно увидеть, только если знаешь, что и где искать.

— Хм. — На лбу у Майка прорезались глубокие морщины. — Значит, нам нужно сесть на поверхность Весты еще до того, как истекут эти три дня.

— Ты попал в самую точку, Майк. Вот только бы узнать, как это сделать...

— Когда наконец вы прекратите эту идиотскую болтовню и приметесь за дело? — взорвался Брэндон. — Ради Бога, придумайте что-нибудь!

Мур пожал плечами и молча вернулся на диван. Он откинулся на подушки с внешне беззаботным видом, но крохотная морщинка между бровями свидетельствовала о сосредоточенном раздумье.

Да, сомнений не было; положение у них незавидное. В который раз он вспомнил события вчерашнего дня.

Когда астероид врезался в космический корабль, разнес его на куски, Мур мгновенно потерял сознание; неизвестно, как долго он пролежал, потому что его часы разбились при падении, а других поблизости не было. Придя наконец в сознание, он обнаружил, что Марк Брэндон, его сосед по каюте, и Майк Ши, член экипажа, были наряду с ним единственными живыми существами на оставшемся от «Серебряной королевы» обломке.

И этот обломок вращался сейчас по орбите вокруг Весты. Пока что все было в порядке — более или менее. Запаса пищи хватит на неделю. Под их каютой находится региональный гравитатор, создающий нормальную силу тяжести, — он будет работать неограниченное время, во всяком случае больше трех дней, на которые хватит воздуха. С системой освещения дело обстояло похуже, но пока она действовала.

Не приходилось сомневаться, где тут уязвимое место. Запас воздуха на три дня! Это, конечно, не означало, что неполадок больше не существует. У них отсутствовала отопительная система, но пройдет немало времени, прежде чем их обломок излучит в космическое пространство такое большое количество тепла, что температура внутри заметно понизится. Намного важнее было то, что у них не имелось ни средств связи, ни двигателя. Мур вздохнул. Одна исправная дюза поставила бы все на свои места — достаточно лишь одного толчка в нужном направлении, чтобы в целости доставить их на Весту.

Морщинка между бровями стала глубже. Что же делать? В их распоряжении — один космический костюм, один лучевой пистолет и один детонатор. Вот и все, что удалось обнаружить после тщательного осмотра всех доступных частей корабля. Да, дело дрянь.

Мур встал, пожал плечами и налил себе стакан воды. Все еще погруженный в свои мысли, он машинально проглотил жидкость; затем ему в голову пришла некая идея. Он с любопытством взглянул на бумажный стаканчик в своей руке.

— Послушай, Майк, а сколько у нас воды? — спросил он. — Странно, что я не подумал об этом раньше.

Глаза Майка широко раскрылись, и на лице его отразилось крайнее удивление.

— А разве ты не знаешь, босс?

— Не знаю чего? — нетерпеливо спросил Мур.

— У нас сосредоточен весь запас воды. — Майк развел руки, как будто хотел охватить весь мир. Он замолчал, но, поскольку выражение лица Мура по-прежнему было недоумевающим, добавил: — Разве не видите? Нам достался основной резервуар, в котором находится весь запас воды для «Серебряной королевы», — и Майк показал на одну из стен.

— Ты хочешь сказать, что рядом с нами резервуар, полный воды?

Майк энергично кивнул:

— Совершенно точно, сэр! Бак в форме куба, каждая сторона — тридцать футов. И он на три четверти полон.

Мур был поражен.

— Семьсот пятьдесят тысяч кубических футов воды... — Внезапно он спросил: — А почему эта вода не вытекла через разорванные трубы?

— Из бака ведет только одна труба, проходящая по коридору возле этой каюты. Когда астероид врезался в корабль, я как раз ремонтировал кран и был вынужден закрыть его перед началом работы. Когда ко мне вернулось сознание, я открыл трубу, ведущую к нашему крану, но в настоящее время это единственная труба, ведущая из бака.

— Ага. — Где-то глубоко внутри Мур испытывал странное чувство. В его мозгу маячила какая-то мысль, но он никак не мог ухватиться за нее. Он понимал только одно — что сейчас услышал важное сообщение, но был не в силах уловить, какое именно.

Тем временем Брэндон молча выслушал Ши и разразился коротким смехом, полным горечи:

— Кажется, судьба решила потешиться над нами вволю. Сначала она помещает нас на расстоянии протянутой руки от спасения, а затем поворачивает дело так, что спасение становится для нас недостижимым.

— И еще она дает нам запас пищи на неделю, воздуха — на три дня, а воды — на год. На целый год, слышите! Теперь у нас хватит воды, чтобы и пить, и полоскать рот, и стирать, и брать ванны — для чего угодно! Вода — черт бы побрал эту воду!

— Ну, не надо принимать это так близко к сердцу, — сказал Мур, стараясь поднять настроение Брэндона. — Представь себе, что наш корабль — спутник Весты, а он и на самом деле ее спутник. У нас есть свой период вращения и оборота вокруг нее. У нас есть экватор и ось. Наш «северный полюс» находится где-то в районе иллюминатора и обращен к Весте, а наш «юг» — на обратной стороне, в

районе резервуара с водой. Как и подобает спутнику, у нас есть атмосфера, а теперь мы открыли у себя и океан.

— А если говорить серьезно, положение наше не так уж плохо. Те три дня, на которые нам хватит запаса воздуха, мы можем есть по две порции и пить, пока вода не польется из ушей. Черт побери, у нас столько воды, что мы можем даже выбросить часть...

Прежде смутная мысль теперь внезапно оформилась и созрела. Небрежный жест, которым он сопровождал свое последнее замечание, был прерван. Рот Мура захлопнулся, а голова резко дернулась вверх.

Однако Брэндон, погруженный в свои мысли, не заметил странного поведения Мура.

— Почему бы тебе не довести до конца эту аналогию со спутником? — язвительно заметил он. — Или ты, как Профессиональный Оптимист, не обращаешь внимания на те факты, которые противоречат твоим выводам? На твоём месте я бы добавил вот что. — И он продолжал голосом Мура: — В настоящее время спутник пригоден для жизни и обитаем, однако в связи с тем, что через три дня запасы воздуха истощатся, ожидается его превращение в мертвый мир.

— Ну, почему ты не отвечаешь? Почему стремишься обречь все в шутку? Разве ты не замечаешь?.. Что случилось?

Последняя фраза прозвучала как возглас удивления, и, право же, поведение Мура заслуживало такой реакции. Внезапно он вскочил и, постучав себя костяшками по лбу, молча застыл на месте, глядя куда-то вдаль отсутствующим взглядом. Брэндон и Майк Ши следили за ним в безмолвном изумлении.

Внезапно Мур воскликнул:

— Ага! Вот! И как же я раньше до этого не додумался? — Затем его восклицания перешли в неразборчивое бормотание.

Майк со значительным видом достал из кармана бутылку джабры, но Мур только нетерпеливо отмахнулся. Тогда Брэндон без всякого предупреждения ударил потрясенного Мура правым кулаком в челюсть и опрокинул его на пол.

Мур застонал и потер щеку. Затем он спросил негодующим голосом:

— За что?

— Только встань на ноги, получишь еще! — крикнул Брэндон. — Мое терпение лопнуло! Мне до смерти надоели все

ваши проповеди и многозначительные разговоры. Ты просто спятил!

— Еще чего, спятил! Просто возбужден, вот и все. Послушай, ради Бога. Мне кажется, я нашел способ...

Брэндон посмотрел на Мура недобрый взглядом:

— Нашел способ, вот как? Пробудишь в нас надежду каким-нибудь идиотским планом, а потом обнаружишь, что он нереален. С меня хватит. Я найду применение воде — утоплю тебя, к тому же при этом сэкономяю воздух.

Хладнокровие изменило Муру.

— Послушай, Марк, это не твое дело. Я все сделаю один. Мне не нужна твоя помощь, обойдусь как-нибудь. Если ты так уверен, что умрешь, и так этого боишься, почему бы тебе не покончить сразу? У нас есть лучевой пистолет и детонатор, и то и другое — надежное оружие. Выбирай одно из них и убей себя. Обещаю, что я и Ши не будем тебе мешать.

Брэндон попытался вызывающе посмотреть на Мура, но вдруг сдался целиком и полностью.

— Ну хорошо, Уоррен, я согласен. Я... я и сам не знаю, что на меня нашло. Мне нехорошо, Уоррен. Я...

— Ну-ну, ничего, мой мальчик, — Муру стало жалко юношу. — Не надо волноваться. Я понимаю тебя, со мной то же самое. Только не поддавайся панике. Держи себя в руках, а то спятишь. Попытайся теперь заснуть и ложись на меня. Все еще изменится к лучшему.

Брэндон, схватившись за голову, разламывающуюся от боли, неверными шагами подошел к дивану и упал на него. Безмолвные рыдания сотрясали его тело. Мур и Ши, не зная, чем помочь, в замешательстве стояли рядом.

Наконец Мур толкнул локтем Ши.

— Пошли, — прошептал он. — Пора браться за дело. Шлюз номер пять находится в конце коридора, верно? — Ши кивнул, и Мур продолжал: — Он по-прежнему герметичен?

— Ну, — ответил Ши, подумав, — внутренняя дверь, конечно, герметична, но за внешнюю я не ручаюсь. Возможно, она похожа на решето. Видишь ли, когда я испытывал стену на герметичность, я не решился открыть внутреннюю дверь, потому что если внешняя дверь неисправна — жжж-ик! — И он сопроводил свои слова красноречивым жестом.

— Тогда нам в первую очередь нужно проверить внешнюю дверь. Мне необходимо выбраться наружу, придется пойти на риск. Где космический костюм?

Мур снял с вешалки в шкафу единственный костюм, перекинул его через плечо и пошел по длинному коридору,

ведущему вдоль каюты. Он миновал закрытые двери, служившие герметическими барьерами — раньше за ними находились каюты для пассажиров, но сейчас это были открытые в космос пещеры. В конце коридора находилась тяжелая, заподлицо со стеной дверь шлюза номер пять.

Мур остановился и внимательно осмотрел ее.

— Как будто все в порядке, — заметил он, — но, конечно, неизвестно, что по ту сторону. Надеюсь, там тоже все в порядке. — Он нахмурился. — Пожалуй, можно использовать весь коридор в качестве воздушного шлюза — пусть дверь в нашу каюту будет внутренней, а эта дверь — наружной, однако в таком случае мы потеряем половину нашего запаса воздуха. Мы не можем себе этого позволить, пока еще не можем. — Он повернулся к Ши: — Ну что ж, хорошо. Индикатор показывает, что последний раз шлюз использовался для входа, так что он должен быть полон воздуха. Чуть-чуть приоткрой дверь и, если услышишь шипение, немедленно захлопни ее. Ну, поехали!

И дверь чуть приоткрылась. При столкновении с метеором механизм открывания двери был, очевидно, поврежден — обычно он работал бесшумно, а сейчас громко скрипел, но все же действовал. В левом углу двери появилась тонкая, как волосок, черная линия — это дверь на крохотную долю дюйма откатилась на своих подшипниках. Шипения не было! С лица Мура исчезло обеспокоенное выражение. Он достал из кармана небольшой кусок картона и приложил его к щели. Если бы через образовавшуюся щель вытекал воздух, его поток прижал бы кусок картона к двери. Картон соскользнул на пол. Майк Ши сунул указательный палец в рот, а затем приложил его к щели.

— Слава Богу! — прошептал он. — Никаких следов утечки.

— Ладно, ладно. Открой пошире. Действуй.

Новый нажим на рычаг, и дверь приоткрылась еще немного. Все еще никакой утечки. Медленно, очень медленно, с жалобным скрипом дверь открывалась, все шире и шире. Мур и Ши затаили дыхание — они боялись, как бы наружная дверь, хотя и герметически закрытая, не оказалась настолько расшатанной, чтобы податься в любую минуту. Но она устояла! С ликующим видом Мур начал натягивать космический костюм.

— Пока все идет хорошо, Майк, — сказал он. — Сиди здесь и жди меня. Не знаю, сколько времени мне потребуется, но я вернусь. А где лучевой пистолет? Ты его захватил?

Ши протянул ему пистолет.

— Что ты задумал, Уоррен? Хотелось бы знать.

Мур, который в этот момент застегивал шлем, остановился.

— Ты слышал, как я сказал, что у нас много воды и часть ее мы можем даже выбросить? Вот над этим-то я и задумался — не такая уж плохая мысль. Я как раз и собираюсь выбросить воду. — И без дальнейших объяснений он вошел в шлюз, оставив по ту сторону двери весьма озадаченного Майка Ши.

С бешено колотящимся сердцем Мур ждал, когда откроется наружная дверь. Его план был необыкновенно прост, но осуществить его будет нелегко.

Раздался скрежет храповиков и шестеренок. Воздух с шипением исчез в пустоте. Дверь соскользнула на несколько дюймов и остановилась. Сердце Мура замерло — на мгновение он подумал, что дверь больше не откроется, — несколько раз дернул ее, и дверь наконец скользнула в сторону.

Мур пристегнул к руке магнитный держатель и осторожно сделал шаг в пространство. Неловко, на ощупь начал он пробираться вдоль борта корабля. Ему еще ни разу не приходилось бывать в открытом космосе, и его, прижавшегося к металлической стене, подобно мухе, охватил смертельный страх. На мгновение он почувствовал головокружение.

Он закрыл глаза и минут пять висел, прижавшись к гладкой поверхности, которая еще недавно была бортом «Серебряной королевы». Магнитный присосок надежно удерживал его, и, когда Мур снова открыл глаза, он почувствовал, что к нему вернулась уверенность.

Он огляделся и впервые с момента катастрофы увидел не только Весту, как из иллюминатора их каюты, а и звезды. Он окинул взглядом небосвод в поисках крошечной белоголубой искорки — планеты Земля. Его всегда забавляло, что космонавты, глядя на небо, неизменно искали в первую очередь Землю, но на этот раз ему было не до смеха. Однако его поиски остались безрезультатными. Земля не была видна. Очевидно, Веста закрывала и Землю и Солнце.

И все-таки Мур не мог не обратить внимания на другие небесные тела. Слева от него был Юпитер — сверкающий шар размером с горошину. Мур увидел два спутника, обращающихся вокруг него. Невооруженным глазом был виден и Сатурн — яркая планета небольшой величины, при наблюдении с Земли соперничающая с Венерой.

Мур ожидал, что увидит немало астероидов, поскольку их орбита проходила через астероидный пояс, однако космическое пространство выглядело удивительно пустым. Только один раз ему показалось, что в нескольких милях что-то стремительно пронеслось мимо, однако скорость была настолько велика, что он не был уверен, не почудилось ли это ему.

Ну и, конечно, Веста. Астероид прямо под ним выглядел, как воздушный шар, закрывающий четверть небосклона. Веста медленно плыла в пространстве, белая как снег, и Мур смотрел на нее с нескрываемым вожделением. Если как следует оттолкнуться от борта корабля, подумал он, можно упасть на Весту. Может, ему удастся благополучно достичь ее, и тогда он сумеет спасти остальных. Однако скорее всего он просто перейдет на другую орбиту вокруг Весты. Нет, нельзя так рисковать.

Он вспомнил, что время не ждет. Окинул взглядом борт корабля, разыскивая бак с водой, но увидел только переплетение металлических стен, зазубренных, остроконечных и изогнутых. Он заколебался. Очевидно, ему не оставалось ничего другого, как отыскать освещенный иллюминатор своей каюты и уж оттуда добраться до бака.

Осторожно Мур начал ползти вдоль стены корабля. Не успел он одолеть и пяти ярдов, как гладкая обшивка кончилась. Перед ним открылась зияющая пещера, в которой Мур опознал каюту, примыкавшую к коридору с дальнего конца. Он нервно передернул плечами. Вдруг он натолкнется в одной из кают на раздувшееся мертвое тело? Он был знаком с большинством пассажиров, многих знал близко. Однако Мур преодолел охватившее его чувство безразличия и заставил себя продолжить опасное путешествие.

Но тут на его пути встало первое серьезное препятствие. Обшивка самой каюты в основном состояла из немагнитных сплавов. Магнитный присосок предназначался для использования на внешней обшивке корабля, а внутри был бесполезен. Мур совсем забыл об этом, но внезапно почувствовал, что плавает по каюте. Он глотнул воздуха и судорожно сжал рукой ближайший выступ, потом медленно подтянулся и двинулся обратно.

На мгновение он застыл, затаив дыхание. Теоретически здесь он должен быть в состоянии невесомости — притяжение Весты было ничтожным, — однако работал региональный гравитатор, расположенный под их каютой. Поскольку он не был сбалансирован остальными гравитаторами, по

мере продвижения Мура тяготение непрерывно и резко менялось. Если магнитный присосок подведет, его может внезапно отбросить от корабля. И что тогда?

По-видимому, ему будет еще труднее осуществить свое намерение, чем казалось раньше.

Мур снова пополз вперед, каждый раз проверяя надежность захвата. Иногда ему приходилось долго ползти кружным путем, чтобы приблизиться к цели на несколько футов. Иногда он был вынужден перемахивать через небольшие куски обшивки из немагнитного материала. И он постоянно испытывал изматывающее притяжение гравитатора, непрерывно меняющееся по мере продвижения вперед, так что горизонтальная палуба и вертикальные стены то и дело оказывались под самыми невероятными углами.

Мур тщательно осматривал все предметы на своем пути. Однако его поиски были бесплодны. Все незакрепленные предметы, стулья, столы во время столкновения были отброшены в сторону и теперь стали независимыми небесными телами Солнечной системы. Тем не менее ему удалось подобрать небольшой полевой бинокль и авторучку и положить их в карман. Сейчас они были бесполезны, но придавали некую реальность его кошмарному путешествию вдоль борта мертвого корабля.

Пятнадцать, двадцать минут, полчаса он медленно полз туда, где, по его расчетам, должен был находиться иллюминатор. Пот заливал ему глаза, и волосы слиплись в бесформенную массу. От непривычного напряжения болели мышцы. Его разум, переживший тяжелое потрясение накануне, стал сдавать, выкидывать необычные трюки.

Ему начало чудиться, что он ползет бесконечно, что так было и так будет всегда. Цель путешествия, к которой он стремился, представлялась малозначительной, он знал только одно — нужно ползти вперед. Час назад он был вместе с Брэндоном и Ши, но это казалось туманным и далеким-далеким. А обычную жизнь, какая была два дня назад, он и совсем забыл.

В его слабеющем мозгу вертелась только одна мысль — через лес остроконечных выступов доползти до некоей неясной цели. Он хватался, напрягался, подтягивался. Рука с магнитным присоском искала листы железа. Вниз, в зияющие пещеры, бывшие когда-то каютами, и снова на поверхность. Нашупал — подтянулся, нашупал — подтянулся, и... свет!

Мур остановился. Если бы он не прилип к борту, то упал бы. Каким-то образом этот свет прояснил ситуацию. Перед

ним был иллюминатор — не темный, безжизненный иллюминатор, мимо которых он проползал, а живой, освещенный. За стеклом был Брэндон. Мур глубоко вздохнул и почувствовал себя лучше, его мозг снова прояснился.

Теперь он отчетливо видел цель. Он полз к этой искорке жизни. Все ближе, ближе, ближе, пока не дотронулся до иллюминатора. Наконец-то!

Его глаза жадно разглядывали знакомую каюту. Видит Бог, это зрелище не вызывало у него приятных ассоциаций, однако это было нечто реальное, почти естественное. На диване спал Брэндон. Его лицо было измученным, изборожденным морщинами, но время от времени по нему пробегала улыбка.

Мур поднял руку, чтобы постучать по стеклу. Его охватило непреодолимое желание поговорить с кем-то, хотя бы при помощи жестов, и все-таки в последнее мгновение он остановился. Может быть, юноше снится родной дом? Он молод и чувствителен и много пережил. Пусть себе поспит. Успеем разбудить его, когда добьемся успеха... если это вообще произойдет...

Он увидел стену, за которой находился бак с водой, и попытался отыскать его внешнюю стенку. Теперь это было нетрудно — стенка резервуара отчетливо выступала. «Настоящее чудо, что резервуар не был поврежден во время столкновения», — подумал Мур. Может, судьба и не была такой неблагоприятной по отношению к ним.

Добраться до резервуара оказалось нетрудно, хотя он и находился на другом конце обломка. То, что раньше было коридором, вело почти прямо к нему. Когда «Серебряная королева» была невредима, этот коридор был ровным и горизонтальным, но теперь, под непрерывно меняющимся воздействием гравитатора, он казался крутым подъемом. Тем не менее ползти по нему было легко. Поскольку пол был сделан из обычной бериллиевой стали, Мур не испытывал никаких затруднений с магнитным держателем на всем своем двадцатифутовом пути к водяному баку.

И вот настала кульминация — последняя ступень. Он знал, что ему следовало бы сначала отдохнуть, однако волнение все нарастало. Теперь или никогда! Он пробрался к центру задней стенки резервуара. Там, устроившись на маленьком выступе, который образовал пол коридора, ранее простиравшегося по эту сторону резервуара, он принялся за работу.

— Как жаль, что выходная труба идет не в ту сторону, — пробормотал он — Можно было бы обойтись без многих

неприятностей. А сейчас... — Он вздохнул и принялся за дело: поставил лучевой пистолет на полную мощность, и невидимое излучение сконцентрировалось примерно в футе от дна резервуара.

Постепенно воздействие раскаленного луча на молекулы стены начало становиться заметным. В фокусе действия луча тускло засветилось пятно размером с десятицентовую монету. Оно как бы колыбалось — то светлело, то тускнело — в зависимости от того, насколько Муру удавалось притушить дрожь усталой руки. Он положил руку на выступ, и дело пошло на лад. Крошечное пятно становилось все ярче.

Пятно медленно меняло окраску в соответствии со шкалой спектра. Появившийся вначале темный, кирпичный цвет сменился вишневым. По мере того как на освещенное пятно лился поток энергии, его яркость росла и пятно все расширялось, напоминая стрелковую мишень с концентрическими кругами все более темно-красных оттенков. Даже на расстоянии нескольких футов стенка была нестерпимо горячей, хотя и не светилась, и Муру пришлось следить за тем, чтобы не прикасаться к ней металлическими частями своего костюма.

С губ Мура то и дело срывались ругательства, потому что выступ тоже накалился. Казалось, его успокаивали только крепкие слова. А когда плавящаяся стенка начала сама излучать тепло, объектом его проклятий стали создатели костюма. Почему они не сделали такой костюм, который не пропускал бы не только холод, но и тепло?

Но Профессиональный Оптимист — как назвал его Брэндон — одержал в нем верх. Глотая соленый пот, Мур успокаивал себя. Пожалуй, могло быть и хуже. Во всяком случае, двухдюймовая стена — не слишком серьезное препятствие. А если бы резервуар примыкал задней стенкой к наружной обшивке! Вот было бы дело — прожигать стальную броню толщиной в целый фут! Он скрипнул зубами и наклонился над пистолетом.

Раскаленное пятно светилось теперь оранжево-желтым цветом, и Мур понял, что скоро будет достигнута температура плавления бериллиевой стали. Он заметил, что из-за яркости пятна он смотрит на него лишь какую-то долю секунды, и то через большие интервалы.

Очевидно, если он хочет добиться своего, необходимо работать как можно быстрее. Лучевой пистолет не был полностью заряжен, и сейчас, выбрасывая поток энергии при максимальной концентрации почти десять минут подряд, он

был уже при последнем издыхании. А стенка едва лишь миновала стадию размягчения. Снедаемый горячкой нетерпения, Мур ткнул дулом пистолета прямо в центр раскаленного пятна и тут же отдернул его обратно.

В мягком металле образовалась глубокая впадина, хотя дыры еще не было. Тем не менее Мур почувствовал удовлетворение. Цель почти достигнута. Если бы между ним и стенкой был слой воздуха, он бы уже слышал шипение и бульканье кипящей внутри воды. Давление нарастало. Сколько еще продержится плавящаяся стенка?

Затем, настолько внезапно, что Мур даже не сразу осознал это, он прожег стенку. На дне впадины образовалось крохотное отверстие, и в следующее мгновение наружу вырвалась струя кипящей воды.

Жидкий металл облепил отверстие со всех сторон, и вокруг дырки размером с горошину образовались неровные металлические лепестки. Изнутри доносился рев. Мура окутало облако пара.

Сквозь туман он увидел, что пар тотчас же конденсируется в ледяные градинки, стремительно исчезающие в пустоте.

С четверть часа он не отрывал взгляда от струи пара.

Затем он почувствовал, как едва ощутимое давление отталкивает его от корабля. Невыразимая радость охватила его, так как он понял, что корабль ускорил свой ход. Мура отталкивала от корабля его собственная инерция.

Это означало, что работа кончена — кончена успешно. Струя пара заменила ракетный двигатель.

Мур отправился в обратный путь.

Велики были ужасы и опасности путешествия к резервуару, однако еще большие ужасы и опасности должны были подстергать Мура на обратном пути. Он безмерно устал, глаза у него болели и ничего не видели, да еще к сумасшедшей тяге гравитатора прибавилось нарастающее ускорение всего корабля. Но каким бы трудным ни был его обратный путь, он не слишком беспокоил Мура. Позднее он даже не мог припомнить деталей.

Мур не помнил, как ему удалось преодолеть все многочисленные препятствия на пути к шлюзу. Большую часть времени он был поглощен ощущением счастья и поэтому вряд ли воспринимал окружающую его реальность. В его мозгу билась одна мысль — как можно быстрее вернуться к товарищам и сообщить им радостную весть о спасении.

Внезапно он увидел перед собой дверь шлюза. Мур едва ли даже понял, что это такое. Почти неосознанно он нажал сигнальную кнопку. Инстинкт подсказал ему, что сделать это необходимо.

Майк Ши ждал его. Раздался скрип, внешняя дверь откатилась, заклинилась на прежнем месте, но потом все-таки отошла в сторону и закрылась за Муром. Затем открылась внутренняя дверь, и он упал на руки Ши.

Он чувствовал, как во сне, что его не то волокут, не то ведут по коридору к каюте. С него сорвали костюм. Горячая, жгучая жидкость обожгла ему горло. Мур захлебнулся, сделал глоток и почувствовал себя лучше. Ши спрятал бутылку джабры в карман.

Расплывчатые фигуры Брэндона и Ши сфокусировались перед его глазами и приняли нормальные очертания. Мур вытер дрожащей рукой пот со лба и попытался изобразить слабую улыбку.

— Подожди, — запротестовал Брэндон, — не говори ничего. Ты просто ходячий труп. Отдохни, тебе говорят!

Но Мур покачал головой. Хриплым, надтреснутым голосом он рассказал, как мог, о событиях последних двух часов. Повествование было бессвязным, едва понятным, но поразительно впечатляющим. Оба слушателя затаили дыхание.

— Ты хочешь сказать, — заикаясь, произнес Брэндон, — что струя воды толкает нас к Весте, подобно выхлопу ракеты?

— Совершенно верно — подобно выхлопу ракеты, — прохрипел Мур. — Действие и противодействие. Дыра находится на стороне, противоположной Весте, следовательно, толкает нас к Весте.

Ши отплясывал перед иллюминатором.

— Он совершенно прав, Брэндон, мой мальчик. Уже отчетливо виден купол Беннетта. Мы приближаемся к Весте, приближаемся!

Мур почувствовал себя лучше.

— Так как раньше мы находились на кольцевой орбите, то теперь приближаемся к астероиду по спирали. По-видимому, мы опустимся на Весту через пять-шесть часов. Воды хватит еще надолго, и давление внутри по-прежнему высокое, поскольку вода вырывается наружу в виде пара.

— Пар — при такой низкой температуре в космосе? — спросил пораженный Брэндон.

— Да, пар — при таком низком давлении в космосе, — поправил его Мур. — Точка кипения воды с уменьшением

давления падает, так что в космосе она крайне низка. Даже у льда давление пара достаточно для возгонки.

На его лице появилась улыбка.

— Между прочим, вода одновременно и замерзает и кипит. Я сам видел это. — После короткой паузы он спросил: — Ну, как ты теперь себя чувствуешь, Брэндон? Гораздо лучше, правда?

Брэндон смутился и покраснел. Несколько секунд он тщетно пытался подобрать слова, затем прошептал:

— По-моему, я... я просто не заслуживаю спасения, после того как потерял самообладание и взвалил все бремя на твои плечи. Если хочешь, двинь меня как следует за то, что я тебя ударил. Честное слово, после этого мне будет гораздо лучше.

Мур дружески похлопал его по плечу.

— Забудь про это. Ты даже не подозреваешь, насколько близок к отчаянию был я сам. — Он заговорил громче, чтобы заглушить дальнейшие извинения Брэндона. — Эй, Майк, перестань глазеть в иллюминатор и давай сюда твою джабру.

Мгновенно на столе появилась бутылка, и Майк поставил рядом с ней три плексатроновых колпачка вместо чашек. Мур наполнил каждый до краев. Ему хотелось напиться вдарызг.

— Джентльмены, — торжественно провозгласил он, — я хочу произнести тост. — Все трое подняли стаканы. — Джентльмены, выпьем за годовой запас доброй старой H₂O, который был у нас раньше!

ГОДОВЩИНА

Все было готово к празднику. В этот раз пришла очередь Уоррену Муру предоставить свое жилище для совершения ежегодного ритуала, поэтому он не церемонясь отправил жену вместе с детьми к ее родителям.

Рассеянно улыбаясь, Уоррен оглядел комнату. Собственно, идея отмечать годовщины крушения «Серебряной королевы» принадлежала Марку Брэндону. Мур сначала отнесся к ней скептически, но со временем привык и даже полюбил пробуждать в себе — раз в год — воспоминание об этом драматическом событии.

Это, конечно, сказывался возраст. Как-никак двадцать лет минуло с той поры... Он, Уоррен Мур, отрастил брюшко, облысел, у него появился двойной подбородок, и, что, быть может, самое непростительное, стал сентиментален.

Нажав на кнопку в стене, Мур сделал окна непроницаемыми для дневного света и опустил шторы — в память о том дне, когда им было страшно и одиноко. На столе лежали тюбики с ежедневным рационом космолетчиков, а посредине стояла бутылка искристой зеленой джабры — довольно крепкого напитка, обязанного своими достоинствами исключительно химическим свойствам марсианских лишайников.

Мур посмотрел на часы. Брэндон запаздывал, что было на него непохоже. Вдобавок из головы не выходили загадочные слова, которыми Марк закончил их телефонный разговор: «Уоррен, у меня для тебя сюрприз. Жди, останешься доволен».

Anniversary
© 1959 by Isaac Asimov
Годовщина
© А. Шельвах, перевод, 1997

Марк Брэндон, так всегда казалось Муру, был не подвержен процессу старения. Самый младший из них троих, он, доньше стройный и подвижный, отдавался любому своему увлечению с поистине юношеской пылкостью, — и это несмотря на то, что ему вот-вот должно было стукнуть сорок. Он и в нынешнем солидном возрасте сохранил способность безудержно радоваться, когда ему улыбалась удача, и впадать в глубокое уныние, если дела шли неважно. Волосы у него уже были тронуты сединой, но, когда он принимался бегать по комнате, громогласно развивая очередную из своих сумасбродных идей, Муру сразу вспоминался тот мальчишка, который двадцать лет назад в ужасе метался по отсекам терпящей бедствие «Серебряной королевы».

В дверь позвонили. Мур, не оборачиваясь, нажал на кнопку:

— Входи, Марк.

Вместо зычного приветствия, с каковым обычно являлся Брэндон, прозвучало тихое, неуверенное:

— Мистер Мур?

Голос был странно знакомый. Мур мгновенно обернулся. Да, на пороге действительно стоял Брэндон, рот, разумеется, до ушей, а рядом с ним смущенно переминался с ноги на ногу приземистый, широкоплечий мужчина, загорелый и абсолютно лысый... похожий на звездолетчика...

В изумлении Мур воскликнул:

— Майк?.. Клянусь космосом, да это же Майк Ши!

Хохоча, они крепко обняли друг друга.

— Он нашел меня в офисе, — пояснил Брэндон. — Оказывается, он еще не забыл, что я работаю в «Атомик Продакшн»...

— Сколько лет, сколько зим, — растроганно говорил Мур. — Погоди, погоди, Майк, последний раз ты был на Земле двадцать лет назад, верно?

— Майк ни разу не отмечал с нами годовщину, — сказал Брэндон. — Что ты на это скажешь, Уоррен? Его выгнали на пенсию, он прямо из космоса направляется в Аризону, где приобрел кой-какую недвижимость, а по пути заглянул в наш городок. Ему, видишь ли, захотелось повидаться со старыми друзьями, прежде чем навсегда забраться в свою глухомань. А я-то решил, что звездолетчик Ши все-таки вспомнил о нашей знаменательной дате. Представляешь, Уоррен, этот старый балбес еще спрашивает: «Годовщина? Какая годовщина?»

Ши, смущенно улыбаясь, кивнул.

— Марк сказал, что вы ежегодно отмечаете этот день.

— Еще бы! — воскликнул Брэндон. — Но сегодня мы в кои-то веки собрались все вместе — и это настоящий праздник. Майк, ты только вдумайся: двадцать лет прошло с тех пор, как Уоррен дотасил нас до Весты на обломках «Королевы»!

Ши оглядел стол.

— Эге, космический рацион? Ну прямо как на корабле. И джабра! Признаться, не предполагал, что вы так трепетно относитесь к этой дате. Да, двадцать лет — срок немалый. Хотя у меня такое чувство, будто это случилось только вчера. Помните, как нас встречали на Земле?

— Как не помнить! — засмеялся Брэндон. — Парады, торжественные речи! По справедливости все почести заслужил лишь Уоррен, и мы пытались им это растолковать, но никто нас не слушал...

— Да ладно тебе, — сказал Мур. — Просто мы были первые, кто сумел выжить после кораблекрушения в космосе. До нас этого никому не удавалось, вот с нами и носились. Каким образом люди становятся популярными и почему их потом забывают — все это не поддается рациональному объяснению.

— Эй, парни, — сказал Ши, — а кто из вас помнит песню, которую про нас сочинили? Ну, такую маршевую, бравурную: «Давайте споем, как шли мы втроем по звездным тернистым путям...»

Брэндон подхватил своим чистым тенорком, Мур тоже присоединился, и заключительный куплет они грянули таким оглушительным хором, что задрожали шторы:

— И до Весты дотянули на обломках корабля!..

После чего все трое дружно расхохотались.

— Давайте поскорее откупорим джабру и сделаем по глотку, — предложил Брэндон. — Жаль, что у нас всего одна бутылка.

Мур хмыкнул.

— Ты же сам обычно настаиваешь, чтобы все было, как тогда. Удивляюсь, почему ты до сих пор не потребовал, чтобы я в этот день вылетал в окно и кружился над зданием.

— А что, это идея, — откликнулся Брэндон.

— Не забыли наш последний тост? — Ши, держа в руке пустой стакан, провозгласил: — «Господа, позвольте разделить с вами эту порцию доброй H_2O — все, что осталось от нашего годового обеспечения!» Помните, когда нас доставили на Землю, мы сходили по трапу пьяные в дым! Мы вели себя

как мальчишки. Мне было тридцать, и я считал себя стариком. А теперь... — он погрузился, — теперь меня отстранили от полетов именно по возрасту.

— Выпьем! — сказал Брэндон. — Сегодня нам снова по тридцать, и мы помним тот день, даже если никто в целом мире не желает о нем вспоминать. У человечества короткая память.

Мур засмеялся:

— А чего ты хотел? Чтобы этот день сделали национальным праздником? С традиционной раздачей бесплатного космического рациона и бутылки джабры?

— Нет, но послушай, ведь мы единственные, кто тогда уцелел! И что же получается? О нас забыли!

— И слава Богу. Зато вначале известность нам здорово помогла. Все мы сразу продвинулись по службе. Нет, Марк Брэндон, с нами все в порядке. То же самое мог бы сказать о себе и Марк, если бы ему не хотелось вернуться в космос.

Ши усмехнулся и нервно повел плечом:

— Мне там нравилось. Впрочем, не жалею. Я получил приличную страховку, на мой век хватит.

Брэндон произнес задумчиво:

— Из-за крушения «Серебряной королевы» Межпланетной компании пришлось раскошелиться. Да, деньги мы получили, но вообще судьба обошлась с нами несправедливо. Спроси в наши дни любого, что ему приходит в голову, когда он слышит это название — «Серебряная королева», и он вспомнит разве что о Квентине.

— О ком, о ком? — переспросил Ши.

— При крушении «Королевы» погиб доктор Горацій Квентин. А спроси у кого угодно: «Что вам известно о тех, кто спасся?» — и на тебя посмотрят, как на идиота. В лучшем случае промчат что-нибудь невразумительное.

— Такова жизнь, Марк. Принимай ее такой, какая она есть, — спокойно возразил Мур. — Доктор Квентин был ученым с мировым именем. А мы... мы люди маленькие.

— Зато мы единственные, кто...

— Вот заладил! Лучше вспомни, что у нас на борту был еще доктор Хестер, тоже корифей в своей области. Конечно, не такой, как Квентин, но тем не менее. Между прочим, я сидел с Хестером в столовой за одним столиком, когда в «Королеву» угодил тот каменюка. Так вот, о докторе Хестере никто не вспоминает. Его смерть для всех осталась незамеченной. А ведь он тоже погиб при крушении. Зато о

Квентине помнят все. И ты еще плачешься, что о нас забыли! Живы — и ладно.

— Нет, парни, — помолчав, сказал Брэндон, нисколько не убежденный доводами Мура, — мы с вами снова терпим бедствие. Двадцать лет назад нам ничего другого не оставалось, как высадиться на Богом забытую Весту, а теперь угрожает полное и окончательное забвение, что ничуть не лучше. Это большая удача, что мы снова вместе. В тот раз Уоррен посадил нас на Весту. Неужели чудо не может повториться? Давайте подумаем, как нам выкарабкаться из нынешней передраги.

— Подумаем, что нужно сделать, чтобы о нас снова заговорили? — спросил Мур.

— Вот именно. Почему бы и нет? Это ли не лучший способ отметить нашу годовщину?

— Допустим, только любопытно, с чего ты намерен начать. Повторяю, люди вспоминают о «Серебряной королеве» лишь в связи с гибелью гениального Квентина. Тебе придется потрудиться, чтобы они вспомнили подробности кораблекрушения.

Ши нетерпеливо поднял руку, безмятежное выражение на его лице сменилось озабоченным:

— Ты ошибаешься, Уоррен. О «Королеве» помнят. Например, Межпланетная страховая компания о ней, похоже, ни на миг не забывает. Могу рассказать вам одну забавную историю. Лет десять назад мне довелось снова побывать на Весте, и я поинтересовался у тамошних жителей, где находится металлолом, на котором мы тогда приземлились. Почему-то я расчувствовался и решил взглянуть на эти обломки. Ну, прицепил к спине портативный двигатель и полетел, куда мне показали. Помните, какой на Весте уровень гравитации? Портативный двигатель — все, что требуется для передвижения. И вот, представьте, мне не удалось даже приблизиться к останкам нашей старушки. Вокруг них — защитное силовое поле.

Брэндон удивленно поднял брови:

— Вокруг нашей «Королевы»? Зачем?

— Я попытался выяснить, в чем дело. Оказывается, это собственность страховой компании.

Мур кивнул:

— Так оно и есть. Они прибрали все это железо к рукам, как только выплатили нам страховку. А еще мы подписывали бумагу: дескать, не претендуем на премию за спасение кора-

бельного имущества. Ну и правильно, мы же ничего не спасли.

— Но при чем здесь силовое поле? — не унимался Брэндон. — К чему такая секретность?

— Не знаю.

— То, что осталось от «Королевы», гроша ломаного не стоит. Даже в качестве металлолома. Одна перевозка обойдется дороже.

— Верно, — подтвердил Ши. — Тем не менее страховая компания подобрала все обломки, что летали вокруг Весты, и сложила их в одном месте. Искореженные части каркаса и прочий хлам. Также мне стало известно, что компания объявила вознаграждение за каждый найденный обломок, поэтому экипажи кораблей, чьи маршруты пролегли поблизости от Весты, только и делали, что пилились в экраны — все высматривали эти самые обломки. Между прочим, иногда находили. Не так давно я снова побывал на Весте, и куча стала значительно больше.

— Ты хочешь сказать, что компания до сих пор что-то ищет? — Глаза у Брэндона азартно заблестели.

— Не знаю. Может, и перестала. Но куча была гораздо больше, чем одиннадцать лет назад. Значит, все это время поиски продолжались.

Брэндон откинулся в кресле и положил ногу на ногу.

— Станные вещи ты рассказываешь, Майк, очень странные. Прижимистая страховая компания тратит бешеные деньги на то, чтобы прочесывать космос вокруг Весты и вылавливать никому не нужные железки!

— Может, они подозревают, что крушение было не случайным? И надеются найти доказательства? — предположил Мур.

— Спустя двадцать лет? Дохлый номер. При всем желании им не вернуть свои денежки.

— Мы же не знаем, может, поиски уже прекратились, — напомнил Ши.

Брэндон вскочил в явном возбуждении:

— А давайте спросим! Все это крайне любопытно. К тому же я достаточно выпил, чтобы чувствовать себя в состоянии разрешить любую загадку.

— Это заметно, — сказал Ши. — Но у кого ты собираешься спрашивать?

— У Мультивака.

Ши вытаращил глаза:

— У Мультивака? Эй, Мур, у тебя что, имеется терминал Мультивака?

— Да.

— Никогда его не видел. Интересно, что он собой представляет?

— Ничего особенного, Майк. Не путай Мультивак с его терминалом. Терминал выглядит как обыкновенная пишущая машинка. Что касается самой машины, я тоже ее не видел, и среди моих знакомых нет никого, кто мог бы этим похвастаться.

Мур усмехнулся при мысли о том, как трудно, практически невозможно познакомиться с кем-либо из тех, кто работает глубоко во чреве Земли, обслуживая этот — в милю длиной — суперкомпьютер, каковой является хранилищем абсолютно всей информации, накопленной человечеством. Ведь именно Мультивак направляет развитие экономики и науки, помогает политическим деятелям принимать правильные решения и вдобавок имеет миллионы дополнительных терминалов, позволяющих каждому пользователю обратиться к нему и получить ответ на любой вопрос, не затрагивающий, разумеется, сферу чьих бы то ни было частных интересов.

Пока они спускались лифтом на второй этаж, Брэндон сказал:

— Я подумываю, не установить ли и мне дома терминал Мультивака-младшего. Для детей. Нагрузки в школе растут. С другой стороны, хочется, чтобы они приучались мыслить самостоятельно. Да и дорогое это удовольствие. А твои дети, Уоррен, пользуются Мультиваком?

— Сначала они показывают свой вопрос мне, — ответил Мур. — Если я вижу, что им просто лень пошевелить мозгами, до Мультивака дело не доходит.

Терминал действительно был похож на пишущую машинку. Мур набрал на клавиатуре комбинацию цифр, открывающую доступ в отведенную ему часть памяти Мультивака, и сказал:

— Теперь внимание. Имейте в виду, что мне эта затея совсем не нравится. Я согласился вам помогать только потому, что сегодня годовщина. И еще потому, что мне, старому дураку, тоже стало интересно. Ладно, как сформулируем вопрос?

— Спроси: ищет ли до сих пор Межпланетная страховая компания обломки «Серебряной королевы», раскиданные

вокруг Весты, — предложил Брэндон. — На такой вопрос достаточно однозначного ответа. Либо «да», либо «нет».

Мур пожал плечами и напечатал вопрос. Ши глядел на него с нескрываемым восхищением.

— Он ответит человеческим голосом? — шепотом спросил он.

Мур рассмеялся:

— Нет, конечно. Я не могу позволить себе такую роскошь. Эта модель выдает ответы, отпечатанные на бумажной ленте.

Пока он объяснял Ши принцип действия терминала, из прорези уже высунулась лента. Мур мельком взглянул на нее:

— Мультивак ответил «да».

— Ага! — вскричал Брэндон. — Я же вам говорил, что дело нечисто! Теперь спроси зачем.

— Ну, это уже глупо. Мы получим в ответ желтый листок с требованием обосновать причину вопроса. Думаю, что наше любопытство можно расценивать как попытку нарушить неприкосновенность частных интересов.

— Попытка не пытка. Спрашивай, ведь компания не скрывает факт, что она что-то ищет. Может, и предмет поисков не является тайной.

Мур снова пожал плечами и напечатал: «С какой целью Межпланетная страховая компания ведет поиски обломков космического корабля «Серебряная королева»?

Он не ошибся — из прорези высунулся желтый листок.

— «Укажите причину, по которой затребована данная информация», — вслух прочитал Мур.

— Отлично, — кивнул ничуть не обескураженный Брэндон. — Скажи ему, кто мы такие. Скажи, что мы единственные трое, кто тогда остался в живых, и имеем право знать, что это за тайна такая! Давай-давай, спрашивай, не стесняйся!

Мур постарался придать вопросу Брэндона нейтральное оформление, но в ответ получил еще один желтый листок:

— «Причина недостаточна».

— Не понимаю, что все это значит, — пробормотал Брэндон.

— Мультиваку виднее, — сказал Мур. — Он анализирует причину каждого вопроса, чтобы не допустить возможности вторгнуться кому бы то ни было в сферу частных интересов кого бы то ни было. Даже правительство не имеет на это право без санкции Верховного суда. Если подобное и

случается, то не чаще, чем раз в десять лет. Ну, каковы наши дальнейшие действия?

Брэндон принялся рассказывать по комнате, что свидетельствовало о крайней степени его возбуждения.

— Хорошо, тогда попробуем разобраться сами, — наконец сказал он. — Мы сошлись на том, что пытаться доказать умышленное кораблекрушение спустя двадцать лет после того, как оно случилось, нелепо. Похоже, на борту «Королевы» находилось нечто чрезвычайно важное, если компания не жалеет на поиски ни средств, ни времени.

— Марк, тебя уже заносит, — пробормотал Мур.

Брэндон, не обратив внимания на его реплику, продолжал рассуждать:

— Разумеется, это не деньги и не драгоценности. Компания не окупил бы затраты на поиски, даже если бы «Серебряная королева» была отлита из чистого золота. Что же это может быть?

— Да что угодно! — ответил Мур. — Листок бумаги, стоимостью несколько центов, способен принести доход в сотни миллионов долларов. Важно, что на нем написано.

Брэндон энергично кивнул:

— Согласен. Не исключено, что ищут какие-то научные материалы. Ну а кто из пассажиров «Королевы» мог иметь при себе таковые материалы?

— Почему я знаю.

— А как насчет доктора Горация Квентина? Того самого доктора Квентина, о гибели которого человечество скорбит до сих пор? Он же считался у нас на борту самой важной персоной. Вот, наверное, у него и были с собой какие-нибудь дискеты с формулами. Чертовски жаль, что за весь рейс я так и не сподобился лицезреть этого великого человека. Может, если бы мы познакомились, он поделился бы со мной своими последними открытиями. Шучу, конечно. А ты его видел хоть раз своими глазами, Уоррен?

— Не припоминаю. Разве что мог столкнуться с ним в коридоре, даже не зная, кто он такой.

— Это исключено, — задумчиво сказал Ши. — Помнится, стюард жаловался мне, что один пассажир не желает ходить в столовую и емуносят пищу в каюту.

— Ты хочешь сказать, что этим пассажиром был Квентин? — Брэндон остановился посреди комнаты и пристально посмотрел на Ши.

— Может, и он. Не помню, о ком именно шла речь, но и так понятно, что это была большая шишка. На корабле никто

не станет носить тебе пищу в каюту, если ты, что называется, простой смертный.

— Ну да, а Квентин был как раз непростой, — удовлетворенно подтвердил Брэндон. — Выходит, были у него основания прятаться в своей каюте.

— Не все пассажиры легко переносят полет, — сказал Мур. — Может, его просто мутило. Хотя... — Он нахмурился и замолчал.

— Ты тоже что-то вспомнил? — насторожился Брэндон. — Давай, выкладывай!

— Пожалуй, да. Я уже говорил вам, что за последним обедом сидел вместе с доктором Хестером. Хестер ворчал, что вот, дескать, надеялся за время рейса побеседовать с Квентином, а тот как сквозь землю провалился.

— Правильно! — закричал Брэндон. — Потому что Квентин не высовывал нос из своей каюты!

— Этого Хестер не говорил. Но как же он выразился? — Мур сжал ладонями виски. — В общем, смысл был таков: Квентин обожает напускать на себя таинственность, вечно темнит и скрыгничает. Вот и теперь — они вместе летят на конференцию, а тема доклада Квентина еще никому не известна.

— Все понятно, — Брэндон снова зашагал из угла в угол. — Квентин сделал какое-то потрясающее открытие, но до поры держал его в секрете. Хотел, чтобы на конференции все попадали со стульев. Знаете, почему этот любитель эффектов не вылезал из каюты? Боялся, что в разговоре с Хестером не вытерпит и проболтается! Бьюсь об заклад, так оно и было. Ну а потом в нас попал метеорит, и Квентин погиб. Страховая компания, расследуя обстоятельства крушения, пронохала про открытие и теперь надеется прибрать его к рукам. Тем самым она не только возместит убытки, но и сорвет изрядный куш. Вот почему она приобрела в собственность обломки «Королевы»! Вот почему она до сих пор не прекращает поиски!

Мур улыбнулся:

— Звучит все это очень увлекательно. Одно удовольствие слушать, как ты битый час пытаешься из ничего сотворить нечто.

— Так-таки из ничего? Ну-ка спроси еще раз у Мультивака. Я оплачу счета.

— Относительно счетов не беспокойся. Ты мой гость. Спрашивай сам, если хочешь, а я пока поднимусь за бутылкой.

Мне нужно сделать пару лишних глотков, чтобы тебя догнать.

— Мне тоже, — сказал Ши.

Теперь за машинку уселся Брэндон. Дрожащими от волнения пальцами он напечатал: «Каковы темы последних исследований доктора Горация Квентина?»

Мур вернулся с бутылкой и стаканами как раз в тот момент, когда из прорези высунулась лента с длинным перечнем книг, статей и ссылок на научные издания двадцатилетней давности.

Мур пробежал глазами список.

— Я не физик, но мне кажется, что все это связано с оптикой.

Брэндон упрямо мотнул головой:

— Здесь указаны только публикации. А нам нужны названия его неопубликованных работ.

— Мало ли что нам нужно!

— Но ведь страховая компания каким-то образом их узнала.

— Это ты так думаешь.

Брэндон ожесточенно тер рукой подбородок:

— Разреши мне задать Мультиваку еще один вопрос.

Он быстро напечатал: «Сообщите имена и телефоны коллег доктора Квентина по университету, с которыми он сотрудничал в последние годы жизни».

— Откуда ты знаешь, что он работал в университете?

— Если я ошибаюсь, Мультивак меня поправит.

Из прорези появился ответ. Очень короткий. На ленте было отпечатано всего одно имя.

— Ты что, собрался звонить этому человеку? — спросил Мур.

— Разумеется, — ответил Брэндон. — Итак, Отис Фитцсиммонс. Судя по коду города, он живет в Детройте. Можно, Уоррен?

— Да ради Бога. Если тебе охота и дальше валять дурака...

Брэндон уже набирал номер. Ответил ему женский голос. Брэндон попросил к телефону доктора Фитцсиммонса. Последовала короткая пауза, потом тоненький старческий голос произнес:

— Алло!

— Доктор Фитцсиммонс, вас беспокоят из Межпланетной страховой компании. Хотелось бы задать вам несколько вопросов относительно покойного доктора Горация Квентина.

— Черт бы тебя побрал, Марк! — прошептал Мур.

Брэндон поднял руку, показывая: не мешай!

Снова возникла пауза, на сей раз такая долгая, что Брэндон решил, что связь прервалась. Наконец старик на том конце линии ответил:

— Прошло столько лет, а вы опять за свое?

Брэндон, не опуская руку, торжественно сжал кулак. Постаравшись придать своему голосу деловитые интонации, он сказал:

— Мы все еще надеемся, что вы вспомните дополнительные подробности, касающиеся открытия доктора Квентина... открытия, с которым он отправился в свой последний полет...

— Я уже говорил вам, что ничего не знаю, — в голосе старика послышалось явное раздражение. — Более того, мне совершенно не хочется снова забивать себе голову подобной чепухой. Понятия не имею, что это за прибор и существовал ли он в действительности. Доктор Квентин всегда говорил о своих новых открытиях так уклончиво...

— Но хотя бы приблизительно?

— Повторяю, мне это неизвестно. Квентин лишь однажды о нем обмолвился. Название прибора я вам уже сообщал, хотя вряд ли это имеет какое-нибудь значение.

— Доктор Фитцсиммонс, в нашей картотеке названия нет.

— Нет, оно у вас есть. Гм-м, как же он его называл-то? А, вот как: эноптикон. И позвольте на этом закончить нашу беседу. Мне некогда. До свидания, — ворчливо закончил старик и повесил трубку.

Брэндон сиял.

— Глупее ничего нельзя было придумать, — сказал Мур. — Выдавать себя за представителя страховой компании! Если ты хочешь нажить себе неприятности...

— Да брось ты, он уже забыл про наш разговор. Нет, Уоррен, ты только подумай! Компания к нему тоже обращалась!

— Ну хорошо, хорошо. Чего тебе еще не хватает для полного счастья?

— Также нам теперь известно, что название прибора «эноптикон».

— Мне показалось, что Фитцсиммонс произнес это слово не очень уверенно. Но даже если он произнес его правильно, даже если мы выясним, что в последние годы Квентин занимался проблемами оптики, какой нам от всего этого прок?

— Вероятно, Квентин держал данные по эноптикону в голове, но имел в распоряжении опытный образец. Понимаете,

почему компания собирает обломки? Надеется найти прибор или хотя бы то, что от него осталось!

— Я же говорю, что на Весте целая гора металлолома, — снова подтвердил Ши.

— Если бы компании нужны были чертежи, она оставила бы эти железки болтаться в космосе. Выходит, и нам нужно искать именно прибор.

— Допустим, ты прав, — попытался урезонить Брэндона Мур, — но ведь наши поиски все равно ни к чему не приведут. Вокруг Весты кружится процентов десять, не больше, от общей массы обломков «Королевы». Скорость убегания там ничтожная. Нам тогда просто повезло — мы оказались в случайно уцелевшем отсеке, который случайно полетел в нужную сторону и с нужной скоростью. Остальное разлетало, наверное, по всей Солнечной системе в самых немыслимых направлениях.

— Однако кое-что компания все-таки собрала, — заметил Брэндон.

— Да, те самые десять процентов.

— Предположим, — продолжал Брэндон, не слушая Мюра, — этот энотпикон летал где-то там возле Весты. Компания его не нашла. Значит, нашел кто-то другой?

Ши засмеялся:

— Кроме нас там никого не было. Мы и сами-то еле унесли оттуда ноги.

— Верно, — согласился Мур. — И если этот «кто-то» нашел энотпикон, почему он держит свою находку в секрете?

— Может, не понимает, что это такое, — сказал Брэндон.

— А ты уверен, что мы могли бы оказаться умнее других? — спросил Мур и вдруг обернулся к Ши: — Стоп! Как ты сказал, Майк?

Ши воззрился на него непонимающе:

— Когда?

— Да только что!.. О том, как мы уходили с корабля... — Мур прищурился, тряхнул головой. — О Боже... — прошептал он.

— Что с тобой, Уоррен? — забеспокоился Брэндон.

— Я не уверен... у меня уже крыша едет от твоих фантазий. Я начинаю относиться к ним серьезнее, чем они того заслуживают. Помните, мы забирали с собой какие-то вещи? Ну там одежду, что-то из личного имущества. Во всяком случае, я это сделал.

— И что?..

— Вижу как сейчас... я пробираюсь через обломки... поднимаю с пола какие-то вещи и засовываю их в карман скафандра. Сам не знаю зачем. На память, наверное. Я был не в себе. Но я привез их сюда, на Землю.

— Где они?

— Понятия не имею. С тех пор я много раз переезжал с места на место.

— Но ты их, надеюсь, не выкинул?

— Да вроде не должен был. Правда, при переездах вещи имеют свойство пропадать.

— Если ты их не выкинул, они должны быть здесь, в доме.

— Могли потеряться... Клянусь, я не вспоминал о них лет пятнадцать.

— Что это за вещи?

— Если мне не изменяет память, во-первых, авторучка. Старинная, с баллончиком, который заправляется пастой. А другая вещьца... она меня особенно заинтересовала... такая маленькая подозрительная труба... даже скорее трубка, не более шести дюймов длиной...

— Да это же и есть энотпикон! — закричал Брэндон. — Точно!

— Ну уж сразу и энотпикон, — сказал Мур нарочито спокойным тоном. На самом деле он чувствовал, что его тоже охватывает волнение. — В конце концов, это просто смешно.

— Смешно? Страховая компания двадцать лет потратила на поиски, а ты все это время держал его у себя и ни о чем не догадывался! Потрясающе!

— Марк, не сходи с ума.

— Нет, мы должны немедленно найти эту твою подозрительную трубку!

Мур без особого желания поднялся со стула.

— Хорошо, давайте поищем, если вам так хочется. Правда, я сильно сомневаюсь, что наши поиски увенчаются успехом. Придется спуститься ниже этажом. Если рассуждать логически, эти вещи должны быть в кладовой. Там для них самое подходящее место.

Ши усмехнулся:

— А может, самое неподходящее.

Все трое быстро направились к лифту.

В кладовой царил запах плесени. Мур нажал кнопку воздухоочистителя:

— Э, да тут и за год не проветришь. Давненько я сюда не заглядывал. Посмотрим сначала вон в том углу, где свалены мои пожитки холостяцкой поры.

Он начал переключать из одного места в другое пластиковые альбомы.

Брэндон напряженно смотрел ему через плечо.

— Знаешь, что это такое? — спросил Мур. — Это ежегодные университетские справочники. В студенческие годы я принимал участие в их составлении и страшно этим увлекался. Здесь голограммы всех выпускников нашего университета, — он постучал пальцами по обложке, — и вдобавок записи их голосов!

Заметив, что Брэндон нетерпеливо нахмурился, Мур отложил альбом.

— Ладно, продолжим поиски.

Он открыл пластмассовый, под цвет дерева, сундук и принялся разбирать его содержимое.

— Вот это что такое? — вдруг спросил Брэндон, указывая на небольшой цилиндр, который, слабо позвякивая, покотился по дну сундука.

— Глазам своим не верю... — пробормотал Мур. — Та самая авторучка! А вот и подозрительная трубка. И то, и другое, конечно, неисправны. Во всяком случае, в авторучке что-то брякает. Слышите? В свое время я безуспешно пытался ее починить. Да и баллончики к ней не выпускаются уже лет сто.

Брэндон внимательно рассматривал авторучку.

— Здесь чьи-то инициалы.

— В самом деле? Никогда не обращал внимания.

— Они почти совсем стерлись: «Г», «К», «К»... Авторучка вполне могла принадлежать Квентину. Нечто вроде фамильной реликвии, которую хранят в качестве талисмана или как память. Наверное, досталась ему от прапрадедушки. В те времена такими авторучками еще пользовались. Прапрадедушку звали, допустим, Грегори Кеннет Квентин. Или Годфри Кент Квентин. Или еще как-нибудь в этом духе. У Мультивака можно справиться о предках доктора.

Мур кивнул:

— Несомненно. Слушай, ты кого угодно способен заразить своим безумием.

— А если я прав, следовательно, ты подобрал авторучку в каюте Квентина. Скорее всего и эта трубка — оттуда.

— Необязательно. Впрочем, ей-Богу, не помню.

Брэндон и так и этак поворачивал трубку, рассматривая ее.

— Инициалы отсутствуют, — объявил он наконец.

— С чего ты взял, что они должны быть? Авторучка — это одно, а прибор — совсем другое...

— Я вижу только узкую поперечную канавку, — Брэндон осторожно поглаживал трубку, потом легонько ее встряхнул и приставил к глазу. — Да, похоже, что-то в ней сломано.

— Я же тебе говорил. И стекол нет.

Вмешался Ши:

— Что же вы хотите? Огромный космический корабль разнесло вдребезги...

— Даже если прибор исправен, — с досадой сказал Мур, — нам от этого не легче. Все равно мы не знаем, как им пользоваться.

Он взял трубку из рук Брэндона, провел пальцем по краю внутренней поверхности.

— Непонятно, как сюда вставляются линзы, как они крепятся. Такое впечатление, что эта штука и не предполагает их наличие. Погодите!.. — Мур с изумлением уставился на друзей. — Я, кажется, понял!

— Что ты понял? — спросил Брэндон.

— Название! Название все объясняет!

— Ты имеешь в виду название прибора?

— Фитцсиммонс произнес «эноптикон», и мы решили, что он употребил это слово с английским неопределенным артиклем «эн».

— Ну да, с артиклем, — подтвердил Ши.

— Дальше-то что? — спросил Брэндон.

— Так вот, он произнес «аноптикон»! Понимаете меня? Не два слова: «эн» и «оптикон», а одно! Аноптикон!

— Да какое это имеет значение! — отмахнулся Брэндон.

— Огромное! «Оптикон» вызывает в представлении некий оптический прибор с линзами, зеркалами, призмами и другими деталями, тогда как слово «аноптикон» имеет греческую приставку «ан», которая означает «без» и присутствует во многих словах греческого же происхождения. Например, анархия, то есть безвластие, анемия — малокровие или, иначе говоря, безкровие, аноним — сочинение без указания имени автора. Следовательно, аноптикон — это оптический прибор...

— Без линз! — восторженно подхватил Брэндон.

— Вот именно! И я уверен, что он целехонек!

— Гляжу я, гляжу в эту трубку и ни черта не вижу, — проворчал Ши.

— Как же все-таки действует прибор? — Мур попробовал, взявшись за один конец трубки, повернуть по оси другой.

— Смотри, не сломай, — не преминул предостеречь его Брэндон.

— Поворачивается, но очень туго. Наверное, так и было задумано. А может, просто туда попала пыль... — Мур, нажав на кнопку, сделал окно прозрачным, испытующе посмотрел на трубку, приставил ее к глазу и повернулся лицом к панораме вечернего города.

— Ух ты! — выдохнул он. — Как будто я снова в космосе...

— Что? Что ты там увидел? — заволновался Брэндон.

Мур молча передал ему прибор. Брэндон приставил трубку к глазу и завопил как безумный:

— Да это же телескоп!

— Ребята, дайте и мне поглядеть, — попросил Ши.

Они, наверное, часа два забавлялись этим удивительным прибором: поворачивая по оси один конец трубки вправо, можно было превратить ее в телескоп, поворачивая влево — в микроскоп.

— Как же это так получается? — недоумевал Брэндон.

Мур и сам терялся в догадках:

— Я могу лишь предположить, что мы имеем дело с искривлением силовых полей, поэтому приходится прикладывать такое усилие, чтобы привести прибор в действие. Если бы размеры у него были больше, потребовалась бы специальная пусковая установка.

— Хитрая штукавина, — заметил Ши.

— Да уж непростая, — согласился Мур. — Не ошибусь, если скажу, что намечается переворот в теоретической физике. Аноптикон фокусирует свет без помощи линз и не нуждается в перенастройке независимо от величины и дальности рассматриваемого объекта. Бьюсь об заклад, он обладает не только разрешающей способностью пятисотдюймового телескопа, но также может заменить собой электронный микроскоп. Знай поворачивай вправо или влево!.. Кроме того, я не заметил никаких хроматических искажений, а это означает, что он одинаково хорошо преломляет весь спектр световых волн. А может быть, и радиоволны, и гамма-лучи. Не исключено, что и с гравитацией он способен справиться — если гравитация представляет собой волновое явление...

— Короче, — перебил его Ши, — сколько он стоит?

— Очень дорого. А уж если ты разберешься в его устройстве, ну тогда...

— Тогда мы повременим извещать страховую компанию о нашей находке. Сходим сначала к адвокату. Ведь когда мы отказывались от премии за спасение корабельного имущества, прибор уже находился в твоей собственности. Да, мы подписали эту бумагу, но имеет ли она юридическую силу, если мы даже не догадывались, о чем в действительности шла речь? Сдается мне, нас просто хотели облапошить.

— Кстати, — заметил Мур, — еще неизвестно, может ли частная компания получить монополию на пользование прибором такой важности. Нам следует обратиться в государственное агентство. Да, тут пахнет очень большими деньгами...

Брэндон возмущенно ударил кулаком по колену:

— Хватит о деньгах, Уоррен! То есть я хочу сказать, что кругленькая сумма мне тоже не помешает, но главное не в этом! Ребята, ведь мы дождались своего часа! Мы снова станем знаменитыми! Представьте, что будут писать о нас в газетах. В космосе потерян чрезвычайно ценный прибор! Двадцать лет гигантская компания ищет его и все без толку, в то время как мы, всеми позабытые, держим у себя сокровище, сами о том не подозревая! И вдруг, в двадцатую годовщину крушения «Серебряной королевы», мы его находим! Если, как ты говоришь, Уоррен, этот аноптикон действительно такое чудо техники, тогда о нас будут помнить вечно.

Мур засмеялся:

— Пожалуй... И это сделал ты, Марк. Ты все-таки добился своего — вытащил нас из забвения.

— Мы это сделали все вместе, — возразил Брэндон. — Ши дал нам толчок, когда рассказал про кучу железа на Весте. Я разработал теорию, а ты... ты отыскал прибор.

— Хорошо, пусть будет так. Однако уже поздно, с минуты на минуту вернется жена. Давайте на сегодня закончим, а завтра Мультивак нам посоветует, в какое агентство обратиться.

— Нет-нет! — воскликнул Брэндон. — Ритуал превыше всего! Последний тост, но с поправкой на изменившиеся обстоятельства. Будь любезен, Уоррен, — он передал Муру бутылку, в которой еще оставалось больше половины.

Мур, не пролив ни капли, наполнил стаканы до краев.

— Господа, — начал он торжественно. Все трое встали и одновременно подняли стаканы. — Господа, позвольте разделить с вами радость от находки этих сувениров, каковые суть наше пожизненное, да и посмертное обеспечение! Да здравствует «Серебряная королева»!

НЕКРОЛОГ

Мне стыдно сознаться, что замысел этого рассказа возник у меня в ту минуту, когда я читал в «Нью-Йорк таймс» некролог о писателе-фантасте, моем товарище по перу. Я читал и думал: неужели и мой некролог, когда он появится, будет таким же длинным? От этой мысли до моего рассказа был только один шаг...

Мой супруг Ланселот имеет привычку читать за завтраком газету. Он выходит к столу, и первое, что я вижу, — это выражение неизменной скуки и легкого замешательства на его худом, отрешенном лице. Он никогда не здоровается. Газета, предусмотрительно развернутая, ждет его на столе, и через мгновение лицо его исчезает.

И потом в продолжение всей трапезы я вижу только его руку, которая высовывается из-за газеты, чтобы принять от меня вторую чашку кофе, куда я насыпаю одну ложку сахара. Ровно одну — ни больше и ни меньше. Иначе он испепелит меня своим взглядом.

Все это меня давно уже не волнует. По крайней мере за столом царит мир — и на том спасибо.

Но в это утро спокойствие было нарушено. Нежданно-негаданно Ланселот разразился следующей речью:

— Хос-споди! Эта дубина Пол Фарбер, а? Загнулся!

Я не сразу сообразила, о ком он говорит. Ланселот упоминал однажды это имя — кажется, это был кто-то из их

компании. Тоже физик, и, судя по тому как аттестовал его мой супруг, довольно известный. Во всяком случае, из тех, кто сумел добиться успеха, чего нельзя сказать о моем муже.

Отшвырнув газету, он уставился на меня злобным взглядом.

— Нет, ты только почитай, что они там наворотили! — проскрежетал он. — Можно подумать, второй Эйнштейн вознесся на небо. И все из-за того, что этого дурака хватил кондрашка.

Ланселот встал и вышел из комнаты, не доев яйца, не притронувшись ко второй чашке кофе.

Я вздохнула. А что мне еще оставалось делать?

Само собой разумеется, настоящее имя мужа не Ланселот Стеббинз: я изменила имя и некоторые подробности, во избежание осложнений. Но в том-то и дело, что, если б назвать моего супруга его подлинным именем, это имя вам все равно ничего бы не сказало.

Ланселот обладал удивительной способностью оставаться неизвестным. Это был прямо какой-то талант — ни у кого не вызывать к себе никакого интереса. Все его открытия уже были кем-то открыты до него. А если ему и удавалось открыть что-то новое, то всегда кто-нибудь другой в это время создавал нечто более замечательное, и о Ланселоте никто не вспоминал. На конгрессах его доклады никто не слушал, потому что именно в эту минуту в соседней аудитории кто-то делал более важное сообщение.

Все это не могло не повлиять на моего мужа. Он стал другим человеком.

Двадцать пять лет назад, когда мы поженились, это был парень что надо. Блестящая партия. Человек состоятельный, только что получивший наследство, и вдобавок уже сложившийся ученый — не лишенный честолюбия, энергичный и подающий большие надежды. Я тоже, по-моему, была очень недурна собой. Только от всей моей красоты ничего уже не осталось. А вот моя замкнутость, моя полная неспособность завоевать успех в обществе, как это полагалось бы жене молодого и многообещающего научного деятеля, — все это осталось при мне. Быть может, этим отчасти объяснялось то, что Ланселот был таким невезучим. Будь у него другая жена, он светил бы по крайней мере ее отраженным светом.

Понял ли он это в конце концов? И не потому ли он охладил ко мне после первых счастливых лет нашего брака? От этой мысли мне частенько становилось не по себе, и я осыпала себя упреками.

Но иногда я думаю, что виной всему было его тщеславие — тщеславие, которое терзало Ланселота тем сильнее, чем меньше он мог его утолить. Он уволился с факультета и выстроил собственную лабораторию далеко за городом. Говорил, что хочет наслаждаться чистым воздухом подалее от людей.

Денежный вопрос его не тревожил. На физику правительство средств не жалело, поэтому он всегда мог получить столько, сколько нужно. Вдобавок он без всякой меры расходовал наши собственные сбережения.

Я пыталась его урезонить. «Послушай, Ланселот, — говорила я. — Мы же, в конце концов, не нуждаемся. Никто тебя не гонит из университета. К чему все это? Дети и спокойная жизнь — вот все, что мне нужно».

Но его словно ослепил огонь честолюбия, пожиравший его. В ответ он злобно огрызался: «Есть кое-что поважнее! Меня должны признать! Должны же они наконец понять, кто я такой. Я... я — великий исследователь!»

Тогда он еще не решался назвать себя гением.

И что же? Ему по-прежнему не везло. В лаборатории кипела работа. За бешеные деньги он нанял наилучших помощников. Сам трудился как вол. А толку никакого.

Я еще надеялась, что он все же опомнится и мы вернемся в город и заживем тихо и мирно. Не тут-то было. Едва оправившись от очередного поражения, он снова рвался в бой — штурмовать бастионы славы. Каждый раз он загорался новой надеждой, и каждый раз судьба швыряла его в грязь.

Вот тогда он вспоминал о моем существовании. Свои обиды он вымещал на мне. Я не очень отважная женщина, но и мне в конце концов стало ясно, что мы должны расстаться.

Должны, но...

В этот последний год Ланселот готовился к новому сражению. К последнему — я это поняла. В нем появилось нечто новое, незнакомое мне, — какая-то судорожная напряженность. Иногда он говорил сам с собой, ни с того ни с сего смеялся коротким смешком. Целыми днями не брал в рот ни крошки, не спал по ночам. Дошло до того, что он стал прятать на ночь в нашей спальне лабораторные журналы, словно боялся, что его ограбят собственные сотрудники.

Я-то была уверена, что и эта затея обречена на провал. Но теперь он был уже в том возрасте, когда человек должен

понять, что это его последняя ставка. Ну что ж, пускай попытает счастья. Расшибет себе в последний раз лоб и бросит все к черту. Я набралась терпения и стала ждать.

Тут как раз и произошла эта история с некрологом, который он прочитал в газете. Я забыла сказать, что однажды у нас уже был подобный случай. Тогда я не выдержала и брякнула ему что-то вроде того, что, мол, на худой конец его похвалят в его собственном некрологе.

Я, конечно, понимаю, что это не очень-то остроумно. Но тогда мне хотелось отвлечь его, помешать ему утонуть в ощущении полной безысходности, которое делало его совершенно невыносимым. А может быть, я, сама того не понимая, затаила на него злобу. Честно говоря, не знаю.

Как бы то ни было, услышав мои слова, он весь перекосялся. Колочие брови нависли над его глубоко запавшими глазами; резко повернувшись ко мне, он взвизгнул пронзительным фальцетом:

— Но я-то ведь не смогу прочесть свой некролог! Я даже этого лишен!

И он плюнул. Плюнул мне в лицо.

Я выбежала в свою комнату.

Он так и не извинился; несколько дней подряд я старалась с ним не встречаться, потом мало-помалу взаимоотношения восстановились, такие же безрадостные, как и прежде. Никто из нас больше не вспоминал об этом инциденте. И вдруг — опять некролог, и тут мне стало ясно, что это — последняя капля, что в цепи его неудач наступила некая кульминация.

Кризис приближался, я это чувствовала и не знала, бояться мне или радоваться. Пожалуй, все-таки надо было радоваться. Терять было нечего: любая перемена могла быть только к лучшему.

Перед ленчем он вошел ко мне в комнату, где я сидела за каким-то рукоделием — лишь бы чем-нибудь заняться — и следила краешком глаза за телевизором, опять-таки с единственной целью занять чем-нибудь свой мозг.

Он выпалил:

— Ты должна мне помочь.

Прошло уже лет двадцать, если не больше, с тех пор как он в последний раз обращался ко мне с подобной просьбой — и сердце у меня сжалось. Я увидела, что он возбужден

до крайности. На его щеках, всегда бледных, выступила краска. Я пролепетала:

— Охотно, если только смогу...

— Сможешь. Я отправил моих помощников на месяц в отпуск. С субботы их не будет. Будем работать в лаборатории вдвоем. Имей это в виду, чтобы в следующую неделю ничем другим не заниматься.

— Но... Ланселот, — я была в полном замешательстве, — как же я помогу тебе, ведь я ничего не понимаю в этом.

— Знаю, — сказал он презрительно, — тебе и не нужно понимать. Будешь выполнять то, что я тебе скажу, вот и все. Я, видишь ли... кое-что открыл... и это даст мне возможность...

— Ох, Ланселот! — вырвалось у меня. Сколько раз я уже это слышала.

— Слушай меня, дурья башка, и попытайся хоть раз вести себя как взрослый человек. Да, открыл. Но на этот раз меня уже никто не обскачет, потому что идея моего открытия превосходит всякое воображение. Во всем мире ни один физик, будь он даже семи пядей во лбу, никогда не сможет выдумать ничего подобного. Для этого нужно, чтобы сменилось по крайней мере одно поколение... Словом, если мир узнает о моих работах, меня должны признать величайшим ученым всех времен.

— Я очень рада, поздравляю тебя, Ланселот.

— Должны, я сказал. Могут и не признать. В научном мире заслуги распределяются достаточно несправедливо, я испытал это на собственной шкуре... Но только теперь я уже не буду таким дураком, дудки! Я попридержу открытие. А то, глядишь, кто-нибудь подключится. И кончится тем, что мое имя будет плесневеть в каком-нибудь паршивом учебнике по истории науки, а настоящая слава достанется всем этим молодым да ранним.

Он больше не мог сдерживаться. Его буквально распирало. И теперь, когда до осуществления его замысла оставалось всего три дня, он решил, что перед таким ничтожеством, как я, он может открыться без всяких опасений.

Он продолжал:

— Я подам свое открытие так, что все человечество ахнет. Уж тогда никому не придет в голову упоминать о других — все будут говорить только обо мне.

Это уж было слишком. Я перепугалась: а вдруг его ждет новое разочарование? Ведь тогда он окончательно лишится рассудка.

— Дорогой, — сказала я, — к чему такая спешка? Давай немного подождем. Ты слишком много работал, передохни. Возьми отпуск. Мы могли бы съездить в Европу. Кстати, я давно собиралась...

Он топнул ногой.

— Да прекратишь ли ты наконец свою идиотскую болтовню?! В субботу пойдешь со мной в лабораторию. Ясно?

Все эти три ночи я почти не смыкала глаз. Он еще никогда не был таким, не было в нем такого ожесточения. Может, он и вправду спятил? Что он задумал? Чего доброго, поставит на мне какой-нибудь безумный эксперимент. Или просто уколошит меня.

О чем я только не передумала в эти беспросветные, полные ужаса ночи. Хотела звать полицию, хотела убежать, словом, сама не знаю что.

Но приходил рассвет, и я успокаивалась. Нет, он не был сумасшедшим и не был способен на насилие. Даже когда он плюнул в меня — то был в сущности чисто символический акт. И вообще он никогда не осмеливался поднять на меня руку.

И я снова ждала. Наступила суббота. И я покорно, как на заклание, двинулась навстречу неизвестности. Вдвоем мы молча шагали по тропинке, ведущей от дома к лаборатории.

Один вид этой лаборатории вселил в меня ужас. Когда мы приблизились к ней, у меня стали подкашиваться ноги, но Ланселот, заметив мое смятение, буркнул: «Да перестань ты озира́ться, никто тебя не тронет. Твое дело — выполнять мои указания и смотреть, куда я скажу».

— Да, милый...

На дверях висел замок. От отомкнул его, и мы оказались в тесной комнатке, сплошь заставленной диковинными приборами, от которых во все стороны тянулись провода.

— Ну-с, начнем, — сказал он. — Видишь вон тот стальной тигель?

— Да, милый. — Это был высокий и узкий сосуд с толстыми стенками, кое-где покрытыми ржавчиной. Сверху на него была наброшена проволоочная сетка.

Муж подвел меня к тиглю, и я увидела, что там сидит белая мышка. Передними лапками она упиралась в стенку, пытаясь просунуть мордочку сквозь петли проволоочной

сетки, и мелко дрожала — не то от страха, не то от любопытства.

Я отшатнулась. Все-таки это неприятно — неожиданно увидеть мышь.

Ланселот проворчал:

— Да не укусит она тебя... Ладно, теперь отойди и следи за мной.

Все мои страхи вернулись ко мне. В ужасе я ждала, что вот сейчас вылезет откуда-нибудь стальное чудовище и раздавит меня или ударит молния и превратит меня в кучку пепла... Я зажмурилась.

Но ничего особенного не произошло, по крайней мере со мной. Что-то зашипело, как будто пытались разжечь отсыревшую хлопущку, потом я услышала голос Ланселота: «Эй, проснись».

Я открыла глаза. Ланселот смотрел на меня. Он сиял.

— Ну как?

Ничего не понимая, я беспомощно озиравлась вокруг.

— Дурочка, — сказал он. — Это же прямо перед твоим носом.

Тут я только заметила, что рядом с тиглем стоит другой, точно такой же. Раньше его тут не было.

— Ты имеешь в виду второй тигель? — спросила я.

— Это вовсе не второй, это двойник первого. Абсолютная копия, вплоть до последнего атома. Посмотри внимательно. Даже пятна ржавчины одни и те же.

— Ты сделал из одного два?

— Ну да. Только совершенно необычным способом. Видишь ли, чтобы создать заново материю, нужно затратить колоссальное количество энергии. Например, если ты хочешь удвоить один грамм вещества, то даже при самой совершенной технологии тебе придется полностью расщепить не менее ста граммов урана. Так вот, я открыл, что можно создавать материю с ничтожной затратой энергии, надо только уметь ее приложить. А для этого нужно удваивать объект не в настоящем времени, а в будущем, в какой-либо его точке. Весь фокус, моя... э... моя дорогая, состоит в том, что, создав такой дубликат и перенеся его из будущего в настоящее, я тем самым получаю эффект передвижения во времени!

Можете представить себе, насколько велико было его воодушевление, если, обращаясь ко мне, он употребил столь прочувствованный эпитет.

— Да, это замечательно. — Я действительно была потрясена. — Скажи мне, а... мышка тоже вернулась?

На сей раз ответа не последовало. Я заглянула во второй тигель. И тут меня словно толкнули кулаком в грудь. Мышь лежала на своем месте. Но она была мертва.

Ланселот слегка покраснел.

— Тут у меня осечка, — пробормотал он. — Понимаешь, я могу возвращать назад живую материю, но она почему-то оказывается мертвой.

— Какая досада! Почему?

— Пока неизвестно. Я убежден, что объект копируется совершенно точно, с сохранением всей микроструктуры. Это подтверждено при вскрытиях.

— Но ты бы мог спросить у... — Я осеклась. Он метнул в меня недобрый взгляд. Черт меня дернул заикнуться об этом. Я же знала: стоит ему пригласить себе кого-нибудь в помощники, и слава непременно достанется другому.

Он проговорил с горькой усмешкой:

— Да что там, я уже спрашивал. Моих мышек вскрывал опытный биолог. Он ничего не нашел. Разумеется, никто не знает, откуда взялись эти животные. Я постарался своевременно изъять материал... А то еще возникнут какие-нибудь подозрения. Господи! — воскликнул он. — Ведь даже мои ассистенты ни о чем не подозревают!

— Но зачем тебе понадобилось держать все это в такой тайне?

— Зачем? Затем, что я не могу вернуть мышей живыми. Видимо, происходит какой-то ничтожный молекулярный сдвиг. Так вот, если я сейчас опубликую свои результаты, то найдется кто-нибудь другой, кто придумает способ предупредить этот сдвиг. Чутьочку усовершенствует мое открытие, но зато ему удастся вернуть живого человека, который даст информацию о будущем. И слава опять от меня ульвет!

Он был прав. У него наверняка нашлись бы последователи. И тогда моему муженьку уже нечего было бы рассчитывать на признание; не помогли бы никакие заслуги. Это уж точно.

— М-да, — пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне, — и тем не менее я не могу больше ждать. Это дело надо обнародовать — но так, чтобы изобретение навсегда было связано с моим именем. Понимаешь, тут нужна сенсация. Любое упоминание о путешествиях во

времени должно вызывать в памяти у людей мое имя, кто бы потом ни работал над этим открытием. Так вот, я... подготовил такую сенсацию. Ты тоже должна в ней участвовать.

— Я? Но в качестве кого?

— В качестве моей вдовы.

— Ланселот! — Я схватила его за руку. — О Боже... Что ты задумал?

Он холодно отстранился.

— Успокойся. Я не собираюсь убивать себя. Побуду три дня в будущем и вернусь.

— Но ты же умрешь!

— Умру не я, умрет мой двойник. Мое подлинное «я» будет жить, как и прежде. Как вот тамышь.

Он взглянул на часы:

— Ага. Вот. Осталось три секунды. Следи за вторым тиглем.

Тут снова раздался шипящий звук, и на моих глазах контейнер с мертвоймышью исчез, как будто его не было.

— Куда он делся?

— Никуда, — сказал Ланселот. — Это же копия. Мы создали ее в определенной точке будущего, теперь этот момент настал, и она преспокойно закончила свое существование. А перваямышь, которая служила оригиналом, жива и здорова. То же самое произойдет и со мной. Моя копия вернется мертвой. Оригинал, то есть я сам, будет продолжать жить. Потом пройдет три дня, наступит нулевой момент, и моя мертвая копия исчезнет, а оригинал как жил, так и будет жить. Неужели не понятно?

— Понятно. Но все-таки рискованно.

— Да с чего ты взяла? Ты только представь себе: находят мой труп, врач подтверждает, что я умер. О моей смерти объявляют в газетах, готовится панихида и все такое. Вдруг я появляюсь, живой и невредимый, и рассказываю обо всем! После такого дела я уже буду не просто физиком, который открыл способ передвигаться во времени. Я буду человеком, который воскрес из мертвых! Обо мне заговорит весь мир. Ланселот Стеббинз и путешествия во времени — эти понятия станут неотделимы друг от друга. Никто не посмеет их разъединить.

— Ланселот, — сказала я тихо. — Но почему, почему мы не можем просто объявить о твоём открытии? Зачем эти

сложности? Ты и так станешь знаменит, и тогда... мы смогли бы переехать в город...

— Замолчи! И делай что тебе говорят.

Не знаю, когда он успел придумать весь этот план и какую роль сыграл для него тот газетный некролог, но я определенно недооценила умственные способности моего мужа. Хотя он и был феноменальным неудачником, в изобретательности ему нельзя было отказать.

Своим сотрудникам он предусмотрительно сообщил, что намерен в их отсутствие провести кое-какие химические эксперименты. Сотрудники должны были подтвердить, что он действительно работал с цианистыми солями и, по всей видимости, отравился.

— Ты подскажешь полиции, чтобы она немедленно связалась с моими ассистентами. Где их найти, ты знаешь. Мне не нужно ни убийства, ни самоубийства — никаких подозрений на что-либо такое. Несчастный случай, вот и все. Самый обыкновенный, законный несчастный случай. Как можно скорее получить врачебное свидетельство о смерти и опубликовать в газетах.

— Слушай, — сказала я, — а что, если они отыщут тебя живого?

— Чепуха! Если найден труп, кому, черт возьми, придет в голову искать живого человека? Я спокойно буду сидеть в той комнате. Возьму с собой запас бутербродов... и уборная там рядом.

Он вздохнул:

— Вот только как быть с моим кофе? Чего доброго, еще потянет запахом из комнаты. Ну да ладно: три дня как-нибудь перебуюсь. Посижу на хлебе и воде.

Я слушала его, тщетно пытаясь унять нервную дрожь, которая била меня.

— Ну а если все-таки тебя найдут? Знаешь, это ведь тоже неплохо: сразу два человека — живой и мертвый.

Я старалась подготовить и себя. К его неизбежной, как мне казалось, неудаче.

Он заорал:

— Нет, плохо! Получится дешевый фарс. А я не собираюсь прославиться в качестве героя анекдотов.

— Мало ли что может случиться, — осторожно заметила я.

— Только не со мной!

— Ты всегда так говоришь. А потом...

Ланселот побелел от ярости. Зрачки его вонзились в меня. Он схватил меня за локоть и сжал с такой силой, что я чуть не закричала.

— Это ты, ты все можешь напортить! — прохрипел он. — Только посмей! Если ты не будешь вести себя как надо, то я... я... — он искал и не мог найти для меня подходящую казнь, — я уничтожу тебя!

Охваченная ужасом, я старалась высвободиться, но безуспешно. Гнев придавал этому тщедушному человеку чудовищную силу.

— Слушай, ты! — проговорил он наконец. — Ты всегда приносила мне несчастье. Но я сам виноват: не надо было на тебе жениться. Это раз. А во-вторых, надо было с тобой развестись. Времени все не было... Но теперь — теперь я стою на пороге небывалого успеха. Вопреки тебе! И клянусь тебе, если и на этот раз испортишь мне всю музыку, я тебя убью. Ты поняла? Убью. В буквальном смысле слова.

Я не сомневалась, что он так и сделает. Я пролепетала: — Хорошо.

Тогда он отпустил меня.

Весь следующий день он копался в своих аппаратах.

— Никогда не приходилось транспортировать больше ста граммов живности, — рассеянно пояснил он.

Я подумала: «Сорвется. Непременно что-нибудь выйдет не так».

На следующее утро все было готово. Он отрегулировал приборы так, что мне оставалось только нажать на рычажок. После этого он заставил меня бессчетное число раз включать и выключать рычажок вхолостую, без тока.

— Ну что, — повторял он, — ясно тебе, что надо сделать?

— Да, да.

— Включай, как только загорится лампочка. Не раньше! «Господи, что-нибудь сломается», — думала я.

— Да, — сказала я вслух.

Ланселот, в резиновом фартуке поверх рабочей блузы, занял свое место. Он стоял как каменный. Наступило молчание.

Вспыхнула лампочка, и.. помня его уроки, я нажала на рычажок, не успев даже подумать о том, что я делаю. Секундой позже передо мной стояли плечом к плечу два Ланселота, похожие друг на друга как две капли воды, только второй был чуть-чуть взъерошен. Вдруг этот второй обмяк и повалился.

— Bravo! — воскликнул живой Ланселот, выходя из квадрата, который был нарисован на полу. — Теперь помоги мне. Бери его за ноги.

Я подивилась его выдержке. Увидеть свой собственный труп, свое безжизненное тело, приехавшее из послепослезавтрашнего дня! А он и глазом не моргнул. Подхватил его под мышки, как будто взялся за мешок с картофелем.

Я ухватила за обе щиколотки. Меня мутило. Труп был еще теплый. Мы проволокали его по коридору, втащили на лестницу, наконец добрались до комнаты. Там уже было все приготовлено. В причудливо изогнутой реторте булькал раствор, вокруг громоздилось химическое оборудование.

Словом, это был образцовый рабочий беспорядок, без сомнения, тщательно продуманный. На столе среди прочих реактивов бросалась в глаза склянка с крупной надписью «Цианистый калий». Вокруг были разбросаны кристаллы яда.

Ланселот расположил труп так, чтобы сразу стало ясно, что человек упал со стула. Насыпал ему цианистого калия на фартук, на левую ладонь, несколько кристалликов пристроил на подбородке.

«Сразу поймут», — пробормотал он.

Напоследок он окинул комнату критическим взглядом.

— Ну, кажется, все. Иди домой и звони врачу. Будешь давать объяснения, говори, что я засиделся в лаборатории и ты понесла мне бутерброды. Пришла и...

Он указал на бутерброды, валявшиеся на полу, и разбитую тарелку, которую я будто бы уронила.

— Теперь выдай слезу. Только не переборщи.

В нужный момент я расплакалась — это было нетрудно, ведь все эти дни я была на грани истерики. Теперь все это выплеснулось наружу.

Врач повел себя точно так, как предсказал Ланселот. Моментально засек банку с цианистым калием. Нахмурившись, процедил:

— Ай-яй-яй! Какая неосторожность!

— И зачем только я позволила ему работать одному, — говорила я, глотая слезы. — Взял и отпустил всех помощников в отпуск.

— Когда с цианидами обращаются как с поваренной солью, это всегда кончается плохо. — Доктор сокрушенно покачал головой с менторским видом. — Не обижайтесь, миссис Стеббинз, но я вынужден вызвать полицию. Без сомнения,

это несчастный случай, но любая насильственная смерть требует полицейского дознания...

— Да-да, конечно, вызовите их, — подхватила я. И тут же прикусила язык: такая поспешность могла показаться подозрительной.

Явилась полиция. Судебный эксперт, увидев на руке и на подбородке у трупа кристаллы яда, что-то брезгливо промычал. На всю эту компанию случившееся не произвело ни малейшего впечатления. Они записали фамилию, имя, возраст. Осведомились, намерена ли я похоронить покойного за свой счет. Я ответила «да», и они укатили.

После этого я стала звонить в редакции газет, связалась с двумя агентствами печати и попросила их, если они будут ссылаться в своих публикациях на полицейский протокол, не особенно нажимать на то, что муж оказался неумелым химиком. Я сказала это тоном убитой горем супруги, которая не хочет, чтобы на репутацию покойного легла какая бы то ни было тень. К тому же он и не химик, добавила я. Его специальность — ядерная физика. И тут я очень удачно ввернула, что у меня давно было предчувствие, будто ему грозит беда.

Говоря так, я в точности следовала инструкциям Ланселота. Сработало великолепно: они сейчас же на это клюнули. Несчастный случай с физиком-атомщиком. Что это — шпионы? Рука Москвы?

Началось нашествие репортеров. Я вынесла им портрет Ланселота в молодости, водила их по лаборатории. Фотоаппараты щелкали не смолкая. Но никто почему-то не спросил, что находится в комнатке, запертой на замок. Должно быть, ее просто не заметили.

Я снабдила их богатым материалом о жизненном пути и научном творчестве покойного. Вспомнила несколько забавных случаев, которые должны были показать, что великий ученый в жизни был простым и скромным человеком. Все это Ланселот заготовил заранее. Я старалась как могла, но тайная тревога не покидала меня. Вот сейчас, думала я, что-нибудь сорвется. Какая-нибудь мелочь нас выдаст. И виноватой окажусь я. Что тогда со мной будет? Ведь он обещал меня убить.

Утром я принесла ему газеты. Ланселот набросился на них с алчным блеском в глазах. «Нью-Йорк таймс» отвела ему целую колонку в углу на первой полосе. «Таймс» не слишком старалась заинтриговать читателей его кончиной; в таком же духе откликнулась «Афтернун пост». Зато какая-

то бульварная газетка тиснула огромную шапку через всю страницу: «ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ УЧЕНОГО-АТОМЩИКА».

Он залился счастливым смехом. Пробежал все от начала до конца, потом стал перечитывать. Потом сказал:

— Не уходи. Послушай, что они пишут.

— Да я уже читала.

Он принялся читать вслух, не спеша, смакуя похвалы по своему адресу.

— Ну что? — сказал он, когда все газеты были прочитаны. — Скажешь, опять что-нибудь не выйдет?

Я проговорила неуверенно:

— А что, если полиция вернется и начнет выпытывать, что значат эти слова: «грозит беда»?

— Отделайся намеками. Скажи, что тебе приснился дурной сон. А там пускай себе занимаются расследованием — время-то пройдет.

Действительно, пока все шло как по маслу. И, однако, я все еще чего-то боялась. Боялась надеяться. Человек — странное существо: вот тогда, когда никакой надежды не может быть, тогда он надеется.

Я пробормотала:

— Скажи мне, Ланселот, если все кончится хорошо... и ты станешь знаменитым... мы ведь сможем тогда отдохнуть? Вернемся в город и заживем спокойно, а?

— Идиотка! Неужели ты не понимаешь, что, когда меня признают, я просто обязан буду продолжать свое дело! Ко мне повалит молодежь. Моя лаборатория превратится в грандиозный научно-исследовательский Институт Времени. Я стану легендарной личностью. Величайшие умы покажутся пигмеями рядом со мной...

Выпивтив грудь, Ланселот уставился в пустоту сверкающим взором. Он даже привстал на цыпочки. Казалось, он уже видит перед собой мраморный пьедестал, на который его вознесут восхищенные современники.

Я вздохнула. Рушились мои последние надежды на крошечный клочок простого человеческого счастья.

Я потребовала от агента похоронного бюро оставить гроб с телом Ланселота в лаборатории, с тем чтобы потом перевести его прямо на Лонг-Айленд, в семейный склеп семьи Стеббинзов. Отказалась от бальзамирования, мотивировав

это тем, что буду держать его в большой холодильной камере, где температура около нуля.

Я заявила, что хочу провести эти последние часы возле мужа, что должны еще приехать его сотрудники, но все это прозвучало, по-моему, неубедительно. На лице агента изобразилось холодное неодобрение. Но таковы были инструкции, данные мне Ланселотом.

Когда тело Ланселота, парадно убранное, в открытом гробу было выставлено на видном месте, я пошла навестить живого Ланселота.

— Знаешь, — сказала я, — похоронный агент недоволен. Он явно что-то подозревает.

— Ну и черт с ним, — благодушно отозвался Ланселот.

— Да, но...

— Пусть себе подозревает на здоровье. Что ты волнуешься? Осталось ждать всего один день. За это время ничего не изменится. А завтра утром тело исчезнет... то есть должно исчезнуть.

— Ты думаешь, оно может и не исчезнуть?

Так я и знала. Так и знала!

— Ну, мало ли что. Может произойти небольшая задержка... или наоборот, чуть раньше. Мне ведь еще не приходилось перемещать такие массивные объекты, и я не совсем уверен, насколько точны в этом отношении мои формулы. Поэтому я и решил оставить тело здесь.

— Напрасно. В морге оно по крайней мере исчезло бы при свидетелях.

— А здесь, ты думаешь, могут заподозрить обман?

— Конечно.

Эта мысль его развеселила.

— Ну еще бы! Начнут говорить: зачем он отослал ассистентов? Куда потом девался труп? И вообще, как это он умудрился отравиться, ставя какие-то детские опыты? Вся эта история с путешествием во времени — сплошная липа. Он, скажут, принял какую-то гадость, впал в бесчувственное состояние, а врачи решили, что он умер.

— Ну да, — сказала я убитым голосом. Как мгновенно он все сообразил!

— А потом, — продолжал он, — когда я буду настаивать, что я все-таки на самом деле совершил это путешествие и одновременно был и живым и мертвым, корифеи науки предадут меня анафеме. Я буду всенародно разоблачен как низкий обманщик и за одну неделю стану притчей во языцех. Поднимется шум во всем мире. И вот тогда... тогда я

предложу публичную демонстрацию опыта в присутствии любой компетентной комиссии. Я потребую, чтобы путешествие во времени транслировалось по международному телевидению! Ну конечно, общественность настаит на том, чтобы опыт состоялся. Телевизионные кампании тоже пойдут навстречу. Им-то наплевать, что увидят зрители — чудо, которое я совершу, или мой позорный крах. Главное, чтоб было интересно. В зрителях недостатка не будет. И вот тут-то я ударю всем по мозгам.

На какой-то миг вся эта феерия меня ослепила. Но сейчас же внутренний голос осадил меня: слишком длинный путь, слишком сложно. Не может быть, чтобы не сорвалось.

Вечером приехали два сотрудника моего мужа. Оба старались придать своим лицам выражение подобающей скорби. Ну что ж, вот и еще два свидетеля, которые подтвердят, что видели Ланселота мертвым. Еще два соучастника всей этой путаницы, которая приведет события к неслыханной кульминации.

С четырех часов ночи мы оба, в шубах, сидели в холодильной камере, ожидая, когда наступит нулевое время. Ланселот дрожащими руками что-то подкручивал в своих приборах. Портативная вычислительная машина не выключалась ни на минуту. Уму непостижимо, как ему удавалось набирать цифры окоченевшими пальцами.

Я чувствовала себя совершенно разбитой. Холодно. Рядом в гробу — мертвое тело, и полнейшая неизвестность впереди.

Прошла целая вечность, а мы все еще сидели и ждали. Наконец Ланселот произнес:

— Ну вот, все в порядке. Исчезнет, как я и рассчитывал. В крайнем случае опоздает минут на пять — для массы в семьдесят килограммов это совсем неплохая степень точности. Все-таки мой анализ хронодинамических преобразований великолепен! — Он подмигнул мне, а потом так же бодро подмигнул своему трупу.

Я заметила, что его блуза сильно помялась. Он не снимал ее все три дня — видимо, и спал в ней — и она стала такой же изжеванной, как на втором Ланселоте в момент его появления.

Ланселот словно угадал мои мысли. Поймав мой взгляд, он перевел глаза на свою блузу.

— Гм, надо бы надеть фартук. Этот второй тоже был в нем.

— Может, не стоит его надевать? — голос мой прозвучал без всякого выражения.

— Нет, надо. Нужна какая-нибудь характерная деталь. Иначе не будет уверенности в том, что это один и тот же человек. — Он пристально поглядел на меня: — А ты по-прежнему считаешь, что произойдет осечка?

Я с трудом выдавила из себя:

— Не знаю.

— Ты, может быть, думаешь, что исчезнет не труп, а я?

Я молчала, и голос его сорвался на крик:

— Ты что же, не видишь, что счастье мне улыбается? Не видишь, что все получается как по нотам! Еще немного — и я стану самым великим из всех людей на земле!.. Лучше вскипяти мне воду для кофе, — сказал он, неожиданно успокоившись. — Скоро мой покойничек испарится, а я воскресну. Надо отпраздновать это событие.

Он подтолкнул ко мне банку с растворимым кофе — после трехдневного ожидания годился и этот.

Я стала возиться с плиткой; залубневшие пальцы не слушались меня. Он оттолкнул меня и сам поставил на плитку колбу с водой.

— Подождем еще немного, — проговорил он, переключив тумблер на отметку «макс». Кинул взгляд на часы, затем уставился на приборы. — Пожалуй, не успеет закипеть. Сейчас он исчезнет. Иди сюда.

Он встал рядом с гробом.

Я медлила.

— Иди! — приказал он.

Я подошла.

С неопишуемым наслаждением он смотрел туда, на самого себя. Мы оба не отрывали глаз от трупа.

Послышался знакомый звук, и Ланселот крикнул:

— Минута в минуту!

В одно мгновение мертвое тело пропало. В гробу лежал пустой костюм. Одежда на двойнике была, естественно, не та, в которой он появился. Поэтому она осталась. Брюки, пиджак, под пиджаком рубашка, новый галстук. Туфли опрокинулись, из них торчали носки. А самого человека не было.

Я услышала бульканье. Это кипела вода.

— Кофе, — сказал Ланселот. — Скорее кофе! Потом вызовем полицию и газетчиков.

Я приготовила кофе ему и себе. Зачерпнула для него из сахарницы обязательную чайную ложку — полную, но без верха — ни больше и ни меньше. То было железное правило — даже теперь, когда в этом не было никакого смысла, привычка была сильнее всего.

Лично я пью кофе без сахара. Таков мой обычай. Я сделала глоток. Отрадная теплота разлилась по всему моему телу.

Ланселот взял в руки чашку.

— Ну вот, — тихо произнес он. — Я наконец дождался. — И он поднес к губам эту чашку с какой-то скорбной торжественностью.

Это были его последние слова.

Когда все кончилось, меня охватило какое-то безумие. Я стащила с него одежду и вместо нее напялила то, что лежало в гробу. Как мне удалось поднять его с пола и уложить в гроб, до сих пор не могу понять. Его руки я сложила на груди, как было у того, исчезнувшего.

Потом я долго и старательно смывала все следы кофе в раковине и тщательно полоскала сахарницу. Я мыла ее и чашку до тех пор, пока в них не могло остаться и намека на цианистый калий, который я всыпала вместо сахара.

Его рабочую блузу и все остальное я отнесла в мусорный ящик. Раньше я выбросила туда точно такую же одежду двойника, но теперь, естественно, ее там уже не было.

Под вечер, когда труп моего мужа вполне остыл, я звала агентов похоронного бюро. Они, разумеется, не удивились. Да и чему было удивляться? Мертвец как был, так и остался. Абсолютно тот же самый, даже с цианистым калием в желудке, как и предполагалось.

Они заколотили гроб и увезли его. А потом Ланселота зарыли.

Но ведь, строго говоря, в момент, когда я его отравила, Ланселот официально уже был мертв. Так что я не уверена, можно ли это считать убийством. Естественно, я не собираюсь консультироваться по этому поводу с юристом.

Теперь я обрела желанный покой. Я довольна своей жизнью. Денег у меня достаточно. Хожу в театр. Принимаю друзей.

Совість меня не мучает.

Я убеждена, что Ланселоту никогда не удалось бы добиться признания. Когда-нибудь передвижение во времени будет

открыто заново, но память о Ланселоте Стеббинзе навсегда исчезнет во мраке забвения. Ведь я же говорила ему, что все его проекты обречены на провал: он не дожидется славы. Если бы я не покончила с ним, что-нибудь обязательно вышло бы не так, и тогда он убил бы меня.

Нет, я ничуть не раскаиваюсь.

По правде говоря, я все ему простила. Все — кроме того, что он плюнул в меня. Но какая ирония судьбы! Прежде чем умереть, он получил от нее дар, какой редко достается людям, и был счастлив.

Вопреки тому, что он кричал мне тогда, прежде чем плюнуть, — Ланселот смог прочесть свой собственный некролог.

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ

Артур Трент прекрасно их слышал. Энергичные, сердитые слова доносились до него из приемника:

— Трент! Тебе не удастся сбежать. Мы пересечем твою орбиту через два часа, а если ты окажешь сопротивление, мы просто вышвырнем тебя из космоса.

Трент улыбнулся, но ничего не сказал. У него не было никакого оружия, потому что он не собирался ни с кем сражаться. Пройдет гораздо меньше двух часов, прежде чем его корабль совершит Скачок через гиперпространство, и тогда ищи ветра в поле... Ему удалось заполучить почти килограмм криллиума, а этого достаточно для того, чтобы обеспечить мозгами тысячи роботов; кроме того, на любой планете Галактики он сможет получить за него миллионы кредитов — и никто не станет задавать лишних вопросов.

Спланировал все старина Бренмейер. На подготовку ушло целых тридцать лет или даже больше. Это было делом всей его жизни.

— Мы сбежим, молодой человек, — сказал он Тренту. — Именно за этим вы мне и нужны. Вы знаете, как оторвать корабль от земли и направить его в космос. Я на это не способен.

— В космосе нам нечего делать, мистер Бренмейер, — возразил Трент. — Нас моментально поймают.

— Вовсе нет, — с довольным видом сказал Бренмейер, — потому что мы совершим Скачок. Что произойдет, если мы

Star Light

© 1962 by Isaac Asimov

Звездный свет

© В. Гольдич и И. Оганесова, перевод, 1997

промчимся сквозь гиперпространство и окажемся где-нибудь в нескольких световых годах отсюда?

— Чтобы спланировать Скачок, нужно полдня, но даже если у нас и будет достаточно времени, полиция успеет предупредить все звездные системы.

— Нет, приятель, нет, — рука старика легла на руку Трента, Бренмейер дрожал от возбуждения. — Не все звездные системы; только те, что находятся поблизости. Галактика велика, и колонисты за последние пятьдесят тысяч лет потеряли связь друг с другом.

Он рисовал яркие, живые картинки. Сейчас Галактика похожа на родную планету человека — они называли ее Земля, — какой она была в доисторические времена. Люди жили на разных континентах, каждая отдельная группа была хорошо знакома только со своими соседями.

— Совершив Скачок в неопределенном направлении, — сказал Бренмейер, — мы можем оказаться где угодно, возможно, на расстоянии многих тысяч световых лет от родного дома — разве реально найти определенный камешек в метеоритном облаке?

— А сами мы себя найдем? — покачивая головой, спросил Трент. — Мы же не будем иметь ни малейшего представления о том, как добраться до какой-нибудь населенной планеты.

Бренмейер быстро огляделся по сторонам. Рядом никого не было, но старик все равно понизил голос до шепота:

— Вот уже тридцать лет я собираю сведения обо всех населенных планетах Галактики. Изучил архивные записи. Пролетел тысячи световых лет, побывал дальше, чем любой космический пилот. Так что теперь расположение всех населенных миров внесено в память самого лучшего компьютера в мире.

Трент изобразил вежливое удивление.

— Я занимаюсь созданием компьютеров, — пояснил Бренмейер, — и, естественно, имею в своем распоряжении самые лучшие. Кроме того, я рассчитал точное местоположение каждой испускающей излучение звезды спектрального класса F, B, A и O — это я тоже занес в память моего компьютера. Как только мы совершим Скачок, компьютер произведет спектральный анализ окружающих светил и сравнит полученные результаты с имеющейся у него картой Галактики. Как только он определит, где мы находимся — а рано или поздно он это обязательно сделает, — корабль авто-

матически совершит следующий Скачок в сторону ближайшей населенной планеты.

— Звучит слишком сложно.

— Тут не может быть никаких проколов. Я работал над этой проблемой целую жизнь, все получится. Мне осталось лет десять, которые я смогу прожить, как миллионер. Вы молоды — у вас впереди долгие годы, наполненные самыми разнообразными удовольствиями.

— Совершая Скачок в неопределенном направлении, существует шанс попасть внутрь звезды.

— Ни в коем случае, Трент! Конечно, мы можем оказаться так далеко от всех известных звезд, что компьютер не найдет аналога в своей программе. Или мы прыгнем всего на один или два световых года, и полиция сядет нам на хвост. Впрочем, эта вероятность пренебрежимо мала. Если вам охота найти повод для беспокойства, почему бы не представить себе, что во время старта у вас случится сердечный приступ. Это, кстати, вполне реально.

— Для вас, мистер Бренмейер. Вы же гораздо старше.

— Я не в счет, — пожав плечами, сказал Бренмейер. — Компьютер считает все сам, автоматически.

Трент кивнул, он запомнил эти слова. Однажды в полночь, когда корабль был готов к отлету и Бренмейер прибыл с чемоданчиком, в котором был криллиум — тут у него не возникло никаких проблем, потому что ему всецело доверяли, — Трент взял у него чемоданчик одной рукой, а другая сделала быстрое уверенное движение.

Нож по-прежнему оставался самым надежным оружием, он действовал так же быстро, как и молекулярный деполяризатор, был столь же смертоносным, но производил гораздо меньше шума. Трент оставил нож в теле, не позаботившись даже о том, чтобы стереть отпечатки пальцев. В этом не было никакой необходимости. Полиция его все равно не достанет.

Сейчас, находясь в глубоком космосе, зная, что его преследуют, Трент ощущал, как нарастает напряжение — так всегда бывало перед Скачком. Еще ни один физиолог не смог объяснить это чувство, известное любому пилоту.

На один короткий миг показалось, будто все вокруг вывернуто наизнанку: Трент и его корабль попали в не-космос и в не-время, превратились в не-материю и не-энергию — а потом, почти сразу, все снова вернулось на свои места, корабль стал единым целым, уже в другой части Галактики.

Трент улыбнулся. Он был жив. Ни одна из звезд не находилась слишком близко, но тысячи располагались совсем рядом. Расположение светил показалось Тренту незнакомым; значит, совершив Скачок, он попал достаточно далеко. Какие-то из этих звезд наверняка принадлежат к спектральному классу F, может быть, здесь даже найдется что-нибудь и получше. Компьютер без проблем справится с задачей, у него в памяти наверняка есть все, что необходимо. Много времени на это не уйдет.

Он устроился поудобнее в кресле и принялся наблюдать, как меняется рисунок звездного сияния — корабль, разумеется, вращался. Трент увидел яркую звезду — по-настоящему яркую. Звезда находилась всего в нескольких световых годах от корабля, опыт подсказал, что это живая звезда, прекрасная и горячая. Компьютер возьмет ее за основу и станет искать среди своей огромной базы данных нужную информацию. И снова Трент подумал, что компьютеру не понадобится на это много времени.

Однако он ошибся. Проходили минуты. Прошел час. Компьютер по-прежнему деловито урчал, моргая огоньками.

Трент нахмурился. Почему проклятый ящик не в состоянии определить, куда они попали? В памяти компьютера наверняка хранятся данные об этой части Галактики. Бренмейер показывал, во что вылились долгие годы его кропотливой работы. Он не мог пропустить какую-нибудь звезду или ошибочно поместить ее в другое место.

Конечно же, звезды рождаются и умирают, и передвигаются в космическом пространстве, но все это происходит очень медленно, медленно. Миллионы лет... данные Бренмейера не могли...

Неожиданно Трента охватила паника. Нет! Не может быть! Вероятность настолько мала... скорее можно предположить, что попадешь внутрь звезды.

Он подождал, пока яркая звезда не оказалась снова у него перед глазами, и дрожащими руками навел на нее телескопическое увеличение. Настроил на максимум... и вокруг яркого пятна увидел едва различимую дымку — турбулентные газы, застывшие в самый разгар движения.

Сверхновая!

Прятавшаяся в неизвестности звезда вспыхнула ярким светом — может быть, всего месяц назад. Раньше она принадлежала к спектральному классу, на который компьютер не обратил бы внимания, зато теперь он не мог не принять ее в расчет.

Однако эта сверхновая не была внесена в память компьютера, потому что Бренмейер ее туда не поместил. Ее просто не существовало, когда он собирал свои данные — по крайней мере в виде звезды такой яркости.

— Плюнь на нее! — взвыл Трент. — Оставь в покое!

Но он обращался к машине, которая будет сравнивать расположение звезд с теми данными, что внесены в память, не найдет ничего похожего и продолжит свои поиски, снова и снова пытаясь решить задачу... и так до тех пор, пока не кончится запас энергии.

Воздух кончится гораздо раньше. Жизнь Трента кончится гораздо раньше.

Он безвольно откинулся на спинку кресла, не сводя глаз с мерцающих звезд и приготовившись к долгому, мучительному ожиданию смерти.

Если бы только он не поспешил пустить в ход нож...

КЛЮЧ

В 60-х я писал много научно-популярного и мало фантастического. Тем не менее в «Журнале фэнтези и научной фантастики» задумали сделать специальный «выпуск Айзека Азимова» и попросили чего-нибудь новенького. Я погдался на лесть и написал последний — четвертый и самый изящный рассказ об Уэнделле Эрте. (Кстати, и самый глиный в книге.)

У меня отлегло от сердца, когда я увидел, что по-прежнему могу писать фантастику. В память о великом открытии я включаю этот рассказ в сборник.

Карл Дженнингс понимал, что умирает. У него оставалось несколько часов и дело, которое надо закончить. Спасения здесь, на Луне, при неработающей связи ждать не приходилось.

Даже на Земле остались затерянные уголки, где нет радио, где человек может умереть, и некому будет помочь, некому посочувствовать, некому даже обнаружить труп. На Луне такие места — не исключение, а правило.

Конечно, земляне знают, что он на Луне. Он участвует в геологической — тьфу, селенологической! — экспедиции. Странно все-таки, до чего он заиклен на Земле — так и лезет в голову это «гео».

Карл Дженнингс устало принуждал себя мыслить, ни на минуту не прекращая работы. На пороге смерти мозг сохра-

нял прежнюю искусственную ясность. Дженнингс тревожно огляделся. Ничего не видно. Здесь, под северной стеной кратера, царила вечная ночь, крошечную тьму нарушали лишь редкие вспышки фонарика. Редкие — потому что Дженнингс берег последний запас энергии, а главное, боялся себя выдать.

Слева, на юге, вдоль близкого лунного горизонта, лежал яркий белый серп. Там, за светлой полосой, был дальний, невидимый борт кратера. Сюда, за ближний уступ, Солнце не заглядывает никогда. Дженнингс мог не опасаться солнечной радиации — хотя бы ее.

Он копал старательно, но неуклюже — мешал громоздкий скафандр. Бок болел нестерпимо.

Пыль и щебень не складывались здесь в «сказочные замки», характерные для тех участков Луны, где сменяются свет и тень, жар и стужа. В царстве вечного холода шлейф медленно разрушаемой породы оставался лежать под склоном грудой тонкого, несортированного материала. Никто не догадается, что тут копали.

Дженнингс недооценил высоту темного бугорка и присыпал пригоршню пыли. Частицы упали с типично лунной замедленностью, тем не менее казалось, что страшно быстро, ведь они не повисли, как в воздухе, пыльной дымкой.

На мгновение вспыхнул фонарь. Дженнингс отпихнул с дороги зазубренный камень.

Время поджимало. Он глубже зарылся в пыль.

Еще немного. Скоро можно будет затолкать Устройство в ямку и присыпать. Стресс не найдет.

Стресс!

Второй член экспедиции. Напарник. Соавтор открытия. Второй претендент на славу.

Если бы Стресс просто хотел приписать себе всю заслугу, Дженнингс, возможно бы, стерпел. Открытие куда важнее, чем слава, которую оно может принести. Однако Стресс покусился на большее, и Дженнингс готов был сражаться, чтоб его остановить. Готов был пожертвовать собственной жизнью.

И он умирал.

Они нашли его вместе. Вообще-то именно Стресс обнаружил корабль, точнее — останки корабля; еще точнее — нечто, наводящее на мысль об останках корабля.

— Металл, — объявил Стросс, поднимая что-то корявое и почти бесформенное. Его лицо и глаза едва угадывались за толстым стеклом скафандра, но хриплый голос звучал в наушниках вполне отчетливо.

Дженнингс в два прыжка преодолел разделяющие их полмили. Он сказал:

— Странно. На Луне нет свободного металла.

— Не должно быть. Но мы отлично знаем, что исследовано менее процента лунной поверхности. Кто ведает, что здесь можно найти?

Дженнингс согласно засопел и протянул руку в скафандре.

Верно, на Луне возможны самые неожиданные открытия. Их селенографическая экспедиция — первая негосударственная. До сих пор подобные мероприятия финансировало правительство, участникам приходилось за короткое время решать целую кучу задач. Однако освоение космоса идет вперед, и лучшее тому подтверждение — что Геологическое Общество послало двух людей на Луну с чисто селенологическими целями.

Стросс заметил:

— Впечатление такое, будто поверхность прежде была гладкой.

— Вы правы, — сказал Дженнингс. — Давайте поищем вокруг.

Они нашли еще три куска: два маленьких и один большой, зазубренный, со следами сварки.

— Вернемся на корабль, — предложил Стросс.

Они сели в глассер, добрались до корабля, задраили люки и сняли скафандры, Дженнингс — с особым наслаждением. Он яростно почесал ребра, а щеки растер так, что на светлой коже проступили красные полосы.

Стросс не унизился до такой слабости и сразу приступил к работе. Лазерный луч выжиг в металле ямку, спектрограф показал состав паров. Титанистая сталь с небольшой примесью кобальта и молибдена.

— Так и есть, искусственная, — сказал Стросс. Лицо его выражало обычное мрачное недовольство без тени восторга, хотя у Дженнингса бешено забилося сердце.

Видимо, возбуждение и толкнуло Дженнингса начать: «Нам потребуются стальные нервы...» с легким нажимом на «сталь», чтобы подчеркнуть игру слов.

Стросс обдал Дженнингса холодным презрением, и каламбур остался незавершенным.

Дженнингс вздохнул. Он ничего не мог с собой поделать. Помнится, в университете... Ладно, это в сторону. Стросс может сколько угодно строить кислую мину, а все равно открытие заслуживает куда лучшего каламбура, чем по силам Дженнингсу.

Неужели Стросс не понимает, что произошло?

Дженнингс очень мало знал Стросса, только как селенолога. Другими словами, он читал статьи Стросса, а Стросс, надо полагать, читал его. Они учились на соседних курсах, но знакомы не были и впервые встретились перед самой экспедицией, куда их отобрали из числа других добровольцев.

Через неделю Дженнингса начало раздражать в соседе все: коренастая фигура, соломенные волосы, голубые глаза, даже манера тщательно жевать, сильно двигая челюстями. Сам Дженнингс был стройнее, глаза имел тоже голубые, а волосы — темно-русые. Он почти физически ощущал, как разит от Стросса уверенностью и силой.

Дженнингс сказал:

— Нет никаких упоминаний, чтоб в этой части Луны садился, а тем более падал спускаемый аппарат.

— Обломки корабля, — заметил Стросс, — были бы гладкими. Эти все изъедены, а раз воздуха нет, значит, метеориты бомбардировали их много лет.

Тут до него дошло. Дженнингс торжествующе произнес:

— Это сделано не человеком. На Луне побывали внеземные существа. Кто знает, как давно?

— Кто знает? — сухо повторил Стросс.

— В отчете...

— Погодите, — властно перебил Стросс. — Успеем отчитаться, когда будет о чем. Если это корабль, могут отыскаться еще обломки.

Однако не имело смысла сразу идти на поиски. Они пробыли на поверхности несколько часов, пора было есть и спать. Лучше заняться работой на свежую голову и посвящать ей весь день. Это решилось само собой, почти без обсуждения.

Низко над восточным горизонтом висела почти полная Земля, яркая, в синих разводах. Пока они ели, Дженнингс глядел на нее и, как всегда, чувствовал жгучую тоску по дому.

— Она кажется такой тихой, а ведь на ней копошатся шесть миллиардов...

Стросс вышел из задумчивости и сказал:

— Шесть миллиардов ее губят!

Дженнингс нахмурился:

— Вы ведь не Ультра?

Стросс сказал:

— Что вы несете?

Дженнингс вспыхнул. Он легко краснел, его тонкая кожа чуть что становилась розовой, и Дженнингса это страшно смущало.

Он вернулся к еде и больше не заговаривал.

Вот уже целое поколение численность землян оставалась постоянной. Человечество не могло позволить себе дальнейшего роста. С этим соглашались все. Мало того, все больше людей говорило, что этого недостаточно. Население должно сократиться. Дженнингс поддерживал эту точку зрения. Человечество проедало земной шар.

Но как сократить население? Случайным образом, убеждая людей снижать рождаемость, когда и как они захотят? В последнее время все больше появлялось таких, кто считал, что сокращать надо выборочно — пусть выживут наиболее достойные, а кому это быть, мы решим сами.

Дженнингс подумал: «Кажется, я его обидел».

Он уже засыпал, когда ему пришло в голову, что, в сущности, почти ничего не знает о Строссе. Вдруг тот намерен ночью отправиться на вылазку и присвоить себе всю славу?

Дженнингс встревоженно приподнялся на локте, но услышал лишь мерное дыхание Стросса, которое вскоре перешло в раскатистый храп.

Следующие три дня они потратили на поиски. Удалось обнаружить новые обломки, и не только. Нашли скопление бледно фосфоресцирующих бактерий. Эти микроорганизмы широко распространены на Луне, но никто из исследователей не сообщал о такой концентрации, которая вызывала бы видимое свечение.

Стросс сказал:

— Наверное, здесь лежало органическое существо или его останки. Существо умерло, бактерии-паразиты — нет. В конце концов они его съели.

— И, возможно, распространились, — добавил Дженнингс. — Не исключено, что таким образом возникли лунные бактерии. Не зародились на Луне, а были занесены эпохи назад.

— Можно сделать и другой вывод, — сказал Стросс. — Поскольку бактерии эти в корне отличны от любых земных организмов, значит, в корне отличалось и существо, на ко-

тором они паразитировали (если мы принимаем эту гипотезу). Еще одно подтверждение его внеземной природы.

След кончался у стенки небольшого кратера.

— Потребуются серьезные раскопки, — произнес Дженнингс упавшим голосом. — Надо послать отчет и просить помощи.

— Нет, — мрачно отвечал Стросс. — Может, помогать будет не в чем. Что, если кратер возник через миллионы лет после аварии?

— И останки корабля уничтожены, кроме тех, что мы уже нашли?

Стросс кивнул.

Дженнингс сказал:

— Давайте все равно копнем. Проведем линию через найденные фрагменты и чуть-чуть поковыряемся на продолжении.

Стросс затею не одобрил и работал вполсилы, так что главную находку сделал именно Дженнингс. Разумеется, это в счет! Пусть Стросс наткнулся на первый кусок металла, зато Дженнингс обнаружил Устройство.

Это было действительно устройство. Оно покоилось на глубине трех футов под неровной глыбой, упавшей так, что под ней осталась пещерка. Здесь-то устройство и пролежало, может быть, более миллиона лет, укрытое от солнечных лучей, от микрометеоритов, от перепадов температур, и потому — как новенькое.

Устройством с большой буквы его окрестил Дженнингс. Оно и отдаленно не напоминало человеческий инструмент, да и с чего бы?

— Я не вижу неровных краев, — сказал он. — Вроде целое.

— Может, какие детали выпали.

— Может, — согласился Дженнингс. — Только не похоже, чтоб оно было разборное. Оно явно цельное и явно не без цели. — Он отметил игру слов и продолжал, тщетно пытаясь одолеть волнение: — Ну теперь-то у нас есть все. Куски искоженного металла и скопление бактерий — только повод для догадок и споров. А это уже верняк — Устройство, явно изготовленное не на Земле.

Они сидели по разные стороны стола и разглядывали таинственный предмет.

Дженнингс сказал:

— Давайте составим предварительный отчет.

— Нет! — резко возразил Стросс. — Нет, черт возьми!

— Почему?

— Потому что, стоит послать доклад, Общество наложит лапу на открытие, а нам не останется места даже в примечаниях. Нет! — Стросс глядел почти умоляюще. — Давайте выясним как можно больше, пока не слетелись коршунуны.

Дженнингс задумался. Ему, разумеется, не хотелось терять свою долю известности. И все же...

— По-моему, незачем рисковать, Стросс. — Впервые его потянуло назвать коллегу по имени, но он переборол импульс. — Послушайте, мы не имеем права ждать. Если это внеземное, то скорее всего с другой звезды. Остальные планеты Солнечной системы непригодны для жизни.

— Что еще надо доказать, — проворчал Стросс. — Но даже если так, какая разница?

— А такая, что создатели корабля могли совершать межзвездные перелеты, а следовательно, далеко опередили нас. Кто знает, может, Устройство позволит нам расшифровать их технологии. Возможно, это — ключ к неведомым тайнам. И даже — к немыслимой научной революции.

— Романтические бредни! Если это продукт более высокой цивилизации, мы ничего не разберем. Воскресите Эйнштейна и покажите ему микропротоверп — что он в нем поймет?

— А вдруг все-таки разберем?

— Хорошо, пусть. Что за беда, если мы немного повредим? Сами доставим эту штуковину на Землю, позаботимся, чтоб она не уплыла у нас из рук? Как следует застолбим свое открытие?

— Но, Стросс... — Дженнингс чуть не плакал. Он чувствовал, что непременно должен объяснить всю важность находки. — Что, если мы не доберемся до Земли? Разобьемся на подлете? Этим нельзя рисковать. — Он нежно похлопал Устройство. — Надо сообщить немедленно, пусть высылают корабли. Слишком большая ценность.

Волнение достигло предела. Устройство под рукой, казалось, стало теплее. Часть поверхности, полускрытая металлическим козырьком, засветилась.

Дженнингс отдернул руку, и Устройство померкло. Однако хватило и короткого мига.

Дженнингс потрясенно сказал:

— Как будто окно открылось в вашем мозгу. Я читал мысли.

— А я — ваши, — сказал Стросс. — Читал, или переживал, или испытывал, как хотите.

Он холодно, отстраненно провел рукой по Устройство, но ничего не произошло.

— Вы — Ультра, — сердито произнес Дженнингс. — Когда я его коснулся... — Он снова потрогал металлическую поверхность. — Вот опять. Я читаю ваши мысли. Вы в своем уме? Вы и впрямь считаете гуманным обречь большую часть человечества на уничтожение, истребить различия и многообразие?

Стросс отмахнулся:

— Ради Бога, не будем начинать спор. Эта штука — телепатический усилитель, она помогает общению. А почему бы нет? Мозговые клетки обладают электрическим потенциалом. Мысли — те же микроколебания электромагнитного поля...

Дженнингс отвернулся. Ему не хотелось говорить со Строссом.

Он сказал:

— Мы немедленно пошлем отчет. Плевать мне на славу. Забирайте ее себе. Я хочу одного — сбить его с рук.

Мгновение Стросс думал.

— Это не просто передатчик. Он реагирует на эмоции. Усиливает их.

— С чего вы взяли?

— Сейчас оно дважды откликнулось на ваше касание, хотя перед этим вы трогали его целый день, и ничего. Оно не включилось от моего прикосновения.

— И что?

— Вы коснулись его в состоянии крайнего эмоционального возбуждения. Видимо, это нужно, чтоб его включить. А потом, когда вы, держа на нем руку, вскипели насчет Ультра, я на миг ощутил ваше негодование.

— Вот и хорошо.

— Послушайте. Так ли вы уверены в своей правоте? На Земле нет мыслящего человека, который бы не понимал, что население в миллиард предпочтительнее населения в шесть миллиардов. Если перейти на полную автоматизацию — чего не позволяет толпа, — можно было бы прекрасно существовать с населением, скажем, в пять миллионов. Послушайте, Дженнингс. Не отворачивайтесь.

Из голоса Стросса исчезла резкость, он почти умолял.

— Однако население нельзя сократить демократическим путем. Вы сами знаете. Дело не в половом влечении, современная медицина давно и полностью решила проблему контроля рождаемости. Дело в национализме. Каждая

этническая группа хочет, чтоб прежде сократились другие, и я с этим согласен. Я хочу, чтоб возобладала моя, наша этническая группа. Чтобы Землю унаследовали избранные, то есть такие, как мы. Мы — настоящие люди, а орды полуобезьян сдерживают наше развитие, тянут к гибели. Мы в любом случае обречены; почему не спасти хотя бы себя?

— Нет, — твердо отвечал Дженнингс. — Ни одно сообщество не вправе объявить себя солью Землю. Ваши пять миллионов, лишённые изменчивости и многообразия, вымрут от скуки — и поделом.

— Эмоциональная чепуха, Дженнингс. Вы сами себе не верите. Просто вас оболванили наши так называемые гуманисты. Послушайте, Устройство — это то, чего нам не хватало. Пусть мы не сумеем разобраться в его работе, построить такие же. Достанет и одного. Мы сможем воздействовать на сознание ключевых политических фигур и, малопомалу, внушить миру наши воззрения. У нас есть организация. Вы должны это знать, раз прочли мои мысли. У нас твердые убеждения и разветвленная структура — самая мощная в мире. Все больше людей вливается в наши ряды. Присоединяйтесь и вы! Вы сами сказали, что этот инструмент — ключ; но не просто к новому знанию. Это ключ к окончательному разрешению человеческих проблем. Будьте с нами! Будьте с нами!

Он говорил с жаром, какого Дженнингс в нем прежде не замечал.

Стресс положил руку на Устройство, оно мигнуло и сразу погасло.

Дженнингс печально улыбнулся. Он понимал, что за этим кроется. Стресс нарочно распалял себя, чтобы включить Устройство, но так и не сумел.

— Оно вас не слушает, — сказал Дженнингс, — и виной тому ваша сверхчеловеческая выдержка. Вы даже сорваться не можете, ведь так? — Он дрожащими руками коснулся Устройства, и оно снова засветилось.

— Тогда вы будете им управлять. Вы спасете человечество.

— Никогда! — Дженнингс задышался от обуревающих его чувств. — Я немедленно отправлю отчет.

— Нет. — Стресс схватил со стола нож. — Имейте в виду — острый.

— Не остроумно, — произнес Дженнингс, даже в такую минуту заметив каламбур. — Я вижу, чего вы добиваетесь.

Заполучив Устройство, вы внушите всем, будто меня никогда не существовало. Вы приведете Ультра к победе.

Стресс кивнул:

— Вы верно читаете мои мысли.

— Ничего у вас не выйдет, — проговорил Дженнингс, — покуда Устройство у меня. — Он мысленно приказал Стрессу не шевелиться.

Стресс зашатался. Рука с ножом дрожала, он не мог сделать и шага.

Оба вспотели.

Стресс выговорил сквозь зубы:

— Вы не... сможете... держать его... весь день.

Ощущение было очень четкое, но Дженнингс не знал, можно ли описать его словами. Ему казалось, что он держит бьющегося, скользкого, невероятно сильного зверя. Главное было — сосредоточиться на мысли о неподвижности.

Дженнингс впервые пользовался Устройством, у него не было ни навыка, ни знаний. Попробуйте впервые взять шпагу и сражаться с ловкостью мушкетера.

— Вот именно, — сказал Стресс, читая его мысли, и с трудом шагнул вперед.

Дженнингс знал, что ему не совладать с безумной решимостью Стресса. Они оба это знали. Но оставался глассер. Дженнингсу надо было бежать. С Устройством.

Однако Дженнингс не мог ничего утаить. Стресс прочел его мысли и шагнул наперерез.

Дженнингс удвоил усилия. Не неподвижность, но обморок. Спать, Стресс, спать, думал он в отчаянии. Спать!

У Стресса подогнулись колени, глаза закрылись.

Дженнингс метнулся вперед. Сердце колотилось. Если бы чем-нибудь ударить, вырвать нож...

Однако за этими мыслями он отвлекся от своей сосредоточенности на сне. В то же мгновение Стресс ухватил его за щиколотку и дернул.

Дженнингс упал. Стресс не колебался. Блеснул нож, Дженнингс почувствовал острую боль, в глазах потемнело от страха и отчаяния.

От такого прилива чувств мигавшее до той поры Устройство вспыхнуло красным. Стресс молча разжал пальцы, из его мозга рвалась сумятица отчаяния и страха.

Стресс рухнул, лицо его страшно исказилось.

Дженнингс неуверенно встал и попятился. Он не смел думать ни о чем, кроме Стресса и его обморока. Любая попытка ответных действий потребовала бы слишком больших

умственных усилий, тех самых бестолковых усилий, которые он не мог направить в нужное русло.

Он пятился к глассеру. Там должен быть скафандр... бинты...

Глассер не годился для дальнего перелета. И Дженнингс, в его теперешнем состоянии — тоже. Повязка на правом боку намочена, кровь хлюпала в скафандре.

Преследования не было видно, но Дженнингс понимал, что рано или поздно Стросс его догонит. Корабль гораздо мощнее глассера, а его детекторы различат оставленный ионными двигателями заряженный след.

Дженнингс лихорадочно вызывал станцию Луна, но радио не отвечало, и он бросил безуспешные попытки. Позывные только быстрее наведут Стросса на след.

Дотянуть до станции Луна? Нет, Стросс догонит раньше. Или смерть наступит в полете, глассер разобьется. Ему не долететь. Надо спрятать Устройство, а уж потом взять курс на станцию.

Устройство...

Может быть, он не прав. Может быть, Устройство погубит человеческий род, но оно — бесценно. Уничтожить его? Единственное свидетельство внеземного разума? В нем заключена разгадка передовой технологии, оно служило орудием высочайшей науки. Как ни велика опасность, ценность... потенциальная ценность...

Нет, надо спрятать так, чтоб Устройство нашли — но не Ультра, а просвещенные умеренные из правительства...

Глассер остановился у северного внутреннего края кратера. Дженнингс знал, что это за кратер. Он спрячет Устройство здесь. Если не удастся достичь станции Луна или передать сообщение, он хотя бы улетит от места, где закопает Устройство — улетит далеко, чтоб тело не навело на след. И еще: надо оставить какое-то указание, ключ для будущих поисков.

Он дивился ясности своих мыслей. Может быть, Устройство, которое он по-прежнему держит в руках, стимулирует работу мозга, подсказывает идеальный шифр? Или это бред умирающего, который никто не разберет?

Карл Дженнингс понимал, что умирает. У него оставалось несколько часов и дело, которое надо закончить.

Х. Сетон Дейвенпорт из Американского отдела Земного бюро расследований машинально потер звездочку шрама на левой щеке.

— Я прекрасно знаю, сэр, как опасны Ультра.

Начальник отдела М. Т. Эшли пристально глядел на Дейвенпорта. Худое лицо собралось неодобрительными морщинами. Он снова бросил курить, и сейчас, вытащив пластинку жевательной резинки, смял ее и с отвращением сунул в рот. С годами он стал еще раздражительнее, его короткие сивые усы топорщились, когда он тер их костяшками пальцев.

— Вы не знаете, насколько они опасны. Их мало, но они сильны среди имеющих власть, а те, куда ни кинь, всегда склонны почитать себя избранными. Никто не знает, сколько их и кто они.

— Даже в Бюро?

— Бюро пока держится. Но и мы, кстати, не без того. Вот вы?

Дейвенпорт нахмурился:

— Я не Ультра.

— Я не говорю, что вы состоите в организации, — сказал Эшли. — Я спросил, вполне ли вы свободны от предрассудков? Не размышляли вы о том, что творится с Землей в последние два столетия? Не приходило вам в голову, что умеренное снижение численности пошло бы ей на пользу? Не думается вам порой, что хорошо бы избавиться от безмозглых, бесчувственных, неспособных? Мне, черт возьми, думается.

Да, я ловил себя на подобных мыслях. Но считать что-либо желательным еще не значит возрождать Третий Рейх в масштабах планеты.

Путь от желания к действию не так велик, как вам кажется. Убедите себя, что цель достаточно важна, опасность достаточно велика, и средства не покажутся вам такими уж чудовищными. Ладно, теперь, когда в Стамбуле уладилось, я введу вас в курс следующего дела. Стамбульское по сравнению с ним — безобидный пустяк. Вы знали агента Феррана?

— Это который пропал? Понаслышке.

— Так вот, два месяца назад на Луне отыскивали пропавший корабль. Его экипаж проводил селенографические исследования. Экспедицию финансировало Русско-Американское геологическое общество, оно и сообщило, что корабль не вышел на связь. Поисковая группа без труда отыскала его на порядочном расстоянии от места, с которого поступили последние сигналы.

Корабль оказался цел, но на нем не хватало глассера и одного из членов экипажа — Карла Дженнингса. Второй

участник экспедиции, Джеймс Стросс, был жив, но нес какую-то ахиною. На теле ни царапины, а рассудок совершенно помутился. Он и сейчас не в себе, и это важно.

— Почему?

— Потому что врачи обследовали его и нашли неизвестные науке нейрохимические и нейроэлектронные расстройства. Первый случай в мировой практике. Ничто человеческое не могло вызвать такой формы безумия.

По суровому лицу Дейвенпорта пробежала усмешка:

— Вы подозреваете космических пришельцев?

— Возможно, — без улыбки отвечал Эшли. — Однако слушайте дальше. Поисковая группа прочесала окрестности корабля, но глассера не нашла. Со станции Луна сообщили, что недавно были приняты слабые сигналы неизвестного происхождения. Они исходили с западной оконечности Моря Дождей, но, поскольку там никто не должен был находиться, их сочли случайными помехами и оставили без внимания. Пользуясь этим указанием, поисковая партия направилась в Море Дождей и действительно обнаружила глассер. Дженнингс был на борту, мертвый. С ножевой раной в боку. Удивительно, как он вообще столько протянул.

Тем временем бред Стросса все больше смущал врачей. Они обратились в Бюро, и два наших человека на Луне — один из них Ферран — прибыли на корабль.

Ферран прослушал пленки с записью бреда. Спрашивать самого Стросса было бессмысленно: между ним и остальной Вселенной — непроницаемая стена, и, возможно, она останется навсегда. Однако в том, что он говорит, пусть сбивчиво, пусть повторяясь, есть определенный смысл. Ферран сложил обрывки его бреда, словно куски головоломки.

Видимо, Дженнингс и Стросс нашли нечто, по их мнению — очень древнее и внеземное; некий предмет с разбившегося давным-давно корабля. Видимо, это нечто способно влиять на человеческий рассудок.

Дейвенпорт перебил:

— И это нечто повлияло на рассудок Стросса? Так?

— Именно так. Стросс был Ультра — мы можем говорить «был», потому что как личность он умер, — а Дженнингс не захотел отдавать ему находку. И правильно. В бреду Стросс говорил, что использовал бы ее для ликвидации, как он выразился, «нежелательных». Он хотел довести население Земли до идеальных пяти миллионов. Произошла стычка, в которой, видимо, только Дженнингс мог управлять внуша-

телем, но у Стросса был нож. Дженнингс скрылся — раненый, а Стросс помешался.

— И где теперь внушатель?

— Агент Ферран действовал решительно. Он снова обыскал корабль и соседнюю местность, но не нашел ничего, что не было бы явно лунным или явно человеческим. Ничего, похожего на внушатель. Тогда он обшарил глассер и поверхность вблизи. Опять ничего.

— Не могла ли первая поисковая группа — та, что ничего не подозревала — нечаянно прихватить внушатель с собой?

— Они клянутся, что ничего не брали, и нет оснований им не верить. Напарник Феррана...

— Кто это?

— Горбанский, — сказал начальник отдела.

— Я его знаю. Мы вместе работали.

— Мне это известно. Какого вы о нем мнения?

— Толковый и честный.

— Горбанский кое-что нашел. Не орудие пришельцев. Кое-что вполне земное и привычное. Обыкновенную записку, свернутую в трубочку и засунутую в средний палец правой перчаткой скафандра. Видимо, Дженнингс оставил ее перед смертью как ключ к тому месту, где спрятал находку.

— Почему вы думаете, что спрятал?

— Я же сказал, мы ее не нашли.

— Нет, почему именно спрятал? Может быть, он счел ее слишком опасной и уничтожил?

— Вряд ли. Если основываться на их со Строссом разговоре — а Ферран восстановил его по пленкам почти дословно, — то Дженнингс придавал внушателю ключевое значение. Он так и сказал: «ключ к немыслимой научной революции». Он не стал бы уничтожать такую вещь, скорее спрятал бы от Ультра и попытался известить правительство. Иначе зачем оставлять указание?

Дейвенпорт покачал головой:

— Порочный круг, шеф. Вы считаете, что он оставил ключ, потому что есть спрятанный предмет, и что предмет спрятан, поскольку остался ключ.

— Согласен, все очень шатко. Есть ли смысл в бормотаниях Стросса? Достоверен ли воссозданный разговор? Можно ли считать открытку ключом? Существует ли внушатель, или, как называл его Дженнингс, Устройство? Бессмысленно задавать вопросы. Сейчас мы должны действовать, исходя из допущения, что внушатель существует и может быть обнаружен.

- Потому что Ферран исчез?
- Вот именно.
- Его похитили Ультра?
- Отнюдь. Записка исчезла вместе с ним.
- А, понятно.
- Феррана давно подозревали в принадлежности к Ультра.

И не его одного в Бюро. Материалы не позволяли предпринять ничего конкретного: мы не можем опираться на одни подозрения, тогда придется разгонять все Бюро. За ним присматривали.

— Кто?

— Горбанский, конечно. К счастью, Горбанский переснял записку и послал копию в штаб, на Землю. Он признает, что отнесся к ней несерьезно, просто удивился, а в отчет включил, потому что полагается включать все. Ферран — полагаю, гораздо более сообразительный — сразу понял ее значение и предпринял свой шаг. Ему пришлось многим пожертвовать — он засветился и больше не сможет помогать Ультра. Впрочем, возможно, им и не потребуется больше помощь. Если они завладеют Устройством...

— Может быть, Ферран уже им завладел.

— Не забывайте, за ним велся надзор. Горбанский клянется, что Устройство еще не найдено.

— Горбанский не помешал Феррану сбежать с запиской. Возможно, он проглядел и остальное.

Эшли отрывисто постучал пальцами по столу. Потом сказал:

— Я не хочу об этом думать. Если мы найдем Феррана, то узнаем, что он успел натворить. А до тех пор наша задача — искать Устройство. Если Дженнингс его спрятал, то попытался убраться подальше. Иначе зачем оставлять ключ? Вблизи глиссера мы ничего не найдем.

— Он мог умереть раньше, чем ему удалось улететь.

Эшли снова забарабанил пальцами.

— Глиссер явно проделал большой путь. Топливо было на исходе. Все говорит за то, что Дженнингс старался оказаться как можно дальше от того места.

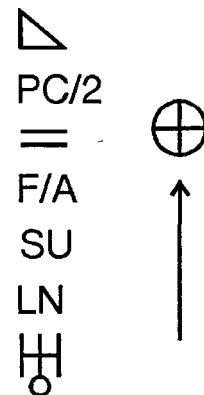
— Можно определить, в каком направлении он летел?

— Можно, но это ничего не даст. Судя по состоянию боковых сопел, он нарочно сбивал след.

Дейвенпорт вздохнул:

— Полагаю, у вас есть копия записки?

— Есть. Вот она. — Эшли протянул подчиненному листок. Дейвенпорт несколько мгновений смотрел. Выглядело это так:

— Не вижу никакого смысла.

— Я сам сперва не увидел, и те, с кем я советовался — тоже. Однако порассуждайте. Дженнингс думал, что Стросс его преследует; он не знал, что тот навсегда выведен из игры. Он смертельно боялся, как бы Ультра не нашли внушатель раньше умеренных. Он не решался оставить слишком явное указание. Перед нами, — начальник отдела постучал пальцами по листку, — ключ, который кажется невразумительным на первый взгляд, но должен быть совершенно прозрачен при известной доле смекалки.

— Можно ли на это надеяться? — с сомнением произнес Дейвенпорт. — Дженнингс был при смерти, перепуган, возможно, находился под действием внушателя. Он совсем не обязательно мыслил четко и даже по-человечески. Например, почему он не попытался достичь станции Луна? Он облетел чуть не половину планеты. Может, он просто помешался и не доверял даже сотрудникам станции? Хотя нет, он пробовал с ними связаться, когда на станции поймали сигнал. Я хочу сказать, бессмысленная с виду записка действительно бессмысленна.

Эшли мрачно помотал головой, словно качнул колокол.

— Дженнингс был в панике, да. Думаю, поэтому он и не полетел к станции. Им владела одна мысль — бежать. И все же в записке может быть смысл. Каждый значок поддается расшифровке, а все в целом — прочтению.

— Какому же? — спросил Дейвенпорт.

— Обратите внимание: слева — семь значков. Справа — два. Разберем сперва левые. Третий сверху похож на знак равенства. Это наводит вас на какую-нибудь мысль?

— Алгебраическое уравнение?
 — Это вообще. А в частности?
 — Сдаюсь.
 — Что, если это две параллельные прямые?
 — Пятый постулат Эвклида? — наугад предположил Дейвенпорт.

— Хорошо! На Луне есть кратер, который зовется Эвклид. Дейвенпорт кивнул:

— Я вижу, куда вы клоните. F/A, то есть сила, деленная на ускорение — определение массы по второму закону Ньютона...

— Да, и кратер Ньютон на Луне есть...

— А прямоугольный треугольник вверх — теорема Пифагора, в честь которого тоже называли кратер.

— Да.

— Но погодите. Нижний значок — астрономический символ Урана, и я точно знаю, что кратера с таким названием нет.

— Вы правы. Однако Уран был открыт Уильямом Гершелем. Кратер с таким именем на Луне есть, и даже три — второй в честь сестры Гершеля Каролины, а третий в честь сына Джона.

Дейвенпорт задумался, потом сказал:

— $RC/2$ — давление на скорость света пополам. Такой формулы я не встречал.

— Попробуйте кратеры. P — первая буква в латинском написании слова Птолемей, с C начинается фамилия Коперника.

— И вывести среднее? Получится место точно посередине между Коперником и Птолемеем.

— Я разочарован, Дейвенпорт, — ехидно произнес Эшли. — Думал, вы лучше знаете историю астрономии. Птолемей разработал геоцентрическую модель Вселенной с Землей посередине, Коперник — гелиоцентрическую, и в центр поместил Солнце. Некий астроном пытался совместить обе системы, сделать среднее из Коперника и Птолемея...

— Тихо Браге! — воскликнул Дейвенпорт.

— Верно. А кратер Тихо — одно из самых заметных лунных образований.

— Ладно. Попробуем дальше. LN можно написать маленькими буквами и получится ln — обозначение натурального логарифма. Это понятие ввел математик Непер. Насколько я знаю, такой кратер на Луне имеется.

— Отлично. Что с SU?

— Ума не приложу, шеф.

— Выскажу догадку. Когда-то в международных документах так обозначался Советский Союз — древнее государство на месте теперешней Российской области. Советские ученые первыми нанесли на карту обратную сторону Луны, и SU может обозначать какой-то из названных ими кратеров — например, Циолковский. Итак, за левыми символами скрываются названия кратеров: Пифагор, Тихо, Эвклид, Ньютон, Циолковский, Непер, Гершель.

— А что тогда правые символы?

— Проще простого. Разделенный на четверти кружок — астрономическое обозначение Земли. Стрелка, направленная на него, должна означать, что Земля — прямо вверх.

— Ага, — протянул Дейвенпорт. — Центральный Залив, над которым Солнце всегда в зените. Это не кратер, поэтому он помещен справа, отдельно от остальных.

— Ладно, — сказал Эшли, — все значки разгаданы или могут быть разгаданы, значит, записка скорее всего не бессмысленна и придется что-то нам сообщить. Но что именно? Мы получили семь кратеров и один не-кратер, и что с ними делать? Устройство-то спрятано в одном-единственном месте.

— Ну, — устало проговорил Дейвенпорт, — обыскать целый кратер нелегко. Допустим, Дженнингс выбрал теневую сторону, чтоб укрыться от солнечной радиации. Нам все равно придется обшаривать десятки миль. Предположим, стрелка, указывающая на Землю, означает, что искомое место в кратере — то, над которым Солнце стоит ближе всего к зениту.

— До этого я тоже допетрил. Тогда мы имеем место — южная оконечность кратеров, лежащих к северу от экватора, и северная — у тех, что расположены к югу. Но какого кратера из семи?

Дейвенпорт задумался. До сих пор он не предложил ничего такого, что прежде не пришло бы в голову шефу.

— Обыскать их все, — буркнул он.

Эшли хохотнул:

— Вот уже несколько недель как мы именно этим и занимаемся.

— И какие успехи?

— Никаких. Мы ничего не нашли. Впрочем, поиски продолжаются.

— Очевидно, один из символов расшифрован неверно.

— Очевидно!

— Вы сами сказали, что название Гершель объединяет три кратера. SU, если это Советский Союз и обратная сторона

Луны, может быть любым из тамошних кратеров — Ломоносовым, Жюль Верном, Жюлио-Кюри — да любым! Стрелкой можно обозначить Прямую Стену.

— Не спорю. Но даже если мы верно разгадаем значки, как отличить правильную интерпретацию от ложной и как выбрать нужный кратер? Что-то должно с ходу бросаться в глаза и сразу говорить, где суть, а где — дымовая завеса. Мы в тупике, и нам нужен свежий взгляд. Что вы тут видите?

— Я скажу, что мы можем сделать, — неохотно произнес Дейвенпорт. — Мы можем обратиться к одному человеку... О Господи! — Он привстал.

Эшли мгновенно напряжился:

— Что вы увидели?

У Дейвенпорта дрожали руки и, кажется, губы. Он сказал:

— Вы изучали прошлое Дженнингса?

— Конечно!

— Что он заканчивал?

— Восточный университет.

Дейвенпорт задохнулся от радости, но старался сдерживаться. Это еще не доказательство.

— Он слушал курс экстратеррологии?

— Разумеется, как все геологи.

— Вы знаете, кто читает экстратеррологию в Восточном университете?

Эшли щелкнул пальцами:

— Такой чудик. Как его... Уэнделл Эрт

— Правильно. Чудик, который в своем роде гениален. Чудик, который несколько раз консультировал Бюро и всякий раз находил блестящее решение. Чудик, чье имя я уже собирался назвать, когда понял, что к нему и велит прибегнуть записка. Стрелка указывает на символ Земли. Это значит — отправляйтесь на Землю. А всякий ученик Эрта знает, к кому обратиться на Земле.

Эшли всмотрелся в листок.

— Возможно, вы и правы. Но что этот Эрт скажет такого, до чего б мы не додумались сами?

Дейвенпорт с вежливым спокойствием отвечал:

— Предлагаю спросить это у него, шеф.

Эшли с изумлением огляделся по сторонам и несколько раз сморгнул. Он попал не то к колдуну, не то в экзотическую антикварную лавку; казалось, сейчас из полумрака с воплем вылетит демон.

Освещение было слабое, углы прятались в тени. Стены едва угадывались, заставленные полками с микрофильмами. За трехмерной Галактический Линзой можно было с трудом различить схемы звездного неба. Карта Луны в дальнем углу вполне могла оказаться картой Марса.

Лампа освещала лишь одно место — стол в середине комнаты, заваленный бумагами и открытыми книгами. Здесь же стояло устройство для чтения микрофильмов с заправленной пленкой и весело тикал старинный круглый будильник.

Эшли с трудом верил, что на улице — ранний вечер и светит солнце. Здесь царил вечная ночь. Окна он не приметил, и хотя в комнату явно поступал свежий воздух, начальник отдела почувствовал приступ клаустрофобии.

Он придвинулся ближе к Дейвенпорту, которого странная обстановка явно не смущала.

Дейвенпорт тихо сказал:

— Сейчас придет, сэр.

— Здесь всегда так? — спросил Эшли.

— Всегда. Насколько я знаю, он никуда не ходит, только в университет через студенческий городок.

— Господа, господа! — раздался пронзительный тенор. — Рад вас видеть. Как мило, что вы зашли.

В комнату вкатился кругленький человечек, пересек тень и оказался на свету.

Он широко улыбался и поправлял сползшие вниз очки с толстыми стеклами, чтобы разглядеть гостей. Едва он отпустил руку, очки снова съехали на самый кончик носа картофелиной и повисли, грозя свалиться совсем.

— Я — Уэнделл Эрт.

Жидкий седой клинышек на пухлом круглом подбородке не прибавлял достоинства, которым не могли похвастать улыбка и яйцевидное туловище.

— Господа! Как мило, что вы зашли! — повторил Эрт и не глядя плюхнулся в кресло. Ноги его не доставали до пола на целый дюйм и болтались в воздухе. — Мистер Дейвенпорт, вероятно, помнит, как... э... важно для меня не выходить отсюда. Я путешествую только пешком, и прогулки через студенческий городок мне вполне хватает.

Эшли оторопел. Он продолжал стоять, а Эрт в растущем недоумении пялился на него. Потом вытащил носовой платок, протер очки, нацепил их на нос и сказал:

— Я вижу ваше затруднение. Вам некуда сесть. Ладно. Берите стулья. Если на них что-нибудь лежит, смахните. Смахните на пол! Рассаживайтесь, пожалуйста.

Дейвенпорт снял со стула книги и осторожно положил их на пол. Пододвинул стул Эшли. С другого стула он снял человеческий череп и еще осторожнее поставил на стол. При этом плохо прикрученная нижняя челюсть отвисла, и череп оказался перекошенным.

— Пустяки, — милостиво сказал Эрт. — Ему не больно. Теперь рассказывайте, господа, что вас ко мне привело?

Дейвенпорт подождал, чтобы Эшли заговорил первым, и поскольку тот молчал, с явным облегчением начал:

— Доктор Эрт, помните вы студента по фамилии Дженнингс? Карла Дженнингса?

Эрт задумался. Улыбка исчезла с его лица. Чуть выкаченные глаза заморгали.

— Нет, — сказал он. — Сейчас не припоминаю.

— Геолог. Несколько лет назад он слушал у вас курс экстратеррологии. У меня есть фотография, если это вам поможет.

Эрт близоруко взгляделся в снимок, однако лицо его по-прежнему выражало сомнение.

Дейвенпорт продолжил:

— Он оставил зашифрованную записку — ключ к очень важному делу. До сих пор нам не удавалось правильно ее разгадать, но одно мы поняли — она велит обратиться к вам.

— Вот как? Любопытно! И зачем же обращаться ко мне?

— Вероятно, чтоб вы посоветовали, как прочесть записку.

— Можно на нее взглянуть?

Эшли молча передал листок Уэнделлу Эрту. Экстратерролог скользнул глазами по бумаге, перевернул ее и некоторое время тупо смотрел на пустую сторону.

— Где тут сказано обратиться ко мне?

Эшли вздрогнул, но Дейвенпорт опередил его:

— Стрелка указывает на символ Земли. Мы решили, что это отсылает нас к вам.

— Да, стрелка явно направлена на символ планеты Земля. Я полагаю, это может означать буквально «отправляйтесь на Землю», если записку нашли на какой-то другой планете.

— Ее нашли на Луне, доктор Эрт, и, конечно, значение может быть именно таким. Но когда мы узнали, что Дженнингс учился у вас, мы решили, что тут подразумевается вы. Понимаете, при своем домохозяйстве вы... э... очень земной человек.

— Он слушал экстратеррологию здесь, в университете?

— Да.

— В каком году, мистер Дейвенпорт?

— В восемнадцатом.

— А-а. Загадка разрешилась.

— Вы хотите сказать, что поняли записку? — спросил Дейвенпорт.

— Нет-нет. Она по-прежнему ничего мне не говорит. Под загадкой я разумел, что забыл Дженнингса, потому что теперь я его вспомнил. Он был очень тихий, серьезный, робкий, всегда держался в тени — такие не западают в память. Без этого, — доктор постучал по листку, — я бы его не вспомнил.

— А что изменила открытка? — спросил Дейвенпорт.

— Она составлена в форме ребуса. Не очень удачного, конечно, но в этом — весь Дженнингс. Его недостижимой мечтой были каламбуры. Все, что я о нем помню, — это попытки играть словами. Я люблю каламбуры, я обожаю каламбуры, но Дженнингс — теперь я вижу его совершенно явно — каламбурил ужасно. Или банально, или, как в данном случае, — маловразумительно. У него не было ни малейших способностей к игре слов, тем не менее он постоянно пытался острить...

Эшли перебил:

— Это послание целиком построено на словесной игре, доктор Эрт. По крайней мере мы так полагаем, и это сходится с тем, что вы сказали.

— Ах! — Эрт поправил очки и снова взгляделся в непонятные символы. Покусал пухлые губы, потом сказал бодро: — Ничего не понимаю.

— В таком случае... — Эшли сжал кулаки.

— Но если вы объясните, к чему это написано, — продолжал Эрт, — я, может быть, что-нибудь разберу.

Дейвенпорт быстро сказал:

— Разрешите, сэр? Я уверен, что доктору Эрту можно доверять, а вдруг это поможет?

— Валайте, — буркнул Эшли. — Хуже уже не будет.

Дейвенпорт в сжатом, телеграфном стиле изложил предысторию записки. Эрт слушал внимательно, водя короткими пальцами по столу, словно смахивал невидимый пепел. К концу рассказа он подобрал ноги по-восточному и остался сидеть таким благожелательным Буддой.

Когда Дейвенпорт закончил, Эрт на секунду задумался, потом сказал:

— Нет ли при вас случайно сделанной Ферраном реконструкции разговора?

— Есть. Хотите взглянуть?

— Да, если позволите.

Эрт вставил микрофильм в сканер и быстро проглядел, время от времени невнятно шепта губами. Потом постучал пальцами по загадочному листку.

— Говорите, это ключ к разгадке?

— Мы так полагаем, доктор Эрт.

— Но это не оригинал, а копия.

— Верно.

— Оригиналу исчез вместе с Ферраном и, как вы считаете, попал к Ультре.

— Очень возможно.

Эрт с растерянным видом покачал головой:

— Все знают, что я не люблю Ультру. Я готов всеми силами сражаться против них и не хочу создавать впечатление, будто отказываюсь вам помочь, но — где уверенность, что Устройство действительно существует? У вас есть бормотания сумасшедшего и ваши собственные домыслы на основании копии листка с таинственными значками, которые могут не значить ровным счетом ничего.

— Да, доктор Эрт, но мы не имеем права рисковать.

— Уверены ли вы, что копия точна? Быть может, оригинал содержал нечто, его проясняющее, и без этого сообщение не прочесть?

— Мы уверены, что копия точна.

— Как насчет другой стороны? На обороте у листка ничего нет. А у оригинала?

— Человек, снимавший копию, говорит, что оборотная сторона была белой.

— Люди ошибаются.

— У нас нет оснований подозревать его в ошибке, и мы должны исходить из допущения, что копия верна. По крайней мере пока не разыщем оригинал.

— Значит, вы утверждаете, — сказал Эрт, — что любая интерпретация должна строиться исключительно на том, что мы сейчас видим?

— Мы так думаем. Мы практически уверены, — сказал Дейвенпорт, чувствуя, как на него накатывает разочарование.

Доктор Эрт по-прежнему выглядел расстроенным.

— Почему не оставить Устройство в покое? Если ни вы, ни Ультра его не найдете — тем лучше. Я против всякого воздействия на мозг и не хотел бы способствовать его проникновению в жизнь.

Дейвенпорт, видя, что Эшли сейчас вспылит, успокаивающе тронул его за руку и сказал сам:

— Позвольте заметить, доктор Эрт, что воздействие на мозг — не единственная функция Устройства. Положим, земные космонавты на далекой примитивной планете обронили старинный радиоприемник, и, положим, местное население уже открыло электрический ток, но еще не изобрело электролампы.

Местные жители догадываются подключить радио к сети, видят, что какие-то стеклянные штучки нагреваются и начинают светиться, но, разумеется, не слышат понятных звуков, разве что хрипы и треск. Предположим, они роняют включенный приемник в ванну, где моется человек, и его убивает ток. Должно ли население гипотетической планеты заключить, что оставленное землянами устройство предназначено исключительно убивать?

— Я понимаю ваше сравнение, — сказал Эрт. — Вы считаете, что воздействие на мозг — всего лишь побочная функция Устройства?

— Я в этом уверен, — с жаром отвечал Дейвенпорт. — Если мы разгадаем его истинное назначение, земная техника шагнет на столетия вперед!

— Так вы согласны с Дженнингсом, что это... — Эрт сверился с микрофильмом, — ключ к немыслимой научной революции?

— Всецело!

— Однако способность действовать на мозг остается и безумно опасна. Радио, каково бы ни было его истинное назначение, действительно может убить.

— Тем более нельзя допустить, чтобы им завладели Ультра.

— Возможно, и правительство тоже?

— На это я отвечаю, что существуют разумные пределы осторожности. Подумайте: люди всегда соприкасались с опасностью. Первый кремневый нож каменного века, первая деревянная дубина еще раньше могли убивать. С их помощью сильный принуждал слабого к покорности, а это — тоже форма воздействия на мозг. Важно не само устройство, доктор Эрт, и не опасность, которая в нем заключена, а намерения людей, которые им управляют. Ультра хотят истребить 99,9 процента человечества. Правительство тоже состоит не из ангелов, но такой цели у него нет.

— А какая же у него цель?

— Исследовать Устройство. То же влияние на мозг можно обратить на великое благо, если подойти к нему с позиций науки и просвещения. Возможно, мы разгадаем физическую

природу мышления, научимся лечить психические расстройства или даже сумеем исправить Ультра. Все человечество может поумнеть.

— Почему я должен верить, что благие пожелания воплотятся?

— Я верю. Подумайте: если вы нам поможете, остается малая вероятность, что правительство употребит Устройство во вред; если ж Устройство попадет к Ультра, возникает уже не гипотетическая угроза человечеству.

Эрт задумчиво кивнул:

— Возможно, вы правы. Однако я вынужден попросить вас об одолжении. У меня есть племянница, которая, я полагаю, меня любит. Ее постоянно огорчает мое твердое нежелание губить свою жизнь в путешествиях. Она говорит, что не успокоится, пока я не поеду с ней в Европу, Северную Каролину или еще в какую-нибудь страшную даль...

Эшли с жаром подался вперед, не обращая внимания на предупреждающий жест Дейвенпорта.

— Доктор Эрт, если вы поможете нам найти Устройство и мы сумеем пустить его в ход, то, уверяю, охотно поможем вам освободиться от фобии. Вы поедете с племянницей, куда пожелаете.

Выкаченные глаза Эрта расширились, сам он весь сжался. С минуту маленький ученый озибался, словно попал в ловушку.

— Нет! — выдохнул он. — Нет! Никогда!

Он хрипло зашептал:

— Давайте я объясню, какой мне нужен гонорар. Если я вам помогу и вы найдете Устройство, научитесь им управлять, если мое участие станет известным, племянница начнет осаждать правительство. Это очень решительная, громогласная женщина, которая способна собирать подписи и устраивать демонстрации. Она не остановится ни перед чем. Не отдавайте ей Устройство! Ни под каким видом, сколько бы она ни требовала! Я хочу оставаться таким, каков я есть. Это мой окончательный и минимальный гонорар.

Эшли вспыхнул.

— Да, конечно, если вы так хотите.

— Ваше слово?

— Мое слово.

— Пожалуйста, не забудьте. Я рассчитываю и на вас, мистер Дейвенпорт.

— Все будет, как вы пожелаете, — успокоил Дейвенпорт. — А теперь, я полагаю, вы объясните, что значат символы?

— Символы? — Эрт с трудом сосредоточил взгляд на листке. — Вы хотите сказать, треугольник, буквы и так далее?

— Да. Что они значат?

— Не знаю. Ваше толкование не хуже любого другого.

Эшли взорвался:

— Так что вы нам тут вкручивали? Что болтали насчет гонорара?

Эрт смутился:

— Я не отказываюсь вам помочь.

— Но вы не знаете, что значат символы.

— Н-не знаю. Но я знаю, что значит записка.

— Знаете?! — воскликнул Дейвенпорт.

— Конечно. Она совершенно прозрачна. Я заподозрил это довольно давно. Пленка с реконструкцией разговора убедила меня окончательно. Вы бы и сами догадались, господа, если б хоть на минуту задумались.

— Слушайте, — в отчаянии выговорил Эшли, — вы же говорите, что не понимаете символов.

— Не понимаю. Я знаю, что говорит записка.

— А что есть в записке, кроме символов? Бумага, что ли?

— В некотором смысле, да.

— Вы хотите сказать, невидимые чернила или что-то вроде того?

— Нет! Вы так близки к разгадке — неужели вы не можете понять?

Дейвенпорт наклонился к Эшли и произнес тихо:

— Пожалуйста, позвольте мне, сэр.

Эшли фыркнул, потом с усилием выдавил:

— Валяйте.

— Доктор Эрт, — сказал Дейвенпорт, — не изложите ли вы нам свои рассуждения?

— Ладно, ладно. — Крутленький экстратерролог удобнее сел в кресле и вытер потный лоб рукавом. — Разберем послание. Если вы согласны, что разделенный на четверти кружок отправляет ко мне, то остается семь значков. Если ими зашифрованы кратеры, то по меньшей мере шесть написаны для маскировки, ведь Устройство может быть только в одном. Оно неразборное и неразъемное.

Далее: ни один из значков не трактуется однозначно. SU может, по вашему толкованию, означать любое место на обратной стороне Луны, которая занимает площадь Южной Америки. PC/2 может означать «Тихо», как остроумно предложил мистер Эшли, или «на полпути между Коперником и Птолемеом», как думал мистер Дейвенпорт, или с таким же

успехом «посредине между Платоном и Кассини». Также и LN может означать Непера, а может указывать на точку между Непером и Лаперузом. За F/A может скрываться Ньютон или кратер, расположенный между Фабрицием и Архимедом.

Короче, символы дают такой простор для толкований, что оказываются бессмысленными. Даже если один из них что-то и значит, его невозможно вычленишь из остальных, и разумно предположить, что все семь написаны для отвода глаз.

Значит, надо определить, что в послании совершенно недвусмысленно и не вызывает сомнений. Ответ ясен: послание — ключ к решению загадки. Это — единственное, в чем мы уверены, не так ли?

Дейвенпорт кивнул, потом сказал осторожно:

— По крайней мере мы считаем, что уверены.

— Да, вы сами называли записку ключевой. Дженнингс считал Устройство ключом к немыслимой научной революции. Если мы соединим это его серьезное отношение и склонность к каламбурам, которая под воздействием Устройства могла еще обостриться... Итак, позвольте рассказать вам одну историю.

Во второй половине шестнадцатого века жил в Риме немецкий иезуит, математик и астроном. В 1582 году он помог римскому папе Григорию XII в реформе календаря, выполнив необходимые громоздкие расчеты. Он восхищался Коперником, но не принимал гелиоцентрическую систему, предпочитая по старинке считать Землю центром Вселенной.

В 1650 году, спустя почти сорок лет после смерти математика, другой иезуит, итальянский астроном Джованни Баттиста Риччоли составил карту Луны. Он называл кратеры в честь великих астрономов прошлого, а поскольку тоже отвергал систему Коперника, то посвятил самые большие и заметные тем, кто помещал в середину Вселенной Землю, — Птолемею, Гиппарху, Альфонсо X, Тихо Браге. Самый крупный кратер, который Риччоли смог отыскать, он оставил для немецкого собрата по ордену.

На самом деле этот кратер — второй по величине из видимых с Земли. Больше его только Бэи, расположенный на самом краю лунного диска и потому почти не различимый с Земли. Риччоли его не заметил, и кратер назвали в честь астронома, жившего почти сто лет спустя и казненного во время Французской революции.

Эшли не выдержал:

— Какое отношение это имеет к записке?

— Самое прямое, — удивленно отвечал Эрт. — Разве вы не сказали, что записка — ключ к решению?

— Да, конечно.

— Разве не очевидно, что мы имеем дело с неким ключом?

— Очевидно, — сказал Эшли.

— Так вот, немецкого иезуита, о котором я говорю, звали Кристоф Клау. Разве имя Клау не созвучно слову ключ?

Эшли даже обмяк от разочарования.

— Притянуто за уши, — пробормотал он.

Дейвенпорт сказал с тревогой:

— Доктор Эрт, насколько мне известно, на Луне нет образования, которое носило бы имя Клау.

— Разумеется, нет, — с жаром произнес Эрт. — В том-то и дело. В то время, в конце шестнадцатого века, среди европейских ученых было принято латинизировать свои имена. Вот и Клау заменил немецкое «u» латинским «v» и добавил типичное для римских имен окончание. Кристоф Клау стал Христофором Клавием — пишется Clavius — и, я думаю, вы знаете об исполинском кратере Клавий...

— Ну, доктор Эрт...

— Не нукайте, — сказал Эрт, — лучше подумайте. Латинское clavis означает ключ. Видите двуязычный каламбур — Клавий — Clavius — clavis — ключ? Дженнингсу никогда бы до такого не додуматься, если б не Устройство. А так, я полагаю, он умер, торжествуя. И направил вас ко мне, зная: я сам имею такую склонность и вспомню его страсть к каламбурам.

Двое сотрудников Бюро вытаращились на маленького ученого.

Эрт сказал торжественно:

— Предлагаю вам поискать на северной стороне Клавия, в той его точке, где Земля ближе всего к зениту.

Эшли встал:

— Где у вас видеофон?

— В соседней комнате.

Эшли рванул звонить, Дейвенпорт задержался на пороге.

— Вы уверены, доктор Эрт?

— Совершенно уверен. Но, даже если я ошибаюсь, неважно.

— Что неважно?

— Найдете ли вы Устройство. Ультра если его и отыщут, скорее всего не смогут пустить в ход.

— Почему вы так считаете?

— Вы спросили, учился ли у меня Дженнингс, но не интересовались насчет Стросса, а ведь он тоже геолог. Он учился у меня на курс-два позже Дженнингса. Я отлично его помню.

— И?..

— Неприятный тип. Холодный — полагаю, как все Ультра. Они очень холодные, очень жесткие, очень самоуверенные. Они не способны сопереживать, иначе не мечтали бы истребить миллиарды людей. Их чувства — ледяные, эгоистические, неспособные преодолеть расстояние до другого человека.

— Кажется, я понимаю.

— Конечно, понимаете. Из реконструкции разговора ясно, что Стросс не справился с Устройством. Ему не хватило душевного пыла, или он не смог создать нужный настрой. Думаю, все Ультра такие. Дженнингс — не Ультра — включил Устройство. Полагаю, с ним справится лишь тот, кто не способен хладнокровно причинять боль. Он может ударить под влиянием панического страха, как Дженнингс — Стросса, но не по расчету, как Стросс — Дженнингса. Короче, я считаю, что Устройство подчинится любви, а ненависти — никогда, Ультра же способны только ненавидеть.

Дейвенпорт кивнул:

— Надеюсь, вы правы. Но если вы уверены, что злому человеку Устройство не покорится, зачем было с пристрастием выяснять намерения правительства?

Эрт пожал плечами:

— Я хотел убедиться, что вы способны с ходу приводить доводы и заболтаете кого угодно. В конце концов, вдруг вам придется говорить с моей племянницей?

БИЛЬЯРДНЫЙ ШАР

Джеймс Присс — пожалуй, мне бы следовало сказать профессор Джеймс Присс, хотя каждому, наверное, и без этого титула ясно, о каком Приссе идет речь, — всегда говорил медленно.

Это я точно знаю. Мне довольно часто случалось брать у него интервью. Величайший был ум после Эйнштейна, но срабатывал всегда медленно. Присс и сам признавал это. Возможно, дело было в том, что Присс обладал таким гигантским умом, который просто не мог быстро работать.

Бывало, Присс что-нибудь скажет в медлительной рассеянности, затем подумает, затем добавит что-то еще. Даже к самым тривиальным вопросам его огромный ум подступался нерешительно, касался одной стороны проблемы, потом — другой.

«Встанет ли завтра солнце? — представлял я ход его размышлений. — А что мы подразумеваем под словом "встанет"? Можно ли с уверенностью сказать, что "завтра" наступит? Не является ли в этой связи «солнце» понятием двусмысленным?»

Добавьте к его манере речи вежливое выражение лица, довольно бледного, с глазами, взгляд которых не выражал ничего, кроме нерешительности, седые волосы — жидкие, но аккуратно причесанные, деловой костюм всегда старомодного покроя, и вы получите полное представление о профессоре Джеймсе Приссе — человеке, склонном к уединению и совершенно лишенном личного обаяния.

The Billiard Ball
© 1967 by Isaac Asimov
Бильярдный шар
© В. Тельников, перевод, 1993

Вот почему никому и в голову не пришло заподозрить его в убийстве. И даже я сам не очень-то уверен. Как бы там ни было, он действительно думал медленно, всегда думал слишком медленно. Можно ли предположить, чтобы в один из критических моментов он вдруг ухитрился подумать быстро и сразу привести мысль в исполнение?

Впрочем, это неважно. Если он и совершил убийство — ему удалось выйти сухим из воды. Теперь уже поздно ворошить это дело, и я бы вряд ли сумел чего-нибудь добиться, даже несмотря на то что решил опубликовать этот рассказ.

Эдвард Блум учился с Приссом на одном курсе и, так уж сложились обстоятельства, постоянно с ним сотрудничал. Они были ровесниками и в равной мере убежденными холостяками, но зато во всем остальном являли собой полную противоположность.

Блум — стремительный, яркий, высокий, широкоплечий, с громовым голосом, дерзкий и самоуверенный. Мысль Блума, как метеор с его внезапностью и неожиданностью полета, била в самую точку. В отличие от Присса Блум не был теоретиком — для этого ему не доставало ни терпения, ни способности сосредоточить напряженную работу ума на изолированной абстрактной проблеме. Он это сам признавал и, даже больше того, похвалялся этим.

Чем он действительно обладал, так это сверхъестественной способностью увидеть возможности практического применения теории. В холодной гранитной глыбе науки он умел увидеть — казалось, без малейшего усилия — сложную схему удивительного изобретения. Глыба распадалась, и оставался шедевр человеческой мысли.

Это всем известно, и не будет преувеличением сказать, что все созданное Блумом всегда работало, патентовалось и приносило прибыль. К тому времени когда ему исполнилось сорок пять лет, он стал одним из богатейших людей в мире.

При всей многогранности талантов Блума-Практика, пожалуй, ярче всего его фантазия воспламенялась идеями Присса-Теоретика. Самые выдающиеся изобретения Блума были построены на величайших откровениях мысли Присса, и, в то время как Блум утопал в богатстве и имел мировую славу, имя Присса пользовалось феноменальным признанием лишь среди его коллег.

И естественно, нужно было ожидать, что, когда Присс создал теорию Двух Полей, Блум немедленно приступил к созданию первой в мире антигравитационной установки.

Мое задание состояло в том, чтобы найти в теории Двух Полей интересное для простых смертных подписчиков «Теленьюс пресс», а этого можно добиться, лишь имея дело с живыми людьми — не с абстрактными теориями. Задача была не из легких, поскольку мне предстояло брать интервью у профессора Присса.

Само собой разумеется, что я собирался задавать вопросы о возможностях применения антигравитации — это интересовало весь мир, — а не о теории Двух Полей, которую никто не мог понять.

— Антигравитация? — Присс поджал свои бледные губы и задумался. — Я не вполне уверен, что это возможно или когда-нибудь окажется возможным. Я еще не... добился окончательного результата, который меня бы удовлетворил. Пока не могу сказать, имеет ли уравнение Двух Полей определенное решение, хотя, несомненно, оно должно было бы его иметь, если бы... — И он погрузился в размышления.

Пришлось слегка кольнуть его.

— Блум заявил, что считает вполне возможным создать антигравитационную установку.

Присс кивнул головой:

— Да, и это очень любопытно. До сих пор Эд Блум проявлял фантастическую способность увидеть далеко не очевидное. У него необыкновенный ум. Вот что сделало его весьма богатым человеком.

Присс принимал меня у себя дома. В таких квартирах живут люди среднего достатка. Я не мог не поглядывать по сторонам. Богатым Присс не был.

Не думаю, чтобы он читал мои мысли. Просто он перехватил мой взгляд. Мне кажется, он и сам подумал о том же.

Богатство редко бывает наградой настоящего ученого. И он об этом не особенно жалеет.

Возможно, так оно и есть, подумал я. Присс имел свою награду — особую. Он третий человек за всю историю, кто получил две Нобелевские премии, и пока единственный, кому удалось их получить за достижения в области науки без соавторов. Ему здесь не на что жаловаться. И хотя он не был богатым, бедным его тоже не назовешь.

Но в голосе Присса не чувствовалось удовлетворения. Возможно, не только потому, что его раздражало богатство Блума; причиной могло быть и то, что слава Блума обошла

весь мир, и то, что, куда бы Блум ни приехал, его чествовали повсюду, в то время как Присс вне стен научных конференц-залов и университетских клубов был мало кому известен.

Не знаю, можно ли было прочесть эти мысли в моих глазах или догадаться о них по тому, как я морщил лоб, но только Присс продолжал:

— Однако, как вам, наверно, известно, мы с ним друзья. Раз, а то и два в неделю мы сходимся за бильярдным столом. И каждый раз я его обставляю.

(Это заявление я опустил из текста интервью. На всякий случай я обратился за уточнением к Блуму, который в ответ разразился пространном контрзаявлением, начинавшимся словами: «Иногда он обыгрывает меня в бильярд. Этот старый осел...», и далее Блум совсем перешел на личности. Ни один из них не был новичком в этой игре. Мне как-то довелось присутствовать на одной из их партий — это было после заявления и контрзаявления, — и я могу сказать, что оба они орудовали киями с профессиональным апломбом. Более того, они сражались «на смерть», и во время игры я не заметил и намека на дружеские отношения.)

— Не откажите в любезности сделать предсказание относительно того, удастся ли Блуму создать антигравитационную установку?

— Вы, по-видимому, хотите, чтобы я поставил свое имя на карту? Гм-гм. Ну что ж, давайте подумаем вместе, молодой человек. Только что мы подразумеваем под антигравитацией? Наша концепция гравитации основана на общей теории относительности Эйнштейна, которой вот уже несколько лет, но которая тем не менее в своих пределах остается незыблемой. Для наглядности...

Я вежливо слушал. Мне уже приходилось выслушивать его рассуждения на эту тему, но, если я хотел выудить для себя что-нибудь ценное, нужно было не мешать ему самому пробраться сквозь дебри теории.

— Для наглядности, — сказал он, — представим себе Вселенную в виде абсолютно плоского, не имеющего толщины листа сверхгибкой и сверхпрочной резины. Если определить массу как нечто взаимосвязанное с весом — подобно тому как это имеет место на поверхности Земли, то тогда нужно ожидать, что любая масса, оказавшаяся на листе резины, продавит в нем лунку. Чем больше масса, тем больше будет такая лунка.

В реальной Вселенной, — продолжал он, — бесконечное множество всевозможных масс, и наш резиновый лист, со-

ответственно, должен быть весь испещрен лунками разной глубины. Любой объект, катящийся по нашему листу, на своем пути будет постоянно проваливаться в эти лунки и, выскакивая из них, менять скорость и направление движения. Эти изменения мы можем интерпретировать как демонстрацию существования гравитационных сил. Если путь движущегося объекта проходит достаточно близко от центра лунки, то при достаточно малой скорости объект как бы окажется в ловушке и начнет вращаться в лунке по эллипсу. При отсутствии трения он будет там вращаться вечно. Другими словами, то, что Исаак Ньютон считал силой, Альберт Эйнштейн определил как геометрическое искривление пространства.

Здесь Присс сделал паузу. Он говорил довольно гладко — для себя, пока речь шла о том, что ему уже не раз приходилось объяснять. Но теперь он точно начал продвигаться на ощупь.

— Итак, — сказал он, — пытаюсь создать антигравитацию, мы тем самым пытаемся изменить геометрию Вселенной. Или, если вернуться к нашей метафоре, пытаемся разгладить лунки на резиновом листе. Допустим, что нам удалось забраться под некую массу и, подняв ее над собой, удерживать ее в таком положении, чтобы не дать ей выдавить лунку. Если таким образом разгладить наш резиновый лист, будет создана вселенная — или хотя бы часть ее, где гравитация не существует. Катящийся объект на своем пути мимо массы, которая не образует лунки, уже не изменит направления своего движения, и в этом случае мы могли бы сказать, что масса не создает гравитационных сил. Для того чтобы создать антигравитацию на Земле, нам пришлось бы найти массу, равную массе Земли и, так сказать, подвесить эту массу над головой.

Я перебил его:

— Но согласно вашей теории Двух Полей...

— Совершенно верно. Общая теория относительности не дает нам указаний на то, как свести гравитационное и электромагнитное поля к единой системе уравнений. На эту систему, которая позволила бы создать универсальную теорию поля, Эйнштейн потратил полжизни и ничего не добился. Неудача постигла и всех его последователей. Я же начал с предположения, что эти два поля не могут быть сведены в единую систему, и пришел к выводам, которые я и попытаюсь вам объяснить — разумеется, в грубом приближении — с помощью все той же метафорической вселенной.

Наконец, хотя я не был в этом уверен, мы добрались до того, чего мне еще не приходилось слышать.

— Ну и как она будет выглядеть? — спросил я.

— Допустим, что, вместо того чтобы поднимать массу, мы уплотним резину, сделаем ее менее эластичной. Она бы сжалась — во всяком случае, на ограниченном участке — и стала бы ровнее. Гравитационные силы тогда стали бы меньше, и то же самое произошло бы с массой, поскольку в наших модели вселенной и масса и гравитация являются одним и тем же феноменом. Если бы нам удалось разгладить весь резиновый лист, гравитация тотчас бы исчезла вместе с массой.

При определенных условиях электромагнитное поле могло бы противодействовать гравитационному и тем самым вызывать эффект уплотнения ткани вселенной, покрытой лунками. Электромагнитное поле гораздо сильнее гравитационного, и, следовательно, первое могло бы возобладавать над вторым.

— Но, как вы сказали, — неуверенно проговорил я, — при определенных условиях. Можно ли создать такие условия?

— А вот этого я как раз и не знаю, — медленно и задумчиво ответил Присс. — Если бы Вселенная действительно была листом резины, ее плотность, чтобы она могла нейтрализовать действие массы, должна выражаться бесконечно большой величиной. И если это справедливо и для реально существующей Вселенной, понадобилось бы электромагнитное поле, напряженность которого также выражается бесконечно большой величиной, а это означало бы, что антигравитация невозможна.

— Но Блум утверждает...

— Да, конечно, я могу себе представить, что утверждает Блум. Он надеется, что достаточно и электромагнитного поля, напряженность которого выражается конечной величиной, если только использовать напряженность должным образом. Но каким бы искренним ни был Блум, — губы Присса дрогнули в легкой усмешке, — его нельзя считать непогрешимым. Он... по окончании колледжа он даже не сумел защитить диплома — вам это известно?

Я было собрался ответить, что мне это известно. Наверное, все знали. Но в голосе Присса прозвучало такое воодушевление, что я взглянул на него и, надо сказать, сделал это вовремя: его глаза светились от восторга, словно он впервые поведал эту новость. И я многозначительно кив-

нул, как будто собирался приберечь эти ценные сведения на будущее.

— То есть вы хотите сказать, профессор, — я снова поддел его, — что Блум, по-видимому, не прав и создать антигравитацию невозможно?

Помедлив, Присс кивнул и ответил:

— Разумеется, мне представляется возможным ослабить гравитацию, но если под антигравитацией понимать лишь поле с нулевой гравитацией, то есть отсутствие гравитации в любом сколь угодно большом участке пространства, — как я подозреваю, антигравитация, что бы там ни говорил Блум, невозможна.

До некоторой степени это было тем, за чем я пришел.

Месяца три после этого мне не удалось попасть к Блуму, и, когда я наконец увидел его, он был в скверном настроении. Как только стало известно заявление Присса, Блум пришел в ярость. Он тут же заверил общественность, что непременно пригласит Присса на демонстрацию антигравитационной установки, когда она будет создана, и даже попросит его принять участие в самой демонстрации. Нескольким репортерам — меня, к сожалению, среди них не было — удалось где-то настичь Блума, и они попросили его дать дополнительные разъяснения.

— Я не сомневаюсь, что создам антигравитационную установку, — сказал он. — Может быть, уже скоро. Вы тоже получите возможность там присутствовать, как и любой, кого пресса сочтет нужным прислать. И профессор Джеймс Присс тоже там будет — как представитель теоретической науки, и после демонстрации ему представится удобный случай приспособить теорию для объяснения совершившегося факта. Я уверен, что он это сделает мастерски и убедительно покажет, почему меня совершенно случайно не постигла неудача. Он мог бы заняться этим сейчас, чтобы не терять времени, но, как я полагаю, сейчас он не станет этим заниматься.

Все было сказано достаточно вежливо, но в быстром потоке его слов слышалось рычание.

И тем не менее они с Приссом продолжали время от времени сражаться за бильярдным столом и при встречах оба держались с исключительным достоинством. По их отношению к представителям прессы можно было безошибочно судить о том, насколько успешно продвигалась работа Блума. Он отвечал отрывисто и даже становился раздражи-

тельным, в то время как Присс пребывал в прекрасном расположении духа.

Когда в ответ на мои многочисленные просьбы Блум наконец согласился дать интервью, я подумал, что это может означать лишь одно: перелом в настроении Блума. Признаться, я мечтал о том, чтобы он мне первому объявил о своей окончательной победе.

Мои предположения оказались ошибочными. Он принял меня у себя в кабинете при «Блум Энтерпрайзис» на севере штата Нью-Йорк. Это был восхитительный уголок, расположенный достаточно далеко от населенных районов, с культурным ландшафтом, а сами корпуса по занимаемой площади ничуть не уступали промышленному предприятию довольно крупных размеров. Эдисон, даже находясь в зените славы, не добивался таких феноменальных успехов, как Блум.

Но Блум не был в хорошем настроении. Он буквально ворвался в кабинет — с опозданием на десять минут, рыкнул, проходя мимо стола своей секретарши, и едва удостоил меня кивком. Его рабочий пиджак был расстегнут.

Стремительно бросившись в кресло, он сказал:

— Очень сожалею, что заставил вас ждать, но в моем распоряжении оказалось гораздо меньше времени, чем я надеялся.

Блум был прирожденным актером и прекрасно знал, как важно уметь завоевать расположение прессы, но я чувствовал, что в эту минуту ему приходилось делать огромное усилие, чтобы не нарушить свой принцип.

Я высказал очевидное предположение:

— Как я догадываюсь, сэр, ваши последние опыты окончились неудачей?

— Кто вам это сказал?

— Мне кажется, что это общеизвестно, сэр.

— Нет, это не так. Никогда не говорите таких вещей, молодой человек. Не существует общеизвестного, когда речь идет о том, что происходит в моих лабораториях и мастерских. Вы сослались на мнение профессора, не так ли? Я имею в виду профессора Присса.

— Нет, просто я...

— Вы, конечно, вы. Разве не вам одному он заявил, что антигравитация невозможна?

— Его утверждение не было столь категоричным.

— Его утверждения никогда не кажутся категоричными, но для него оно было достаточно категоричным, хотя и не

таким гладким, каким я сделаю его проклятый резиновый лист — умру, но сделаю.

— Не означают ли ваши слова, мистер Блум, что вы уже близки к успеху?

— А вы что, не знаете? — в его голосе заклокотала ярость. — Должны были бы сами знать. Разве на прошлой неделе вы не присутствовали на демонстрации моей опытной установки?

— Я присутствовал.

Значит, дела у Блума не слишком хороши — он бы не стал на это ссылаться. Установка работала, но до мировой сенсации было далеко. Ему удалось создать зону пониженной гравитации между полюсами магнита.

Сделано это было очень искусно. Для исследования пространства между полюсами Блум использовал весы Мессбауэра. Если вам никогда не приходилось видеть работу этого прибора, представьте себе интенсивный монохроматичный пучок гамма-лучей, проходящих через поле пониженной гравитации. Под воздействием гравитационного поля частота гамма-излучения изменится — на незначительную величину, но ее можно измерить — и тогда, если каким-либо образом менять напряженность поля, соответственно будет меняться частота. Это чрезвычайно тонкий метод изучения гравитационного поля, и он себя великолепно оправдал. Не осталось никаких сомнений в том, что Блуму удалось уменьшить тяжесть.

Но... все это уже было сделано другими. Правда, Блум придумал схему, которая в высшей степени упростила получение такого эффекта, — его изобретение, как всегда, оказалось гениальным и было должным образом запатентовано, — и утверждал, что с помощью его метода антигравитация из предмета, представляющего чисто научный интерес, станет практическим делом с промышленным применением.

Возможно. Однако работа еще не была завершена, и в таких случаях Блум не имел обыкновения подымать шум. Он бы и теперь не изменил своему правилу, если бы его не подстегнуло заявление Присса.

— Насколько я понял, — сказал я, — вам удалось уменьшить ускорение свободного падения до 0,82 g, что значительно превышает результат, достигнутый прошлой весной в Бразилии.

— И это все? А вы сравните затраты энергии в Бразилии и здесь, у меня, и переведите разницу в уменьшении гравитации на киловатт-час. Вы будете поражены.

— Но ведь все дело в том, чтобы добиться нулевого «g» — нулевого поля тяготения. Вот что профессор Присс считает невозможным. Все согласны, что простое уменьшение напряженности поля не такой уж великий подвиг.

Блум стиснул кулаки. По-видимому, в этот день главный эксперимент окончился неудачей, и Блум был раздосадован сверх всякой меры. Он терпеть не мог, когда ему затыкают рот теорией.

— От этих теоретиков можно рехнуться, — проговорил он. Это было сказано тихим, бесстрастным голосом, точно у Блума вымогали такое признание, пока он наконец не сдался, и теперь ничего не оставалось, как высказаться напоследок, к каким бы последствиям это ни привело. — Присс получил двух Нобелей за возню с несколькими уравнениями, но как он их использовал? Никак! А я уже кое-чего добился с их помощью и добьюсь еще большего, нравится это Приссу или нет. Люди будут помнить меня. И мне достанется слава. А он пусть себе носится со своим чертовым званием профессора, двумя премиями и университетскими почестями. Он мне смертельно завидует, завидует всему, что я получаю за претворение своих замыслов. Он может только мечтать об этом. Как-то я сказал ему — вы знаете, мы с ним играем в бильярд.

Вот тут-то я и процитировал ему заявление Присса по поводу бильярда и сразу же получил контрзаявление Блума. Оба эти заявления я не стал опубликовывать. Ведь это такие мелочи!

— Мы играем в бильярд, — сказал Блум, когда немного поостыл, — и я нередко выигрываю. У нас довольно дружеские отношения. Мы же, черт подери, приятели по колледжу, хотя как нам удалось пройти через все эти муки, ума не приложу. Конечно, в физике и математике Присс был силен, ничего не скажешь, но все гуманитарные предметы, помнится мне, он сдавал по нескольку раз — пока над ним не сжался.

— Но ведь в конце концов вы оба защитили диплом, да, мистер Блум?

С моей стороны это была явная провокация. Я наслаждался его неистовством.

— Я забросил защиту, чтобы заняться делом, будь он проклят, этот диплом! В колледже я успевал по второму разряду, причем это был сильный разряд — не думайте! Вы слышите меня? А к тому времени когда Присс получил доктора, я уже трудился над своим вторым миллионом.

— Как бы то ни было, — в голосе Блума явно слышалось раздражение, — мы играем в бильярд, и однажды я сказал ему: «Джим, простым людям никогда не понять, почему вы дважды лауреат Нобелевской премии. Ведь это я добился практических результатов. Так зачем вам нужны обе премии? Отдайте мне одну!» Присс помолчал, натер кий мелом и ответил, как всегда, жеманясь, тихим голосом: «У вас два миллиона, Эд. Отдайте мне один». Как видите, деньги для него важны.

— Я понимаю это так, что и вы не против Нобелевской премии? — спросил я.

Мне показалось, что он прикажет вышвырнуть меня вон, но этого не произошло. Он захохотал, размахивая руками так, словно перед ним стояла доска и он что-то стирал с нее.

— Ну, давайте забудем все, что я сказал. Это придется опустить из интервью. Да, так вам нужно мое заявление? Прекрасно. На сегодня дела обстоят неважно, и я малость вышел из себя, но скоро все прояснится. Мне кажется, я знаю, где ошибка. А если нет — узнаю. Итак, вы можете сказать, что, по моему мнению, электромагнитное поле бесконечно большой напряженности не потребует. Мы разгладим этот лист резины. Мы добьемся нулевой гравитации. А когда это будет сделано, я устрою демонстрацию — потрясающую, какой еще никто и никогда не видел — исключительно для прессы и для профессора Присса. Вы лично тоже получите приглашение. И можете добавить, ждать осталось недолго. Договорились?

— Договорились!

После этого я встречался с ними еще несколько раз. Мне даже удалось поприсутствовать на их партии в бильярд. Как я уже говорил, оба они были классными игроками.

Но приглашение на демонстрацию еще долго не приходило. Я получил его почти через год, но, пожалуй, было бы несправедливо за это упрекать Блума.

Я получил особое приглашение с тисненными буквами, в программе которого первым пунктом стоял час коктейлей. Блум ничего не делал наполовину, и он собирался полностью расположить к себе всех репортеров. Была также заказана трансляция по стереовидению. Очевидно, Блум не испытывал никаких сомнений: во всяком случае, он был в себе настолько уверен, что отважился на трансляцию эксперимента по всей планете.

Я позвонил профессору Приссу, чтобы удостовериться, что и он получил приглашение. Он его получил. Наступила

пауза, лицо профессора на экране видеотелефона выражало мрачную озабоченность.

— Балаган не место для рассмотрения серьезных научных проблем. Я не одобряю этой затеи Блума.

Я опасался, что он намерен отклонить приглашение, а без Присса вся ситуация оказалась бы гораздо менее драматичной. Но затем он, по-видимому, решил, что ему нельзя позволить себе сыграть труса на глазах у всего мира. С явным отвращением он сказал:

— Впрочем, разве можно считать Блума настоящим ученым? Не стоит лишать его праздника. Я приду.

— Считаете ли вы, что мистеру Блуму удалось добиться нулевой гравитации, сэр?

— Гм... Мистер Блум прислал мне копию чертежа своей установки... и я не... вполне уверен... Возможно, ему удалось... гм... если... он говорит, что удалось. Конечно... — последовала долгая пауза. — Я думаю, мне будет очень любопытно увидеть это собственными глазами.

Это было очень любопытно и мне и многим другим.

Постановка была безупречной. Под нее отвели целый этаж главного здания «Блум Энтерпрайзис» — того самого здания, которое стоит на вершине холма. Там были и обешанные коктейли, и восхитительный набор изысканных закусок, и праздничная иллюминация, и приглушенная музыка, а сам Блум — безукоризненно одетый, веселый и даже озорной в меру приличия — являл собой радушного хозяина, в то время как гостей обслуживали вежливые и ненавязчивые лакеи. Это было торжество веселой добросердечности.

Джеймс Присс опаздывал, и я видел, что Блум, то и дело поглядывавший на дверь, начал понемногу мрачнеть. Но тут появился Присс, который точно электромагнит создавал вокруг себя поле бесцветности и уныния, не поддающееся воздействию веселого шума и абсолютного великолепия. (У меня не нашлось более точных слов — их просто невозможно было найти, хотя, впрочем, это могло быть и из-за того, что во мне самом полыхали две порции мартини.)

При виде Присса Блум мгновенно расцвел. Он стрелой промчался через толпу, схватил Присса за руку и буквально поволок его к борту.

— Джим! Рад вас видеть. Что будете пить! Черт, я уже совсем собрался все отложить. Ведь нам не обойтись без вас, звезды первой величины! — Он стиснул руку Присса. — Всеми своими успехами мы обязаны вашей теории. Мы, простые

смертные, и шаг ступить не могли бы без вас, совсем немногих, чертовски немногих, которые указывают нам путь.

Блум говорил с энтузиазмом, он источал признательность, потому что теперь он мог себе это позволить. Он возносил Присса до небес.

Присс пытался отказаться от выпивки и что-то пробормотал себе под нос, но в его руку уже втиснули стаканчик, и Блум возвысил свой громовой голос до предела:

— Джентльмены! Минуточку внимания! Я поднимаю тост за профессора Присса, за этот величайший ум со времен Эйнштейна, дважды лауреата Нобелевской премии, создателя теории Двух Полей и вдохновителя эксперимента, который нам сейчас предстоит увидеть, хотя профессор и считал, что установка работать не будет, и имел мужество заявить об этом публично.

На его лице промелькнула усмешка, а Присс стал мрачнее, чем можно себе вообразить.

— Но теперь, когда профессор Присс здесь, с нами, — продолжал Блум, — и мы подняли наш тост, перейдем к делу. Прошу за мной, джентльмены!

Помещение для демонстрации было выбрано еще удачнее, чем в прошлый раз. Лаборатория находилась на последнем этаже. В антигравитационной установке использовались различные магниты — готов поклясться, еще меньших размеров, — и, насколько я мог судить, перед нами были все те же весы Мессбауэра.

Но по крайней мере одна вещь была совершенно новой, и она больше, чем что бы то ни было, притягивала к себе всеобщее внимание. Она потрясла нас всех. Это был бильярдный стол, над которым находился один из полюсов магнита. Другой полюс находился под столом. В самом центре стола было сквозное отверстие диаметром в фут, и, по-видимому, предполагалось, что зона нулевой гравитации, если только она будет создана, пройдет через отверстие.

Несомненно, этот сюрреалистический прием предназначался для того, чтобы подчеркнуть полноту победы над Приссом. Это была еще одна версия их вечной борьбы за бильярдным столом, и Блум собирался выиграть.

Не знаю, правильно ли поняли значение этого символа другие репортеры, но насчет Присса я не сомневался. Я оглянулся и увидел, что он все еще держал стаканчик, который ему насильно вручили. Присс почти никогда не пил, но

сейчас он поднес стаканчик к губам и осушил его в два глотка. Затем он устался на бильярдный шар, и мне не нужно было обладать даром ясновидца, чтобы почувствовать, что он отнесся к этому так, словно Блум щелкнул перед его носом пальцами.

Блум подвел нас к двадцати креслам, которые окружали стол с трех сторон — четвертая должна была служить рабочей площадкой. Присса вежливо усадили на особое кресло, откуда было видно лучше всего. Он бросил быстрый взгляд на стереотелекамеры — они уже работали. По-видимому, у него мелькнула мысль о том, чтобы немедленно встать и уйти, но он тут же взял себя в руки, понимая, что теперь, при полном блеске наведенных на него телеглаз планеты, это невозможно.

В сущности, сам эксперимент был простым, и всех волновал только результат. На видном месте стояли большие диски со шкалой, на которой замерялся расход энергии. Было еще несколько счетчиков, которые преобразовывали показания весов Мессбауэра так, чтобы всем было видно. Блум предусмотрел решительно все для удобства наблюдателей.

Сердечным голосом Блум объяснял каждый свой шаг, изредка делая паузы, при которых он обращался к Приссу за подтверждением, и оно тут же следовало. Блум не делал этого слишком часто, чтобы никто из репортеров не заметил подвоха, но достаточно часто, чтобы Присс чувствовал себя так, словно его не спеша насаживают на вертел. Со своего кресла я отлично видел и то, что происходило на столе, и лицо Приссы, который сидел напротив меня.

Он походил на человека, вдруг угодившего в ад.

Всем известно, что Блуму удалось добиться своего. Весы Мессбауэра, по мере того как повышалась напряженность электромагнитного поля, фиксировали постепенное уменьшение тяжести. Когда красная стрелка шагнула за отметку 0,52 g, раздалась аплодисменты.

— Если вы помните, — уверенным голосом сказал Блум, — 0,52 g — рекордное достижение предыдущего эксперимента. Но, по сути дела, мы уже превзошли это достижение, если учесть расход энергии, который составляет менее десяти процентов аналогичных затрат предыдущего эксперимента. А теперь мы пойдем дальше.

Блум — я думаю, умышленно, чтобы сделать напряженное ожидание еще более волнующим, — замедлил продвижение стрелки к концу шкалы, и стереотелекамеры заматались в выборе объекта между отверстием в столе и счетчи-

ками, наглядно воспроизводившими показания весов Мессбауэра.

— Джентльмены! В сумке, по правую руку на каждом кресле, вы найдете черные защитные очки. Пожалуйста, наденьте их. Как только будет создана антигравитация, возникнет свечение, сопровождающееся интенсивным ультрафиолетовым излучением.

Он надел очки, и тут же в зале послышалось легкое шуршание: остальные последовали примеру Блума.

Последнюю минуту, пока красная стрелка медленно подбиралась к нулю, все сидели затаив дыхание. Стрелка замерла, и в ту же секунду между полюсами магнита вспыхнул световой цилиндр.

Двадцать человек одновременно перевели дыхание.

— Мистер Блум, чем вызвано свечение?

— Это характерно для нулевой гравитации, — спокойно сказал Блум, что, конечно, не было удовлетворительным ответом.

Репортеры уже вскочили со своих мест и толпились вокруг стола. Блум замахал на них руками.

— Джентльмены, станьте подальше!

И только Присс продолжал сидеть в своем кресле. По-видимому, он полностью ушел в себя, в собственные мысли, и, я совершенно уверен, за черными очками уже таилась возможность того, что произошло потом. Я не видел выражения его глаз. Не мог видеть. Но кому в этот момент было дело до того, что созревало там, за этими очками, в голове Приссы? Впрочем, и не будь очков, мы бы все равно не догадались, хотя кто может это знать наверняка?

Блум снова возвысил голос:

— Внимание! Демонстрация еще не кончилась. До сих пор мы только повторяли то, что уже делалось мною раньше. Я доказал возможность получения нулевой гравитации и показал, как это сделать практически. А теперь я хочу продемонстрировать вам одну из возможностей применения нулевой гравитации. То, что мы сейчас увидим, еще никогда и никому — в том числе и мне — не приходилось видеть. Я не проводил экспериментов в этом направлении, как мне того ни хотелось, ибо считал, что честь это сделать по праву принадлежит профессору Приссу.

Присс резко взглянул на него.

— Сделать что? — переспросил он.

— Профессор Присс, — сказал Блум, широко улыбаясь, — я бы хотел, чтобы вы осуществили первый эксперимент,

цель которого установить результат взаимодействия твердого тела с антигравитационным полем. Прошу всех обратить внимание на то, где находится зона нулевой гравитации — посреди бильярдного стола. Всему миру, профессор, известно ваше феноменальное мастерство игры в бильярд — талант, который уступает разве что вашим же поразительным способностям в области теоретической физики. Прошу вас пробить шар так, чтобы он пересек зону нулевой гравитации.

И он нетерпеливо протянул профессору кий и шар. Глаза Присса, невидимые под защитными очками, уставились на оба предмета, затем он медленно, очень неуверенно взял их в руки.

Хотел бы я знать, что в этот момент выражали его глаза. И еще, в какой мере решение заставить Присса «сыграть» в бильярд было вызвано обидой Блума, нанесенной ему заявлением Присса — тем самым, которое я уже приводил. И нет ли и моей доли вины в том, что произошло через несколько минут?

— Пожалуйста, профессор, подойдите к столу и уступите мне ваше место. С этой минуты эксперимент проводите вы. Действуйте!

Блум сел в кресло, но продолжал говорить, и голос его с каждым мгновением все больше походил на орган.

— Как только бильярдный шар попадет в зону нулевой гравитации, он тотчас окажется вне действия гравитационного поля Земли. Он останется неподвижным, в то время как Земля продолжит свое вращение вокруг оси и вокруг Солнца. На нашей широте в это время суток — мною проделаны соответствующие расчеты — Земля, если можно так выразиться, уйдет вниз из-под шара. Мы будем двигаться вместе с Землей, шар останется в той же точке пространства. Нам покажется, что шар подскочит вверх. Внимание!

Присс застыл перед столом, словно его вдруг парализовало. Было это изумление? Или восторг? Не знаю. И не узнаю никогда. Сделал ли он движение, чтобы наконец прервать разглагольствования Блума, или он просто страдал от мучительного нежелания играть позорную роль в игре, которую ему навязал соперник?

Присс повернулся к бильярдному столу, посмотрел на шар, затем оглянулся на Блума. Все репортеры столпились вокруг — близко, как только могли, чтобы получше все разглядеть. И лишь один Блум сидел в кресле — с непричастным видом улыбаясь. Он, конечно, не следил ни за столом, ни за шаром, ни за зоной нулевой гравитации. Насколько я мог видеть — с поправкой на очки — он следил за Приссом.

Присс снова повернулся к столу и поставил шар на сукно. В этом спектакле ему предстояло поднять занавес перед последним действием, которое принесет окончательный и драматический триумф Блуму, а его, Присса, человека, который утверждал, что это невозможно, сделает посмешищем на веки веков.

Наверное, он почувствовал, что у него нет никакого выхода. А может быть...

Уверенным ударом он привел шар в движение. Шар катился не быстро, и все следили за ним не отрываясь. Он ударился о борт и срикошетировал. Теперь шар катился еще медленнее, словно Присс умышленно драматизировал ситуацию, чтобы сделать триумф Блума еще блистательнее.

Мне было все отлично видно: я стоял у самого края стола, почти рядом с Приссом. Я видел, как шар приближался к светящемуся столбику воздуха, и видел сидевшего Блума, вернее, то, что проглядывало за световым цилиндром.

Шар достиг границы зоны нулевой гравитации, на какое-то мгновение повис над краем отверстия в столе и исчез с ослепительной вспышкой и ужасающим грохотом, оставив после себя неожиданный запах жженой тряпки.

Мы завопили. Мы все завопили.

Потом вместе со всем миром я видел эту сцену на экране стереовидения. Я видел себя в фильме, запечатлевшем эти пятнадцать секунд всеобщего замешательства, и не мог узнать своего лица.

Пятнадцать секунд!

Затем мы вспомнили о Блуме. Он по-прежнему сидел в кресле, скрестив руки, но в его туловище была дыра размером с бильярдный шар: пробив лежавшую на груди руку, шар прошел навылет. Большая часть сердца, как было установлено при вскрытии, оказалась выбитой и притом совершенно аккуратным кружком.

Выключили установку. Вызвали полицию. Унесли Присса, который находился в состоянии коллапса. По правде говоря, я и сам был ненамного лучше, и, если кто-нибудь из присутствовавших репортеров будет говорить, что он оставался хладнокровным наблюдателем, знайте, что он просто хладнокровный лгун.

Я встретился с Приссом лишь спустя несколько месяцев. Он слегка похудел, но выглядел вполне хорошо. На лице Присса играл румянец, и во всем его облике появилась

решительность. Так роскошно одетым я его еще никогда не видел.

— Теперь-то мне понятно, что произошло, — сказал он. — Будь у меня там время подумать, я бы и тогда все знал. Но я тугодум, а бедному Эду так не терпелось поскорее устроить этот спектакль, да еще он его так хорошо поставил, что увлек и меня за собой. Я, конечно, всячески стараюсь возместить часть того ущерба, невольным виновником которого я стал.

— Но вам не вернуть Блума к жизни, — бесстрастно сказал я.

— Конечно, нет, — ответил он не менее бесстрастно. — Но ведь надо позаботиться и о «Блум Энтерпрайзис». То, что произошло во время демонстрации на глазах у всего мира, — самая скверная реклама нулевой гравитации, и мне представляется крайне важным внести полную ясность в эту историю. Вот почему я и пригласил вас.

— К вашим услугам, сэр.

— Не будь я тугодумом, я бы и тогда сообразил, что Блум нес чистый вздор, когда говорил о том, как шар поднимается в зоне нулевой гравитации. Этого не могло быть. Если бы Блум так не презирал теорию и не бахвалился своим невежеством, он бы и сам это прекрасно знал.

Движение земли, — продолжал Присс, — далеко не единственное движение, имеющее отношение к такому эксперименту, молодой человек. Солнце само движется по гигантской орбите вокруг центра Млечного Пути. И наша Галактика тоже движется по пока еще не установленной траектории. Помещая шар в зону нулевой гравитации, нужно было учитывать, что на шар не будет влиять ни одно из этих движений и что, следовательно, он внезапно окажется в состоянии абсолютного покоя — в то время как абсолютного покоя не существует. — Присс медленно покачал головой. — Беда Блума, как мне кажется, была в том, что он думал о невесомости, которая существует в космическом корабле, когда космонавт парит в кабине. Потому-то Блум и ожидал, что шар поплывет в воздухе. Но ведь на космическом корабле нулевая гравитация вовсе не означает отсутствия гравитации — это всего лишь результат взаимодействия двух объектов: корабля и находящегося в нем человека, у которых одна и та же скорость свободного падения, соответствующая гравитационному полю Земли, так что и корабль и человек неподвижны по отношению друг к другу.

В случае же нулевой гравитации, которой удалось достичь Блуму, произошло полное разглаживание резинового

листа вселенной на данном участке, что означает исчезновение массы. Все, что бы ни оказалось в этом поле, включая и захваченные им молекулы воздуха, и бильярдный шар, который я загнал в него, мгновенно утрачивает массу. Объект, не имеющий массы, может обладать лишь одним движением. — Присс сделал паузу, как бы приглашая задать ему вопрос.

— Что же это за движение, профессор?

— Движение со скоростью света, — ответил он. — Любой объект, не имеющий массы, как, например, нейтрино или фотон, будет двигаться со скоростью света до тех пор, пока он существует. И действительно, свет движется с такой скоростью только потому, что он состоит из фотонов. Едва бильярдный шар оказался в зоне нулевой гравитации, он тут же исчез со скоростью света.

— Но разве шар не должен был снова обрести свою массу сразу же, как только он окажется за пределами зоны нулевой гравитации?

— Конечно, так и случилось, он сразу оказался подверженным действию гравитации и начал терять скорость из-за трения о поверхность бильярдного стола. Но попробуйте себе представить, какой огромной должна быть сила трения, чтобы затормозить объект с массой бильярдного шара, несущийся со скоростью света. В тысячную долю секунды шар прошел сквозь толщу атмосферы в сотни миль, и я сомневаюсь, чтобы при этом его скорость уменьшилась более чем на несколько миль в секунду — всего лишь на несколько из 186 282 миль. Пронесясь через бильярдный стол, шар легко пробил борт, пронзил бедного Эда и вылетел в закрытое окно, оставив на стекле аккуратный кружок, потому что за столь ничтожное время соседние частицы стекла не могли прийти в движение.

К счастью, мы находились на верхнем этаже здания да еще в ненаселенном районе. Если бы мы были в городе, шар пробил бы множество зданий и мог убить уйму людей. В настоящий момент этот шар — в космосе, далеко за пределами Солнечной системы, и он будет продолжать свое движение почти со скоростью света до тех пор, пока не встретит на своем пути препятствие — достаточно большое, чтобы остановить его. И тогда произойдет ужасающий взрыв, который оставит после себя гигантский кратер.

Я поиграл своим воображением и не могу сказать, чтобы это мне понравилось.

— Но как это может быть? — спросил я. — Бильярдный шар, когда он подкатился к полю нулевой гравитации, уже почти совсем останавливался. Я это видел сам. А вы утверждаете, что он исчез, неся в себе невероятный запас кинетической энергии. Откуда же она взялась?

Присс пожал плечами:

— Да ниоткуда! Закон сохранения энергии остается в силе только в границах применимости общей теории относительности, то есть на резиновом листе, покрытом лунками. Где бы нам ни удалось разгладить лист, теория относительности теряет смысл, и тогда можно как создавать, так и уничтожать энергию. Этим и объясняется радиация вдоль цилиндрической поверхности зоны нулевой гравитации. Причину радиации, как вы помните, Блум не объяснил, и боюсь, что это ему было не под силу. Если бы он сперва сам поставил этот эксперимент, он бы не только не проявил столь глупую беспечность с устройством спектакля...

— Чем же вызывается эта радиация, сэр?

— Молекулами воздуха, оказавшимися в поле. Каждая из них мгновенно обретает скорость света и уносится прочь. Но ведь это всего лишь молекулы — не бильярдные шары, и они останавливаются сопротивлением воздуха, а их кинетическая энергия превращается в радиацию. Радиация не прекращается ни на одно мгновение, потому что в любой бесконечно малый отрезок времени в зону нулевой гравитации попадают все новые молекулы и, обретя скорость света, превращаются в свечение.

— Значит, энергия создается непрерывно?

— Совершенно верно. Именно это и необходимо разъяснить широкой публике. В первую очередь антигравитационная установка не аппарат для запуска космических кораблей и не революция в механике. Скорее это источник бесконечного запаса свободной энергии, поскольку часть произведенной энергии можно использовать для поддержания поля, которое сохраняет плоским данный участок Вселенной. Сам того не зная, Эд Блум построил не только антигравитационную установку, но и первый успешно работающий вечный двигатель первого рода — тот, который создает энергию из ничего.

— Этот бильярдный шар мог убить любого из нас? — спросил я. — Я вас правильно понял, профессор? Он, по-видимому, мог избрать любое направление?

— Что касается не имеющих массы фотонов, испускаемых каким-либо источником света, то они действительно разле-

таются в произвольных направлениях, — вот почему свеча посылает свет во всех направлениях. Лишившиеся массы молекулы воздуха тоже разлетаются из зоны нулевой гравитации во всех направлениях, чем и объясняется радиация сплошной цилиндрической формы. Но бильярдный шар — один. Он мог бы двинуться в любом направлении, но он должен выбрать какое-то одно-единственное направление, случайное, и вот на этом-то случайном пути и оказался Эд.

Вот как это было. Все знают, что произошло потом. Генеральным директором «Блум Энтерпрайзис» был избран Присс, и в скором времени он стал таким же богатым и знаменитым, каким когда-то был Блум. И сверх того, у Присса было две Нобелевские премии.

Только...

Я продолжаю размышлять над тем, что сказал Присс. Фотоны, испускаемые источником света, разлетаются во всех направлениях, потому что они возникают случайно и для них, так сказать, нет больше причины избрать одно направление, а не другое. Молекулы воздуха разлетаются из зоны нулевой гравитации тоже во всех направлениях, поскольку они и попадают в него со всевозможных направлений.

Но как должен себя повести бильярдный шар, который попадает в зону нулевой гравитации, двигаясь по определенной траектории? Сохранит ли он направление своего движения или оно изменится?

Я весьма осторожно задавал такие вопросы, но физики-теоретики, по-видимому, и сами не имеют уверенности на этот счет. Не удалось мне и найти каких-либо сведений о том, чтобы «Блум Энтерпрайзис» — единственное на Земле учреждение, которое занимается исследованиями нулевой гравитации, проводило подобные эксперименты. Кто-то из этого учреждения сказал мне, что принцип неопределенности гарантирует случайность направления вылета для любого объекта, попавшего в зону по любой траектории. Но тогда почему бы им не поставить такой эксперимент?

А что, если...

А что, если один раз в жизни мозг Присса сработал быстро? Не могло ли так случиться, что уже совсем было загнанного в угол Присса вдруг осенило? Он сосредоточил свое внимание на свечении, окружавшем зону нулевой гравитации. Он мог догадаться о причине радиации и сообразить,

что любой предмет, попавший в эту зону, мгновенно обретет скорость света.

Но тогда почему же он ничего не сказал?

Одно для меня несомненно. Ничто из того, что делал Присс за бильярдным столом, не могло быть случайным. Он специалист в этой игре, и бильярдный шар мог повести себя только так, как пожелает Присс. Я стоял рядом. Я видел, как он быстро взглянул на Блума, а потом на стол, словно прикидывая нужный угол.

Я следил за тем, как он пробил шар. Я видел, как шар отскочил от борта и вошел в зону нулевой гравитации, двигаясь по заданному направлению.

Потому что, когда пробитый Приссом шар катился к зоне нулевой гравитации — телевизионный стереофильм только лишний раз убедил меня в этом, — он был нацелен в самое сердце Блума!

Несчастный случай? Совпадение?

...Убийство?

**ПОКУПАЕМ
ЮПИТЕР**

Я всегда, любезные читатели, оказывал вам полное доверие, ибо мне нечего было прятать (в литературном смысле слова). А потому разрешите поведать вам, как случилось, что я составил этот сборник.

Меня пригласили на Боскон XI (название съезда писателей-фантастов, который проводился в Бостоне с 1 по 3 марта 1974 года) в качестве почетного гостя, и оказалось, что по традиции организационный комитет издает небольшой сборник произведений почетного гостя. А потому они зубасто ухмыльнулись и попросили меня отобрать несколько рассказов.

Я оказался перед тяжелой дилеммой. Мои научно-фантастические произведения публикует высокочтимое издательство с безупречной репутацией «Даблдэй энд Компани», и я боялся, что в их корпоративных добрых карих глазах появится тень горькой обиды, коль я позволю издать себя кому-нибудь другому. Босконские комитетчики, оповещенные о моих опасениях, что разъяренные издатели разорвут меня в клочья, поспешили заявить, что их книга будет выпущена ограниченным тиражом в пятьсот экземпляров, не больше.

Тогда я робко обратился к Лоренсу П. Эшмиду, моему постоянному редактору в «Даблдэй», и спросил, можно ли мне дать согласие на просьбу комитета. Я подчеркнул, что предоставляю лишь несколько рассказов, никогда не печатавшихся в моих даблдэйских сборниках. Ларри, добрейшая душа, сказал: «Ну конечно, Айзек, валяйте!» И я взялся за дело.

Результатом явилась книжица, озаглавленная «А вы их не упустили?» («Несфа Пресс», 1974), содержавшая восемь рассказов. По плану она должна была выйти как раз к

открытию Боскона XI, где, как мы уповали, могли разойтись сотни (или десятки) экземпляров. Увы, прихоти издательских процессов привели к тому, что книжка вышла точно после закрытия съезда, так что по результатам продажи тираж оказался даже еще более ограниченным, чем намечалось.

Но Ларри выждал благоприятного момента. Его мягкая добродота прячет безошибочное редакторское чутье. И в конце концов он спросил:

— Эта книжечка вышла, Айзек?

— А как же! — ответил я с улыбкой (я всегда испытываю простодушную радость, говоря о своих книгах) и подарил ему экземпляр, когда мы снова встретились.

Ларри его пролистал и заметил:

— Какая жалость, что эти рассказы изданы таким малым тиражом. А нельзя «Даблдэй» переиздать их?

Я указал на непреодолимое препятствие:

— Тут общий объем же всего двадцать тысяч слов!

— Так добавьте еще! — немедленно отозвался Ларри. (И как это я сам не сообразил!)

Затем выяснилось, что «Даблдэй» задался честолюбивой целью включить все мои рассказы в те или иные сборники. Собственно я не слишком уверен, что это такая уж хорошая мысль, поскольку, несомненно, часть моих рассказов хуже других, а кое-какие, возможно, и вовсе не заслуживают бессмертия.

Ларри (он куда больший любитель Азимова, чем я сам) отпел это возражение со смехом и указал, что, во-первых, ни один рассказ не кажется скверным всем читателям без исключения, во-вторых, никакой азимовский рассказ не может быть по-настоящему скверным, и, в-третьих, и хорошие или плохие — они все представляют исторический интерес.

Третий пункт меня очень смущает. У меня давно возникло ощущение, что в мире научной фантастики я — национальный монумент и что молодые читатели всегда изумляются (а то и негодуют), обнаружив, что я еще жив.

Ну, я и сдался (а кто бы выдержал гипнотический взгляд Ларри?). И добавил достаточно рассказов, чтобы довести общее число до двух дюжин. В большинстве они не очень длинные (в среднем по две с половиной тысячи слов) и в предыдущих моих сборниках не печатались. Я расположил их в хронологическом порядке.

Тем из вас, кто читал мои книги «До Золотого века» («Даблдэй», 1974) и «Ранний Азимов» («Даблдэй», 1972), из-

вестно, что в совокупности они образуют нечто вроде литературной автобиографии по 1949 год, когда я впервые продал книгу в «Даблдэй», а затем переехал в Бостон, где стал преподавать на медицинском факультете университета.

Эту книгу я сопровождаю биографическими примечаниями к рассказам. Отчасти из-за множества читательских писем, утверждающих, что примечания «даже увлекательнее» самих рассказов. (Дань восхищения моим стилем или щелчок моему творческому таланту?) А отчасти — это попытка увернуться от настоящих некоторых редакторов (привет, Ларри!), чтобы я написал автобиографию — подробную, исчерпывающую во всех отношениях.

Я отговариваюсь, что исчерпать могу только возможности своей пишущей машинки и что со мной никогда ничего интересного не случалось, но они не желают слышать. Однако если в этих сборниках я подкину достаточно автобиографического материала... Понятно?

На протяжении сороковых годов я писал исключительно для Джона Кэмпбелла. И даже начинал опасаться, что моя писательская карьера немедленно оборвется, если с редактором или его журналом что-нибудь произойдет.

Да, конечно, свой первый роман «Камешек в небе» я продал в «Даблдэй», и он вышел в свет 19 января 1950 года, менее чем через три недели после моего тридцатого дня рождения, но мне казалось, что рассчитывать на дальнейший успех я не могу. А вдруг у меня больше не получится? Я чувствовал себя спокойно, только сотрудничая с журналами, к чему привык за первые одиннадцать лет литературной карьеры.

Однако пятидесятые годы знаменовались бешеным ростом журнального рынка в области научной фантастики, и я быстро оказался в огромном плюсе.

Один из журналов, задуманных в 1950 году, должен был получить название «Гэлэкси Сайенс Фикшн». Редактором намечался Горащий Л. Голд, чьи рассказы я читал с восхищением, а потому был очень польщен, когда он попросил у меня рассказ для первого номера — ведь он, естественно, хотел сделать его безупречным.

К сожалению, времени мне дали самую малость. Рассказ ему требуется через неделю, сказал он, а я очень нервничал, что буду писать не для Джона Кэмпбелла. В конце-то концов я понятия не имел, что нравится Горащему, тогда как с

Джоном, после долгих лет совместной работы, мы подружились друг дружку как инь и ян.

Все же я напряг все силы и произвел на свет «Дарвинистскую бильярдную». Гораций ее взял, но без видимого восторга, и меня преследовала ехидная мысль, уж не взял ли он рассказ только потому, что срочно нуждался в материале для критически важного первого номера в том далеком октябре 1950 года.

Скажу вам по личному опыту, что чувство, которое охватывает тебя, когда ты продаешь заведомо сомнительную вещь благодаря своему имени или отчаянного положения редактора, куда хуже, чем то, которое ты испытываешь после отказа. (Конечно, исключая случаи, когда тебе эти деньги совершенно необходимы.)

Поэтому я тут же предложил Горацию написать для него еще рассказ — и написал*. Гораций взял и его для ноябрьского номера 1950 года. На этот раз он не был в цейтноте и мог привередничать, так что я испытал большое облегчение, когда он взял рассказ — хотя я не мог не заметить, что и его он взял без особого восторга.

Постепенно с течением месяцев и лет я убедился, что, беря рассказ, Гораций никогда не изъяслял особого восторга, а часто очень заметно не изъяслял особого восторга. (А вот отказывал с яростью, с такой яростью, что мало-помалу потерял очень много писателей, не желавших подвергаться поношениям, какими он сопровождал свои отказы.)

В любом случае я со временем понял, что мои муки из-за «Дарвинистской бильярдной» были напрасны. Возможно, это не самый лучший мой рассказ, но Гораций был им доволен в той степени, в какой бывал доволен вещами, которые брал, хотя, возможно, мера эта величиной не поражала.

Важность «Дарвинистской бильярдной» для меня заключается в том, что вместе с «Камешком в небе» рассказ знаменавал начало публикации в разных местах и конец моей полной зависимости от Джона Кэмпбелла — но отнюдь не конец моей великой благодарности ему.

* «Непотребный миссионер». Вы найдете его в моем сборнике «Приход ночи» («Даблдей», 1969) под заглавием, которое ему первоначально дал я: «Зеленые пятна» (Примеч. авт.)

ДАРВИНИСТСКАЯ БИЛЬЯРДНАЯ

— Н у разумеется, обычное толкование первой главы книги Бытия совершенно неверно, — сказал я. — Возьмите, к примеру, бильярдную.

Остальные трое мысленно взяли бильярдную. Мы сидели в сломанных креслах в лаборатории доктора Троттера, и было так просто преобразить лабораторные столы в бильярд, штативы — в кии, бутылки с реактивами — в шары, и столь же мысленно все это обозреть.

Тетьер даже поднял палец, зажмурил глаза и прошептал: — Бильярдная!

Троттер по обыкновению ничего не сказал и поднес к губам вторую чашку кофе. Кофе, тоже по обыкновению, был ужасным, но, с другой стороны, я был новичком в компании, и оболочка моего желудка еще недостаточно закалилась.

— Теперь взвесьте завершение партии, — сказал я. — Все шары, кроме, естественно, забойного, находятся в соответствующих лузах..

— Минуточку, — перебил Тетьер, неизменно педантичный, — какая именно луза, значения не имеет, при условии, что ты забил их в определенном порядке, или...

— Неважно. Когда партия кончается, шары находятся в разных лузах. Верно? Теперь, предположим, вы входите в бильярдную, когда игра кончена, видите только финальную ситуацию и стараетесь понять, что именно тут происходило. Совершенно очевидно, что у вас множество вариантов.

— Нет, если знать правила игры.

— Постулируем полное незнание, — сказал я. — Можно предположить, что шары попали в лузы от ударов забойного шара, который ударили кием. Это было бы верно, но вряд ли вы это сообразили на пустом месте. Куда вероятнее, что вам придет в голову, будто шары кто-то разложил по лузам руками, или что шары так изначально и лежали там.

— Ну ладно, — сказал Тетьер, — раз уж вы прыгаете назад прямо к книге Бытия, то заявите по аналогии, что Вселенная либо существовала всегда, либо создавалась произвольно, такой, как есть, либо развилась эволюционно. Ну и что?

— Я предлагаю вовсе не эти альтернативы, — возразил я. — Давайте примем за факт целенаправленное сотворение и рассмотрим только методы, какими оно могло быть осуществлено. Самое немудреное — предположить, что Бог сказал: «Да будет свет» и стал свет. Но это не изящно.

— Зато просто, — указал Мейденд, — а «бритва Оккама» требует, чтобы из всех возможных альтернатив выбиралась простейшая.

— В таком случае почему бы не ограничить бильярдную партию тем, что руками разложить шары по лузам? Это много проще, но не изящно. С другой стороны, если взять для начала первородный атом...

— А это что? — мягко осведомился Троттер.

— Ну, назовите это всей массой и энергией Вселенной, сжатыми в единую сферу в состоянии минимальной энтропии. И если бы вы взорвали такую сферу так, чтобы все частицы материи и кванты энергии начали действовать, реагировать и взаимодействовать заранее исчисленным образом и возникла бы именно наша Вселенная, разве это не дало бы куда больше удовлетворения, чем просто взмахнуть рукой и сказать: «Да будет свет!»

— То есть, — подытожил Мейденд, — ударить кием по одному шару и разом загнать в лузы все пятнадцать?

— Вот именно.

— Куда поэтичная идея прямого гигантского волеизъявления, — сказал Мейденд.

— Все зависит от того, рассматриваете ли вы это как математик или как богослов, — сказал я. — И вообще первую главу Бытия можно уложить в схему бильярдных шаров. Творец заранее рассчитал все необходимые переменные и взаимосвязи в шести колоссальных уравнениях. Пусть каждый библейский «день» обозначает такое уравнение. И, дав первоначальный толчок к взрыву, он тогда «почил» в седьмой «день», каковой седьмой «день» покрывает весь проме-

жуток времени от начала до четыре тысячи четвертого года до нашей эры. Этот интервал, в течение которого происходило невообразимо сложное комбинированное движение бильярдных шаров, создателей Библии заведомо не интересовало. Все эти миллиарды лет можно было рассматривать просто как компоненты единого акта творения.

— Вы постулируете телеологическую Вселенную, — сказал Троттер, — с заложенной в ней целью.

— Верно, — согласился я. — А почему бы и нет? Сознательный акт творения без цели нелеп. К тому же, если рассматривать ход эволюции как случайный результат слепой игры разных сил, натываешься на ряд весьма загадочных проблем.

— Например? — спросил Мейденд.

— Например, исчезновение динозавров, — ответил я.

— Ну и что же тут непонятного?

— Отсутствие хоть какой-то логичной причины. Назовите хотя бы одну!

— Закон перехода плюсов в минусы, — сказал Мейденд. — Бронтозавр стал таким огромным, что его тяжесть могли выдерживать только ноги толщиной в древесные стволы, и то, если он стоял в воде, пользуясь ее выталкивающей силой. И бедняге приходилось непрерывно есть, чтобы получать необходимые калории. Непрерывно, в буквальном смысле слова. Ну а хищники в конкурентной борьбе с себе подобными обременили себя такой броней и такими орудиями нападения, что превратились в ползучие танки, пыхтящие под весом полутонны костей и чешуи. Вот и достигли предела, когда все это обернулось против них.

— Ладно, — кивнул я. — Милые великаны вымерли, но ведь в большинстве динозавры были подвижными малютками, не обремененными излишним весом или броней. Что произошло с ними?

— Ну, что касается мелких, — вставил Тетьер, — объяснение лежит в конкуренции. Если у части пресмыкающихся появились шерсть и теплая кровь, им оказалось легче приспособиться к климатическим изменениям. Им незачем было прятаться от прямого солнечного света. Они не становились вялыми и малоподвижными при падении температуры ниже какого-то предела. Им не требовалось погружаться в зимнюю спячку. А потому в гонках за пищей они имели большую фору.

— Меня такое объяснение не удовлетворяет, — сказал я. — Не думаю, что разнообразные ящеры так легко поддались

бы вытеснению. Они ведь продержались около трехсот миллионов лет, что на двести восемьдесят миллионов больше, чем имеет на своем счету биологический вид «человек». К тому же хладнокровные животные прекрасно себя чувствуют и поныне, в частности насекомые и земноводные...

— Характер размножения...

— ...а также кое-какие пресмыкающиеся. Змеи, черепахи, ящерицы все еще чувствуют себя превосходно, верно? А океан, если уж на то пошло? Ящеры приспособились к обитанию в нем — например, ихтиозавры и плезиозавры. Они тоже исчезли, хотя там не появились радикально новые, более приспособленные животные, удачливые конкуренты. Насколько мне известно, высшая форма жизни в океане — рыбы, а они возникли раньше ихтиозавров. Как вы объясните это? Рыбы столь же хладнокровны и стоят ниже на лестнице эволюции. А в океане вопрос об избыточной величине и тяжести остроту теряет, поскольку вода обеспечивает всю необходимую поддержку. Синий кит крупнее любого когда-либо существовавшего динозавра. Еще одно: стоит ли говорить о дефектах холодной крови и утверждать, что при понижении температуры хладнокровные животные становятся вялыми? Рыбы прекрасно себя чувствуют в постоянно холодной воде с температурой лишь на несколько градусов выше нуля, и акулу уж никак не назовешь малоподвижной.

— В таком случае почему динозавры тихонько убрались с Земли, оставив тут свои косточки? — спросил Мейденд.

— Они были частью плана, а когда исполнили свое назначение, стали лишними, и от них избавились.

— Каким образом? С помощью надлежащим манером организованной катастрофы в духе Великовского? Столкновение с кометой? Перст Божий?

— Разумеется, нет. Вымерли естественным образом и по необходимости, в согласии с предварительными расчетами.

— В таком случае мы должны бы установить, в чем заключалась причина этого естественного и необходимого вымирания!

— Необязательно. Она могла заключаться в каком-то неведомом нарушении ящериной биохимии, в какой-то витаминной недостаточности...

— Слишком уж сложно, — сказал Тетьер.

— Только кажется, будто сложно, — отрезал я. — Предположим, возникла необходимость загнать определенный шар в лузу четырехкратным рикошетом от бортиков. Смутила бы вас сложная траектория забойного шара? Прямой удар был

бы менее сложным, но он ничего не дал бы. И вопреки кажущимся сложностям нужный удар по сути был бы ничуть не труднее. Он все равно свелся бы к единичному движению кия. Только в другом направлении. А затем в дело вступили бы обычные свойства эластичных материалов и законы сохранения количества движения.

— Следовательно, — сказал Троттер, — по-вашему, течение эволюции представляет собой наиболее простой путь от изначального хаоса к человеку?

— Совершенно верно. Ни единый воробышек не падает бесцельно... как и птеродактиль.

— И куда же мы двинемся дальше?

— Никуда. Эволюция закончилась с возникновением человека. Прежние правила больше не применимы.

— Да неужто? — вставил Мейденд. — Вы сбрасываете со счетов продолжающиеся изменения среды обитания и мутации!

— В определенном смысле — да, — заявил я. — Человек все больше и больше подчиняет себе среду обитания, все больше и больше постигает механизм мутаций. До появления человека животные не могли предвидеть изменения климата и оберегать себя от них. Не могли они и понять возникающую опасность, какой угрожают им развивающиеся новые виды, пока опасность эта не становилась непреодолимой. А теперь спросите себя: какой биологический вид способен сменить нас, и как он этого достигнет?

— Для начала, — сказал Мейденд, — возьмем насекомых. По-моему, они уже взялись за дело.

— Они не помешали нам почти удесятерить нашу численность за последние двести пятьдесят лет. Если человек когда-нибудь сосредоточится на борьбе с насекомыми, вместо того чтобы расходовать лишнюю энергию на всякие другие войны, то вышеуказанные насекомые долго не продержатся. Доказательств у меня нет, но таково мое мнение.

— Ну а бактерии или, даже лучше, вирусы? — предложил Мейденд. — Вирус инфлюэнцы тысяча девятьсот восемнадцатого года весьма убедительно снизил нашу численность.

— Угу! — кивнул я. — Примерно на один процент. Даже Черная смерть в четырнадцатом веке умудрилась убить всего треть населения Европы — в ту эпоху, когда настоящей медицины и в помине не было. Эпидемия бушевала без всяких помех в жутчайших условиях средневековой нищеты и грязи, и все-таки две трети нашего крепкого вида выжили. Нет, никаким болезням с нами не совладать, я в этом твердо убежден.

— Ну а если сам человек разовьется в, так сказать, сверхчеловека, — заметил Тетьер, — и вытеснит прежнюю братию?

— Черта с два! — сказал я. — В организме человека только одно чего-то стоит с точки зрения власти над миром — его нервная система и большие полушария мозга в частности. Это наиболее специализированная часть организма и поэтому — тупик. Если ход эволюции что-то и продемонстрировал неопровержимо, так это следующий факт: по достижении определенной степени специализации гибкость исчезает, и дальнейшее развитие может продолжаться только в сторону еще большей специализации.

— Так ведь это как раз и требуется?

— Возможно, но, как указал Мейденд, специализация имеет обыкновение достигать предела, когда плюсы превращаются в минусы. Родовые муки объясняются размерами человеческого черепа. Из-за сложности человеческой психики умственная и эмоциональная зрелость наступают куда позже половой, что приводит к множеству трудностей. Хрупкость этой психики превращает большинство нашей расы в невротиков. Как далеко сможем мы еще развиваться, прежде чем наступит катастрофа?

— Развитие, — возразил Мейденд, — способно идти в сторону достижения большей стабильности или быстрее достижения зрелости, а не в сторону усиления мозговой деятельности.

— Не исключено, но признаков этого что-то незаметно.

— Десять тысяч лет, — сказал Тетьер, — срок довольно ничтожный в эволюционном смысле. Остается возможность, что интеллект разовьется и у других видов — а то и что-нибудь лучше, если есть что-нибудь лучше.

— Мы им не позволим. В том-то и соль. Потребуется сотни тысяч лет, чтобы, например, медведи или крысы обрели интеллект, и мы истребим их, едва обнаружим такую тенденцию. Или превратим их в рабов.

— Ну ладно, — вздохнул Тетьер. — А какие-нибудь биохимические нарушения, которые вас так устраивали для динозавров? Возьмите для примера витамин С. Только у морских свинок и приматов организмы неспособны сами его вырабатывать. Предположим, эта тенденция будет развиваться и мы окажемся в невозможной зависимости от слишком большого числа пищевых факторов. Или вдруг будет возрастать восприимчивость человека к раковым заболеваниям. Что тогда?

— Ерунда! — воскликнул я. — Суть новой ситуации в том, что мы искусственно производим все необходимые пищевые факторы и в конце концов можем вообще полностью перейти на синтетическую пищу. И нет никаких причин полагать, что нам не удастся найти средства предотвращения или лечения рака.

Троттер встал. Кофе он допил, но все еще держал чашку в руке.

— Хорошо, вы говорите, что мы зашли в тупик. Но что, если все это было принято в первоначальные расчеты? Творец был готов потратить триста миллионов лет, чтобы динозавры развились так или эдак, лишь бы ускорить развитие человека — во всяком случае, по вашим словам. Почему же он не в состоянии измыслить ситуацию, в которой человек использовал бы свой интеллект и контроль над окружающей средой, чтобы подготовить следующий ход в игре? Вдруг это наиболее интересный бильярдный удар?

Тут уж растерялся я.

— О чем вы?

Троттер улыбнулся мне:

— Я просто подумал, что дело не в простом совпадении и что, возможно, грядет новая раса, а старая сходит со сцены только благодаря эффективной работе этого церебрального механизма. — Он постучал себя по виску.

— Как так?

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь ядерная физика и кибернетика одновременно захватывают все новые высоты, не так ли? Разве мы не одновременно изобретаем водородные бомбы и мыслящие машины? Что это — совпадение или часть Божьего Промысла?

Вот, пожалуй, и все об этом разговоре в обеденном перерыве. Начался он моими логическими построениями, но с тех пор... я все чаще задумываюсь...

«Дарвинистская бильярдная», в сущности, сводится к разговору между несколькими собеседниками. Меня всегда тянуло к такого рода рассказам — возможно, потому, что я получал большое удовольствие от многих и многих историй, которые начинались с того, что люди, сидя в бурную ночь у пылающего в камине огня, беседуют о том, о сем, и вдруг кто-нибудь говорит: «Именно в такую ночь случилось, что я...»

Этот рассказ многим обязан моему пребыванию на медицинском факультете. Обеденные перерывы там постоянно превращались в непрерывный обмен историями с другими

преподавателями — особенно с Бернемом С. Уокером, возглавлявшем кафедру биохимии, Уильямом Ч. Бойдом с кафедры иммунологии и Мэтью А. Дироу с кафедры микробиологии. (Они все трое уже оставили преподавание, но, насколько мне известно, все живы.)

Все трое — и особенно Бойд — были большими любителями научной фантастики; именно Бойд рекомендовал меня на скромную должность преподавателя (с заработной платой, которая тогда мне представлялась упоительно гигантской, пять тысяч долларов в каждый-прекаждый год).

Со временем я написал учебник по биохимии вместе с Уокером и Бойдом под заглавием «Биохимия и обмен веществ у человека» («Уильямс и Уилкинс», 1952). В 1954 году вышло второе издание, а в 1957-м — третье, причем каждый раз успеха наша работа не имела. Еще один учебник в соавторстве с Уокером и медицинской сестрой, работавшей не на факультете, предназначался для школ медицинских сестер и назывался «Химия и человеческое здоровье» («Макграт-Хилл», 1956). Он провалился с еще большим треском*.

При всем при том «Биохимия и обмен веществ у человека» приобщила меня к радостям писания научно-популярной литературы, и это навсегда изменило и меня и мою писательскую карьеру.

Я намеревался сделать целую серию рассказов-разговоров вроде «Дарвинистской бильярдной», но передумал (быть может, к счастью) из-за кислого приема, который Гораций оказал «Бильярдной» (неверно мною истолкованного), а также из-за лаконичной оценки Уокера, прочитавшего рассказ в журнале: «Наши разговоры много интереснее».

Но ничто не пропадает зря. Суждено было настать времени, когда я обрел новый источник вдохновения, на этот раз в застольных разговорах «Пауков под крышкой люка» — своеобразного клуба, в котором я состою. И я написал серию рассказов детективного типа, исключительно из разговоров за обеденным столом. По большей части они публиковались в разных номерах «Эллери Куинс мистери мэгезин» начиная с января 1972 года. Двенадцать их вошли в мой сборник «Истории Черных вдовцов» («Даблдэй», 1974). А к этому времени я завершил еще двенадцать «Новых историй Черных вдовцов».

* Со временем я описал свой опыт создания учебников в статье «Звук пыhtения», опубликованной в июне 1955 года в журнале «Эстаундинг» и включенной в мою книгу «Всего лишь триллион» («Абеляр—Шуман», 1957). (Примеч. авт.)

ШАХ ПЕПЕ С.

Быстро выяснилось, что жизнь в Бостоне не стала препятствием для моей литературной карьеры. (Фактически ничто после работы над докторской диссертацией в 1947 году не превращалось в такое препятствие.)

После двух месяцев, прожитых в наемной квартирке (трудоустроенного качества) совсем рядом с факультетом, мы переехали в пригород — если это так можно назвать. Ни я, ни моя жена не умели водить машину, когда приехали в Бостон, поэтому нам пришлось подыскать жилье рядом с автобусным маршрутом. И мы нашли его в довольно жалком городишке Сомервилль — примитивную квартиру на чердаке, где летом было невероятно жарко.

Там я написал свой второй роман «Звезды, как пыль» (Doubleday, 1951), тогда же маленькое частное издательство «Гноум Пресс» издало в 1950 году сборник моих рассказов о позитронных роботах «Я, робот» и первую повесть из цикла «Академия» в 1951 году.*

В 1950 году я научился водить машину, а в 1951 году, к нашему великому удивлению, у нас родился сын. После девяти лет брака мы пришли к выводу, что обречены остаться

Shah Guido G.

© 1951 by Isaac Asimov

Шах Пепе С.

© И. Гурова, перевод, 1997

* «Гноум Пресс» не очень-то разбогатела на этих книгах и на «Академии и империи» и «Второй Академии», опубликованных в 1951-м и 1952 году. Поэтому издательство «Даблдэй», сыграв роль Белого Рыцаря в мою пользу, заставило «Гноум Пресс» в 1962 году, к моему великому облегчению, продать права на эти книги. С тех пор их успешно публикует «Даблдэй», заработав (и продолжая зарабатывать) на этих книгах весьма значительные суммы для меня и для себя. (Здесь и далее примеч. авт.)

бездетными. Однако в конце 1950 года у моей жены начались довольно загадочные физиологические явления, единственным объяснением которым стало то, что она беременна. Помню, первой наметнула мне на это Ивлин Голд (она тогда была миссис Гораций Голд). Я рассмеялся и ответил ей: «Нет, нет», но все же оказалось, что это «да, да», и 20 августа 1951 года родился Дэвид.

Научившись быстро писать книги и сделав хороший старт в направлении автомобилей и потомства, я стал готов ко всему и начал принимать предложения любого рода.

Среди многих НФ-журналов, выходявших в начале 50-х годов, был один под названием «Марвел Сайенс Фикшн» — реинкарнация более раннего «Марвел», выпускавшего девять номеров с 1938-го по 1941 год. Прежний журнал специализировался на рассказах, делавших акцент на секс, поганный в весьма неуклюжей и дурацкой манере.*

Когда в 1950 году «Марвел» вновь ожил (он и на сей раз продержался всего полдюжины номеров), меня попросили написать рассказ. Я мог, конечно, припомнить печальную историю этого журнала и отказаться, но как раз тогда мне в голову пришла идея рассказа, который я не мог не написать, потому что всем, кто меня знает, известно, что я неисправимый шутник.

Рассказ этот назывался «Шах Пепе С.», и был впервые опубликован в ноябрьском номере «Марвел» за 1951 год.

Фило Плэт ежегодно возвращался на место своего преступления. Своего рода эпитимья. В каждую годовщину он взбирался на голый гребень гряды и смотрел на мили и мили искореженного металла, бетона и костей.

Унылая пустыня. Обломки металла все еще не покрылись ржавчиной и торчали как клыки, оскаленные в бессильной ярости. Где-то в этом застывшем хаосе валялись скелеты тех, кто погиб — тысячи и тысячи — всех возрастов и обоего пола. И может быть — как знать? — пустые глазницы слепых черепов с проклятием обращены на него.

Смрад над пустыней давно развеялся, и ящерицы забились в свои норы, никем не тревожимые. Ни один человек

* Это обстоятельство весьма косвенным образом подтолкнуло меня написать рассказ «Playboy and the Slime God», опубликованный в мартовском номере «Эмэйзинг Сториз» и потом включенный в мой сборник «Приход ночи» под гораздо лучшим названием «Что это за штука — любовь?»

не приближался к огороженному кладбищу, где остовы валялись внутри кратера, созданного сокрушительным падением. Только Фило приходил. Год за годом он возвращался — и всегда, словно оберегаясь от дурного взгляда стольких незрячих глаз, брал с собой свою золотую медаль. Когда Фило стоял на гребне, она вызывающе поблескивала у него на груди. На ней было выбито просто: «Освободителю».

На этот раз с ним был Фултон. Когда-то Фултон принадеждал к низшим — в дни до падения, в дни, когда были высшие и низшие.

Фултон сказал:

— Меня поражает, что ты так упорно возвращаешься сюда.

— Я не могу иначе, — ответил Фило. — Знаешь, грохот удара был слышен на сотни и сотни миль вокруг, и сейсмографы повсюду в мире зарегистрировали толчок. Мой корабль находился почти прямо над этим местом, и его отшвырнуло на десятки миль точно взрывной волной. Но я помню, помню только один звук — всеобщий вопль, когда Атлантида начала падать.

— Это было необходимо сделать.

— Слова! — вздохнул Фило. — Там были младенцы, и много безвинных.

— Никто не безвинен.

— Как и я. Так следовало ли мне брать на себя роль карающей руки?

— Кто-то должен был это сделать, — заявил Фултон категорично. — Взгляни на мир теперь, двадцать пять лет спустя. Демократия восстановлена, образование вновь стало всеобщим, культура доступна массам, наука опять развивается. Две экспедиции уже высадились на Марсе.

— Знаю, знаю. Но ведь это тоже была культура. Атлантида — остров, который властвовал над миром, но только остров в небе, а не в море. Это был город и одновременно целый мир. Фултон. Ты никогда не видел его хрустальной оболочки, его великолепных зданий. Драгоценный камень, созданный из камня и металла. Дивный сон.

— Концентрат счастья, извлеченного из скудного запаса, который распределялся среди миллиардов простых людей, живших на Поверхности.

— Ты прав. Да, иначе было нельзя. Но ведь все могло пойти по-иному, Фултон. Знаешь ли... — Фило сел на камень, сложил руки на коленях и уперся в них подбородком. — Иногда я думаю о том, как это было в старину, когда на

Земле существовали нации и войны. Я думаю, каким чудом вначале, наверное, считали народы, что Организация Объединенных Наций стала настоящим всемирным правительством. И чем представлялась им Атлантида! Столица, управлявшая Землей, но не принадлежавшая Земле. Черный диск в небе, способный появиться где угодно над Поверхностью и на любой высоте, принадлежащий не одной какой-то стране, а всей планете; плод изобретательности не одной какой-то страны, но всего человечества... И во что она превратилась затем!

— Может, пойдем? — сказал Фултон. — Мы должны вернуться на корабль до темноты.

Но Плэт продолжал:

— Полагаю, это было неизбежно. Человечество еще не создало ни одного института, который не преобразовался бы затем в раковую опухоль. Вероятно, в доисторические времена шаман, появившийся как средоточие племенного опыта и мудрости, под конец стал последней преградой на пути развития племени. В древнем Риме армия из граждан...

Фултон терпеливо позволял ему говорить. Будто странный отголосок прошлого. Когда-то на него были устремлены другие глаза, терпеливо ожидающие, пока он говорил.

— ...армия из граждан, защищавшая римлян от всех врагов, начиная с Вей и кончая Карфагеном, преобразилась в профессиональную преторианскую гвардию, которая продавала императорский трон и взимала дань со всей империи. Турки создали янычар, как свой непобедимый авангард против Европы, а под конец султан стал рабом своих рабов-янычар. Бароны средневековой Европы защищали крепостных крестьян от набегов викингов и мадьяр, а затем шестьсот лет составляли паразитирующую аристократию, которая не давала обществу ничего.

Тут Плэт заметил устремленные на него терпеливые глаза.

— Вы не понимаете меня?

Один из техников посмелее пробормотал:

— С твоего разрешения, о высший, нам надо работать.

— Да, конечно.

Технику стало жаль его. Этот высший немножко не в себе, но человек неплохой. Хотя он нес всякую чепуху, он спрашивал о здоровье их детей, а им говорил, что они молодцы, что их труд ставит их выше высших.

— Видите ли, прибыл еще груз гранита и стали для нового театра, и нам необходимо перераспределить энергию. Но делать это становится все труднее. А высшие ничего не желают слушать.

— Об этом я и говорю. Вы должны заставить их слушать!

Но они только с недоумением уставились на него, и в этот миг в подсознании Плэта тишком унездилась некая идея.

Лео Спинни ждал его на хрустальном уровне. Он был ровесник Плэта, но выше и много красивей. Лицо у Плэта было худое, глаза — молочно-голубые, и он никогда не улыбался. Карие же глаза по сторонам прямого носа Спинни, казалось, никогда не переставали смеяться.

— Мы опоздаем на игру!

— Мне не хочется идти, Лео. Извини.

— Опять торчал с техниками? — усмехнулся Спинни. — И охота тебе тратить время?

— Они трудятся. Я уважаю их. Какое право мы имеем бездельничать?

— Должен ли я ставить под сомнение уклад жизни, когда он устраивает меня во всех отношениях?

— В таком случае в один прекрасный день кто-то поставит его под сомнение за тебя, — сказал Плэт.

— В весьма отдаленный день, не сегодня. И, говоря откровенно, тебе следует пойти. Генсер заметил, что ты не бываешь на играх, и ему это не нравится. Сдается мне, кое-кто сообщает ему о твоих разговорах с техниками и твоих посещениях Поверхности. Он того и гляди вообразит, что ты панибратствуешь с низшими!

Спинни весело захохотал, но Плэт промолчал. Им бы не помешало почаще общаться с низшими, узнать их мысли. У Атлантиды были пушки и батальоны валов. Но когда-нибудь она убедится, что этого не достаточно. Не достаточно, чтобы спасти Генсера.

Генсер! Плэт чуть не сплюнул. Полный его титул был Генеральный Секретарь Объединенных Наций. Два века тому назад должность была выборной, почетной. Теперь ее мог занять человек вроде Пепеле Сарштавастры, только потому что был признанным сыном своего столь же никчемного отца.

«Пепе С.» — так называли его низшие на Поверхности. И обычно — с горечью. «Шах Пепе С.». Потому что «шах» был титулом династии восточных деспотов. Низшие звали его таким, каким он был. Плэту хотелось рассказать про это Спинни, но время еще не настало.

Игры проводились в верхнем слое стратосферы в сотне миль над Атлантидой, а сам Небесный Остров находился в двадцати милях над уровнем моря.

Гигантский амфитеатр был полон, все глаза не отрывались от сияющей сферы в его центре. Каждый односторонний корабль высоко вверху был представлен на ней собственным светящимся символом того цвета, который был присвоен его флоту. Эти искорки точно повторяли в миниатюре маневры кораблей.

Игра как раз началась, когда Плэт и Спинни заняли свои места. Пятнышки уже неслись друг к другу, атаковали, промахивались, лавировали.

Огромное табло сообщало о ходе сражения условными символами, которых Плэт не знал. То и дело раздавались возгласы одобрения по адресу того или иного флота, того или иного корабля.

В вышине под балдахином восседал Генсер, шах Пепе С., как его называли низшие. Плэт с трудом различал его фигуру, но прекрасно видел уменьшенную копию игровой сферы, предназначенную для его личного пользования.

Плэт впервые присутствовал на игре. Он не понимал ее тонкостей, и крики одобрения ставили его в тупик. Но он знал, что светящиеся пятнышки — это корабли, а часто вырывающиеся из них световые полосы символизируют энергетические лучи, которые в сотне миль над амфитеатром были настолько реальными, насколько их могли сделать взрывающиеся атомы. Каждый раз, чуть пятнышко выбрасывало лучик, зрители испускали крики, которые замирали в общем вздохе разочарования, когда цель проделывала петлю и оставалась невредима.

А затем зрители дружно взвыли и все — мужчины, женщины, сам Генсер — вскочили на ноги. Одно пятнышко попало под луч и теперь крутыми спиралями падало, падало... В сотне миль над ними настоящий корабль стремительно падал, входя в более плотные слои атмосферы, которые нагреют его оболочку из особого магниевого сплава и превратят ее в безобидную пыль задолго до того, как она достигнет земной поверхности.

Плэт отвернулся:

— Спинни, я уйду.

Спинни делал пометки в своей табличке, говоря:

— На этой неделе Зеленые потеряли пять кораблей. Маловато! — Он вскочил на ноги с криком: — Даешь еще один!

Зрители подхватили его крик — снова и снова в размеренном ритме.

Плэт сказал:

— В этом корабле погиб человек.

— А как же! И к тому же ас Зеленых. Чего же лучше!

— Ты отдаешь себе отчет, что погиб человек!

— Так это всего лишь низшие. Какая муха тебя укусила?

Плэт медленно пробирался между рядами зрителей. Некоторые поглядывали на него и перешептывались. Но большинство пожирало глазами сферу. Вокруг веяло ароматами, а издали в промежутке между криками доносилась чуть слышимая чарующая музыка. Он вошел под главную арку, а за спиной у него вновь взвыл амфитеатр.

Плэт упрямо боролся с подступающей к горлу тошнотой.

Он прошел милю две, а потом остановился. Стальные балки покачивались в хватке диамагнитных лучей, воздух звенел от распоряжений, отдаваемых с типичным выговором низших. На Атлантиде все время шло строительство. Двести лет назад, когда Атлантида была подлинным правительственным центром, ее отличали прямые линии и обширные пустые пространства. Теперь она стала иной — тем дворцом наслаждений в Ксанаду, о котором писал Колридж.

Хрустальный свод за последние два века много раз поднимали и расширяли. И всякий раз его утолщали, чтобы Атлантида могла с большей безопасностью подняться выше, чтобы еще надежнее уберечь ее от ударов метеоритов, не до конца сгоравших в сильно разреженном воздухе.

И по мере того как Атлантида становилась все бесполезнее, все привлекательнее, все больше высших оставляло свои поместья и заводы на управляющих и начальников смены и навсегда поселялось на Небесном Острове. И строили все обширнее, выше, замысловатее.

И вот возводится еще одно здание. По сторонам в тупой покорности долгу стояли валы. Название это было дано женщинам («Если их можно считать женщинами», — злобно подумал Плэт) и восходило к тем дням, когда Земля еще делилась на нации, хотя оно и претерпело изменения в написании, обозначая в прошлом волов, рабочую скотину. Впрочем, изменились и обязанности этих женщин: из вспомогательной силы они превратились в солдат, в боевых роботов.

Плэт понимал, что в этом был свой смысл. Женщины, пройдя соответствующую психологическую обработку, становились более целеустремленными, фанатичными, недоступными сомнениям или угрызням совести, чем мужчины.

На любом строительстве всегда присутствовали валы, потому что строительство вели низшие, а на Атлантиде низших требовалось держать под строгим надзором. Как и запугивать их на Поверхности. Только за последние пятьдесят лет

число атомных дальнбойных орудий, которыми щетинилась нижняя сторона Атлантиды, пришлось удвоить, а затем и утроить.

Плэт следил, как плавно опускается балка, слышал, как перекрикиваются двое мужчин, давая указания друг другу. Скоро на Атлантиде не останется места для новых построек.

Идея, которая чуть раньше проклюнулась у него в подсознании, тихо проникла в сознание. Ноздри Плэта раздувались. Нос задергался от запаха машинного масла и нагретого металла. В отличие от большинства высших, избалованных всяческими благоуханиями, Плэт привык к самым разным запахам. Он бывал на Поверхности и вдыхал ароматы ее зреющих нив и ядовитые пары ее городов.

Он сказал технику:

— Я серьезно подумываю о том, чтобы построить себе новый дом, и буду благодарен тебе, если ты порекомендуешь мне подходящее место.

Техник был изумлен и польщен.

— Благодарю вас, высший. Перераспределять имеющуюся энергию становится все сложнее.

— Поэтому я и обратился к тебе.

Разговаривали они долго. Плэт задавал множество вопросов, и, когда вернулся на хрустальный уровень, у него голова разламывалась от прикидок и расчетов. Два дня прошли в мучительных сомнениях. Затем ему вспомнилось, как падало, падало светящееся пятнышко, и юные недоумевающие глаза Спинни, его слова: «Так это всего лишь низшие».

Он наконец решился и попросил аудиенции у Генсера.

Генсер растягивал слова, подчеркивая скуку, которую и не думал скрывать.

— Плэты принадлежат к лучшим семьям, а ты развлекаешься с техниками. Мне докладывали, что ты разговариваешь с ними как с равными. От души надеюсь, что не возникнет необходимости напомнить тебе, что твои предпрятия на Поверхности требуют твоего безотлучного присутствия.

— Техники требуют присмотра, государь, — сказал Плэт. — Они ведь из низших.

Генсер нахмурился:

— У главнокомандующей нашими валами есть свои обязанности. И такие вопросы входят в ее компетенцию.

— Она делает все, что может, государь, я не сомневаюсь. Но я вошел в доверие к техникам. Они ненадежны. С какой

статьи я стал бы пачкаться о них, если бы не думал о безопасности Атлантиды.

Генсер слушал — сначала с сомнением, а затем со страхом на своем одутловатом лице. Потом сказал:

— Я прикажу их арестовать.

— Осторожнее, государь, — произнес Плэт. — Пока мы не можем обойтись без них: ведь никто из нас не умеет обслуживать орудия и антигравы. Лучше просто закрыть для них самую возможность бунта. Через две недели будут устроены игры и празднества в честь открытия нового театра.

— И что они намерены предпринять тогда?

— Мне не удалось точно установить, государь. Но я уже знаю достаточно, чтобы рекомендовать прибытие на Атлантиду дивизии валов. Разумеется, втайне и в самую последнюю минуту, чтобы бунтовщики не успели изменить свои планы. Им придется вовсе от них отказаться, а упущенный удобный момент не повторится еще долго. А я тем временем узнаю побольше. Если понадобится, мы обучим новых техников. И, государь, вряд ли стоит заранее кого-нибудь посвящать в это дело. Если техники преждевременно проведуют о наших контрмерах, неизвестно, как все обернется.

Генсер подпер подбородок унизанной кольцами рукой, призадумался — и поверил.

«Шах Пепе С., — сказал про себя Фило Плэт. — Ты войдешь в историю, как Шах Пепе С.».

Фило Плэт наблюдал за празднеством издали. Центральные площади Атлантиды были черны от толп. Отлично. Ему удалось выбраться лишь с трудом. И как раз вовремя, так как корабли дивизии валов уже повисли в небе.

Теперь они осторожно маневрировали, располагаясь в строгом порядке над аэродромом Атлантиды на поднятой платформе, которая вполне могла принять все корабли одновременно. Плэт торопливо взглянул на город. Толпы затихли, следя за незапланированным парадом, и ему показалось, что он никогда еще не видел столько высших, собравшихся вместе на Небесном Острове. Внезапно его оледенило опасение — еще можно предупредить, остановить...

И тут же он понял — поздно! Корабли опускались стремительно, надо было торопиться, если он хочет спастись на своем суденышке. С ужасом Плэт подумал, что друзья на Поверхности могли и не получить его вчерашнего предупреждения — или не поверить, получив. Если они не начнут

действовать быстро, высшие сумеют оправиться от первого, пусть самого сокрушительного удара.

Он уже был в воздухе, когда валы приземлились — семь тысяч пятьсот каплеобразных кораблей накрыли аэродром точно сетью. Плэт гнал свой кораблик вверх, продолжая наблюдать.

И Атлантида вдруг погрузилась во тьму! Точно свечу накрыла могучая ладонь. Только сейчас она озаряла ночь ярким сиянием в радиусе пятидесяти миль, а теперь стала черным пятном на черном фоне.

В ушах Плэта тысячи воплей слились в единый панический крик невыразимого страха. Он продолжал полет, и волна от удара Атлантиды о поверхность Земли подхватила его кораблик и отшвырнула далеко-далеко.

Этот крик всегда звучал у него в ушах, не стихая.

Фултон устался на Плэта:

— Ты это кому-нибудь рассказывал?

Плэт покачал головой. Мысли Фултона также перенеслись на четверть века назад.

— Конечно, мы получили твое сообщение. И ты прав: поверить ему было трудно. Многие опасались ловушки, даже когда пришло известие о Падении. Ну да это история. Вышшие, те, кто был на Поверхности, впали в панику, и с ними было покончено, прежде чем они успели опомниться. Но объясни, — попросил он Плэта с внезапным беспощадным любопытством, — как ты это устроил? Мы всегда думали, что ты вывел из строя силовые установки.

— Знаю. Правда куда менее героична, Фултон. Мир предпочитает верить мифу. Пусть верит.

— Но я-то могу узнать правду?

— Если хочешь. Как я тебе уже говорил, высшие строили, строили и строили. Антигравитационные энергетические лучи должны были выдерживать вес зданий, атомных орудий и внешней оболочки — вес, который с годами удвоился, а затем утроился. Просьбы техников о более новых, более мощных установках отклонялись, поскольку высшие предпочитали располагать пространством и деньгами для своих дворцов, а энергии на данный момент всегда хватало. Техники, как я упомянул, уже дошли до точки, когда каждое новое строительство внушало им возрастающие опасения. Я расспрашивал их и установил точно, насколько малым стал запас надежности. Они ждали только завершения постройки

нового театра, чтобы опять обратиться к властям с просьбой о новых установках. Но они понятия не имели, что по моему совету Атлантиде внезапно придется принять тяжесть всех кораблей дивизии валов. Семь тысяч пятьсот кораблей, полностью экипированных! И когда валы приземлились, силовые установки не выдержали дополнительной нагрузки почти в две тысячи тонн. Они вышли из строя, и Атлантида превратилась в огромную скалу на высоте десяти миль над земной поверхностью. Такой скале оставалось только одно — рухнуть вниз.

Плэт встал, и они вместе пошли к их кораблю. Фултон невесело засмеялся:

— А знаешь, в названиях есть роковая сила.

— О чем ты?

— О том, что второй раз в истории Атлантида погибла под валами, хоть и не морскими.

Теперь, прочтя рассказ, вы, конечно, заметили, что написан он исключительно ради заключительной скверной игры слов, не так ли? Честно говоря, один человек как-то подошел ко мне и сказал тоном глубокого омерзения:

— Ваш «Шах Пепе С.» просто чушь собачья.

— Совершенно верно, — ответил я. — И если вы повторите заголовок по складам, то получите «пса». Что доказывает, что я и сам так думаю.

Иными словами, заголовок тоже содержит своего рода игру слов.

В ожидании Дэвида мы, естественно, не могли оставаться в нестерпимых условиях сомервильской квартиры. И поскольку я теперь умел водить машину, нас больше не связывали автобусные маршруты, и мы могли поискать что-нибудь подальше. А потому весной 1951 года мы устроились в квартире в Уолтеме (штат Массачусетс). Она была несравненно лучше предыдущей, хотя летом тоже оказалась жарковатой.

В гостиную имелись два малюсеньких встроенных книжных шкафа, и я использовал их для хранения моих собственных книг в хронологическом порядке; пока мы жили там, их набралось девятнадцать. Когда в 1952 году вышел мой учебник по биохимии, я присоединил его к прочим по тому же принципу. Никаких поблажек ему оказано не было. На мой взгляд, учебник ничем не превосходит научно-фантастический роман, ничем не респектабельнее.

Если я и лелеял честололюбивые замыслы, то к респектабельности они никакого отношения не имели. Меня томилло желание написать что-нибудь смешное. Однако юмор — смешная штука. Лагно-лагно, — своеобразная штука, если вы не терпите легкой игры словами. Невозможно быть почти остроумным, или слегка остроумным, или довольно-таки остроумным, или сносно остроумным. Либо вы остроумны, либо нет, среднего не дано. И обычно писатель считает себя остроумным, а читатель с ним не соглашается.

Следовательно, за юмор не следует братья с бухты-барахты, особенно в начале писательской карьеры, когда человек еще не научился владеть своими инструментами как следует. И тем не менее практически каждый начинающий писатель пробует свои силки в юморе, блаженно веруя, что проще ничего и придумать нельзя.

Не был исключением и я. К тому времени когда я написал и предложил в редакции четыре рассказа, из которых ни один взят не был, у меня возникло ощущение, что пора написать смешной рассказ. И я его написал: «Кольцо вокруг Солнца», который мне удалось прогнать и который был включен в «Раннего Азимова».

Даже пока он писался, я его особенно смешным не считал. И несколько других смешных рассказов, рожденных мною, как-то: «Рождество на Ганиমেде» (тоже имеется в «Раннем Азимове») и «Робот ЭЛ-76 попадает не туда» (включен в «Остальные истории о роботах», «Даблдэй», 1964), тоже по-настоящему смешными мне не кажутся.

Преуспел я (на мой взгляд исключительно, про ваш я ничего не скажу) только в 1952 году. Я написал два рассказа: «Ах, Баттен, Баттен!» и «Перст обезьяны»*, которые по моему твердому убеждению у меня получились. Я непрерывно хихикал, пока писал каждый, и сумел всучить оба в «Спарлинг сториз», в каковом журнале они и появились — «Ах, Баттен, Баттен!» в январском номере (1953), а «Перст обезьяны» в февральском за тот же год.

И, любезный читатель, если тебе они не кажутся смешными, постарайся не ставить об этом в известность меня. Позволь мне сохранить мои иллюзии.

АХ, БАТТЕН, БАТТЕН!

В заблуждение меня ввел, конечно, его смокинг, и в течение каких-нибудь двух секунд я действительно его не узнавал. Он был для меня просто долгожданным клиентом, первым, кого судьба мне наконец послала за всю неделю, и, естественно, показался великолепным. Даже в смокинге в 9.45 утра он был неземным видением. Хотя из рукавов, не доходивших до запястий дюймов на шесть, свисали длинные костявые кисти рук, а края носков и края брюк тщетно пытались встретиться, он был прекрасен, этот первый за неделю клиент.

Но затем я увидел лицо, и клиента не стало — передо мной был дядюшка Отто. Прекрасное видение исчезло. Как всегда, дядюшка напоминал старого, верного пса, которому только что ни за что ни про что дали пинка в зад. Дальнейшее мое поведение не отличалось оригинальностью. Я сказал:

— А, это вы, дядюшка Отто!

Вы бы его тоже где угодно узнали, доведись вам хоть раз увидеть эту физиономию. Когда пять лет назад на обложке журнала «Тайм» поместили его портрет (а было это в году 80-м или 81-м), по меньшей мере человек двести прислали в редакцию письма, где клялись, что век его не забудут. Большинство из них даже добавили что-то насчет ночных кошмаров. Вы хотите знать полное имя моего дядюшки? Пожалуйста. Зовут его Отто Шеммельмайер. Но прошу вас не делать из этого каких-либо поспешных выводов. Он всего лишь родной брат моей матери, меня же зовут Смит.

* Рассказ «Перст обезьяны» напечатан в 12-м томе собрания А. Азимова. (Примеч. ред.)

— Гарри, мой мальчик, — сказал он, и из его груди вырвался звук, похожий на стон.

Все это было впечатляюще, но не очень вразумительно. Поэтому я спросил:

— При чем здесь смокинг?

— Я взял его напрокат, — ответил дядюшка.

— Хорошо. Но зачем надевать его рано утром?

— А разве уже утро? — Он растерянно оглянулся по сторонам, подошел к окну и высунулся в него.

Вот таков он всегда, мой дядюшка Отто.

Когда мне все же удалось убедить его в том, что сейчас действительно утро, он не без труда пришел к выводу, что, должно быть, всю ночь бродил по городу.

Убрав костлявые пальцы со лба, он сказал:

— Я был так расстроен, Гарри. На этом банкете...

Пальцы помелькали в воздухе еще с минуту, а затем сжались в увесистый кулак, который несколько раз опустился на мой стол, подобно молоту, забивающему сваи.

— Хватит. Теперь я все буду делать сам.

Такие заявления мой дядюшка делал уже не в первый раз, с тех пор как началась эта история с «Эффектом Шеммельмайера». Вы удивлены? Может быть, даже считаете, что «Эффект Шеммельмайера» создал дядюшке Отто имя и сделал его знаменитым? Что ж, все зависит от того, как на это посмотреть.

Он открыл эффект еще в 1966 году, и, возможно, вам это не хуже моего известно. Короче, он изобрел германиевое реле, которое приводилось в действие биотоками мозга, или, как бы это сказать, электромагнитными полями, образующимися вокруг мозговых клеток. Он потратил годы, чтобы превратить это реле в флейту, которая играла по велению только одной вашей мысли. Это была его любовь, его жизнь, и это должно было совершить полный переворот в музыке. Отныне играть смогут все. Не надо ни таланта, ни умения. Достаточно только подумать и захотеть.

А потом лет пять назад этот парень, Стивен Уиланд, из военного концерна «Консолидейтед армс» внес в эффект кое-какие изменения и приспособил его совсем для другой цели. Он создал поле сверхзвуковых волн, которые через германиевое реле так активизировали деятельность клеток мозга, что буквально испепеляли их. С расстояния двадцати шагов можно было мгновенно убить крысу. А затем выяснилось, что и человека тоже.

Уиланд получил десять тысяч долларов, а главные держатели акций «Консолидейтед армс» огребли миллионы, когда правительство купило патент.

А мой дядюшка Отто? Что же, он попал на обложку журнала «Тайм».

После этого все, кто знал его, заметили, что он загрустил. Некоторые думали, что это потому, что он ничегошеньки не получил за свое изобретение. Другие считали, что его величайшее открытие стало орудием войны и убийства.

Все это ерунда. Дело все во флейте. Она была венцом его творений. Бедный дядюшка Отто пуще всего любил свою флейту. Он всегда носил ее с собой, готовый в любую минуту продемонстрировать ее. Она висела в специальном футляре на спинке его стула, когда он завтракал, обедал или ужинал, и у изголовья его кровати, когда он спал. В воскресенье, по утрам, физическая лаборатория университета оглашалась душераздирающими звуками, издаваемыми флейтой дядюшки Отто в результате не всегда удачных попыток воспроизвести сентиментальные напевы родной Германии. Вся беда в том, что ни один фабрикант музыкальных инструментов не хотел и слышать о флейте моего дядюшки. Как только стало о ней известно, профсоюз музыкантов пригрозил расправиться с любым, кто посмеет к ней хотя бы прикоснуться; представители всех зрелищных предприятий мобилизовали своих лоббистов и приказали в случае чего немедленно ринуться в бой. Даже старик Пьетро Фаринини, заложив дирижерскую палочку за ухо, сделал представителям печати гневное заявление о гибели искусства. Это был удар, от которого дядюшка Отто по сей день не мог оправиться.

Теперь же он рассказывал:

— Вчера я так надеялся. «Консолидейтед» звонит, говорит, будет банкет в моя честь. Как знать, сказал я себе, может, они моя флейта думают купить.

Волнуясь, мой дядюшка всегда строил фразы на немецкий лад.

Его рассказ начал меня интриговать.

— Представляю! — воскликнул я. — Тысяча гигантских флейт на территории противника изрыгают рекламу столь идиотскую, что...

— Молчать, молчать! — Дядюшка Отто опустил свою ладонь на стол с треском, похожим на выстрел, отчего пластмассовый календарь судорожно подпрыгнул, захлопнулся и плашмя упал на пол. — Ты тоже шутишь? Ты тоже меня не уважай?

— Простите, дядюшка Отто.

— Тогда слушай. Я был на банкет, где было много речей о «Шеммельмайер эффект», какую силу он разуму придал. А потом, когда я так ожидал, что они купят моя флейта, они сунул мне вот это!

Он вытащил что-то похожее на увесистую золотую монету стоимостью в две тысячи долларов и вдруг швырнул ею в меня. Я вовремя увернулся. Если бы монета угодила в открытое окно, она наверняка отправила бы на тот свет кого-нибудь из прохожих, но она, слава Богу, угодила в стену. Я поднял ее. По ее весу мне сразу стало ясно, что она лишь позолоченная. На одной ее стороне большими буквами было оттиснуто: «Медаль Элиаса Банкрофта Сэндфорта», а буквами поменьше: «Доктору Отто Шеммельмайеру за его вклад в науку». На другой же стороне был чей-то профиль, но явно не моего дядюшки. Во всяком случае, в нем не было сходства с породой лающих; скорее он напоминал кого-то из семейства хрюкающих.

— Это Элиас Банкрофт Сэндфорт, президент «Консолидейтед армс», — пояснил дядюшка. И продолжал свой рассказ: — Когда я понял, что это все, я вставал и очень любезно им говорил: «Джентльмены, я не нахожу слов» — и ушел.

— И бродили всю ночь по улицам? — Я проникся к нему искренним сочувствием. — Вы пришли сюда даже не переодевшись, прямо в этом смокинге?

Дядюшка Отто вытянул перед собой руку и с явным недоумением посмотрел на нее.

— В смокинге?

— Да, в смокинге, — подтвердил я.

Его длинное костлявое лицо покрылось красными пятнами. Дядюшка Отто буквально зарычал:

— Я прихожу к родной племянник с очень важным вопросом, а он только ко один дурацкий смокинг говорит. Мой родной племянник!

Я дал ему выкрикаться. Дядюшка Отто действительно единственный гений в нашем роду, и поэтому мы стараемся по мере возможности уберечь его от того, чтобы он не угодил в канаву или не вышел вместо двери в окно. Во всем же остальном мы даем ему полную свободу.

Наконец я спросил:

— Чем я могу быть полезен, дядюшка? — и постарался, чтобы мой вопрос прозвучал солидно и по-деловому.

После многозначительной паузы он наконец сказал:

— Мне нужны деньги.

Увы, он обратился не по адресу.

— В данный момент, дядюшка... — начал было я.

— Не твои деньги, — прервал он меня.

Я с облегчением вздохнул.

— У меня есть новый «Эффект Шеммельмайера», еще лучше, чем первый. Но я его никому не давать, никакой журнал не сообщать. Свой большой глоток я буду держать теперь закрытый. Я делаю все сам.

Он размахивал костлявыми кулаками, словно дирижировал невидимым оркестром.

— Благодаря этот новый эффект, — продолжал он, — я собираюсь делать много денег и открывать мой собственный фабрик для флейта.

— Очень хорошо, — сказал я, подумав о фабрике и кривя душой.

— Но я не знаю как.

— Плохо, — сказал я, снова подумав о фабрике и снова кривя душой.

— Беда в том, что мой ум гениален есть и я могу придумывать то, чего не может придумывать обыкновенный человек. Только, Гарри, я не умею делать деньги. Этот талант у меня нет.

— Плохо, — сказал я теперь уже вполне искренне.

— Поэтому я пришел к тебе как к адвокату.

Я осторожно хихикнул.

— Я пришел к мой племянник, — продолжал дядюшка, — чтобы он мне помог через свой хитрый, извращенный, лживый, бесчестный адвокатский профессия.

Мысленно я отнес его слова к категории неожиданных комплиментов и поторопился сказать:

— Я тоже очень люблю вас, дядюшка Отто.

Он, должно быть, уловил иронию, ибо, побагровев от гнева, закричал:

— Не смей обижаться! Смотри на меня — терпение, понимание, добродушие, болван! Кто говорит о тебе, как о человек? Как человек ты есть честный дурак, а как юрист ты должен мошенник быть. Все это знают.

Я вздохнул. Коллегия адвокатов предупреждала меня, что подобное непонимание вполне возможно в адвокатской практике.

— Что это за новый эффект, дядюшка?

— Я могу проникать в прошлое и брать оттуда любой вещь.

Моя реакция была моментальной. Сунув левую руку в левый нижний карман жилета, я извлек часы и с крайне

озабоченным видом посмотрел на них, а правой рукой потянулся к телефонной трубке.

— Простите, дядюшка, — сказал я, изобразив сожаление в голосе, — но я только что вспомнил о весьма важном свидании. Так досадно, но я уже опаздываю. Всегда рад вас видеть, но боюсь, мне уже надо бежать. Да-да, видеть вас доставило мне истинное удовольствие. Пока, дядюшка, я побежал...

Но поднять телефонную трубку мне так и не удалось. Я приложил все усилия, но рука дядюшки Отто намертво прижала мою руку вместе с телефоном к столу. Силы были явно неравные. Говорил ли я вам, что мой дядюшка Отто в 32 году защищал честь Гейдельбергского университета по классу вольной борьбы?

Он нежно (как ему казалось) взял меня под локоть, и я уже не сидел, а стоял. Это сэкономило мне лишнюю трату энергии на то, чтобы самому подняться со стула (так я пытался утешить себя).

— Пошли, — сказал он. — В мой лаборатория пошли.

И он действительно отправился в свою лабораторию, а мне, поскольку я не имел под руками ножа, чтобы отсечь свою зажатую как в тисках левую кисть, пришлось последовать за ним.

Лаборатория моего дядюшки Отто находилась в самом конце коридора за поворотом, в одном из корпусов университета. С тех пор как «Эффект Шеммельмайера» стал величайшим открытием, дядюшка более не читал лекций, был освобожден от всякой научной деятельности и предоставлен самому себе. Об этом красноречиво свидетельствовал вид его лаборатории.

— Разве вы больше не запираете дверь лаборатории, дядюшка? — спросил я.

Он хитро посмотрел на меня и наморщил свой огромный нос так, будто собирался чихнуть.

— Дверь заперта. С помощью реле Шеммельмайера. Я заветное слово подумать, и дверь открывается. Кто слово не знает, дверь не открывает. Даже директор университета, даже сам привратник не открывает.

Я почувствовал легкое волнение.

— Черт побери, дядюшка! Такой замок может дать вам...

— Ха! Продать патент, чтобы разбогател еще какой-нибудь один большой дурак? После этого банкета вчера? Ни за что. Я сам разбогатеть должен.

Когда имеешь дело с дядюшкой Отто, хорошо одно: вам никогда не приходится что-либо ему втолковывать, чтобы он уразумел. Вы наперед знаете, что это бесполезно.

Поэтому я переменял тему.

— А где же машина времени? — спросил я.

Дядюшка Отто выше меня на целый фут, весит фунтов на тридцать больше моего и здоров как бык. Когда такой человек берет вас за душу и трясет, как грушу, единственное сопротивление, которое вы способны ему оказать, — это изменить в лице.

Что я и сделал — я посинел.

Он злоежиде прошипел:

— Тсс-с!

И я все понял.

Наконец он отпустил меня.

— Никто не должен знать о проект X. — Затем многозначительно повторил: — Проект X, понимаешь?

Я молча кивнул. Даже если бы я захотел что-либо ответить, я все равно бы не смог — травмы дыхательных путей, как известно, не проходят мгновенно.

— Я не прошу тебя верить мне на слово. Я демонстрирую тебе.

Я постарался остаться у самой двери.

Он спросил:

— У тебя есть заметки, или что-нибудь с твоей почерк?

Я порылся во внутреннем кармане пиджака. Где-то у меня были заметки, сделанные на тот случай, если ко мне как-нибудь все же забредет клиент.

— Не показывай мне. Надо записку порвать. Мелкий обрывки положить вот в этот мензурка.

Я разорвал листок с моими заметками на сотню мелких кусочков.

Он внимательно посмотрел на них и стал прилаживать что-то — пожалуй, это было похоже на какую-то машину. К ней на кронштейне была приделана пластина из толстого матового стекла, напоминающая поднос для зубоврачебных инструментов.

Я ждал, пока он довольно долго что-то налаживал. Наконец он сказал: «Ага!» — а я издал звук, который невозможно изобразить графически.

Над стеклянной пластиной в воздухе появилось нечто похожее на расплывчатое изображение. Чем больше я вглядывался в него, тем отчетливей оно становилось, и наконец — нет, я враг всяких сенсаций, но это действительно была листок

бумаги с моими заметками, сделанными моей собственной рукой, очень разборчиво, так, что все можно было прочитать.

— Можно потрогать? — спросил я несколько хриплым голосом, отчасти от охватившего меня волнения, а отчасти от последствий деликатной манеры моего дядюшки преподавать мне уроки бдительности.

— Нет, нельзя, — ответил он и провел руку через изображение. Оно осталось нетронутым.

— Это всего лишь изображение в одном фокусе четырехмерного параболоида. Другой фокус находится в той временной точке, когда ты свой листок еще не разрывал.

Я тоже провел руку через изображение и ничего не почувствовал, кроме пустоты.

— А теперь смотри, — сказал он и повернул переключатель. Изображение исчезло. Он взял пальцами горстку обрывков, бросил в пепельницу и поджег, затем высыпал пепел в раковину и открыл кран. После этого он снова повернул переключатель, и я увидел изображение, но теперь оно было другим — не хватало сожженных дядюшкой обрывков бумаги.

— Те клочки, что вы сожгли, дядюшка, их нет, — сказал я.

— Совершенно верно, машина времени может проследить во времени гипервекторы молекул, на которые она сфокусирована. Если же молекулы растворились в воздухе... пф-фьють!

У меня родилась идея.

— А если бы у вас был только пепел от сожженного документа?

— Проследить во времени можно только эти молекулы.

— Но они были бы слишком равномерно распределены и изображение документа получилось бы расплывчатым, нечетким, не так ли? — спросил я.

— Гм. Возможно.

Идея все больше захватывала меня.

— Послушайте, дядюшка, сколько заплатит вам полицейское управление за эту машину? Да она просто находка для следственных органов...

Я тут же осекся. Мне совсем не понравилось, как грозно вытянулся мой дядюшка, и я поспешил вежливо спросить:

— Вы, кажется, что-то хотели сказать, дядюшка?

У него все же замечательная выдержка, у моего дядюшки Отто. Он всего лишь заорал на всю лабораторию:

— Запомни раз и навсегда, племянничек! Мое изобретение — это мое изобретение. Мне нужен капитал, но капи-

тал от другой источник, чем мои идеи продавать. Потом я фабрика флейт открывать. Это мой первый задача. Потом на доходы я строить векторная машина времени. Но сначала флейты. Самое первое мой флейта. Вчера я клятву давал. Эгоизм кучки людей мешает миру великую музыку слушать. Почему мое имя история должна запоминать как имя убийцы? Неужели «Эффект Шеммельмайер» должен жарить человеческий мозг? Или он может людям давать великую музыку? Прекрасную музыку?

И величественным жестом пророка он вытянул вперед одну руку, а другую заложил за спину. Стекла окон задрезались от его могучего баса.

— Дядюшка, вас могут услышать, — поспешно сказал я.

— Тогда сам перестань кричать, — ответил он.

— Но как же, дядюшка, вы достанете капитал, если не используете эту машину?

— Я еще тебе не все сказал. Я могу изображение материализовать, делать как настоящая вещь. А если эта вещь очень ценная?

Это уже был другой разговор.

— Вы хотите сказать, что-нибудь вроде затерянных документов, пропавших рукописей, первых изданий? Вы это хотите сказать?

— Нет. Здесь есть одна трудность. Нет, два, даже три.

Я боялся, что он будет считать и дальше, но, слава Богу, он ограничился всего лишь тремя.

— Какие же, дядюшка? — спросил я.

— Прежде всего я должен иметь вещь в настоящем, чтобы сфокусировать машину, иначе я не могу ее в прошлом найти.

— Вы хотите сказать, дядюшка, что можете достать из прошлого только то, что существует в настоящем и на что вы сами сможете поглядеть собственными глазами?

— Да.

— В таком случае трудности номер два и три — это, должно быть, лишь теоретические трудности? Что же это за трудности, дядюшка?

— Я могу извлечь из прошлого вещь весом только в один грамм. Всего один грамм! Одна тридцатая унции!

— Почему? Машина не обладает достаточной мощностью?

Дядюшка раздраженно поморщился:

— Это обратная экспоненциальная связь. Вся энергия Вселенной не сможет достать из прошлого предмет весом более двух граммов.

Это объяснение ничего мне не дало.

— Ну а третья трудность? — спросил я.

— Видишь ли. — Он умолк, раздумывая. — Чем больше расстояние между двумя фокусами, тем гибче связь. Оно должно быть определенным, это расстояние, чтобы достать вещь из прошлого. Короче, я должен попадать ровно на сто пятьдесят лет назад.

— Понимаю, — сказал я (хотя ничего не понял). — Итак, резюмируем.

Я постарался вести себя как профессиональный юрист.

— Вы хотите достать кое-что из прошлого, что помогло бы вам приобрести небольшой капиталец. Это должно быть нечто реально существующее, на что вы можете поглядеть собственными глазами, следовательно, потерянные документы, представляющие историческую или археологическую ценность, исключаются. Вещь должна быть весом меньше одной тридцатой унции, следовательно, это не может быть бриллиант «Куллинан» или что-нибудь в этом роде. Вещи должны быть не менее ста пятидесяти лет, так что какая-нибудь редкая почтовая марка исключается.

— Совершенно верно, — сказал дядюшка Отто. — Ты все правильно понимал.

Но что же я все-таки «понимал»? Я поразмыслил еще две секунды.

— Нет, я ничего не могу придумать, дядюшка. Мне, пожалуй, пора, до свидания.

Я не очень верил, что мне удастся так легко отделаться, однако все же направился к двери.

Все получилось именно так, как я и предполагал. Руки дядюшки Отто железной хваткой сжали мои плечи, и я почти повис в воздухе.

— Вы испортите мне пиджак, дядюшка!

— Гарольд, — сказал он. — Как мой адвокат ты так легко от меня не отделаешься!

— Я не брал у вас задатка, — буквально прохрипел я, ибо воротничок сорочки врезался мне в горло. Я попытался было глотнуть, и верхняя пуговица с треском отлетела.

Дядюшка немного поостыл.

— Задаток — есть пустой формальность между племянник и дядя. Ты должен быть лояльный адвокат, так как я есть твой дядя и твой клиент. Кроме того, если ты мне не помогаешь, я твои ноги за шею надеваю и тобой играю, как футбольный мяч.

Будучи юристом, я не мог остаться глухим к подобного рода доводам. Поэтому я ответил:

— Хорошо, я сдаюсь. Ваша взяла, дядюшка.

Он отпустил меня.

И в эту самую секунду — когда я теперь вспоминаю все, именно этот момент представляется мне фантастически неправдоподобным, — у меня родилась идея.

Это была гениальная идея, подлинная находка, то, что случается с человеком один и только один раз в его жизни.

Тогда я не сказал всего сразу моему дядюшке Отто. Мне нужно было время, несколько дней, чтобы самому все хорошенько обдумать. Но я сказал ему, что следует делать. Я сказал, что он должен поехать в Вашингтон. Нелегко было уговорить его на это, но если хорошо знать дядюшку Отто, то это вполне возможно. Я выудил из своего портмоне две бумажки по десять долларов и отдал их ему.

— На проездные я дам вам чек, а эти двадцать долларов держите как залог, если я вдруг как адвокат поведу нечестную игру, — сказал я.

Он призадумался.

— Ты не такой дурак, чтобы рисковать двадцатью долларами.

Он был прав.

Он вернулся через два дня и объявил мне, что вещь сфокусирована. В конце концов, это не представляло трудности, ибо она была выставлена для всеобщего обозрения. Правда, она находилась в воздухонепроницаемом, наполненном азотом стеклянном ящике, но дядюшка Отто сказал, что это не имеет значения. И в лаборатории, за четыреста миль от подлинника, воспроизведение его со всей возможной точностью было вполне осуществимо. Мой дядюшка заверил меня в этом.

— Прежде чем мы начнем, дядюшка Отто, я хотел бы уточнить две вещи, — сказал я.

— Что еще? Что? Что? — Дядюшка даже заикался от нетерпения, так ему хотелось поскорее начать опыт. — Что?

Я оценил обстановку.

— Вы уверены, дядюшка, что, если мы воспроизведем какую-то часть или деталь вещи из прошлого, это не отразится на самом оригинале?

Дядюшка Отто хрустнул своими огромными костявыми пальцами.

— Мы будем создавать вещь заново, а не воровать старую. Зачем тогда тратить такой огромный количество энергии?

Тогда я перешел ко второму вопросу:

— А мой гонорар?

Хотите верьте, хотите нет, но до этого я ни разу не заикался о деньгах. Не упоминал о них и дядюшка Отто. А теперь слушайте, что было дальше. Его рот растянулся в некое подобие приятной улыбки.

— Гонорар?

— Десять процентов от выручки, — сказал я, — это все, что я прошу.

У дядюшки отвалилась челюсть.

— А какой будет выручка?

— Возможно, тысяч сто. Вам останется девяносто тысяч.

— Девяносто тысяч! Himmel! Тогда чего же мы ждем?

Он бросился к машине, и уже через тридцать секунд над стеклянной пластиной в воздухе возникло изображение старинного пергамента.

Он весь был густо исписан аккуратным мелким почерком и напоминал представленный на конкурс образец каллиграфического искусства. Внизу стояли подписи — одна большая, размашистая, а под нею — пятьдесят пять поменьше.

Странное дело, я почувствовал, как к горлу подкатил комок.

Я видел немало репродукций Декларации независимости, но передо мной сейчас был ее бесспорный оригинал. Настоящая подлинная Декларация независимости!

— Черт побери! Поздравляю с успехом, — сказал я.

— И с сотней тысяч долларов, да? — сказал дядюшка, не забывая о деле.

Теперь настало время все ему объяснить.

— Видите, дядюшка, внизу вот эти подписи. Это имена великих американцев, отцов-основателей страны, которых мы все помним и чтим. Все, что касается их, дорого каждому истинному американцу.

— Ладно, — буркнул дядюшка Отто, — если уж ты такой патриот, я могу сыграть тебе на моей флейте «Звездно-полосатый флаг».

Я поспешил хихикнуть, чтобы дать ему понять, что воспринял это как шутку. Ибо и впрямь испугался, что он, чего доброго, возьмет свою флейту. Вы бы поняли меня, если бы слышали, как он исполняет «Звездно-полосатый флаг» на своей чудо-флейте!

Я продолжил:

— Один из подписавших Декларацию независимости от штата Джорджия умер в 1777 году, то есть год спустя после того, как подписал этот документ. После него немного осталось, и образцам его подлинной подписи просто цены нет. Звали его Баттен Гвиннетт.

— А что это нам даст? — спросил дядюшка Отто, продолжая, должно быть, думать только о преходящих ценностях в современном мире.

— Перед нами, — сказал я торжественно, — подлинная подпись Баттена Гвиннетта, поставленная им на самой Декларации независимости!

Дядюшка Отто погрузился в полное и абсолютное молчание. А привести его в такое состояние что-нибудь да значит. Надо, чтобы его действительно что-то по-настоящему потрясло.

— Вы видите его подпись, — продолжал я, — в левом крайнем углу рядом с подписями двух других представителей штата Джорджия — Лимана Холла и Джорджа Уолтена. Вы заметили, что все они поставили свои подписи совсем рядом, хотя было свободное место и сверху и снизу. Заглавное «Г» фамилии Гвиннетта почти сливается с именем Холла. Поэтому мы не будем их отделять, а воспроизведем все три подписи вместе. Как вы думаете, вам это удастся?

Видели ли вы когда-нибудь собаку-ищейку, которая улыбается? Ну тогда вы представляете, как выглядел в эту минуту мой дядюшка Отто.

Пятно яркого цвета упало на подписи трех сенаторов от штата Джорджия.

— Я никогда это еще не пробовал, — несколько волнуясь, сказал дядюшка.

— Как? — почти выкрикнул я. Так, значит, он сам еще не знает, как работает его машина!

— На это потребуется очень много электроэнергии. А я не хотел, чтобы университет спрашивал, чем я здесь занимаюсь. Но ты не волнуйся. Мой математика еще никогда меня не подводил.

Я молился в душе, чтобы его «математика» и на сей раз его не подвела.

Пятно становилось все ярче, все ослепительнее, и лаборатория наполнилась ровным низким гудением. Дядюшка Отто повернул переключатели — один, второй, третий.

Вы помните случай, когда весь верхний Манхэттен и Бронкс внезапно на целые полсуток лишились электричества из-за того, что перегорели предохранители на главной

турбине? Не стану утверждать, что именно мы с дядюшкой Отто виноваты в этом, ибо не намерен, чтобы меня, чего доброго, еще привлекли к ответственности. Но скажу только одно. Когда дядюшка Отто повернул третий переключатель, должно быть, перегорели пробки.

В лаборатории мгновенно погас свет, а сам я очутился на полу. В ушах зазвенело, на мне лежал дядюшка Отто.

Мы кое-как поднялись на ноги, и дядюшка Отто отыскала ручной фонарик.

Осветив машину, он завопил в отчаянии:

— Короткий замыкание! Короткий замыкание! Моя машина вся погиб!

— А подписи, подписи, дядюшка? — крикнул я. — Вы получили подписи?

Он прекратил причитания.

Он посмотрел, а я — я закрыл глаза. Не очень-то легко видеть, как из-под носа уплывают сто тысяч долларов.

Но тут я услышал торжествующий вопль дядюшки: «Ага! Ага!» — и быстро открыл глаза. В руках у него был кусок пергамента — два дюйма на два. На нем стояли три подписи и самой верхней была подпись Баттена Гвиннетта.

Подпись, уверяю вас, была абсолютно подлинной. Это не была подделка.

Этот кусок пергамента на все сто процентов был подлинным документом. Я хочу, чтобы вы это поняли. На широкой ладони дядюшки Отто лежала подпись Баттена Гвиннетта, поставленная им собственноручно на куске пергамента, являющегося частью подлинной, неподдельной и единственной Декларации независимости.

Было решено, что в Вашингтон поедет дядюшка Отто. Я для этой роли не годился. Я был адвокат. Я слишком много знал. Он же был просто гениальным изобретателем, и от него не требовалось, чтобы он в чем-то разбирался. К тому же никому и в голову не пришло бы заподозрить доктора Отто Шеммельмайера в каких-либо нечестных проделках.

Мы целую неделю сочиняли подходящую версию. Я даже купил для этой цели в букинистической лавке книгу, старинную книгу о штате Джорджия времен гражданской войны. Дядюшка должен был прихватить ее с собой и сказать, что нашел этот кусок пергамента в книге — письмо континентальному конгрессу от штата Джорджия.

Дядюшка лишь пожал плечами и поднес пергамент к горелке Бунзена.

Его, физика, мало интересовала история и ее реликвии. Но тут он услышал специфический запах тлеющего пергамента. Он сбил пламя, и в руках у него остался лишь обгоревший кусок с тремя подписями. Он посмотрел на пергамент, и имя Баттена Гвиннетта вернуло его к действительности.

Он выучил наизусть все, что должен был говорить. Я предложил поджечь края пергамента так, чтобы чуть-чуть пострадала подпись сенатора Уолтона.

— Для большей правдоподобности, — пояснил я. — Конечно, подпись, где не все буквы видны, теряет свою ценность, но у нас здесь целых три подписи.

В душу дядюшки Отто закралось сомнение.

— А если они сравнят эти подписи с теми, что на Декларации, если они замечают, что они как две капли похожи? Они подозревают подделку?

— Конечно. Но что они смогут сделать? Пергамент подлинный, чернила тоже и подписи тоже. Им придется согласиться с этим. Что бы они ни подозревали, доказать им ничего не удастся. Я надеюсь, что они поднимут шум вокруг всего этого. Им, конечно, и в голову не придет, что вы достали этот кусок из времени. А реклама лишь поднимет цену нашего пергамента.

Последняя фраза ободрила дядюшку Отто.

На следующий день он поездом отбыл в Вашингтон, мечтая о своих флейтах — длинных и коротких, флейтах-басах и флейтах-тремоло, флейтах-гигантах и микрофлейтах, флейтах для музыкантов-одиночек и для мощных оркестров. О целом мире флейт, играющих по одному только велению человеческого разума.

— Помни, — были его последние слова, — у меня нет денег починить мой машин. У нас не должно быть осечка.

— Осечки не может быть, дядюшка Отто, — заверил я его. Не может? Ха! Ха!

Он вернулся через неделю. Я звонил ему в Вашингтон ежедневно, и каждый раз он мне отвечал, что «они исследуют».

Исследуют!

А разве вы бы не сделали этого? Но что это им даст?

Я встречал его на вокзале. Лицо его ничего не выражало. Я не посмел ни о чем спросить его на людной платформе. Хотелось только задать вопрос: «Да или нет?» — но я решил, пусть лучше он сам расскажет.

Я привез его в свою контору. Я предложил ему сигару и виски. Свои руки я спрятал под стол, но толку от этого не было — стол заходил ходуном, поэтому я сунул их в карманы, продолжая уже мелко дрожать всем телом.

Он сказал:

— Они исследовали.

— Конечно! Я же вас предупреждал, что они это сделают. Ха-ха-ха!

Дядюшка медленно затянулся сигарой. Затем сказал:

— Этот тип из бюро документов пришел ко мне и говорил: «Профессор Шеммельмайер, — говорил он, — вы есть жертва хитрый обман». «Да? — спросил я. — Как может это быть обман? По-вашему, подпись не настоящий, да?» Он тогда отвечал: «Это действительно не похоже на подделку, но все-таки это есть подделка!» «Почему это есть подделка?» — спрашивайте я.

Дядюшка отложил сигару, отставил стакан с виски и наклонился ко мне через стол. Он держал меня в таком напряжении своим рассказом, что я невольно тоже придвинулся к нему поближе и поэтому в какой-то степени сам виноват во всем, что потом произошло.

— Вот именно! — залепетал я. — Почему это должно быть подделкой? Они не могут этого доказать, потому что это подлинная подпись. Какая же это подделка?!

Голос дядюшки Отто стал просто медовым.

— Мы доставали пергамент из прошлого?

— Да, конечно. Вы же сами его доставали.

— Значит, из прошлого?

— Да, сто пятьдесят лет назад. Вы же сказали...

— Сто пятьдесят лет назад пергамент, на котором написана Декларация независимости, был совсем новый, так или не так?

Я начал понемногу соображать, но все же недостаточно быстро.

Голос моего дядюшки стал подобен раскатам грома:

— ...если твой Баттен Гвиннетт умирает в 1777 год, ты большой, глупый, набитый дурак, почему не соображайт, что его подпись не может сейчас стоять на совсем новый кусок пергамент?..

Далее помню только, что стены и потолок не то сдвинулись, не то рухнули, не то понеслись вокруг меня в диком плясе.

Я надеюсь скоро снова быть на ногах. На мне нет ни единого местечка, которое бы не ныло и не болело, но врачи уверяют, что все кости целы.

И все-таки дядюшка поступил нехорошо, заставив меня проглотить этот ужасный кусок пергамента.

Если я после публикации этих рассказов надеялся стать признанным мастером юмора, то мои надежды не сбылись.

Л. Спрэг де Камп, один из наиболее успешных авторов юмористической НФ и фэнтези, так написал про меня в своем «Справочнике по НФ» (1953), который, как видите, появился вскоре после этих (по моему мнению) успешных прорывов в юмор:

«Азимов — решительный моложавый мужчина с вьющимися темными волосами, голубыми глазами и хвастливой, царственной и кипучей манерой поведения, уважаемый грузьями за щедрый и добросердечный характер. Поразительно общительный, любящий жестиковать и остроумный, он безупречно произносит тосты. Его устный юмор контрастирует с трезвостью его рассказов».

Трезвостью!

С другой стороны, двенадцать лет спустя Грофф Кон-клин включил «Ах, Баттен, Баттен!» в антологию «13 над ночью» (Делл, 1965), где, в частности, написал: «Когда Добрый Доктор... решает генек отдохнуть и повеселиться, он действительно может быть очень смешным...»

Так что, хотя и Грофф, и Спрэг оба были моими весьма близкими друзьями (Грофф, увы, скончался), даже вопроса не возникает о том, что в данном конкретном случае Грофф проявил хороший вкус, а Спрэг — никакого.

Кстати, прежде чем продолжить, мне следует объяснить фразочку Спрэга о моем «щедром и добросердечном характере», которая может озадачить тех, кто знает меня как злобного и отвратительного грубияна.

Как мне кажется, это ошибочное мнение возникло у Спрэга после одного инцидента.

Дело было в 1942 году, когда мы со Спрэгом работали в доках ВВС в Филадельфии. Шла война, вход в доки был строго по пропускам. Работник, забывший пропуск, попал во власть бюрократов, и те мурыжили его примерно час, выписывая временный пропуск. Этот час вычитали из

зарплаты, а в личном деле несчастного появлялась зловеющая пометка.

И вот как-то раз подходим мы со Спрэггом к проходной, а он внезапно зеленеет и говорит: «Я пропуск забыл!» Во флоте ему светила лейтенантская должность, и он опасался, что даже мелкий прокол в личном деле может повлиять на его карьеру.

Меня же подобная карьера не волновала, к тому же за годы учебы я настолько привык, что меня вызывают к директору школы, что мысль о том, что на меня будет орать кто-то из начальства, меня совершенно не пугала.

Поэтому я протянул ему свой пропуск и сказал:

— Иди, Спрэг, и отметься, что пришел. Они не станут разглядывать пропуск.

Спрэг зашел, пропуск разглядывать не стали, а я сообщил, что забыл свой пропуск и получил нахлобучку.

Спрэг этого не забыл. Он и сейчас ходит и рассказывает всем, какой я отличный парень, хотя все в ответ смотрят на него с изумлением. Вот каким образом один импульсивный поступок положил начало многолетней и страстной проазимовской пропаганде. Делай после этого добро людям...

Но двинемся дальше.

ЭВЕРЕСТ

Из всех моих рассказов, опубликованных и более не переиздававшихся, следующий принадлежит к тем, о которых я говорил чаще всего. Он обсуждался в десятках бесед и время от времени упоминался в прессе — по весьма веской причине, которую я вскоре объясню.

В апреле 1953 года я был в Чикаго. Путешественник из меня никудышный, и то был мой первый приезд в Чикаго (с тех пор я побывал там всего раз). Я приехал туда на съезд Американского химического общества, где должен был прочитать небольшой доклад. Сами понимаете, развлечением это не назовешь, поэтому я решил съездить в Эванстон, северный пригород Чикаго, и зайти в редакцию журнала «Юниверс Сайенс Фикшн».

Тогда его редактором была Беа Мэхэффи, чрезвычайно красивая молодая женщина. (Через два года писатели-фантасты голосованием присвоили ей звание редактора, которому приятнее всего приносить рукописи.)

Когда я появился в редакции 7 апреля, Беа радостно меня поприветствовала и сразу спросила, почему я не привез для нее рассказ.

— Вам нужен рассказ? — спросил я, купаясь в ее красоте. — Я вам напишу рассказ. Раздобудьте мне машинку.

Если честно, я просто пытался произвести на нее впечатление, надеясь, что она, охваченная внезапным порывом обожания, бросится в мои объятия. Но вместо этого она принесла мне машинку.

Everest

© 1953 by Isaac Asimov

Эверест

© И. Гурова, перевод, 1997

Пришлось выполнять обещание. Поскольку в те дни много писали о восхождении на Эверест (альпинисты подбирались к вершине уже тридцать лет, и седьмая попытка только что завершилась неудачей), я быстро подумал и написал «Эверест».

Беа прочитала его, одобрила и предложила мне тридцать долларов, которые я охотно принял. Я быстро потратил половину этих денег на роскошный обед для нас двоих, и с таким рвением старался выглядеть очаровательным, светским и учтивым, что официантка с тоской призналась мне, что очень хотела бы видеть своего зятя таким, как я.

Полный надежд и с легким сердцем, я проводил Беа домой. Я не уверен, что было у меня на уме, но если у меня на уме и было нечто не совсем приличное (конечно же, нет!), то ничего из этого не вышло. Беа так ловко ухитрилась оказаться в своей квартире, оставив меня в коридоре, что я даже не заметил, когда она открыла дверь.

В 1952 году все уже были готовы отказаться от попытки подняться на Эверест. Если бы не фотографии.

С точки зрения фотоискусства эти снимки оставляли желать лучшего — нерезкие, поцарапанные, интересные только темными пятнами на белом фоне. Но пятнышки были изображениями живых существ.

Я сказал:

— Какого черта! Вот уже сорок лет идут разговоры о существах, бегающих по ледникам Эвереста. Нам пора этим заняться.

Джимми Роббонс (прошу прощения, Джеймс Абрам Роббонс) подтолкнул меня к такому выводу. Он всегда был помешан на альпинизме, понимаете? Он в мельчайших подробностях знал, что тибетцы обходят Эверест стороной, потому что это — гора богов. Он мог описать каждый таинственный схожий с человеческим след, когда-либо обнаруженный во льду на высоте двадцать пять тысяч футов. Он наизусть знал все сомнительные истории о белых паукообразных существах, которые пробегали по скалам над последним лагерем, достичь которого альпинистам стоило такого труда!

Хорошо, что в Планетарном топографическом управлении нашелся подобный энтузиаст.

Последние фотографии, однако, придали вес его словам. В конце-то концов с очень большой натяжкой в пятнышках можно было угадать людей.

— Вот что, босс, — сказал Джимми. — Дело не в том, что они там, а в быстроте, с какой они передвигаются. К примеру, эта фигура — она же смазана!

— Камера могла дрогнуть.

— Но утес-то достаточно резкий. Только представьте, каким обменом веществ нужно обладать, чтобы бегать при такой бедной кислородом атмосфере. Послушайте, босс, поверили бы вы в глубоководных рыб, если бы никогда о них не слышали? Даны рыбы, которые ищут новые экологические ниши и в поисках их забираются все глубже и глубже в океанскую бездну, пока в один прекрасный день не обнаруживают, что вернуться-то уже не могут. До того удачно адаптировались, что способны существовать только под многотонным давлением.

— Ну-у...

— Черт побери! Возьмите то же, только наоборот. Живые существа могли оказаться оттесненными вверх по склону горы, так? Они способны свикнуться с более разреженным воздухом и более холодными температурами. Способны питаться только мхами, да изредка — птицами, ну, как глубоководные рыбы в конечном счете питаются органическими остатками, которые медленно по частицам опускаются в бездну. И в один прекрасный день они обнаруживают, что не могут спуститься вниз. Я ведь даже не утверждаю, что это люди. Пусть серны, или горные козлы, или барсуки, или еще кто-то.

— Очевидцы утверждают, — возразил я упрямо, — что фигуры отдаленно напоминают людей, а найденные следы, бесспорно, выглядят человеческими.

— Или медвежьими, — покачал головой Джимми. — Они не различимы.

Вот тут-то я и сказал:

— Нам пора этим заняться.

Джимми пожал плечами и ответил:

— На Эверест пытаются взобраться вот уже сорок лет.

— Господи! — воскликнул я. — Все вы, альпинисты, чокнутые, факт! Вам вовсе не хочется подняться на вершину. Вам интересен только способ, каким вы это проделываете. Хватит валять дурака с ледорубами, веревками, лагерями и прочими декорациями Клуба джентльменов, который отправляет простофиль карабкаться вверх по склонам раз в пять лет или около того.

— Что вы задумали?

— В тысяча девятьсот третьем году изобрели аэроплан. Вы что-нибудь про это слышали?

— Хотите пролететь над Эверестом?! — Произнес он это тоном, каким английский лорд воскликнул бы: «Застрелить лисицу?!» или рыбак охнул бы: «Ловить на червяка?!»

— Да, — сказал я. — Перелететь через Эверест и спустить кого-нибудь на вершину. А что?

— Он долго не проживет — ну, тот, кого вы спустите на вершину.

— А что? — спросил я еще раз. — Ему сбросят припасы, кислородные баллоны, а он в скафандре. Все очень просто.

Потребовалось время, чтобы заставить ВВС сначала выслушать меня, а затем согласиться выделить самолет, так что Джимми Роббонс успел изменить свое мнение настолько, что выразил желание быть тем, кого сбросят на Эверест.

— Как-никак, — почти прошептал он, — я буду первым человеком, чья нога ступит на его вершину!

Это вступление к истории, а ее можно рассказать и проще и короче.

Самолет выжидал две недели в наиболее благоприятную часть года (то есть в отношении Эвереста), пока не наступила умеренно скверная летняя погода, а тогда поднялся в воздух. Цели они достигли. Летчик сообщил по радио группе поддержки, как именно выглядит вершина Эвереста при взгляде сверху. А затем описал, как именно выглядел Джимми Роббонс, по мере того как его парашют становился все меньше и меньше.

Тут разразился новый буран, и самолет еле-еле добрался до базы, а затем прошло еще две недели, пока не наступила более или менее летная погода.

И все это время Джимми находился в одиночестве на крыше мира, а я ненавидел себя как убийцу.

Через две недели самолет отправился проверить, не удастся ли обнаружить труп несчастного исследователя. Не знаю, что бы им дало, если бы они его обнаружили, но в этом все человечество! Сколько людей погибло в последней войне? Кто способен сосчитать такие множества? Но чтобы спасти одну-единственную жизнь или хотя бы подобрать труп — на это не жал ни денег, ни чего-либо еще.

Его труп они не обнаружили, но обнаружили сигнальный дымок, курившийся в разреженном воздухе и разметываемый порывами ветра. Спасатели сбросили канат с кошкой, и

Джимми вскарабкался по нему, все еще в скафандре, ужасно выглядевший, но несомненно живой.

Постскриптум к этой истории включает мой визит к Роббонсу в больницу на прошлой неделе. Выздоровливал он очень медленно. Врачи говорили — шок, они говорили — истощение, но глаза Джимми говорили куда больше.

Я сказал:

— Вот что, Джимми: ты не разговаривал с репортерами, ты не разговаривал с представителями правительства. Очень хорошо. Но как насчет того, чтобы поговорить со мной?

— Мне нечего сказать, — прошептал он.

— Как так — нечего? — возразил я. — Ты прожил две недели на вершине Эвереста в буран. Один ты бы не выкарабкался. Даже со всем, чем мы тебя снабдили. Кто тебе помогал, Джимми, сынок?

Думается, он сообразил, что от меня не отделаться. Или же ему самому хотелось излить душу. Он сказал:

— Они разумные существа, босс. Они сгущали для меня воздух. И изготовили маленькую термоустановку для обогрева. И сигнализировали дымом, когда увидели, что самолет возвращается.

— Ах так! — Мне не хотелось нажимать на него. — Значит, все, как мы предполагали. Они адаптировались к жизни на Эвересте. И не могут спуститься на нижние склоны.

— Да, не могут. А мы не можем подняться по склонам к ним. Даже если бы погода позволяла, так они не позволят.

— Но вроде бы они — добрые создания, так с какой стати им мешать нам? Тебе же они помогли!

— Они ничего против нас не имеют. Они со мной разговаривали... Ну, понимаете, телепатически.

— Так в чем дело? — Я нахмурился.

— Они не хотят, чтобы мы им мешали. Они следят за нами, босс. Это их обязанность. Мы открыли атомную энергию. Мы вот-вот создадим ракетные корабли. И они тревожатся за нас. А наблюдать за нами могут только с Эвереста!

Я нахмурился еще больше. Джимми покрылся испариной, руки у него тряслись.

— Легче, легче, сынок, — сказал я. — Что это за зазнайки? Как их только земля носит!

— А кто, по-вашему, настолько адаптирован к разреженному воздуху и минусовым температурам, что на всей земле

они способны жить только в условиях Эвереста? В том-то и вся заковыка. Земля их и не носит. Они — марсиане.

Вот так.

А теперь разрешите мне объяснить, почему я так часто возвращаюсь к «Эвересту». Естественно, я ни на секунду не верил, будто на Эвересте проживают марсиане или что покорение этой вершины осталось ждать так уж долго. Просто мне казалось, что у людей хватит порядочности не залезать туда прежде, чем рассказ появится в печати.

Как бы не так! Двадцать девятого мая 1953 года менее чем через два месяца после того, как я написал и продал «Эверест», Эдмунд Хиллари и Тенцин Норгей вступили на высочайшую точку Эвереста и не увидели там ни марсиан, ни снежного человека.

Разумеется, «Юниверс» мог бы пожертвовать тридцатью долларами и не публиковать рассказ; либо я мог его выкупить. Но и они и я равно воздержались, так что «Эверест» появился в номере «Юниверс» за декабрь 1953 года.

С тех пор меня многократно приглашали принять участие в обсуждении будущего, которое ожидает человека, и я вынужден ссылаться на «Эверест» для иллюстрации, какой я замечательный футуролог. Как-никак я предсказал, что Эверест никогда не будет взят... пять месяцев спустя после того, как он был взят.

Теперь вошло в моду издавать сборники научно-фантастических рассказов, которые до этого нигде не публиковались, и я не слишком это одобряю — часть рассказов и часть читателей уходят от журналов. А я не хочу этого, так как считаю, что журналы совершенно необходимы научной фантастике.

Или во мне просто говорит ностальгия? Порождается ли это чувство воспоминаниями о том, чем были для меня научно-фантастические журналы в моем детстве, и о том, как благодаря им я стал писателем?

Отчасти, наверное, да, но отчасти я действительно убежден: журналы играют жизненно важную роль. Где может начать молодой писатель? Журналы, выходящие шесть или двенадцать раз в год, все время нуждаются в рассказах. Выход сборника в свет можно откладывать, пока не наберется достаточно рассказов, устраивающих составителя. Журнал, погоняемый железными сроками, иногда вынуж-

ден брать рассказ ниже обычных требований, и начинающий молодой писатель, пока он, возможно, еще ничем особо не блещет, получает шанс. Собственно, так начинал я сам.

Разумеется, это значит, что иногда читателю в журнале попадется дилетантский рассказ, но дилетант, его написавший, получает достаточный толчок, чтобы продолжать работать и стать (маловероятно, но возможно) прекрасным писателем.

Однако когда сборники не публиковавшихся ранее произведений только-только появились, они обладали обаянием новизны. Мне не верилось, что они утвердятся, и я не чувствовал, когда писал для них, что способствую надвигающейся катастрофе. Собственно говоря, поскольку гонорансы в антологиях были выше обычных журнальных, я был даже доволен, что пишу для них.

Первой из этой компании явились «Новые рассказы о пространстве и времени», составленные Реймондом Д. Хили («Генри Холт», 1951), и для него я написал «Во имя благого дела» — рассказ, который со временем вошел в мой сборник «Наступление ночи и другие рассказы».

Несколько лет спустя Август Дерлет составлял антологию новых рассказов, и для нее я написал «Паузу».

ПАУЗА

Белый порошок был заключен в прозрачной капсуле с тонкими стенками. Капсула в свою очередь была запечатана между двумя полосками парапленки. По длине пленки с интервалом в шесть дюймов располагались другие капсулы.

Пленка двигалась, и каждая капсула по ходу дела задерживалась на минуту в металлическом зажиме под слюдяным окошечком. В другой части радиационного счетчика на разворачивающейся бумажной ленте со щелчком появлялось число. Капсула уползала дальше, а ее место занимала новая.

Число, напечатанное в 13 ч. 45 м., было 308. Минуту спустя появилось 256. Минуту спустя — 391. Минуту спустя — 477. Минуту спустя — 202. Минуту спустя — 251. Минуту спустя — 000. Минуту спустя — 000. Минуту спустя — 000. Минуту спустя — 000.

Вскоре после 14 часов мистер Александр Йоханнисон прошел мимо счетчика, и уголок его взгляда споткнулся о ряд цифр. Миновал счетчик, он вдруг замер, потом вернулся. Отмотал бумажную ленту назад и буркнул:

— Чуть!

Он был высокий, худой, с крупными костяшками пальцев, светло-рыжими волосами и белобрысыми бровями. Вид у Йоханнисона был усталый, а в этот момент и недоумевающий.

The Pause
© 1954 by Isaac Asimov
Пауза
© И. Гурова, перевод, 1997

Джин Дамелли неторопливо подошел к коллеге с той непринужденностью, которая отличала все его движения. Он был волосатым, довольно низеньким брюнетом; когда-то в прошлом ему сломали нос, и поэтому его облик мало отвечал общепринятым представлениям о внешности физика-ядерщика.

Дамелли сказал:

— Мой чертов Гейгер ничего не регистрирует, а у меня нет желания проверять контакты. Сигареты не найдется?

Йоханнисон протянул пачку.

— А как другие в здании?

— Я их не проверял, но, думается, не все же они забарахлили.

— Почему бы и нет? Мой счетчик тоже ничего не регистрирует.

— Без шуток? Видите? Все вбуханные денежки. Толку никакого. Идемте выпьем колы.

— Нет! — сказал Йоханнисон с куда большим жаром, чем собирался. — Я иду к Джорджу Дьюку. Хочу посмотреть его машину. Если и она...

Дамелли поплелся за ним.

— Да работает она, Алекс, работает! Не будьте ослом.

Джордж Дьюк выслушал Йоханнисона, неодобрительно глядя на него поверх очков. Он был старообразным молодым человеком, почти лишенным волос, да и терпения тоже.

— Я занят!

— Так заняты, черт дери, что не можете сказать мне, работает ваше оборудование или нет?

Дьюк встал:

— О черт! И как тут выбрать время для работы?

Логарифмическая линейка со стуком упала на линованные листы, когда Дьюк вылез из-за письменного стола. Он подошел к лабораторному столу, на котором царил невыносимый беспорядок, и поднял тяжелую серую свинцовую крышку с еще более тяжелого серого свинцового ящичка. Засунул в него щипцы с двухфутовыми ручками и извлек серебристый цилиндр.

— Стойте, где стоите, — мрачно предупредил Дьюк.

Йоханнисон в предупреждении не нуждался. За последний месяц он ни разу не получал опасной дозы излучения, но от «горячего» кобальта всегда лучше держаться подальше.

Держа щипцы в вытянутых руках, Дьюк поднес сверкающий цилиндр к окошечку своего счетчика. Еще на

расстоянии в два фута счетчик должен был бы затрещать как бешеный. А он ни разу не щелкнул.

Дьюк крикнул и уронил цилиндрок с кобальтом. Стремительно подцепил его снова и опять поднес к окошечку — поближе.

Полная тишина. На шкале не вспыхнули пятнышки света, цифры не замелькали, все увеличиваясь и увеличиваясь.

— Даже фона нет, — прокомментировал Йоханнисон.

— Провалиться мне на Юпитер! — сказал Дамелли.

Дьюк убрал цилиндрок с кобальтом назад в свинцовый ящичек, соблюдая все ту же осторожность, и выпрямился, свирепо глядя по сторонам.

Йоханнисон ворвался в кабинет Билла Эверарда, следом за ним — Дамелли. Он взволнованно говорил несколько минут, упираясь кулаками в сверкающую крышку стола Эверарда так, что костяшки пальцев побелели. Эверард слушал, его гладкие недавно выбритые щеки все больше розовели, а пухлая шея все больше нависала над краем жесткого белого воротничка.

Эверард посмотрел на Дамелли и вопросительно ткнул большим пальцем в сторону Йоханнисона. Дамелли пожал плечами, выставил вперед ладони и наморщил лоб.

— Не понимаю, как они могли выйти из строя все разом, — сказал Эверард.

— Однако вышли, — заявил Йоханнисон. — Все испортились около двух часов дня. То есть более часа назад, и ни один не заработал. Даже Джордж Дьюк ничего не мог сделать. Повторяю, дело не в счетчиках.

— Но вы же сами...

— Я сказал, что они не работают. Но они тут ни при чем. Просто им нечего фиксировать.

— О чем вы говорите?!

— Я говорю, что тут нигде нет никакой радиоактивности. Во всем здании. Нигде.

— Я вам не верю.

— Послушайте, если счетчик не реагирует на емкость с горячим кобальтом, возможно, что не в порядке все счетчики, которые мы испытывали; но когда та же емкость не воздействует на электроскоп с золотыми листками и даже не засвечивает фотопленку, значит, что-то не так с ней самой.

— Ну хорошо, — вздохнул Эверард, — наверное, она пуста. Кто-то ошибся и забыл ее зарядить.

— Та же самая емкость работала сегодня утром... Впрочем, неважно. Допустим, ее случайно подменили пустой. Но я взял кусок уранитовой смолки из демонстрационной витрины на четвертом этаже, и она тоже никакого действия на счетчик не оказала. Вряд ли вы мне скажете, что кто-то позабыл добавить уран в урановую смолку.

Эверард потер ухо.

— Что думаете вы, Дамелли?

— Не знаю, шеф, — Дамелли покачал головой. — Понятия не имею.

— Сейчас не время думать, — заявил Йоханнисон. — Надо действовать. Звоните в Вашингтон.

— И что я им скажу?

— Спросите про атомные бомбы, шеф.

— Что-о?!

— Может, разгадка в этом, сэр. Послушайте, кто-то изобрел способ нейтрализовать радиоактивность. Всю целиком. Возможно, по всей стране, по всем Соединенным Штатам. Если так, то цель может быть одна: обезвредить наши атомные бомбы. Они не знают, где мы их храним, а потому накрыли всю страну. А если это так, значит, готовится нападение. С минуту на минуту, быть может. Звоните же, шеф!

Рука Эверарда потянулась к трубке. Его взгляд встретился со взглядом Йоханнисона, и оба не отвели глаз. Эверард сказал в трубку:

— Междугородную, пожалуйста.

Без пяти минут четыре Эверард положил трубку.

— Вы говорили с комиссаром? — спросил Йоханнисон.

— Да, — ответил Эверард и нахмурился.

— Ну так что же он сказал?

— Сынок, — буркнул Эверард, — он сказал мне: «Какие-то атомные бомбы?»

Йоханнисон уставился на него.

— «Какие-то атомные бомбы?» То есть как?.. Понятно! Они уже обнаружили, что на складах лежат просто болванки, и пытаются это скрыть. Даже от нас. Что дальше?

— Ничего, — ответил Эверард, откинувшись в кресле и свирепо уставился на физика. — Алек, я знаю, в каком напряжении вы живете, и поэтому воздержусь от разноса. Меня

смущает только, каким образом вам удалось втянуть меня в эту ерунду!

Йоханнисон побледнел:

— Это не ерунда. Или так сказал комиссар?

— Он сказал, что я дурак, и был прав. С какой стати вы врываетесь сюда со сказками про атомные бомбы? И что такое атомные бомбы? Никогда ни о чем подобном не слышал.

— Не слышали про атомные бомбы? Это что — шутка?

Йоханнисон обернулся к Дамелли, чье смуглое лицо словно еще больше потемнело от недоумения.

— Скажите вы, Джин!

Дамелли мотнул головой.

— Меня в это не впутывайте!

— Ну ладно. — Йоханнисон наклонился, вглядываясь в книги на полках позади Эверарда. — Я ничего не понимаю, но черт с этим. Где Гласстон?

— Прямо тут, — ответил Эверард.

— Да не учебник физической химии. Мне нужны его «Источники атомной энергии».

— В первый раз слышу.

— Что за ерунда! Экземпляр стоял у вас на полке все время, пока я тут работаю.

— В первый раз слышу, — упрямо повторил Эверард.

— И о «Радиоактивных индикаторах в биологии» Кеймена тоже, конечно, не слышали?

— Нет.

— Ну ладно! — взорвался Йоханнисон. — Обойдемся учебником Гласстона! Хватит и его.

Он снял с полки толстую книгу и принялся ее листать. Пролистал — и начал листать снова. Нахмурился и посмотрел год издания. «Третье издание, 1956», — прочел он. Тогда он страницу за страницей проглядел первые две главы. Строение атомов, квантовые числа, электроны и их оболочки, ряды... но ничего о радиоактивности. Ничего!

Йоханнисон открыл периодическую таблицу элементов на обороте переплета. Две-три секунды — и он убедился, что в ней фигурирует только восемьдесят один нерадиоактивный элемент.

Горло Йоханнисона стало сухим как наждачная бумага. Он хрипло спросил Эверарда:

— Полагаю, вы никогда не слышали про уран?

— А что это? Фирменное название?

В отчаянии Йоханнисон бросил учебник Гласстона и схватил «Справочник по химии и физике». Открыл указатель и

начал искать радиоактивные ряды, уран, плутоний, изотопы... Нашлись только изотопы. Дрожащими пальцами физик кое-как открыл таблицу изотопов. Хватило одного взгляда. В ней значились только устойчивые изотопы.

Йоханнесон произнес умоляюще:

— Ну хорошо, сдаюсь! Но хватит. Вы поставили тут поддельные книги, просто чтобы разыграть меня, верно? — Он попытался искривить губы в улыбке.

Эверард возмущенно выпрямился:

— Хватит глупостей, Йоханнисон! Отправляйтесь-ка домой. Покажитесь врачу.

— Я совершенно здоров.

— И тем не менее. Вам нужен отпуск. Дамелли, окажите мне услугу. Посадите его в такси и пригладите, чтобы он поехал домой.

Йоханнисон застыл в нерешительности. Потом закричал:

— В таком случае для чего здесь эти счетчики? Что они регистрируют?

— Я не знаю, что вы подразумеваете под счетчиками. Если вы о компьютерах, то они решают для нас задачи.

Йоханнисон ткнул пальцем в табличку на стене:

— Ну хорошо! А это сокращение? К! А! Э! Комиссия! По! Атомной! Энергии! — Он рубил каждое слово.

Эверард в свою очередь ткнул пальцем:

— Комиссия! По! Аэро! Экспериментам! Отправьте его домой, Дамелли!

Когда они вышли на тротуар, Йоханнисон обернулся к Дамелли и яростно зашептал:

— Джин, послушайте! Не дайте этой сволочи втереть вам очки! Эверард продался. Так или иначе они до него добрались. Нет, только подумайте: изготовить поддельные книги, внушать мне, будто я свихнулся!

Дамелли произнес ровным тоном:

— Успокойтесь, Алекс. Не торопитесь с выводами. Эверард в полном порядке.

— Так вы же его слышали! Он ничего не знает про атомные бомбы. Уран — фирменное название. И по-вашему, он в полном порядке?

— Ну, если на то пошло, я тоже ничего не знаю ни про какие атомные бомбы, ни про уран. — Он взмахнул рукой. — Такси!

Но такси промчалось мимо. Йоханнисон подавил тошноту.

— Джин! Вы же были там, когда счетчики отказали. Вы же были там, когда урановая смолка утратила радиоактивность. Вы пошли со мной к Эверарду выяснить, что произошло!

— Простите, Алекс, вы сказали, что вам надо кое-что обсудить с шефом, и попросили меня пойти с вами, вот и все, что я знаю об этом. Насколько мне известно, все было в полном порядке, и на какого дьявола нам понадобилась бы эта смолка? Мы никакими смолками не пользуемся... Такси!

Перед ними остановилась машина, Дамелли открыл дверцу и кивнул Йоханнисону. Тот влез, потом в неистовом бешенстве обернулся, захлопнул дверцу, чуть не прищемив пальцы Дамелли, и выкрикнул адрес шоферу. Такси тронулось, и Дамелли остался растерянно стоять на тротуаре.

Йоханнисон высунулся в окошко и крикнул:

— Скажите Эверарду, что ничего не выйдет! Я вас всех раскусил!

Он откинулся на спинку, внезапно ослабев. Конечно, Дамелли услышал, какой адрес он назвал. Успеют ли они опередить его и сообщить в ФБР какую-нибудь басню о нервном переутомлении? Там, конечно, поверят Эверарду, а не ему. Но прекращения радиоактивности они не смогут отрицать! Или поддельные книги.

Впрочем, что толку? Враги вот-вот нанесут удар, и люди вроде Эверарда и Дамелли... До какой степени предательство опутало страну?

Внезапно Йоханнесон выпрямился на сиденье.

— Водитель! — крикнул он. А затем еще громче: — Водитель!!

Человек за рулем не обернулся. За окошком плавно проносились встречные машины.

Йоханнисон попытался привстать, но у него закружилась голова.

— Водитель! — пробормотал он.

Они ехали не в ФБР, его везут домой. Но откуда шофер знает, где он живет? Их сообщник, естественно! В глазах у физика мутилось, в ушах гремело... Господи! Такая организация! Сопротивляться бессмысленно!

Он потерял сознание.

Йоханнисон брел по дорожке к двухэтажному кирпичному домику, где жили они с Мерседес. О том, как он вылез из такси, он не помнил ничего.

Он обернулся. Такси на улице не было. Машинально он ощупал карманы. Бумажник и ключи на месте.

В дверях стояла Мерседес. Ее словно не удивило его возвращение. Йоханнисон быстро взглянул на часы. Почти на час раньше обычного!

— Мерси, нам надо поскорее убраться отсюда и...

— Я про это знаю, Алекс, — перебила она. — Входи.

Жена показалась ему небесным видением. Прямые волосы, чуть золотящиеся, с пробором посередине и стянутые в конский хвост. Широко расставленные голубые глаза чуть-чуть по-восточному раскосые, пухлые губы, изящные ушки, прилегающие к голове... Йоханнисон пожирал ее взглядом. Но он заметил, что она старательно прячет волнение, и сказал:

— Тебе звонил Эверард? Или Дамелли?

— У нас гость, — ответила она.

Они добрались и до нее! Можно схватить ее за руку, увлечь за собой. Они постараются спастись, убежать... Но удастся ли это? «Гость», конечно, стоит в прихожей сбоку. Зловещий верзила с грубым хриплым голосом, с неприятным иностранным акцентом... стоит, сунув руку в карман пиджака, который топырится больше, чем просто от этой руки.

Покоряясь судьбе, Йоханнисон шагнул внутрь.

— В гостиной, — сказала Мерседес. По ее губам скользнула улыбка. — По-моему, все хорошо.

Гость стоял. Он выглядел как-то нереально — нереально, как идеал. Его лицо и фигура были безупречно красивы и лишены какой бы то ни было индивидуальности. Он словно шагнул с рекламного плаката.

Голос у него был культурный и хорошо поставленный, как у профессионального радиодиктора. И ни малейшего намека на акцент.

— Доставить вас домой оказалось нелегко, доктор Йоханнисон.

— Чего бы вы ни добивались, — ответил Йоханнисон, — я заранее отказываюсь сотрудничать с вами.

— Нет, Алекс, — вмешалась Мерседес, — ты не понимаешь. Мы тут побеседовали. Он говорит, что всякая радиоактивность остановлена.

— Вот именно, и я бы очень хотел, чтобы эта реклама галстуков объяснил мне, как им такое удалось! Послушайте, вы американец?

— Да нет же, Алекс, ты не понимаешь, — повторила его жена. — Ее остановили повсюду в мире. А он вообще не с Земли. И не смотри на меня так, Алекс! Это правда. Я убеждена. Ты только погляди на него!

Гость улыбнулся — идеальной улыбкой! — и сказал:

— Тело, в каком вы меня видите, было создано точно по спецификации, но оно — всего лишь вещество и под полным контролем. — Он протянул кисть, и кожа исчезла, обнажив мышцы, прямые сухожилия, извилистые кровеносные сосуды. Стенки сосудов исчезли, но струйки крови продолжали течь в положенных направлениях. Затем все обрело видимость гладкой серой кости. Затем исчезла и она. А затем возникла безупречная кисть.

— Гипноз! — пробормотал Йоханнисон.

— Вовсе нет, — невозмутимо ответил гость.

— Откуда вы?

— Трудно объяснить, — сказал гость. — А это важно?

— Мне необходимо понять, что происходит! — крикнул Йоханнисон. — Неужели вы не видите?

— Вижу. И потому я здесь. В данный момент я разговариваю со ста с лишними людьми по всей вашей планете. Естественно, в различных телах, поскольку разные сегменты вашего населения имеют свои предпочтения и нормы, касающиеся внешнего вида.

У Йоханнисона мелькнула мысль, что, возможно, он все-таки свихнулся.

— Вы... вы с Марса? Вообще из космоса? Оккупируете Землю? Это война?

— Видите ли, — сказал гость, — именно такой психический настрой мы и пытаемся исправить. Вы все больны, доктор Йоханнисон. Очень больны. Десятки тысяч ваших лет мы знали, что ваш биологический вид обладает огромным потенциалом. И для нас явилось глубоким разочарованием, что ваше развитие пошло патологическим путем. Бесспорно патологическим. — Он покачал головой.

Вмешалась Мерседес:

— До твоего прихода он сказал, что старается излечить нас.

— А кто его об этом просил? — пробурчал Йоханнисон.

Гость только улыбнулся:

— Мне дали это поручение очень давно, но подобные болезни плохо поддаются лечению. Ну, например, трудности общения.

— Но вот же мы общаемся! — упрямо заявил Йоханнисон.

— Да. В определенном смысле. Я использую ваши понятия, вашу кодовую систему. Все это очень убого. Я даже не могу объяснить вам истинную природу болезни вашего биологического вида. Пользуясь вашими понятиями, я определил бы ее как болезнь духа.

— Хм!

— Своего рода социальный недуг, и очень коварный. Вот почему я так долго колебался, прежде чем взяться за лечение. Но весьма прискорбно, если из-за случайности столь потенциально даровитая раса, как ваша, будет для нас потеряна. На протяжении тысячелетий я пытался действовать через посредство нескольких личностей в каждом поколении, от природы невосприимчивых к общей болезни. Философы, моралисты, воины, политики. Все те, кто лелеял идею всемирного братства. Все те..

— Ладно! Вы потерпели неудачу. На этом остановимся. А теперь, быть может, вы попробуете рассказать мне о вашей расе, а не о моей.

— Что я могу сказать, чтобы вы поняли?

— Откуда вы. Начнем с этого.

— У вас нет подходящего понятия. Я не из какого-либо места во дворе.

— Каком дворе?

— Во вселенной, имел я в виду. Я извне Вселенной.

И снова вмешалась Мерседес, наклоняясь вперед:

— Алекс, как ты не понимаешь! Предположим, ты высадишься где-нибудь на Новой Гвинее и стал бы общаться с туземцами при помощи телевизора. То есть с туземцами, которые никогда никого не видели, кроме членов собственного племени. Сумел бы ты объяснить, что это не ты сам, а только изображение, которое может появляться и исчезать? Объяснить, откуда ты, если вся Вселенная для туземцев исчерпывалась бы их островом?

— Ладно! Значит, мы для него дикари, так? — сердито спросил Йоханнисон.

— Ваша жена оперирует аналогиями, — сказал посетитель. — Разрешите, я договорю. У меня больше нет возможности подталкивать ваше общество к тому, чтобы оно исцелилось само. Болезнь зашла слишком далеко. Я намерен внести изменения в психологические слагаемые расы.

— Каким образом?

— Для объяснения нет ни слов, ни понятий. Вы заметили, что мы обладаем действенным контролем над физической материей. Прекратить радиоактивность было просто. Чуть сложнее оказалось устроить так, чтобы все, включая книги, отвечало бы миру, в котором радиоактивности нет. Еще сложнее было стереть все, связанное с радиоактивностью, в сознании людей, и на это потребовалось больше времени. В данный момент на Земле нет урана, и никто о нем никогда ничего не слышал.

— Кроме меня, — пробормотал Йоханнисон. — А как насчет тебя, Мерси?

— Я тоже помню, — сказала Мерседес.

— Вы двое составили исключение по определенной причине, — объяснил гость. — Как еще около сотни мужчин и женщин по всему миру.

— Радиоактивность исчезла! — повторил Йоханнисон. — Навсегда?

— На пять ваших лет, — ответил гость. — Пауза, и только. Просто пауза — или, если хотите, период анестезии, чтобы я мог прооперировать расу, не опасаясь атомной войны. Через пять лет радиоактивность вернется вместе со всем ураном и торием, в данный момент не существующими. Но знания не вернуться. Вот тут-то и потребуетесь вы. Вы и подобные вам. Вы постепенно передадите эти знания миру.

— Та еще работка! Нам потребовалось пятьдесят лет, чтобы достигнуть нынешнего уровня. Пусть второй раз времени потребует меньше, почему бы не вернуть и знания разом? Вы ведь это можете, верно?

— Операция, — сказал гость, — будет серьезной. Потребуется не менее десятилетия, прежде чем минует опасность рецидива. А потому мы специально хотим, чтобы знания восстанавливались медленно.

— Но как нам понять, когда настанет время? — спросил Йоханнисон. — То есть когда операция будет завершена?

Гость улыбнулся:

— Когда время настанет, вы поймете. Не сомневайтесь.

— Черт знает что! Ждать пять лет, чтобы у тебя в мозгу ударил гонг! А что, если он так и не ударит? Что, если ваша операция окажется неудачной?

— Будем надеяться, что она удастся, — произнес гость очень серьезно.

— Но если нет? Не можете ли вы временно очистить и наши сознания? Чтобы мы жили нормально до того момента?

— К сожалению, нет. Ваши сознания мне нужны такими, какие они есть. Если операция действительно провалится, если лечение не даст результата, мне понадобится небольшой запас нормальных, нетронутых сознаний для обеспечения роста нового населения на этой планете, которое можно будет подвергнуть другому лечению. Любой ценой ваш биологический вид должен быть сохранен. Он для нас ценен. Вот почему я трачу столько времени, чтобы объяснить вам положение вещей. Оставь я вас в том состоянии, в каком вы находились час назад, вы не выдержали бы и пяти дней, не говоря о пяти годах.

И гость исчез, не добавив больше ни слова.

Мерседес машинально приготовила ужин; они сели за стол так, словно ничего не произошло.

— Это правда? — произнес Йоханнисон. — Это все так?

— Я ведь тоже видела. И слышала, — ответила Мерседес.

— Я просмотрел свои книги. Все изменены. Когда эта... пауза кончится, нам придется работать только по памяти — всем нам, кого оставили. Придется заново создавать приборы. И потребуются долгий срок, чтобы восстановить знания тех, кто забыл. — Внезапно Йоханнисон пришел в ярость. — А ради чего, хотел бы я знать? Ради чего?!

— Алекс, — робко сказала Мерседес, — наверное, он и раньше бывал на Земле и говорил с людьми. Он же существует тысячи и тысячи лет. Как, по-твоему, он не то, что мы так долго считали... считали...

Йоханнисон устался на нее.

— Считали Богом? Ты это хочешь сказать? Откуда я знаю! Мне известно только, что он и ему подобные, чем бы они ни были, неизмеримо превосходят нас в развитии, и что он лечит нас от какой-то болезни.

— В таком случае я буду считать его врачом или тем, кто соответствует врачу в его обществе.

— Врач? Он же только и твердил, что главная проблема — трудности общения. Что это за врач, кому трудно общаться со своими пациентами? Ветеринар! Врач, лечащий животных! — Йоханнисон оттолкнул тарелку.

— Пусть так, — кивнула Мерседес. — Если он покончит с войнами...

— А зачем ему это? Кто мы для него? Животные. Он же прямо так и сказал. Когда я спросил, откуда он, он ответил, что вообще не со «двора». Потом поправился на «Вселенную».

Он вообще не из «Вселенной». Трудности с общением выдали его с головой. Он воспользовался для обозначения нашей Вселенной понятием, которое ближе к его представлениям о ней, чем к нашим. И значит, Вселенная — скотный двор, а мы... лошади, куры, овцы. Выбирай, что тебе больше по вкусу.

Мерседес сказала тихо:

— «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться»...

— Мерси, перестань! Это аллегория, а я говорю о действительности. Если он пастырь, то мы — овцы с противоположным извращенным желанием убивать друг друга. Так зачем нас останавливать?

— Он сказал...

— Я знаю, что он сказал! Он сказал, что мы обладаем большим потенциалом. Мы очень ценные. Так?

— Да.

— Но что такое потенциальные возможности и ценность овец для пастуха? Овцы об этом понятия не имеют. Откуда? А может быть, знают они, почему их так холят, они предпочли бы жить своей собственной жизнью. Идти на риск. И с волками и с самими собой.

Мерседес беспомощно смотрела на мужа.

— Вот это-то я и спрашиваю себя сейчас! — воскликнул Йоханнисон. — Куда мы идем? Овцы это знают? Мы знаем? Можем ли мы знать?

Они сидели, уставившись в свои тарелки, положив вилки. Снаружи доносился шум уличного движения и голоса играющих детей. Наступал вечер, и мало-помалу стало совсем темно.

С «Паузой» у меня связано воспоминание, из-за которого я радуюсь, что в литературной игре мне выпало писать, а не заниматься чем-нибудь еще.

Я заглянул в издательство «Фаррар, Страус и Янг», когда шла подготовка антологии, и дама — внутренний редактор — мучилась из-за названия. Предложено было «В грядущем времени», но ей казалось, что тут чего-то не хватает, и она прикидывала другие варианты.

— А как вы думаете, доктор Азимов? — спросила она и умоляюще поглядела на меня. (Людам часто кажется, будто мне известны ответы, хотя нередко мне даже вопросы неизвестны.)

Я напряг мысли и сказал:

— Выбросите предлог: пусть будет «Грядущее время». Это подчеркнет понятие «время» и сделает заглавие более научно-фантастичным.

Она тут же вскрикнула: «То, что надо!» — и когда сборник вышел в свет, он действительно назывался «Грядущее время». Но способствовало ли изменение заглавия повышению спроса на книгу?

Как они могли это узнать? А вдруг, наоборот, она из-за него расхотелась хуже?

Я очень рад, что я не издатель.

Пока все это писалось, мои профессиональные труды на ниве медицинского факультета приносили плоды. В 1951 году меня повысили — я стал младшим профессором биохимии и теперь мог к докторскому статусу добавить еще и профессорский. Однако этот двойной титул как будто ни ни йоту не придал мне достоинства. Меня все так же отличала «загорная, добродушная, шутливая манера держаться», как выразился Спрэг, каковую я не утратил и по сей день, как подтвердит всякий, кто со мной сталкивается, — вопреки тому, что мои «волнистые каштановые волосы», хотя и остаются волнистыми, но стали длиннее и не такими каштановыми, как прежде.

Шутливость эта позволяла мне отлично ладить со студентами, но, быть может, не со всеми преподавателями. К счастью, всем было известно, что я пишу научную фантастику. И это очень помогало! В результате они мирились с моей эксцентричностью и потому многое мне прощали.

Что до меня, я и не пытался это скрывать. Некоторые люди с солидным положением прибегают к псевдонимам, когда поддаются искушению писать то, что, как они опасаются, может быть сочтено пустым чтивом. Поскольку я никогда не считал научную фантастику чтивом, и поскольку я писал ее и публиковался задолго до того, как стал членом факультета, мне оставалось только ставить над моими рассказами мои собственные своеобразные имя и фамилию.

И у меня не было намерения втянуть факультет во что-то, что бросило бы тень на его достоинство.

Свою первую книгу «Камешек в небе» я продал месяца за полтора до того, как занял должность на медицинском факультете. Но я понятия не имел, что «Даблдей» намерен извлечь пользу из моего нового официального положения для книги. И только когда в конце 1949 года я увидел книгу в

суперобложке, я увидел и то, что было напечатано на ее обороте.

Вместе с очень похожей моей фотографией в возрасте двадцати пяти лет (теперь у меня сердце надрывается, когда я гляжу на нее!) я узрел и заключительное предложение, которое гласило: «Доктор Азимов живет в Бостоне и принимает участие в исследовании раковых заболеваний на медицинском факультете Бостонского университета».

Я подумал, подумал и решил поступить честно. Я попросил декана, Джеймса Фолкнера, принять меня и все ему откровенно рассказал. Я пишу научную фантастику, сказал я. Уже много лет. Моя первая книга выходит под моей настоящей фамилией и на суперобложке будет упомянуто о моей связи с медицинским факультетом. Считает ли он, что мне следует подать заявление об уходе?

Декан, бостонский бонза с чувством юмора, спросил:

— Но книга хорошая?

Я ответил осторожно:

— По мнению издателей — да.

А он сказал:

— В таком случае медицинский факультет будет рад оказаться к ней причастным.

Вот так все обошлось, и, пока я оставался на факультете, у меня ни разу не случилось неприятностей из-за научной фантастики. Наоборот, кое-кому на факультете пришло в голову поэксплуатировать меня. В октябре 1954 года люди, занимавшиеся изданием «Бостон Юниверсити Грэджюйт Джорнэл» попросили у меня коротенький научно-фантастический рассказ, чтобы оживить один из их высокоученых номеров. Я одолжил их рассказом «Давайте не будем», который и появился в номере за декабрь 1954 года.

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ

Профессор Чарлз Киттрэддж бежал размашисто, неуверенно вскидывая ноги, и успел отшвырнуть стакан, который младший профессор Хебер Вандермир уже поднес к губам. Все произошло словно запечатленное замедленной съемкой.

Вид у Вандермира, не слышавшего, как подбегал Киттрэддж, — настолько поглощали его собственные мысли, был теперь и растерянный и пристыженный. Он опустил глаза на осколки стакана в расползающейся лужице.

— Что это?

— Цианистый калий. Я сохранил кусочек, когда мы собирались... просто на случай...

— И чем бы это помогло? Ну вот, одним стаканом меньше. И придется убирать осколки... Нет, этим займусь я.

Киттрэддж нашел бесценный кусок картона, чтобы сгрести осколки, и еще более драгоценную тряпочку, чтобы вытереть ядовитую жидкость. А потом вышел — надо было выбросить осколки, а также (какая жалость!) картонку и тряпочку в один из трубопроводов, который извергнет их на поверхность.

Когда он вернулся, Вандермир сидел на койке, вперив в стену остекленевший взгляд. Волосы физика совсем поседели, и, естественно, он исхудал. В Убежище толстяков не было. Киттрэддж — с самого начала долговязый, тощий и седой — по контрасту почти совсем не изменился.

— Помните былые дни, Китт? — пробормотал Вандермир.

Let's Not

© 1954 by Isaac Asimov

Давайте не будем

© И. Гурова, перевод, 1997

— Стараюсь не вспоминать.

— Единственная остающаяся нам радость. Университеты были университетами. Занятия, оборудование, студенты, воздух, свет и люди... Люди!

— Учебное заведение остается учебным заведением, пока есть хотя бы один учитель и один ученик.

— Вы почти правы, — тоскливо отозвался Вандермир. — Учителей есть даже двое. Вы — химик, я — физик. Нас двое. Остальное мы можем почерпнуть из книг. И один аспирант. Он будет первым, кто получит докторскую степень здесь внизу. Такая честь! Бедняга Джонс.

Киттредж заложил руки за спину, чтобы они не дрожали.

— И двадцать мальчиков и девочек, которые тоже со временем получают дипломы.

Вандермир поднял голову. Лицо у него стало совсем серым.

— А чему нам их учить пока? Истории? О том, как человек обнаружил, что заставляет водород делать бум-бум? И радовался, как беззаботная птичка, пока один бум-бум следовал за другим?.. Географии? Мы можем описать, как ветры повсюду рассеивали сверкающую пыль, а водяные потоки уносили растворившиеся изотопы по глубинам и мелям океана.

Киттредж и Вандермир были единственными учеными, кому удалось спастись. Ответственность за существование сотни мужчин, женщин и детей лежала на них, пока они прятались тут от опасностей и трудностей поверхности, от ужаса, сотворенного Человеком — тут, в этом пузырьке жизни в полумиле под поверхностью планеты.

С упорством отчаяния Киттредж попытался вдохнуть мужество в Вандермира:

— Вы знаете, чему мы должны их учить. Мы должны сохранить науку живой, чтобы когда-нибудь нам удалось вновь заселить Землю. Начать заново.

Вандермир не ответил, он отвернулся к стене. Киттредж продолжал:

— Почему же нет? Даже радиоактивность не вечна. Пусть потребуются тысяча лет... пять тысяч! Когда-нибудь уровень радиации на поверхности Земли снизится до терпимого.

— Когда-нибудь.

— Ну да, когда-нибудь. Неужели вы не понимаете, что наша школа здесь — самая важная школа в истории человечества? Если мы добьемся своего, вы и я, наши потомки вновь обретут открытое небо и свободно текущую воду.

У них даже будут, — Киттредж криво улыбнулся, — университеты, такие, которые помним мы.

— Я ничему этому не верю, — пробормотал Вандермир. — Вначале, когда все казалось предпочтительнее смерти, я бы поверил во что угодно. Но теперь это бессмысленно, и только. Ну хорошо, мы научим их всему, что знаем сами, здесь внизу... а потом умрем — здесь внизу.

— Вскоре вместе с нами начнет учить и Джонс, затем вырастут и другие. Дети, уже почти не помнящие прошлого, станут учителями, а потом начнут учить и те, кто родился здесь. Это станет решающим моментом. Едва все перейдет в руки здешних уроженцев, никакие воспоминания не будут подрывать их стойкости духа. Это будет их жизнь, и у них будет цель, к которой надо будет стремиться, ради которой надо будет бороться... целый мир, который необходимо вновь обрести. При условии, Ван, при условии, что мы сохраним физику как науку на университетском уровне. Вы ведь понимаете почему, правда?

— Конечно, понимаю, — ответил Вандермир с раздражением, — но отсюда не следует, что это осуществимо.

— Сдаться — значит сделать это заведомо неосуществимым. Заведомо.

— Ну хорошо, я попробую, — прошептал Вандермир.

Киттредж лег на собственную койку, закрыл глаза и с отчаянием пожалел, что не стоит сейчас в защитном скафандре на поверхности планеты. Хотя бы на минуту там оказаться. Хотя бы на минуту. Он встал бы возле каркаса демонтированного корабля — беспощадно выпотрошенного ради создания пузырька жизни здесь внизу. И тогда сразу после захода солнца он укрепил бы свое мужество, поглядев в небо и увидев еще раз, еще один раз мерцающую в разреженной холодной атмосфере Марса яркую мертвую вечернюю звезду, которая была Землей.

Кое-кто обвиняет меня в том, что я «накручиваю километраж», то есть пишу чересчур длинно. Делаю я это вовсе не сознательно, но не могу не признать, что километраж накапливается. Это случалось даже в такие давние годы, как 1954-й.

Я написал «Давайте не будем» для моего факультета, и, разумеется, мне за него ничего не заплатили. Однако вскоре Мартин Гринберг из «Гноум-Пресс» попросил меня сделать вступление к новой задуманной им антологии «Все о будущем», которая должна была выйти в свет в 1955 году.

Я не хотел ему отказывать, потому что Мартин Гринберг человек симпатичный, хотя по гонорарам сильно отставал от эпохи. С другой стороны, у меня не было особого желания огаривать его новым материалом, а потому я пошел на компромисс.

— Может, взамен небольшой рассказик? — сказал я и предложил ему «Давайте не будем».

И Мартин использовал его как одно из вступлений (другое, более ортодоксальное, написал Роберт А. Хайнлайн) и — чудо из чудес! — заплатил мне десять долларов.

В том же самом году меня подстерег еще один поворотный пункт. (Странно, сколько поворотных пунктов набирается в пивоей жизни и как трудно их распознавать в тот момент!)

Со времени моей докторской диссертации я пописывал и чисто научную литературу. Например, статьи, касавшиеся моих исследований. Правда, их было мало, так как я очень скоро обнаружил, что исследователь-фанатик из меня не получится. Да и писать статьи было тяжким трудом, поскольку научная литература до отращения стилизована и в ней особенно ценится скверный язык.

Возиться с учебником было интереснее, однако меня стесняли и связывали два моих соавтора — оба чудесные люди, но вот стиль и того и другого сильно отличается от моего. Такое положение возбудило у меня желание написать собственную книгу по биохимии — не для студентов, а для широкой публики. Мне это представлялось чистой мечтой, так как я в сущности не мог заглянуть за пределы собственной научной фантастики.

Однако мой соавтор Билл Бойг написал научно-популярную книгу о генетике «Генетика и человеческие расы» («Литтл-Браун», 1950), а в 1953 году приехал из Нью-Йорка некто Генри Шуман, владелец небольшого издательства, носившего его фамилию. Он попытался убедить Билла написать книгу для него; Билл был занят, но по доброте душевной попытался обойтись с мистером Шуманом помягче и познакомил его со мной, указав, что книгу могу написать и я.

Конечно, я согласился и тут же написал. Когда подошел срок издания, Генри Шуман продал свою фирму другой небольшой фирме, «Абеляру». И моя книга вышла как «Химия жизни» («Абеляр-Шуман», 1954).

Это была первая моя не научно-фантастическая книга, которая появилась только под моей фамилией без соавторов, и моя первая научно-популярная книга.

Более того: выяснилось, что писать такие книги очень легко — гораздо легче научной фантастики. Мне потребовалось на книгу десять недель, причем в день я тратил на нее не больше часа-двух, и было это величайшим удовольствием. Я тут же начал обдумывать другие научно-популярные книги, какие мог бы написать, и так началось то, что составило часть моей жизни, хотя тогда мне это и в голову не приходило.

И еще в том же году выяснилось, что скоро у нас появится очередной отпрыск, что опять застало нас врасплох и создало серьезную проблему.

Когда мы только переехали в нашу уолтемскую квартиру весной 1951 года, нас было двое. Мы спали в одной спальне, а другая служила кабинетом. В этой второй спальне был написан роман «Космические течения» («Даблдэй», 1952).

После рождения Дэвида, когда он настолько подрос, что ему понадобилась собственная комната, он получил вторую спальню, а мой кабинет перекочевал в нашу, и там-то были написаны «Стальные пещеры» («Даблдэй», 1953).

Затем 19 февраля 1955 года родилась моя дочь Робин Джоан, и я еще заранее перебрался в коридор. Другого места для меня не оставалось. Четвертый мой роман про Лаки Старра был начат как раз в тот день, когда ее привезли домой из клиники: «Лаки Старр и большое солнце Меркурия» («Даблдэй», 1956). Он посвящен «Робин Джоан, которая сгелала все от нее зависящее, чтобы помешать».

А мешала она очень компетентно. С ребенком в каждой спальне и со мной в коридоре обстановка была достаточно скверной, но вскоре Робин Джоан должна была неминуемо потребоваться собственная комната, а потому мы решили заняться поисками дома.

Для меня это явилось тяжелой травмой. Я никогда еще не жил в своем доме. Все тридцать пять лет моей жизни прошли в разных квартирах. Однако оставалось смириться с необходимостью. В январе 1956 года мы нашли дом в Ньютоне (штат Массачусетс) чуть западнее Бостона и 12 марта 1956 года въехали туда.

А 16 марта 1956 года на Бостон обрушился один из худших буранов на памяти старожилов. Выпало три фута снега. Мне никогда еще не доводилось разгребать снег, а тут требовалось проложить глубокую и широкую траншею

по подвездной дороге. И только-только я успел кое-как справиться с этой задачей, как 20 марта разразился новый буран и выпало еще четыре фута снега.

Наваленный у стен снег, начав таять, просочился за обшивку в подвал, где мы обнаружили небольшое наводнение. Господи, как мы жалели, что живем не в уютной квартирке!

Но мы выжили — и тут возникла куда более серьезная тревога. Во всяком случае для меня. Двое детей, дом, закладная настолько изменили мою жизнь, что меня начали мучить сомнения, а сумею ли я еще написать хоть что-нибудь. (Мой роман «Обнаженное солнце» («Даблдэй», 1957) был закончен за два дня до переезда.)

Понимаете, возникает такое чувство, что писатель — это нежный росток, который необходимо лелеять, не то он засохнет, и любая резкая перемена в образе жизни вызывает ощущение, что все твои цветки оборваны.

Бураны, разгребание снега, выкачивание воды из подвала, то да се — и я действительно некоторое время ничего не писал. А затем Боб Леман попросил у меня рассказ для «Фьючер», и в июне 1965 года я впервые сел писать в новом доме. Стояла сильная жара, но в подвале было прохладно, и я водворил туда мою пишущую машинку и наслаждался прохладой в жару — редчайшее удовольствие.

Тревога оказалась напрасной: я не утратил способности писать. Я сочинил «По-своему исследователь», и рассказ вышел в № 30 «Фьючер». (В то время журнал выходил так нерегулярно, что издатель предпочитал не пометать номера названиями месяцев.)

ПО-СВОЕМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Херман Чаунс верил в предчувствия. Иногда они сбывались, иногда — нет. Примерно пятьдесят на пятьдесят. Однако, учитывая, что верный ответ приходилось выуживать из целой вселенной разных возможностей, пятьдесят на пятьдесят — очень даже неплохо.

Чаунс не всегда радовался своей способности так, как, казалось, следовало бы ожидать. Слишком дорого она ему обходилась. Люди ломали голову над проблемой, никак не могли с ней справиться и обращались к нему: «А как, по-вашему, Чаунс? Включите-ка свою старушку-интуицию!» А если он предлагал пустышку, ответственность возлагалась на него без всякой пощады.

Его обязанности полевого исследователя только ухудшали положение. «Думаете, эта планета заслуживает внимания? Как вы считаете, Чаунс?» А потому он почувствовал только облегчение, когда против обычного получил двухместное назначение (то есть в экспедицию без приоритетности, когда никто на тебя не давит), а в партнеры — Аллена Смита.

Смит был таким же практично-прозаичным, как его фамилия. В первый же день после отлета он сказал Чаунсу:

— Дело в том, что блоки памяти у вас в мозгу всегда в полной готовности. Столкнувшись с проблемой, вы в поисках решения вспоминаете куда больше мелочей, чем мы, остальные. Называть это предчувствием — значит ссылаться на нечто мистическое, чего на самом деле и в помине нет. —

Смит провел ладонью по своим залезанным кверху волосам. Волосы у него были тонкие и прилегали к голове плотной шапочкой.

Чаунс, волосы которого отличались буйностью, а курносый нос был чуть сдвинут в сторону, ответил мягко (его обычный тон):

— Я думаю, не телепатия ли это?

— Что?!

— Ну, какое-то подобие...

— Чушь! — объявил Смит с безапелляционной насмешкой (его обычный тон). — Ученые разыскивали фактор пси больше тысячи лет и ничего не нашли. Его просто не существует — ни прекогниции, ни телекинеза, ни ясновидения, ни телепатии.

— Не спорю, но подумайте вот о чем. Если я получаю картину того, о чем думает каждый в данной группе людей — даже сам того не сознавая, — то интегрирую всю информацию и делаю вывод. Таким образом я знаю больше любого члена группы, а потому могу судить о проблеме яснее остальных... иногда.

— У вас есть хоть какое-нибудь доказательство этому?

Чаунс посмотрел на него кроткими карими глазами и ответил:

— Только предчувствие.

Они хорошо ладили друг с другом. Чаунса устраивала бодрая практичность Смита, а тот снисходительно принимал логические построения своего партнера. Они часто расходились во мнении, но не ссорились.

Даже когда они достигли своей цели — шарового звездного скопления, которое никогда прежде не знало выбросов энергии ядерного реактора, созданного людьми, нарастающее напряжение не вызвало разлада.

— Любопытно, — сказал Смит, — что они делают со всеми этими данными там, на Земле? Иногда все это кажется пустой тратой времени.

— Земля только-только начинает выходить в космос, — ответил Чаунс. — Невозможно предсказать, насколько далеко распространится человечество по Галактике за, например, миллион лет. Все данные, которые мы получим о любом мире, когда-нибудь могут оказаться критически-важными.

— Ну, просто реклама, предлагающая поступить в Бригады Исследователей! По-вашему, тут может найтись что-то интересное? — Смит кивнул в сторону видеотабло, в центре

которого уже довольно близкое скопление смахивало на крупницы рассыпанного талька.

— Может быть. У меня есть предчувствие... — Чаунс умолк, сглотнул, поморгал и смущенно улыбнулся.

Смит раздраженно фыркнул:

— Давайте запеленгуем ближайшую звездную группу и пройдем наугад сквозь наиболее плотную ее часть. Десять против одного, что отношение Маккомина будет ниже двух десятых.

— Проиграете, — пробормотал Чаунс. Его охватило волнение, которое всегда возникало в тот момент, когда перед ними должны были раскинуться новые миры, — чувство очень заразительное и каждый год одурманивавшее сотни юнцов. Юнцы — и он когда-то был таким — рвались в Бригады, торопясь увидеть миры, которые их потомки когда-нибудь назовут своими. Каждый по-своему исследователь.

Они взяли пеленг, осуществили свой первый ближний гиперпространственный прыжок в шаровое скопление и начали сканировать звезды, выявляя планетные системы. Компьютеры выполняли свою работу, информация непрерывно накапливалась, и все шло привычным удовлетворительным образом, пока в системе 23, вскоре после завершения прыжка, гиператомные двигатели корабля не отключились.

— Странно, — пробормотал Чаунс. — Анализаторы не показывают, что произошло.

Он был совершенно прав: стрелки прихотливо плясали, ни разу не остановившись на значимый момент, так что определить причину отказа двигателей было невозможно. А следовательно, и произвести ремонт.

— Никогда не видел ничего подобного, — проворчал Смит. — Придется все выключить и произвести проверку вручную.

— Почему бы не заняться этим с удобствами? — заметил Чаунс, уже наводя телескопы. — Обычный двигатель в порядке, а в системе имеются две вполне приличные планеты.

— А! Насколько приличные и которые из всех?

— Первая и вторая из четырех. Обе имеют воду и кислород. Первая чуть теплее и больше Земли; вторая чуть холоднее и меньше Земли. Подходит?

— Жизнь?

— И на той, и на другой. Во всяком случае флора.

Смит что-то буркнул себе под нос. Все, впрочем, было достаточно обычным — растительность, как правило, имелась на планетах с водой и кислородом.

И, в отличие от животных, растительность можно было рассмотреть в телескоп — а вернее, засечь спектроскопически. В растительных организмах за все время были обнаружены только четыре фотохимических пигмента, и каждый легко определялся по характеру отражаемого им света.

— Растительность на обеих планетах принадлежит к хлорофильному типу, не более и не менее! — сказал Чаунс. — Совсем как Земля. Там нам будет уютно.

— Какая ближе? — спросил Смит.

— Вторая, и мы уже летим к ней. У меня предчувствие, что она окажется очень приятным миром.

— С вашего разрешения, я положусь на показания приборов, — сказал Смит.

Однако, по всей видимости, предчувствие в очередной раз не обмануло Чаунса. Планета оказалась приветливой — сложная система океанов и морей обеспечивала климат без значительных температурных перепадов; горные хребты были невысокими и пологими, а распределение растительности указывало на плодородие почв почти повсеместное.

Перед приземлением Чаунс встал у пульта. Вскоре Смит потерял терпение:

— Ну что вы выбираете? Чем одно место хуже другого?

— Я ищу какую-нибудь голую площадку. Для чего выживать акры растений?

— Ну и сожжете, так что?

— А если не сожгу, так что?

В конце концов Чаунс отыскал голую площадку. И только приземлившись, они обнаружили первые признаки того, на что наткнулись.

— Космос меня побери! — пробормотал Смит.

Чаунс был совсем ошеломлен. Фауна встречалась гораздо реже флоры, и даже проблески разума среди животных казались огромной редкостью. А здесь всего в полумиле от корабля виднелись низкие крытые листьями хижин — явно плод первобытного разума.

— Надо соблюдать осторожность, — растерянно пробормотал Смит.

— Не думаю, что есть хоть малейшая опасность, — заметил Чаунс и спокойно ступил на поверхность планеты. Смит последовал за ним.

Чаунс с трудом подавлял волнение.

— Потрясающе! До сих пор в лучшем случае сообщали о пещерах или о ветках, сплетенных в подобие шалаша.

— Надеюсь, аборигены безобидны.

— В такой мирной обстановке иначе и быть не может. Вдохните этот воздух!

Всюду вокруг корабля и до самого горизонта, не считая места, где гряда холмов нарушала его ровную линию, простиралась хлорофилловая зелень с ласкающими взгляд бледно-розовыми полосами там и сям. При ближайшем рассмотрении бледно-розовые полосы разделялись на отдельные цветки, изящные и душистые. Только участки непосредственно возле хижин отлаивали янтарем, напоминающим спелую пшеницу.

Из хижин вышли странные существа и направились к кораблю с какой-то робкой доверчивостью. У них было четыре ноги, скошенное туловище высотой около трех футов, голова с выпуклыми глазами (Чаунс насчитал их шесть), расположенными по ее периметру и способных двигаться одновременно в разные стороны. («Видимо, компенсация неподвижности головы», — подумал Чаунс.)

У каждого животного был раздвоенный на конце хвост, словно разделившийся на две жилки, которые походили на две натянутые вертикально струны. Жилки непрерывно вибрировали, отчего их трудно было разглядеть.

— Идемте, — сказал Чаунс. — Они нам вреда не причинят, я в этом твердо уверен.

Животные, держась на почтительном расстоянии от людей, окружили их кольцом. Хвосты словно бы жужжали в разных тональностях.

— Возможно, так они общаются друг с другом, — заметил Чаунс. — И по-моему, они явные вегетарианцы. — Он указал на хижину, перед которым маленькая особь, присев на задние конечности, обрывала раздвоенным хвостом колосья и протаскивало каждый через рот, словно человек — кисть смородины.

— Люди едят салат, — возразил Смит, — это ничего не доказывает.

Из хижин появлялись все новые хвостатые существа: несколько секунд стояли, поглядывая на людей, а затем исчезали среди розового и зеленого.

— Вегетарианцы, — твердо сказал Чаунс. — Поглядите, с каким тщанием они ухаживают за главной своей культурой!

Главная культура, как обозначил ее Чаунс, представляла собой кольцо нежно-зеленых узких листьев у самой почвы. Из центра кольца поднимался мохнатый стебель, на котором через двухдюймовые промежутки сидели мясистые бутоны, все в прожилках и словно пульсирующие — такой жизни

они были исполнены. Стебель завершался бледно-розовыми цветками, которые, если не считать окраски, даже походили на земные.

Располагались растения рядами и шпалерами с геометрической точностью. Почва возле каждого была аккуратно разрыхлена и присыпана каким-то веществом, которое могло быть только удобрением. Поле исчерчивали продольные и поперечные проходы такой ширины, чтобы по ним могло проходить животное, а по сторонам проходов тянулись узенькие канавки, явно предназначенные для стока воды.

Животные тем временем разошлись по полю и усердно трудились, почти припадая головой к земле. Возле людей их осталось совсем мало.

— Отличные земледельцы, — одобрительно заметил Чаунс.

— Да, недурно, — кивнул Смит и энергичной походкой направился к ближайшему цветку. Он уже протянул руку к бледно-розовым лепесткам, но тут его остановило жужжание жилок, ставшее невыносимо пронзительным, а к его запястью прикоснулся хвост. Прикоснулся мягко, но загораящая растением от Смита.

— Какого космоса... — Смит попятился и уже потянулся за бластером, но тут Чаунс сказал:

— Легче, легче! Причин волноваться нет никаких.

Теперь перед ними собрались шестеро животных, кротко предлагая гостям колосья — кто обвив колос хвостом, кто толкая его мордой.

— Они держатся вполне дружелюбно, — продолжил Чаунс. — Возможно, их обычаи запрещают срывать цветки. Вполне вероятно, что уход за растениями регулируется жесткими правилами. Культура, опирающаяся на земледелие, скорее всего выработала ритуалы и обряды, обеспечивающие плодородие, и только Богу известно, в чем они заключаются. Уход за растениями явно подчинен строгому распорядку — взгляните хотя бы на точно вымеренные ряды... Космос! Какой эффект это произведет дома!

Жужжание жилок вновь стало пронзительным, и существа попятись, а из самой большой хижины в центре появилось еще одно.

— Наверное, вождь, — шепнул Чаунс.

Тот медленно приближался к ним, держа хвост высоко. Каждая жилка обвивала по небольшому черному предмету В двух шагах от гостей хвост изогнулся в их сторону.

— Это подарок! — изумленно воскликнул Смит. — Чаунс, вы только поглядите!

Но Чаунс уже глядел во все глаза. И еле выговорил:

— Гиперпространственные визиры Гамова! Приборы, стоящие по десять тысяч долларов каждый!

Примерно через час Смит снова вышел из корабля. Еще в дверях он возбужденно закричал:

— Они работают! Безупречно. Мы богаты!

— Я осматривал их хижины, — крикнул в ответ Чаунс, — но больше ни одного не нашел.

— Два — это тоже не кот наплакал. Господи, они же ничем не хуже пачки банкнот!

Однако Чаунс все еще раздраженно поглядывал по сторонам, уперев руки в бока. Трое хвостатых следовали за ним из хижины в хижину терпеливо, ни в чем не препятствуя, но неизменно держась между ним и геометрическими рядами бледно-розовых цветков. А теперь они многоглазно уставились на него. Смит сказал:

— К тому же это новейшая модель. Вот посмотрите!

Он указал на выпуклую надпись: «Модель X-20, производство Гамова, Варшава, европейский сектор».

Чаунс ответил с досадой:

— Меня интересует, как раздобыть еще. Я знаю, они здесь есть. И они мне нужны! — Щеки у него побагровели, он тяжело дышал.

Солнце заходило, температура заметно упала. Смит чихнул, потом чихнул Чаунс.

— Мы простудимся, — прогнусавил Смит.

— Я должен им растолковать! — сказал упрямо Чаунс. Он торопливо проглотил банку свиных сосисок, запил банкой кофе и был готов снова приступить к поискам.

— Еще! — обратился Чаунс к аборигенам, подняв визир и широко разводя руки. Указал на один визир, потом на другой, а потом на разложенные перед ним воображаемые визиры. — Еще!

Затем, когда верхний краешек солнца закатился за горизонт, над полем разнеслось громкое жужжание — все находящиеся там существа наклонили головы, задрали раздвоенные хвосты и завибрировали ими так, что они стали совсем невидимыми в сумеречном свете.

— Какого космоса... — с тревогой пробормотал Смит. — Эй! Поглядите-ка на цветки! — Он снова чихнул.

Бледно-розовые цветки съживались на глазах. Чаунс повысил голос, перекрикивая шум:

— Возможно, реакция на закат. Вы же знаете, многие цветы на ночь закрываются. А жужжание, вполне возможно, ритуальное прощание с ними на ночь.

Но Чаунса тут же отвлек легкий удар хвоста по запястью. Хвост этот принадлежал существу, подошедшему совсем близко, и теперь задрался, указывая на сверкающую точку в небе над западным горизонтом. Хвост изогнулся, указал на визир, затем вновь нацелился на звезду.

— Ну конечно же! — возбужденно заявил Чаунс. — Другая обитаемая планета. Визирь, наверное, попал сюда оттуда. — И тут, внезапно вспомнив, он вскричал: — Смит! Гиператомные двигатели ведь не работают!

Смит растерянно взглянул на него, будто тоже совсем забыл, потом промямлил:

— Как раз собирался сказать вам. Они в полном порядке.

— Вы их наладили?

— И пальцем к ним не прикасался. Но, проверяя визирь, я включил двигатели, и они заработали. В тот момент я даже внимания не обратил. Совсем из головы вылетело, что они забрахли. Так или иначе сейчас они работают.

— Так полетели! — сказал Чаунс, не задумываясь о том, что им следовало бы выспаться.

Полет продолжался шесть часов, и оба не сомкнули глаз. Они не отходили от пультов управления словно в каком-то наркотическом одурении. И вновь для посадки они подыскали голую площадку.

Снаружи стояла дневная субтропическая жара. Почти рядом мирно струила воды широкая мутная река. Ближний берег представлял собой откос из спекшейся глины весь в темных провалах.

Люди спустились на поверхность планеты, и Смит хрипло вскрикнул:

— Чаунс! Вы только поглядите!

Чаунс сбросил с плеча его руку и ахнул:

— Те же самые растения. Чтоб мне провалиться! Да, те же бледно-розовые цветки, стебель в бутонах с прожилками, венчик бледно-зеленых листьев внизу. И располагаются в строго геометрическом порядке, почва удобрена, проведены оросительные канавки.

— А мы не ошиблись? — пробормотал Смит. — Описали круг и...

— Поглядите на солнце! Его диаметр вдвое больше. И взгляните вон туда.

Из ближайших провалов в откосе выползали длинные существа ровного светло-коричневого цвета, гибкие и лишённые конечностей как змеи, диаметром в фут и десяти футов в длину. Оба конца тварей были одинаково тупыми и безликими. Примерно посередине туловища виднелось вздутие. И словно по сигналу, на глазах у исследователей все вздутия расплющились в плоские овалы и как бы треснули, образовав безгубые зияющие пасти, которые открывались и закрывались со звуком, напоминавшим скрежет сухой ветки о сухую ветку в лесу.

Затем, как и на первой планете, видимо, удовлетворив любопытство и успокоив страхи, почти все змееподобные существа заскользили по земле к тщательно обработанному полю с растениями.

Смит чихнул с такой силой, что с рукава его куртки поднялось облачко пыли. Он уставился на него с изумлением и принялся хлопать себя ладонями по груди и бокам.

— Черт, я весь пропылился! — Пыль обволакивала его, точно бледно-розовый туман. — И вы тоже, — добавил он, хлопнув Чаунса по спине.

Оба расчихались.

— Набрались ее на той планете, мне кажется, — сказал Чаунс.

— Того и гляди заработаем аллергию.

— Ни в коем случае! — Чаунс протянул визир в сторону змеев и крикнул: — У вас такие есть?

Некоторое время ничего не происходило. Только пара-другая змеев соскользнули в реку, вынырнули с серебристыми пучками чего-то и подсунули их под себя — видимо, в укрытый там рот.

Все же один змей, более длинный, чем остальные, заскользил по земле к людям, вопросительно приподняв один тупой конец своего туловища и помахивая им из стороны в сторону. Бугор на середине начал вздуться — сначала медленно, затем стремительно и лопнул пополам с довольно громким хлопком. Там между раздвинувшимися краями виднелись два визира, точные копии первых двух.

— Господи Боже ты мой! — ахнул Чаунс. — Просто чудо, верно?

Он торопливо шагнул вперед и протянул руку. Складки, в которых лежали визирь, вспучились, удлинлись, превратились в подобие щупалец и потянулись навстречу ему.

Чаунс захохотал. Визирь Гамов! Точь-в-точь, как те два!..

— Чаунс, вы меня слышите? — кричал Смит. — Черт подери! Да опомнитесь же!

— Что? — пробормотал Чаунс, вдруг осознав, что Смит докрикивается до него уже больше минуты.

— Да поглядите же на цветы, Чаунс!

Цветки закрывались, как и на первой планете, а змеиные тела поднимались вертикально, балансируя на одном конце и раскачиваясь в прихотливом неровном ритме. Над розовой дымкой видны были только тупые концы.

— Тут уж вы не станете утверждать, что они закрываются из-за приближения ночи. День еще в разгаре.

— Разные планеты, разная флора. — Чаунс пожал плечами. — Пошли! Мы ведь получили тут только два визира. Их должно быть больше!

— Чаунс, пора возвращаться. — Смит встал как вкопанный и крепко ухватил Чаунса за воротник.

Чаунс негодующе повернул к нему побагровевшее лицо:

— Что вы делаете?

— Готовлюсь оглушить вас, если вы сейчас же не вернетесь со мной на корабль.

Чаунс на мгновение застыл в нерешительности, а потом дикое возбуждение в нем поутихло, сменилось апатичностью.

— Ладно, — кивнул он.

Они уже почти выбрались из звездного скопления, когда Смит сказал:

— Ну, как вы?

Чаунс сел на койку и запустил пятерню в волосы.

— Пожалуй, нормально. Во всяком случае, в голове у меня прояснилось. Долго я спал?

— Двенадцать часов.

— А вы?

— Вздремнул немного. — Смит демонстративно обернулся к приборам и что-то настроил, потом добавил неловко: — Вы знаете, что произошло на тех планетах?

— Не поделитесь со мной?

— На обеих планетах, — сказал Смит, — растения были одинаковые. Согласны?

— Безусловно.

— Каким-то образом их пересадили с одной планеты на другую. На обеих они растут одинаково хорошо. Но время от времени — для поддержания жизнедеятельности, дума-

ется мне, — должно происходить перекрестное опыление между двумя разновидностями. На Земле такое происходит постоянно.

— Перекрестное опыление?..

— И для его осуществления использовали нас. Мы высадились на одной планете, и нас засыпало пылью. Помните, как закрывались цветки? Видимо, после того как выбросили пыльцу, а мы из-за этого расчихались. Затем мы высадились на другой планете и стряхнули пыльцу с одежды. Возникнет новая гибридная разновидность. А мы были просто двумя двуногими пчелами, Чаунс, и исполняли свою обязанность, как опылители.

Чаунс улыбнулся:

— Не слишком завидная роль, если подумать.

— Черт, не в этом дело! Разве вы не видите опасности? Не понимаете, почему мы должны побыстрее добраться до-мой?

— Почему?

— Потому что организмы не адаптируются, если адаптироваться не к чему. А эти растения, очевидно, адаптировались к межпланетному перекрестному опылению. Нам даже заплатили, как платят пчелам — правда, не нектаром, а визирами Гамова.

— Ну и что?

— А то, что межпланетное опыление невозможно без помощи кого-то или чего-то. На этот раз роль опылителей досталась нам, но мы же первые люди, побывавшие в этом скоплении. Следовательно, прежде это делали какие-то другие существа, которые и пересадили растения с первой планеты на вторую. Значит, где-то в этом скоплении существует разумная раса, уже достигшая уровня космических полетов. И Земля должна об этом знать!

Чаунс медленно покачал головой. Смит нахмурился:

— Какие-нибудь нелогичности в ходе моих рассуждений?

Чаунс зажал голову в ладонях. Вид у него был глубоко несчастный.

— Скажем, вы почти все упустили.

— Что же я упустил? — сердито спросил Смит.

— Ваша теория перекрестного опыления сама по себе логична, но вы кое-чего не учли. Когда мы приблизились к этой солнечной системе, наши гиператомные двигатели отказали, причем приборы не смогли ни определить причины, ни, тем более, ее устранить. После приземления мы к ним не прикасались. Просто забыли о них. А затем вы включили

двигатели, и выяснилось, что они в полном порядке, однако на вас это не произвело никакого впечатления — настолько, что мне вы рассказали об этом лишь несколько часов спустя. Далее: как удачно мы выбрали на обеих планетах место для приземления — возле места обитания группы животных. Счастливый случай? А наша ничем не оправданная уверенность в их дружелюбии? И мы даже вышли на поверхность, не озаботившись проверить, не ядовита ли атмосфера. Но больше всего меня пугает, что я прямо-таки обезумел из-за визиров Гамова. Почему? Конечно, это ценные приборы, но не настолько же! И обычно возможность заработать быстро доллар-другой не приводит меня в исступление.

Смит слушал в тревожном молчании, а теперь сказал:

— Не вижу, как все это увязывается между собой.

— Бросьте, Смит! Вы все прекрасно понимаете. Разве вам не ясно, что нашей психикой кто-то манипулировал?

Губы Смита изогнулись в презрительной усмешке, но на его лице мелькнула тень сомнения.

— Вы опять оседлали своего парapsихологического конька?

— Да, факты — упрямая вещь. Я ведь говорил вам, что мои предчувствия могут быть своего рода зачатками телепатии.

— И это тоже факт? Пару дней назад вы так не считали.

— А теперь считаю. Послушайте, я более восприимчив, чем вы, и поэтому все это подействовало на меня сильнее. Теперь, когда все позади, я лучше понимаю, что произошло, потому что воспринял больше. Ясно?

— Нет, — резко ответил Смит.

— Вы сами сказали, что визеры Гамова послужили нектаром, который подтолкнул нас произвести опыление. Так?

— Ну да.

— В таком случае, откуда они там взялись? Земные приборы, и мы даже прочли на них название фирмы и номер модели. Букву за буквой. Но если до нас люди ни разу не побывали в этом скоплении, откуда взялись там визеры? Ни я, ни вы тогда себя об этом не спросили, а вас и сейчас это вроде не беспокоит.

— Ну-у...

— Что вы сделали с визирами, Смит, когда мы вернулись на корабль? Вы забрали их у меня, это я помню.

— Положил их в сейф, — ответил Смит, словно оправдываясь.

— И больше их не вынимали?

— Нет.

— А я?

— Нет, насколько мне известно.

— Даю вам слово, что я к ним не прикасался. Так почему бы не открыть сейф сейчас?

Смит медленно подошел к сейфу, настроенный на отпечатки его пальцев, и, не глядя, засунул руку внутрь. Выражение на его лице мгновенно изменилось. Вскрикнув, он заглянул в сейф, а затем выгреб его содержимое.

В руках у него были четыре разноцветных камня, более или менее прямоугольной формы.

— Они использовали наши эмоции, чтобы управлять нами, — негромко сказал Чаунс, словно вгоняя слово за словом в упрямый мозг своего собеседника. — Они заставили нас поверить, что атомные двигатели вышли из строя, чтобы мы приземлились на одной из их планет — какой именно, значения не имело, думается мне. Они внушили нам, будто мы держим в руках ценнейшие приборы, чтобы мы обязательно помчались на вторую планету.

— Кто эти «они»? — простонал Смит — Хвосты или змеюки? Или и те и другие?

— Не те и не другие, — ответил Чаунс. — А растения.

— Растения? Цветки?!

— Разумеется. Мы видели, что два разных вида животных ухаживают за растениями одного вида. Поскольку мы сами животные, то и предположили, что хозяева планет — животные. Но, собственно, с какой стати? Ведь всю выгоду получают растения.

— Мы тоже ухаживаем за растениями на Земле, Чаунс.

— Но мы эти растения едим.

— А может, эти животные тоже их едят?

— Скажем, я знаю, что они их не едят, — возразил Чаунс. — Нами они управляли очень умело. Вспомните, как я искал для посадки бесплодную площадку.

— Я такой потребности не испытывал.

— У пульта стояли не вы, а потому они вами не интересовались. И вспомните, мы не заметили пыльцы, хотя были обсыпаны ею, и продолжали не замечать, пока не высадились на второй планете. А тогда по приказу стряхнули ее.

— Ничего более невозможного я и представить себе не могу.

— Почему невозможного? Мы не связываем интеллект с растениями, потому что у них нет нервной системы. Но у этих она, вероятно, есть. Вспомните бутоны на стеблях. Ну, и растения неподвижны. Но это им не мешает, если у них

развились парapsихологические способности и они подчиняют себе животных, обладающих способностью двигаться. Их окружают заботой, удобряют, поливают, опыляют и так далее. Животные преданно ухаживают за растениями и счастливы, потому что им внушают ощущение счастья.

— Мне вас жаль, — глухо произнес Смит. — Если вы попробуете рассказать эту сказочку на Земле, то... Мне вас жаль.

— У меня нет никаких иллюзий, — пробормотал Чаунс. — И все же... Я обязан предупредить Землю. Вы видели, что они делают с животными.

— По-вашему, превращают в рабов?

— Хуже того. Либо хвостатые, либо змееподобные, либо и те и другие наверняка когда-то находились на достаточно высоком уровне развития и совершали космические полеты. Иначе растения не могли бы оказаться на обеих планетах. Но стоило растениям развить пси-фактор, как всему этому пришел конец. Возможно, эти растения были мутантами. Животные на стадии овладения атомом становятся опасными. А потому их заставили забыть и превратили в то, что мы видели. Черт побери, Смит! Эти растения — самое опасное, что только есть во Вселенной. Землю необходимо предупредить о них, ведь и другие земляне могут посетить это скопление.

Смит засмеялся:

— Знаете, вы попали пальцем в небо. Если эти растения действительно подчинили нас себе, почему они отпустили нас, не воспрепятствовали нам предупредить других?

Чаунс запнулся.

— Не знаю, — наконец выдавил он.

Смит успокоился.

— На минуту, готов признаться, я было вам поверил.

Чаунс энергично потер затылок. Почему их отпустили? И, если на то пошло, почему он испытывает такое непреодолимое стремление как можно скорее предупредить Землю об опасности, с которой земляне вряд ли соприкоснутся раньше чем через тысячу лет?

Он отчаянно напрягал мысли, и что-то забрезжило. Чаунс попытался нащупать смутную идею, но она ускользнула. На мгновение он с отчаянием подумал, что ее словно вытолкнули из его мозга, но затем и это ощущение пропало.

Он знал только, что корабль должен двигаться с предельной скоростью, что им необходимо торопиться.

И вот после неисчислимых лет вновь сложились необходимые условия. Протоспоры двух разнопланетных разно-

видностей материнского растения встретились, смешались, вместе проникли в одежду, волосы и корабль новых животных. И почти сразу же образовались гибридные споры. Только им была дана способность потенциально приспособиться к условиям новой планеты.

Теперь споры тихо ждали на корабле, который вместе с существами, чье сознание находилось в плену последнего импульса материнского растения, мчал их на предельной скорости к новому спелому миру, где свободно движущиеся твари будут заботливо предупреждать все их нужды.

Споры ждали с растительным терпением (всепобеждающим терпением, о каком понятия не имеет ни одно животное), ждали прибытия на новый мир — каждая по-своему исследователь.

Рассказы, вошедшие в эту книгу, далеко не все включались в какие-либо антологии. Я их и отбирал по этому принципу, как, в частности, настаивало издательство «Дабл-дэй». Однако «По-своему исследователь» дважды публиковался в сборниках — его брали Джудит Меррил в 1957 году и Вик Гудалия в 1973-м.

Но ведь это не так уж и много. Некоторые мои рассказы публиковались снова и снова. Мой рассказец «Как им было весело» перепечатывался по меньшей мере сорок два раза со времени своего выхода в свет в 1951 году, а сейчас готовится к печати в еще восьми местах. Причем возможно, что он публиковался и чаще, хотя в моей библиотеке он фигурирует только в сорока двух изданиях. Если хотите, можете прочесть его в книге «На Земле достаточно места» («Дабл-дэй», 1957). Это издание входит в число сорока двух.

Редакторы вечно придумывают всякие трюки. И порой их жертвой становлюсь я.

Четырнадцатого ноября 1956 года в редакции «Инфинити Сайенс Фикшн» я беседовал с его издателем Ларри Шоу. Мы хорошо ладили (не хотелось бы, чтобы это прозвучало, словно исключение; я вообще хорошо лажу практически со всеми), и я имел обыкновение навещать Ларри, когда судьба заносила меня в Нью-Йорк.

В этот день его осенила идея: он даст мне заглавие для рассказа — наименее вдохновляющее, какое только сумеет придумать, — а я напишу без проволочек рассказ, исходя из заглавия. Потом предложит то же заглавие двум другим писателям, и они сделают то же.

Я опасливо спросил: а какое заглавие?

И он ответил:

— «Пустота».

— «Пустота»? — переспросил я.

— «Пустота», — кивнул он.

Ну, я подумал-подумал и написал нижеследующий рассказ под заглавием «Пустота!» (с восклицательным знаком). Рэнголл Гаррет написал «Пустота?» с вопросительным знаком, а Харлан Эллисон написал «Пустота» вообще без знака препинания.

ПУСТОТА!

— Положительно, — сказал Огест Пойнтдекстер, — существует такая вещь как необоримая гордыня. Греки называли ее «хубрис» и считали вызовом богам, за которым всегда следует «ате» — воздаяние. — Он неуверенно протер свои бледно-голубые глаза.

— Очень мило! — раздраженно отозвался доктор Эдвард Баррон. — Но какое отношение это имеет к тому, что сказал я? — Лоб у него был высокий, перерезанный горизонтальными складками, которые глубоко наморщивались, когда он презрительно поднимал брови.

— Самое прямое, — ответил Пойнтдекстер. — Создание машины времени уже само по себе вызов судьбе. А вы еще усугубляете его своей безапелляционной уверенностью. Откуда у вас убеждение, будто ваша машина способна действовать на протяжении всего времени, исключая самую возможность парадокса?

— А я и не знал, что вы суеверны, — заметил Баррон. — Все очень просто: машина времени — такая же машина, как всякая другая, и кощунственна она ровно настолько же. Математически она аналогична лифту, поднимающемуся и опускающемуся в шахте. Так почему же это может грозить воздаянием?

— Лифт не чреват парадоксами, — энергично возразил Пойнтдекстер. — Спускаясь с пятого этажа на четвертый, вы не можете убить собственного деда в его детстве.

Доктор Баррон мотнул головой с раздражением, почти бешенством.

— Я этого ждал. Именно этого. А почему бы вам не предположить, что я встречу с самим собой или изменю историю, сообщив Макклеллану, что Стонуолл Джексон намерен сделать бросок на Вашингтон или еще что-нибудь? Я вас спрашиваю прямо: отправитесь вы со мной в машине или нет?

Пойнтдекстер замаялся:

— Я... я... пожалуй, нет.

— Почему вы все усложняете? Я уже объяснил, что время инвариантно. Если я отправлюсь в прошлое, то только потому, что уже побывал там. Все, что я решу сделать и сделаю, я уже изначально сделал в прошлом и, значит, ничего там не изменю, никаких парадоксов не возникнет. Если бы я решил убить моего деда во младенчестве и сделал бы это, меня бы здесь не было. Но я здесь! Следовательно, я не убивал своего деда. Как бы я ни пытался его убить, факт остается фактом: я его не убивал и, выходит, не убью. Вы понимаете, о чем я?

— Да, понимаю. Но правы ли вы?

— Конечно, прав! Господи, почему вы не математик, а только техник с университетским образованием? — Изнывая от нетерпения, Баррон не потрудился скрыть презрительности. — Послушайте, эта машина возможна только потому, что некие математические взаимосвязи времени и пространства верны. Это-то вы понимаете, хотя и не способны разобратся в математических тонкостях? Машина существует, следовательно, математические соотношения, которые я разработал, имеют аналоги в реальности. Так? Вы видели, как я засылал кроликов на неделю в будущее. И видели, как они появлялись из ничего. На ваших глазах я отправил кролика в прошлое через неделю после того, как он появился.

— Ладно, со всем этим я согласен.

— В таком случае вы должны мне поверить: уравнения, лежащие в основе этой машины, предполагают, что время состоит из частиц, существующих в неизменном порядке. Если бы порядок расположения частиц мог бы подвергнуться какому бы то ни было изменению — любому изменению! — уравнения были бы неверны, и эта машина не работала бы. Данный способ путешествия во времени был бы не осуществим.

Пойнтдекстер протер глаза еще раз и сказал:

— Жаль, что я не знаю математики.

— Просто подумайте о фактах, — продолжил Баррон. — Вы попытались отправить кролика в прошлое на две недели,

хотя послан он был туда за неделю. Вот это создало бы парадокс, верно? А что произошло? Индикатор зафиксировался на сроке в неделю, и перенастроить его не удалось. Создать парадокс невозможно. Так вы отправитесь со мной?

Пойнтдекстер чуть было не свергнул себя в бездну согласия; ужаснулся, мысленно попятился и ответил:

— Нет.

— Я бы не просил вас о помощи, — не отступал Баррон, — если бы мог справиться сам, но вы знаете, что для интервалов длиной свыше месяца необходимы два человека. Мне нужен кто-то для контролирования Шаблонов, чтобы мы вернулись с абсолютной точностью. И воспользоваться я хочу именно вашей помощью. Ведь мы уже разделяем это... это великое свершение. Неужто вы предпочтете, чтобы часть славы досталась кому-то третьему? Для новых помощников настанет время, когда мы заявим о себе как о первых путешественниках во времени за всю историю человечества. Господи, да неужели вам не хочется увидеть, что с нами станет через сто лет? Через тысячу? Неужели вы не хотите увидеть Наполеона? Или Иисуса, если на то пошло? Мы будем как... как (Баррона словно увлекло собственное красноречие)... как боги!

— Вот именно! — пробормотал Пойнтдекстер. — Хубрис! Путешествие во времени не настолько приблизит меня к богам, чтобы ради этого пойти на риск застрять где-то не в моем времени.

— Хубрис! Застрять! Нагоняете на себя выдуманные страхи. Мы просто будем двигаться между частицами времени, как лифт между этажами. Собственно, путешествие во времени даже безопаснее, поскольку кабина лифта может обрваться, а в машине времени отсутствует сила тяготения, которая сбросила бы нас вниз на смерть. Никаких неполадок быть не может. Я гарантирую. — Баррон постучал себя по груди средним пальцем правой руки. — Я гарантирую!

— Хубрис! — пробормотал Пойнтдекстер и все-таки рухнул в бездну согласия, наконец уступив уговорам.

Вместе они забрались в машину.

Пойнтдекстер не разбирался в управлении теоретически, как Баррон, так как не был математиком, но он знал, какими рычагами и кнопками пользоваться и для чего.

Баррон сел за пульт Движения, обеспечивающий силу, которая гнала машину по оси времени. Пойнтдекстер сидел

за Шаблонами, которые фиксировали точку отправления, чтобы машина в любой момент могла вернуться назад.

У Пойнтдекстера застучали зубы, когда начало движения отозвалось у него внутри живота. Словно от быстрого спуска в лифте, но не совсем. Что-то трудно уловимое, и тем не менее вполне реальное.

— А что, если...

Баррон рывкнул:

— Ничего случиться не может! Бога ради!

Тут же последовал сильный толчок, и Пойнтдекстера отбросило на стенку.

— Черт побери! — пробормотал Баррон.

— Что произошло? — спросил Пойнтдекстер еле слышно.

— Не знаю, но это неважно. Мы всего на двадцать два часа в будущем. Выйдем поглядим, что произошло.

Дверь машины скользнула в прорезь, Пойнтдекстер судорожно выдохнул весь воздух из легких.

— Тут же ничего нет! Ничего! Ни вещества. Ни света. Пустота!

— Земля сдвинулась! — истерично закричал Пойнтдекстер. — Мы этого не учли. За двадцать два часа она продвинулась на тысячи миль в пространстве, обращаясь вокруг Солнца.

— Нет, — слабым голосом возразил Баррон, — я этого не забыл. Машина сконструирована так, чтобы следовать по ходу времени Земли, куда бы она ни двигалась. Кроме того, даже если бы Земля ушла из-под машины, то где Солнце? Где звезды?

Баррон вернулся к пульту. Ничто не поддавалось нажиму, ничто не работало. Дверь не закрылась. Пустота!

Пойнтдекстеру было трудно дышать, трудно пошевелиться.

— Так что же произошло? — еле выговорил он.

Баррон медленно прошел к центру машины и с мучительным усилием сказал:

— Частицы времени... По-моему, мы застряли... между двумя частицами.

Пойнтдекстер попытался сжать кулаки и не сумел.

— Не понимаю...

— Как лифт. Как лифт. — У Баррона уже не было голоса, чтобы произносить слова, он только шевелил губами. — Да, как лифт... застрявший между этажами.

Пойнтдекстер не мог даже пошевелить губами. Он подумал: в безвременьи ничто не может существовать. Всякое

движение замирает, всякое сознание. Все, все. В них минуту-другую сохранялась инерция времени — ну, как тело наклоняется вперед при внезапном торможении автомобиля, но она стремительно замирала.

Свет внутри машины померк и погас. Чувства, сознание застыли. Одна последняя мысль, один последний мысленный вздох: хубрис... ате! Тут остановилась и мысль. Ничто! На всю вечность там, где даже вечность не имела смысла, не будет ничего, кроме... пустоты!

Все три «Пустоты» были опубликованы в июньском номере «Инфинити» за 1957 год, и идея уловки, полагаю, заключалась в предоставлении читателю возможности сравнить их и обнаружить, в каком направлении работали три совершенно разных воображения, исходя из одного невыразительного заглавия.

Быть может, вам бы хотелось прочесть здесь все три рассказа, чтобы вы могли сами их сравнить. Ничего не выйдет!

Во-первых, мне пришлось бы испрашивать разрешение у Рэндола и у Харлана, а я вовсе не желаю этим заниматься. А во-вторых, вы не переоцениваете мою эгоцентричную натуру. Я не хочу, чтобы их рассказы включались в мой сборник!

Кроме того, следует объяснить, что я всегда расширял журналы с моими рассказами — просто потому, что мне негде разместить все журналы, публиковавшие мои рассказы. Журналов слишком много, а места слишком мало. Я выдираю мои рассказы и переплетаю их вместе томик за томиком, на случай если они мне понадобятся (как, например, для подготовки этой книги). По правде сказать, у меня уже и для томиков места не хватает.

Но как бы то ни было, когда у меня дошли руки до июньского номера «Инфинити» за 1957 год, я выгнал только «Пустоту!», а «Пустоту?» и «Пустоту» выбросил.

Впрочем, вы, возможно, учитывая мою эгоцентричную натуру, ничего другого от меня и не ждали.

В далеком прошлом, в середине пятидесятых, когда некоторые из менее богатых научно-фантастических журналов (не то чтобы хоть какие-то из них были особенно богатыми) просили у меня рассказ, я обычно соглашался на гонорар, какой платили «Поразительные истории» и «Гэлэкси» за рассказы, писавшиеся специально для них. Платили они, вполне

доверяя моему слову, что рассказ создавался именно для них, а не был извлечен со дна ящика. (Порой бывает очень сподручно слыть таким идиотом, что ты и сжульничать не сумеешь.)

Из чего, собственно, следует, что в тех случаях, когда редактор А отвергал мой рассказ, я считал своим долгом сообщить об этом редактору Б, когда предлагал ему тот же рассказ. Во-первых, когда от твоего рассказа отказываются, естественно, возникает мысль вроде: «Ох ты! Знаешь, рассказ — редкостная грянь!» И только честно дать следующему редактору возможность согласиться с таким мнением. Во-вторых, если следующий редактор рассказ все-таки возьмет, ему уже не требуется платить что-то сверх своего обычного гонорара. Это означало потерю десятка-другого долларов, зато мне было уютнее внутри своей сморщенной душонки.

Как бы то ни было, «Какое дело пчеле?» был написан в октябре 1956 года после того, как я обсудил идею с Робертом П. Миллом из «Фэнтези энд Сайенс Фикшн», который стал главным редактором нового сестринского журнала «Венчер Сайенс Фикшн».

Видимо, исполнение обмануло его ожидания, потому что Милл отверг рассказ, сочтя его недостойным как «Венчер», так и «F&SF». А потому я передал его журналу «Иф. Уорлд оф Сайенс Фикшн», упомянув про отказ, и получил за него не самый высокий гонорар. Рассказ появился в июньском номере за 1957 год.

Печальнее всего то, что я так и не понял, из-за чего его могли отвергнуть или взять, а также, кто из редакторов был прав — тот, кто отверг рассказ, или тот, кто его взял. Вот почему я не редактор и не собираюсь им становиться.

А впрочем, судите сами.

КАКОЕ ДЕЛО ПЧЕЛЕ?

Корабль возник как металлический скелет. Затем снаружи его постепенно покрыла сверкающая кожа, а внутри расположились жизнеобеспечивающие органы странных форм.

Из всех, кто принимал участие в его создании (за одним исключением), Торнтон Хэммер физически делал меньше остальных. Возможно, именно поэтому он пользовался наибольшим уважением. Его областью были математические формулы, проходившие основной линией на чертежах, а те в свою очередь послужили основой объединения всяких масс и различных форм энергии, которые воплотились в корабль.

Теперь Хэммер утормо смотрел сквозь плотно сидевшие на носу очки. Их стекла фокусировали свет флюоресцентных трубок вверх и отражали его прожекторными лучами. Теодор Ленгел, инспектор отдела кадров корпорации, оплачивающей постройку, встал рядом с ним и сказал, тыча указательным пальцем:

— Вон тот! Вон тот человек.

Хэммер прищурился:

— Вы говорите про Кейна?

— В зеленом комбинезоне. С гаечным ключом.

— Ну да, Кейн. Что вы имеете против него?

— Я хочу узнать, чем он занимается. Он крутлый идиот! — У Ленгела было круглое толстое лицо, и отвисшие щеки затряслись.

Does a Bee Care?

© 1957 by Isaac Asimov

Какое дело пчеле?

© И. Гурова, перевод, 1997

Хэммер обернулся к остальным. Каждый дюйм его сухопарой фигуры дышал негодованием.

— Вы его беспокоили?

— Беспокоил?! Я с ним разговаривал. Это моя обязанность: разговаривать с людьми, выяснять их точку зрения, получать информацию, на основе которой разрабатывают кампании для поднятия производительности.

— И чем же вам помешал Кейн?

— Он наглец. Я спросил его, что он чувствует, принимая участие в строительстве корабля, который полетит на Луну. Я немножко поговорил о том, что корабль откроет путь к звездам. Ну, может быть, я несколько увлекся, произнес настоящую речь, как вдруг он грубо повернулся ко мне спиной и хотел уйти. Я окликнул его: «Куда вы идете?» А он сказал: «Мне такая болтовня надоела. Иду посмотреть на звезды».

Хэммер кивнул:

— Ну да. Кейн любит смотреть на звезды.

— Но был же полдень! Этот человек — идиот. Я потом наблюдал за ним. Он вообще не работает.

— Я знаю.

— Так почему его не уволили?

С еле сдерживаемой яростью Хэммер процедил:

— Потому что он мне нужен здесь. Потому что он мой талисман.

— Талисман? — с недоумением повторил Ленгел. — Что это значит, черт побери?

— Это значит, что в его присутствии мне лучше думается. Когда он проходит мимо, сжимая свой чертов гаечный ключ, меня осеняют идеи. Это случалось уже три раза. Не знаю, как объяснить... И не интересуюсь объяснениями! Но так есть.

— Вы шутите.

— Вовсе нет. А теперь оставьте меня в покое.

Кейн стоял там в своем зеленом комбинезоне, держа гаечный ключ. Смутно он сознавал, что корабль почти построен — не предназначенный для пилотируемого полета, но внутри достаточно пустого пространства, где может уместиться человек. Он знал это, как знал еще многое другое. Например, что надо держаться подальше от других людей; например, что надо всегда ходить с гаечным ключом, пока люди не привыкнут, что он всегда ходит с гаечным ключом,

и перестанут замечать этот ключ. Защитная окраска, в сущности, слагается из мелочей... вроде гаечного ключа, который всегда у тебя в руке.

Кейн был полон побуждений, которые не всегда понимал. Например, стремление смотреть на звезды. Вначале, много лет назад, он просто смотрел на звезды с какой-то неясной ноющей тоской. Но мало-помалу его внимание сосредоточилось на определенном участке неба, а затем на одной только точке. Он не знал почему. В этом месте не было звезд. Там не на что было смотреть.

В конце весны и летом это место находилось высоко в небе, и порой Кейн смотрел на него всю ночь напролет, пока оно не исчезало за юго-западным горизонтом. А в другие времена года он смотрел на это место днем.

С этим местом была связана какая-то мысль, которую ему никак не удавалось нащупать. С годами она крепла, все больше приближалась к поверхности и уже, казалось, должна была найти себе выражение. Но все-таки оставалась смутной.

Кейн беспокойно переступил с ноги на ногу и подошел к кораблю. Почти законченному, почти готовому к полету. Все было точно подогнано одно к другому. Почти.

Ибо внутри у самого носа оставалось пустое пространство чуть больше человеческого тела. И к этому пространству вел проход, чуть больше человеческого тела. Завтра проход будет заполнен последними деталями, но перед тем надо заполнить пространство. Только совсем иным, чем планировали они.

Кейн подошел еще ближе, но никто не обратил на него внимания. Все давно привыкли к его присутствию.

Предстояло подняться по металлической лестнице и пройти по мостику, чтобы проникнуть в последний не загерметизированный люк. Кейн знал про этот люк так, словно выстроил весь корабль собственными руками. Он поднялся по лестнице, прошел по мостику. Там никого не было...

Он ошибся. Там оказался один человек, который спросил резко:

— Что ты тут делаешь?

Кейн выпрямился, его смутные глаза уставились на говорившего. Поднял гаечный ключ и несильно ударил человека по голове. Тот упал.

Кейн оставил его лежать с полным равнодушием. Сознание к нему скоро вернется, но не прежде чем Кейн успеет забраться в люк. А придя в себя, человек не вспомнит ни

Кейна, ни то, что упал без сознания. Просто из его жизни исчезнут пять минут, которых он никогда не хватится.

В потайном месте было темно и, разумеется, отсутствовала вентиляция, но Кейн не обращал на это никакого внимания. Он забрался туда с инстинктивной уверенностью и улегся, отдуваясь, уютно свернувшись, словно плод в материнской утробе.

Через два часа они вмонтируют последние приборы, задраят люк и, сами того не зная, оставят на корабле Кейна — единственное существо из плоти и крови среди металла, керамики и горючего.

Кейн не боялся, что его обнаружат. Никто не знал о существовании его тайника. Он не значился в чертежах. Техники и строители не подозревали, что оставили свободное место в корпусе.

Кейн все устроил сам. Он не отдавал себе отчета в том, как именно сделал это. Но сделал. Он не раз замечал свое воздействие на людей, не понимая, как и почему воздействует на них. Взять, например, этого Хэммера, того, кто руководил постройкой и наиболее поддавался воздействию. Из всех смутных фигур, окружавших Кейна, он был наименее смутной. И порой Кейн четко сознавал его присутствие — когда проходил мимо него в своих неторопливых и неопределенных блужданиях по строительной площадке. Только это и требовалось — пройти мимо.

Кейн помнил, что так случилось и прежде. Особенно с теоретиками. Когда Лиза Мейтнер решила провести проверку на барьер среди продуктов нейтронной бомбардировки урана, Кейн был рядом — никем не замеченный бродил по соседнему коридору.

Он сгребал опавшие листья и мусор в парке в 1904 году, когда мимо, размышляя, прошел молодой Эйнштейн. Внезапно Эйнштейн зашагал быстрее, словно подгоняемый неожиданной мыслью. Кейна словно током ударило.

Но как это делалось, он не знал. А паук знает архитектурные теории, когда начинает плести паутину?

Впрочем, истоки уходили глубже в прошлое. В тот вечер когда молодой Ньютон смотрел на луну и в голове у него забрезжила некая мысль, Кейн был поблизости.

И еще глубже в прошлое.

Пейзаж Нью-Мексико, обычно пустынный, был весь усеян человеческими муравьями, которые копошились возле метал-

лической колонны, устремленной острием вверх. Она не походила на все предшествовавшие ей конструкции. Она достигнет Луны и обогнет ее, прежде чем вернуться обратно. Бесчисленные приборы сфотографируют Луну, измерят ее теплоотдачу, проверят радиоактивность и с помощью микроволн установят химический состав. Автоматически колонна выполнит почти всю программу, которую выполнил бы человеческий экипаж корабля. И полученная информация позволит в следующий раз отправить на Луну корабль с человеческим экипажем.

Но только в определенном смысле и этот первый имел на своем борту человека.

Возле стартовой площадки собрались представители разных правительств, разных промышленных компаний, разных общественных и экономических групп. Были там и телеоператоры, и журналисты.

При нулевом счете заработали двигатели, и корабль начал внушительный подъем.

Кейн словно бы откуда-то слышал вой рассекаемого воздуха и чувствовал гнет ускорения. Он высвободил свое сознание, приподнял его и выдвинул вперед, оборвав прямую связь между ним и телом, чтобы не замечать боли и других неприятных ощущений.

Как сквозь туман он понимал, что его долгое путешествие близится к концу. Ему уже не надо будет принимать хитрые меры, чтобы люди не поняли, что он бессмертен. Ему уже не надо будет держаться незаметно, вечно скитаться, меняя имена и личности, манипулируя чужим сознанием.

Конечно, не все шло гладко. Например, возникали легенды о Вечном Жиде и Летучем Голландце... Но он уцелел. Его не разоблачили.

Он видел свое место в небе. Видел сквозь всю плотную массу корабля. Ну, не то чтобы «видел». Но более точного слова у него не находилось.

Хотя он не сомневался, что точное слово существует. Он не мог бы объяснить, как он узнал хотя бы ничтожную часть того, что знал. Просто пока одно столетие сменялось другим, он постепенно обрел эти знания с уверенностью, которая не нуждалась в объяснениях.

Возник он как яйцо (или как нечто, для обозначения чего слово «яйцо» было наиболее подходящим), положенное на Земле еще до того, как бродячие охотники, которые позднее стали называться «людьми», построили города. Его родитель

выбрал Землю с большим тщанием. Далеко не всякий мир был пригоден для такой цели.

Но какой мир подходит? Какие существуют критерии? Этого Кейн и сейчас не знал.

А разве оса-помпила должна прежде изучить арахнологию, чтобы отыскать паука единственного подходящего для ее потомства вида и парализовать его укусом, сохраняя в нем жизнь?

В конце концов он вышел из яйца, принял облик человека, стал жить среди людей и обороняться от людей. И его единственной целью было заставить людей пойти путем, который завершится кораблем и тайником внутри корабля, с ним самим внутри тайника.

Потребовалось восемь тысяч лет усилий и разочарований. Теперь, когда корабль покинул атмосферу, место в небе стало более четким. Это был ключ, отпиривший сознание. Это был последний кусочек головоломки, завершающий картину.

В том месте поблескивали звезды, невидимые невооруженному человеческому глазу. Одна пылала особенно ярко, и все существо Кейна устремлялось к ней. Слово, которое столько времени зрело в нем, вырвалось наружу.

— Мой дом, — прошептал он.

Он знал? Изучает ли лосось картографию, чтобы найти верховье речки, где за несколько лет до этого он вышел из икринки? Завершился последний этап в медленном взрослении, которое потребовало восьми тысяч земных лет, и Кейн был уже не личинкой, а взрослой особью.

Взрослый Кейн вырвался из человеческой плоти, которая оберегала личинку, и вышел из корабля. Он устремился вперед с немыслимой скоростью — к своему дому, откуда когда-нибудь он отправится блуждать по космосу, чтобы отложить яйцо на какую-нибудь планету.

Он мчался через Космос, не вспоминая корабль, в котором остался пустой кокон. Он не думал о том, что гнал целый мир к овладению техникой и космическими полетами для того лишь, чтобы нечто, называющееся Кейном, могло стать взрослым и исполнить свое предназначение.

Какое дело пчеле до цветка, когда она кончает сосать нектар и улетает?

Перечитывая «Какое дело пчеле?», я невольно вспоминал издателей и редакторов, с которыми работал, и то, как некоторые из них вдруг проваливаются в никуда.

Были редакторы, которых я видел часто, так что между нами возникала близость. Затем по той или иной причине они оставляли свой пост и исчезали из поля моего зрения. Горация Голда я не видел уже много лет, например, и очень давно не видел Джеймса Л. Куинна, который купил «Какое дело пчеле?» и еще несколько моих рассказов. У него был южный говор, насколько помню. Обаятельнейший человек! А теперь я не знаю, где он находится, да и жив ли он.

О следующем рассказе «Они не прилетят» лучше будет сказать лишь несколько слов, не то комментарии займут больше места, чем сам рассказ. Написал я его 29 июля 1957 года, и его отвергли два журнала, прежде чем Боб Лаундес любезно оказал ему гостеприимство. Он вышел в февральском номере «Фьючер» за 1958 год.

ОНИ НЕ ПРИЛЕТЯТ

Нарон, представитель умудренной жизнью ригеллианской расы, был галактическим летописцем в четвертом поколении.

У него было две книги — большая, содержавшая перечень многочисленных разумных рас из всех галактик, и поменьше, куда заносились лишь цивилизации, достигшие зрелости и мастерства в той степени, которая позволяла им вступить в Галактическую Федерацию.

Из большой книги были вычеркнуты те расы, которые в силу разных причин потерпели крушение: невезение, биохимические или биофизические несовершенства и социальная несправедливость взимали свою дань.

Зато ни один из членов Федерации, внесенных в малую книгу, не был оттуда вычеркнут.

Грузный и неправдоподобно древний Нарон поднял глаза на подошедшего гонца.

— Нарон! — воскликнул тот. — Единственный Великий...

— Ну-ну, поменьше церемоний. Что такое?

— Еще одна группа организмов достигла зрелости.

— Превосходно. Превосходно. Быстро же они теперь взрослеют, года не проходит без новичков. Кто это на сей раз?

Гонец назвал код галактики и внутригалактические координаты планеты.

— Да-да, — проговорил Нарон. — Я знаю этот мир.

Гладким почерком вписал он имя планеты в первую книгу и перенес его во вторую, по традиции используя то наиме-

нование, под которым планета была известна большей части своих обитателей. Он написал: Earth.

— Эти юные создания поставили рекорд, — сказал он. — Никто другой не проходил путь от зарождения разума до зрелости с такой быстротой. Надеюсь, здесь нет ошибки?

— Нет, сэр, — сказал гонец.

— Они получили термоядерную энергию, не так ли?

— Да, сэр.

— Ведь это — главный критерий, — Нарон усмехнулся. — Скоро их корабли начнут разведку пространства и вступят в контакт с Федерацией.

— Дело в том, Единственный Великий, — неохотно проговорил гонец, — что, по сообщениям Наблюдателей, они еще не проникли в пространство.

— Как? — изумился Нарон. — Так-таки и не проникли? Даже на уровне космических станций?

— Пока нет, сэр.

— Но если у них есть термоядерная энергия, где они проводят испытания и мирные взрывы?

— На своей планете, сэр.

Нарон выпрямился во весь свой двадцатифутовый рост и загремел:

— На своей планете?!

— Да, сэр.

Нарон медленно вытащил свой стилос и перечеркнул последнюю запись в малой книге. Такого прежде не бывало, но ведь Нарон был очень мудр и, подобно любому другому жителю Галактики, мог видеть неизбежное.

— Глупые ослы, — пробормотал он.

Боюсь, это еще один рассказ с моралью. Но, видите ли, когда и США, и СССР разработали термоядерную бомбу, ядерная опасность возросла, и мне опять стало горько.

В конце 1957 года в моей жизни произошел новый поворот. Все разворачивалось так.

Когда Уолкер, Бойг и я писали учебник, все мы свободно тратили на него свое рабочее время (хотя, естественно, немало труда было положено по вечерам и в выходные). То было учебное пособие и часть нашей работы.

Когда я писал книгу «Вещества жизни», то тоже считал, что работаю над учебным пособием, и без всяких утрызений совести тратил на это свои преподавательские часы. И над другими подобными книгами я тоже трудился в рабочее

время*. К концу 1957 года я таким способом написал семь научно-популярных книг.

Однако за это время сочувствующий мне декан Джеймс Фолкнер и сочувствующий начальник отдела Бархем С. Уокер ушли со своих должностей, а их места заняли другие люди — смотревшие на меня без сочувствия.

Новый декан мою деятельность не одобрял, и, полагаю, в чем-то он был прав. Работая над книгами, я полностью забросил исследования, а декан считал, что репутация факультета зависит именно от уровня проводимых там исследований. До какой-то степени это верно, но верно не всегда, например в моем случае.

У нас с деканом состоялся разговор, и я изложил свою точку зрения откровенно и прямо, как всегда учил меня молчаливый отец.

— Сэр, — сказал я, — как писатель я личность выдающаяся, и блеск моих книг заливают отраженным светом и наш факультет. Но как исследователь, однако, я всего лишь способный, и если без чего может обойтись медицинский факультет Бостонского университета, так это без очередного просто способного исследователя.

Пожалуй, мне следовало бы вести себя более дипломатично, потому что мои слова положили конец дискуссии. Меня вычеркнули из платежной ведомости, и весенний семестр 1958 года оказался последним семестром моей преподавательской карьеры, гллившейся девять лет.

Но это меня не особенно тревожило. За преподавательскую зарплату я не держался, потому что даже после двух повышений она составила лишь шесть с половиной тысяч в год, а уже тогда писательством я зарабатывал гораздо больше.

Не тревожила меня и утрата возможности проводить исследования; я их и так уже забросил. Что же касается преподавания, то мои научно-популярные книги (и даже фантастика) превратились в такую форму преподавания, которая приносила мне гораздо большее удовлетворение, чем чтение лекций на узкую тему. Я даже не опасался утратить личностный контакт между лектором и слушателем, потому что с 1950 года стал еще и профессиональным лектором и начал получать за лекции немалые гонорары.

Однако декан намеревался лишить меня и должности, а затем и вовсе вышвырнуть с факультета. Такое я не мог

* Я вновь должен подчеркнуть, что никогда не писал в рабочее время фантастику. (Примеч. авт.)

допустить. Я напомнил декану, что, поскольку в 1955 году стал адъюнкт-профессором, то имею право занимать свою должность, а он не имеет права лишить меня этого титула без веских оснований. Наша схватка продолжалась два года, и я ее выиграл. Я сохранил свой титул, и сохраняю его до сих пор — я и сейчас адъюнкт-профессор биохимии медицинского факультета Бостонского университета.

Более того, сейчас на факультете такое положение всех устраивает. Декан в конце концов ушел на пенсию и умер. (На самом-то деле он не был плохим человеком; мы просто не сошлись взглядами.) И, чтобы не создавать у вас ложного впечатления, позвольте заявить, что, за исключением краткого периода разногласий с одним или двумя людьми, факультет и все его сотрудники всегда были ко мне очень добры.

Я и сейчас там не преподаю и не числюсь в платежной ведомости, но я сам сделал такой выбор. Меня неоднократно приглашали вернуться, но я всякий раз объяснял, почему не могу этого сделать. По просьбе факультета я иногда читаю там лекции, а 19 мая 1974 года я зачитал приветствие выпускникам — так что, как видите, все хорошо.

Тем не менее, когда у меня появилось много свободного времени, я решил посвятить его написанию научно-популярных книг, в которые я влюбился полностью и безнадежно.

Вспомните также, что 4 октября 1957 года на орбиту был запущен первый спутник, и это вызвало во всем мире такое возбуждение, что мне страстно захотелось писать о науке и популяризировать ее. Более того, у издателей также пробудился небывалый интерес к науке, так что не успел я и глазом моргнуть, как обнаружил, что связан таким количеством всевозможных проектов, что время на крупные фантастические произведения стало выкраивать трудно и даже невозможно. Увы, подобная ситуация сохраняется и поныне.

Учтите, я вовсе не отказался от фантастики. Не было года, когда я не написал бы хоть что-нибудь, пусть даже пару коротких рассказов. И 14 января 1958 года, когда я собирался начать свой последний семестр, а последствия принятого решения еще не дошли до меня полностью, я написал этот рассказ для Боба Миллса и его (увы!) недолго прожившего журнала «Венчер» Он был опубликован в мае 1958 года.

ПОКУПАЕМ ЮПИТЕР

Хотя он и был симулякрум*, однако быстро сообразил, почему люди не торопятся с переговорами. Давно отказавшись от надежды овладеть реальной сущностью энергии, они теперь поджидают его в своей убогой скорлупке, окруженной белым пламенем защитного поля, в нескольких десятках километров над поверхностью Земли.

— Нам понятны ваши нерешительность и сомнения, — мягко говорил симулякрум с окладистой золотой бородой и широко расставленными темно-оранжевыми глазами, — нам остается только уверять вас, что мы не причиним вам никакого вреда. Мы можем представить веские доказательства, что наша древняя раса обитает на кольце вокруг звезды спектрального класса G0, так что ваше Солнце излучает слишком мало энергии для нас, а ваши планеты слишком массивны и не подходят для нашей расы.

Представитель Земли (который был Министром по делам науки и по поручению Правительства выполнял функции полномочного Представителя Земли на переговорах с инопланетянами) возразил:

— Но ведь вы сами недавно сообщили, что теперь мы находимся на одном из ваших главных торговых путей.

— Да, новая колония Киммоношек культивирует недавно заложенные поля текучих протонов.

— Прекрасно, но ведь не исключена опасность использования торговых маршрутов в военных целях. Могут только

повторить, что вы получите наше согласие лишь в том случае, если честно и правдиво объясните, зачем вам нужен Юпитер.

Как только был задан этот вопрос, симулякрум, как всегда, начал темнить:

— Если народ Ламбержа...

— Ясно, — сурово ответил Министр, — для нас это звучит объявлением войны. Вы и те, кого вы называете народом Ламбержа...

— Но мы предлагаем вам выгодный вариант, — сказал симулякрум поспешно. — Вы осваиваете только внутренние планеты вашей системы, на них мы не претендуем. Нас интересует лишь одна планета, называемая Юпитером, которую, я полагаю, ваша раса не только не сможет никогда приспособить для жизни, но даже посетить. Размеры Юпитера, — он снисходительно усмехнулся, — для вас чуть-чуть великоваты.

Министр, которому не понравился тон гостя, чопорно заявил:

— Все это так, однако спутники Юпитера — отличные объекты для колонизации, и мы намереваемся вскоре их заселить.

— Наша сделка этому не помешает. Спутники — ваши в любом случае. Мы просим только сам Юпитер, совершенно бесполезную газообразную планету. Вы, конечно, понимаете, что мы можем преспокойно присвоить Юпитер, не спрашивая вашего согласия. Однако мы пошли на переговоры, так как предпочитаем покупать, а не захватывать. Такое решение позволит избежать конфликтов в будущем. Как видите, я с вами совершенно откровенен.

— Так зачем вам нужен Юпитер? — упрямо переспросил Министр.

— Ламберж...

— У вас война с Ламбержем?

— Это не важно.

— Да ведь если вы и вправду затеваете войну и с нашей помощью создадите на Юпитере укрепленную базу, народ Ламбержа может расценить нас как ваших союзников и обрушить на нас свою мощь. Земляне не могут позволить втянуть себя в такую неприятную историю.

— Я не собираюсь вас ни во что втягивать. Даю честное слово, что вашей расе не будет причинено никакого вреда. Конечно, — тут симулякрум снова попытался припутнуть собеседника, — в обмен на ваше понимание и великодушие.

Buy Jupiter
© 1958 by Isaac Asimov
Покупаем Юпитер
© И. Мартынов, перевод, 1993

* Биоробот (Примеч пер.)

Наши супергенераторы будут ежегодно снабжать планеты вашей системы любым необходимым количеством энергии.

— Можно ли истолковать это так, — сказал Министр, — что будущий прирост энергии легко удовлетворит любую потребность в ней, которая может возникнуть?

— Да, возможности возрастут в пять раз по сравнению с вашим нынешним максимальным потреблением энергии.

— Что ж, как вы уже могли понять, наше Правительство наделило меня довольно широкими полномочиями для ведения переговоров, но все-таки я должен провести ряд консультаций. Лично я склонен доверять вам, однако не могу принять решение, точно не уяснив, зачем вам нужен Юпитер. Если аргументы будут достаточно правдоподобными и убедительными, я, вероятно, смогу доказать Правительству и народу необходимость подписать с вами взаимовыгодное соглашение. Если же я попытаюсь подписать соглашение без объяснений, Правительство и население Земли просто-напросто вынудят меня расторгнуть его. В таком случае вы сможете, как уже было сказано, завладеть Юпитером силой. Но ведь это будет захватом чужой собственности, чего, судя по всему, вам бы не хотелось.

Симулакрум нетерпеливо прищелкнул языком:

— Я не могу продолжать до бесконечности эту маленькую распрю. Ламберж...

Он прервал поток слов, подумал и продолжил:

— Можете ли вы дать честное слово, что ваша неуступчивость — это не уловка, инспирированная Ламбержем, чтобы задержать наше...

— Клянусь! — заверил Министр.

Министр по делам науки бодро вошел в зал заседаний Правительства, энергично массируя выпуклый лоб. Он выглядел сейчас лет на десять моложе, чем раньше, когда начинал долгие и бесплодные переговоры с симулакрумом.

— Я сообщил ему, — начал он сдержанно, — что его народ может получить желаемое, как только я заручусь формальным согласием Президента. Надеюсь, Президент и Конгресс не станут возражать. Слава Богу, пекущемуся о нас, мы, господа, получаем в свое распоряжение невероятную мощь взамен никуда не годной планеты, которую нам все равно никогда не освоить.

— Но ведь мы пришли к выводу, что только война Миццаретта с Ламбержем может объяснить их посягательства

на Юпитер, — прорычал Министр обороны, багровея от возмущения. — В этих обстоятельствах, если сопоставить их военный потенциал с нашим, нам абсолютно необходим строгий нейтралитет.

— Но, коллега, речь идет не о войне, — возразил Министр по делам науки. — Симулакрум представил нам объяснение причин, побуждающих его народ колонизировать Юпитер, — с моей точки зрения, весьма убедительное и рациональное.

Полагаю, Президент будет полностью согласен с моим мнением, так же, как и вы, господа, когда во всем разберетесь. У меня с собой их планы строительства Нового Юпитера...

Члены Правительства возбужденно зашумели.

— Новый Юпитер? — судорожно выдохнул Министр обороны.

— Не слишком отличающийся от старого, господа, — пояснил Министр по делам науки. — Мне переданы эскизы — оригинал можно будет увидеть из Глубокого Космоса.

Он положил репродукции на стол. На одном из них была изображена целая вереница разноцветных планет: желтая, светло-зеленая, светло-коричневая, с узорчатыми лентами белоснежных турбулентных завихрений. Все они сверкали, подобно крапинкам драгоценных камней на бархатном фоне Космоса. Между ними протянулись странные полосы тьмы, темнобархатные, как и их космический фон, украшенные причудливыми узорами.

— Это, — сказал Министр по делам науки, — дневная сторона планеты. Ночную сторону можно посмотреть на другом эскизе.

Здесь Юпитер выглядел тонким полумесяцем, окруженным космической тьмой, однако во тьме проступали какие-то полосы, украшенные сходным с предыдущим орнаментом, который фосфоресцировал ярко-оранжевым цветом.

— Насколько я понимаю, — пояснил Министр по делам науки, — это обычный оптический феномен, светящийся газ, который не вращается вместе с планетой, а зафиксирован на границе ее атмосферы и Космоса.

— И что это означает? — спросил Министр торговли.

— Как вы уже поняли, — продолжал Министр по делам науки, — через нашу Солнечную систему теперь проходит один из их важнейших торговых путей. Не менее семи кораблей с Миццаретта побывали в последнее время в нашей Солнечной системе, и каждый энергично проводит телескопические наблюдения Земли и других важнейших

планет. Любопытство туристов, которое так легко понять... Массивные планеты — редкостная экзотика для пришельцев из эфемерных миров.

— И что же означают эти таинственные знаки?

— Да просто реклама. В переводе текст звучит примерно так: «Покупайте Миццареттский Эргон, Незаменимый для Поддержания Внутреннего Тепла и Сохранения Вашего Здоровья. Дешево! Гарантированно! Эффективно!»

— Вы имеете в виду, что Юпитер нужен им всего лишь как рекламный щит у дороги? — вспыхнул темпераментный Министр обороны.

— Совершенно верно. Как мне представляется, Ламберж тоже производит таблетки эргона, конкурирующие с миццареттскими. Это и вызывает у Миццаретта горячее желание заполучить Юпитер навеки в свое полное распоряжение, причем только легальным путем, на случай будущей тяжбы с Ламбержем. К счастью, для нас миццареттцы явные новички в такого рода торговых сделках.

— Почему вы так считаете? — спросил Министр внутренних дел.

— Да потому, что они легкомысленно пренебрегают получением определенных привилегий на других наших планетах. Щит на Юпитере будет столь же успешно рекламировать Солнечную систему, как и их собственную продукцию. Так что, когда их конкуренты с Ламбержа появятся у нас, чтобы добиваться уничтожения миццареттской рекламы на Юпитере, мы спокойноенько предложим им купить Сатурн со всеми его кольцами. Думаю, будет легко разъяснить ламбержцам, что кольца придают Сатурну несравненно более эффектный вид из Космоса.

— А потому, — подхватил, внезапно просияв, Министр финансов, — он и обойдется им значительно дороже.

И все собравшиеся от души, как дети, развеселились.

Название «Покупаем Юпитер» принадлежит не мне. Обычно я негоую, когда редактор меняет мое название рассказа, восстанавливаю исходное название, когда рассказ перепечатывается в моем сборнике, и раздраженно упоминаю про это в комментарию. Но не на сей раз.

Я назвал рассказ «It Pays» («Это окупается») — название явно не из лучших. Боб Миллс, даже не посоветовавшись со мной, тихонько заменил его на «Покупаем Юпитер», и я мгновенно влюбился в это название, едва увидев его. Для

шутника вроде меня это просто идеальное название рассказа — настолько превосходное, что я назвал так весь сборник.

Спасибо Бобу Миллсу.

В те ранние годы, когда я с ужасом стал замечать, что фантастики пишу все меньше и меньше, меня время от времени охватывало отчаяние.

А не получится ли так, что я вообще больше не смогу писать фантастику? Предположим, я захочу ее писать — но смогу ли?

И вот 23 июля 1958 года я ехал в Маршфилд, штат Массачусетс, чтобы провести там трехнедельный отпуск (я ненавижу отпуска). И я, сидя за рулем, стал придумывать рассказ, дабы отвлечься от мыслей про отпуск, а заодно проверить, способен ли я писать фантастику. Результатом стал рассказ «Памяти отца». Я продал его в новый журнал «Сэттелайт Сайенс Фикшн», где он и был напечатан в февральском номере 1959 года.

ПАМЯТИ ОТЦА

Невероятно! Неужели не слышали? Быть такого не может. Я думал, все знают.

Ну, если вы настаиваете, я, конечно, расскажу. Мне самому эта история очень по душе, да только слушатели не всегда находятся. Представляете, мне даже посоветовали держать язык за зубами, потому что, говорят, мой рассказ не совпадает с легендами, которые слагают о моем отце.

И все-таки правда дороже, не говоря уже о нравственности, верно? Иной раз тратишь время вроде бы на то, чтобы удовлетворить собственное любопытство, и вдруг совершенно неожиданно, без всякого на то усилия, обнаруживаешь себя благодетелем человечества...

Мой отец был физиком-теоретиком, и, сколько я его помню, он вечно занимался проблемой путешествий во времени. Не думаю, чтобы он когда-нибудь задавался вопросом, что значат эти хронопутешествия для простого смертного. На мой взгляд, его просто интересовали математические связи, управляющие Вселенной.

Проголодались? Ну и прекрасно. Ждать придется не более получаса. Для такого гостя, как вы, все будет приготовлено наилучшим образом, это дело чести.

Отец был беден, что, собственно, неумудрено для университетского профессора. Разбогател он случайно. В последние годы своей жизни он был так баснословно богат, что, можете не сомневаться, хватит и мне, и моим детям, и внукам, всем хватит.

A Statue for Father
© 1958 by Isaac Asimov
Памяти отца
© Р. Валиева, перевод, 1983

В честь отца поставили несколько памятников. Самый старый — на холме, там, где было сделано открытие. Кстати, из окна он виден. Разобрали надпись? Вы не совсем удачно встали. Впрочем, неважно.

Так вот, когда отец занялся путешествиями во времени, почти все ученые эту затею отвергли как совершенно безнадежную. А началось все с того всплеска, когда впервые стали устанавливать хроноколонки.

Там вообще-то не на что смотреть, воронки эти совершенно вне логики и контроля. То, что вы увидите, искажено и зыбко: фута два в поперечнике и исчезает обычно в мгновение ока. Настраиваться на прошлое, по моему разумению, — это вроде того, как следить за пушинкой в самый разгар урагана.

Некоторые пытались выудить что-нибудь из прошлого, проталкивая в воронку этакую железную кошку. Иногда, при особом упорстве, это получалось, но на секунды, не больше того. А чаще ничего не выходило. Из прошлого ничего не удавалось вытащить, до тех самых пор... Я еще скажу об этом.

И вот после пятидесяти лет бесплодных поисков физики потеряли всякий интерес к проблеме. Дело, казалось, зашло в тупик. Оглядываясь назад, я, честно говоря, не могу их винить, хотя кое-кто оспаривал даже самый факт проникновения воронок в прошлое. Это при том, что сквозь воронки случилось видеть и таких животных, которые давно вымерли.

Как бы то ни было, отец объявился тогда, когда про хронопутешествия успели забыть. Он убедил правительство выдать ему заем на постройку воронок и начал все сызнова.

Я ему помогал. Был я тогда свежееиспеченным доктором физики. Год спустя или что-то около того наши совместные усилия обернулись серьезной неудачей. Отцу не хотели возобновить кредит: в университете решили, что он, исследователь-одиночка, да к тому же в совершенно безнадежной области, только подмачивает их репутацию, а промышленности и вовсе было безразлично. Декан, который смыслил только в финансах, вначале намекал, что, мол, неплохо бы переключиться на что-либо более обнадеживающее, а кончил тем, что попросту вышвырнул его вон.

Конечно же, после смерти отца этот господин — он все еще здравствует и занимается своими расчетами — выглядел довольно глупо, так как отец в своем завещании отвалил факультету миллион долларов звонкой монетой, но заодно

упомянул со злорадством, что из-за недальновидности декана отказывает в недвижимом имуществе. Это было похоже на посмертную месть. Но еще задолго до того...

Я не смею настаивать, но, пожалуй, лучше не есть больше соломки. Чтобы утолить острое чувство голода, достаточно чистого бульона, только ешьте не торопясь.

И все же мы как-то выкрутились. Отец забрал из университета купленное в кредит оборудование и установил его на этом самом месте.

Те годы были для нас очень нелегкими, и я упрашивал отца отступить. Но он не сдавался и каждый раз ухитрялся добыть где-то недостающую тысячу.

Жизнь текла своим чередом, и ничто не могло помешать его исследованиям. Умерла мать; отец пережил это и вернулся к работе. Я женился, у меня родился сын, а потом и дочь; я не мог уже, как прежде, заниматься только его делами. Он продолжал без меня. Как-то он сломал ногу, но даже в гипсе продолжал работать.

Да, я воздаю ему должное. Конечно, я помогал ему — вел переговоры с Вашингтоном, консультировался. Но душой предприятия был он.

Несмотря на все наши усилия, мы топтались на месте. Милостыню, которую мы насобирали, с таким же успехом можно было взять да и спустить в воронку — понятно, при условии, что она туда проскочит.

Нам так и не удавалось пропихнуть туда кошку. Только один-единственный раз мы были близки к этому — протолкнули ее на два фута по ту сторону. И вдруг фокус изменился, видимость появилась ненадолго, и где-то там, в мезозое, мы разглядели самодельную железяку, ржавеющую на берегу реки.

Но в один день, поистине знаменательный, видимость продержалась десять долгих минут — поверьте, это шанс из миллиона. Боже мой! Мы ужасно волновались, в спешке устанавливая камеры. По ту сторону воронки появлялись, двигались и исчезали странные, загадочные твари. А в довершение всего воронка оказалась настолько проницаемой, что, кланусь, между нами и прошлым не было уже ничего, кроме воздуха. Наверное, это было следствием долгой настройки, но мы тогда не могли этого доказать.

Как и следовало ожидать, в самый нужный момент кошки под руками не оказалось. Но проницаемость воронки, видимо, была уже вполне достаточной — что-то стремительно

пролетело сквозь нее, двигаясь из прошлого в настоящее. Я рванулся инстинктивно и схватил это нечто.

В тот же момент видимость исчезла, но это нас уже не беспокоило. Мы с некоторой опаской уставились на то, что я держал в руках. Это был плотный ком ила, гладко срезанный в местах удара о края воронки, и на нем несколько яиц, похожих на утиные.

— Яйца динозавра! — закричал я. — Разве не так?

— Сразу не скажешь... — растерянно ответил отец.

— Пока из них кто-нибудь не вылупится, — выпалил я, плохо справляясь с внезапным волнением. Я укладывал яйца так, будто они были драгоценными. Они еще хранили тепло жаркого доисторического солнца.

— Если нам повезет, — сказал я, — мы станем обладателями тварей, которые жили сотни миллионов лет назад. Это же единственный случай, когда что-то действительно добыто из прошлого. Если объявить во всеуслышание...

Я размечтался о рекламе и о возможных кредитах, представлял себе, какую мину скорчит декан... Но отец рассудил иначе.

— Никому ни слова! — твердо сказал он. — Если это обнаружится, десятки исследовательских групп выйдут на след и обставят меня. Объявляй как тебе вздумается, но только после того, как я разгадаю этот фокус с воронками. А пока надо молчать. Да не смотри ты на меня так, через год все будет в порядке!

Вся надежда была на яйца — они должны дать нам твердые доказательства. Я положил их в термостат, задал температуру и приладил сигнальное устройство — на тот случай если будут хоть какие-нибудь признаки жизни.

Они вылупились через девятнадцать дней, в три часа ночи — четырнадцать крошечных кенгур с зеленоватыми чешуйками, когтистыми задними лапками, маленькими пушистыми боками и тонкими, словно плеть, хвостиками.

Вначале я решил, что это тираннозавры, но они оказались слишком маленькими. Месяц спустя стало ясно, что ростом они будут не больше собаки.

Отец казался разочарованным, но я не унывал и по-прежнему надеялся, что когда-нибудь возьму свое на рекламе. Двое из них погибли в юном возрасте, но остальные двенадцать выжили — пять самцов и семь самок. Я кормил их рубленой морковью, вареными яйцами и молоком и очень к ним привязался. Были они чудовищно тупы, но ласковы.

И поразительно красивы. Их чешуйки... Впрочем, надо ли описывать? Их фотографии довольно популярны.

Должен признать, что понадобилось немало времени, прежде чем фотографии оказали должное впечатление на публику. Я не говорю о виде с натуры, так сказать. Что же касается отца, он был по-прежнему невозмутим. Прошел год, другой, третий, а от исследований все не было толку. Единственный прорыв не повторялся, но отец не отступал.

Пять самок так временем отложили яйца, и вскоре у нас было уже с полсотни детенышей.

Генри, разве еще не готово? Ну хорошо.

Так вот, это случилось, когда у нас вышли последние доллары, а добыть новые было невозможно. Куда только я не совался — всюду терпел неудачу. Правда, втайне я даже радовался этому — в надежде, что отец наконец-то сдастся. Но с выражением решительным и неумолимым он принимался за очередной эксперимент.

Честное слово, если бы не случайность, человечество лишилось бы одного из самых замечательных открытий. Знаете, как это бывает — Ремзен проводит по губам испачканным пальцем и открывает сахарин, Гудьир роняет смесь на плиту и раскрывает секрет вулканизации...

У нас было так: в лабораторию случайно забрел маленький динозавр. Они к тому времени так расплодились, что я не поспевал за ними углядеть.

Конечно, такое бывает не часто, может быть, раз в сто лет. Сами посудите: два контакта случайно оказались открытыми, и как раз между ними протиснулся динозавр. Короткое замыкание, яркая вспышка — и новенькая воронка, буквально на днях установленная, исчезла в потоке искр.

В тот момент мы не поняли всей важности происшедшего. Мы знали только одно: злостная тварь устроила замыкание и угробила установку ценой в двести тысяч долларов. Мы были окончательно разорены, а взамен нам достался хорошо зажаренный динозавр. Нас только слегка опалило, зато он, бедняга, получил полную порцию электроэнергии. Мы сразу почувствовали это, такой аромат носился в воздухе. Я осторожно ткнул динозавра щипцами. Обугленная кожа от прикосновения сместилась, обнажив белую, как у цыпленка, сочную плоть.

Я не удержался и попробовал. Это было потрясающе вкусно, мне и сейчас трудно передать словами то, что я тогда ощущал.

Даже не верится, но так оно и было: сидя у разбитого корыта, мы были на седьмом небе, когда уплетали динозавра за обе щеки. И не могли остановиться, пока не обглодали дочиста, хотя он не был даже приправлен. И только потом я сказал:

— Слушай, может, будем разводить их для еды? Помногу и систематически!

Отец согласился, да и что ему оставалось делать: ведь мы были вконец разорены.

Вскоре я получил солидный заем, — после того как пригласил президента на обед и угостил его обещанным динозавром.

С тех пор это срабатывало безукоризненно. Каждый, кто хоть раз попробовал то, что сейчас зовут динокурятиной, не мог уже довольствоваться привычными блюдами. Невозможно и представить себе приличное меню без динокурятины — если, конечно, вы не погибаете с голоду. А единственные поставщики этого чуда во все рестораны — это мы...

Бедный отец! Никогда он не был счастливым, разве что в те незабываемые минуты, когда впервые попробовал динокурятину. Он все колдовал над своими воронками, а вслед за ним — добрый десяток исследовательских групп: как он предсказывал, так и случилось. Но никакого толку, за исключением динозавров, из этого и до сих пор не вышло.

Благодарю вас, Пьер. Все сделано как нельзя лучше. А теперь, сэр, с вашего разрешения я ее разрежу. Нет, соли не нужно, только чуточку соуса. Ну вот, наконец-то у вас на лице то самое выражение — как у человека, впервые познавшего блаженство!

Благодарное человечество собрало пятьдесят тысяч долларов и поставило ему статую, но даже это не успокоило отца. Он видел только надпись на пьедестале: «Человек, подаривший миру динокурятину».

Понимаете, до последнего вздоха он мечтал лишь об одном — раскрыть тайну путешествий во времени. Он скончался благодетелем человечества, но любопытство его так и осталось неудовлетворенным.

Сперва я назвал рассказ «Благодетель человечества», решив, что такое название будет иметь тонкий привкус иронии, и я возмущался, когда Лео Маргулис из журнала «Сэтелайт» его изменил. Когда журнал «Сэттердэй Ивнинг Пост» попросил у меня разрешение перепечатать рассказ (и он появился в этом журнале в номере за март-апрель 1973 года),

я поставил им условие, чтобы исходное название было восстановлено. Но затем, увидев свое название напечатанным, я задумался и решил, что название Лео лучше. Поэтому здесь рассказ снова публикуется под названием «Памяти отца».

Кстати, Боб Миллс, которого я упоминал в связи с рассказом «Покупаем Юпитер», был моим весьма близким другом, когда работал в журналах «Фэнтези энд сайенс фикшн» (F&SF) и «Венчер». Я и сейчас не потерял с ним контакт. Он продал свою душу дьяволу и стал его агентом, но мы время от времени встречаемся и остались друзьями до сих пор.

Боб тоже приложил руку к тому, что я переключился на нефантастику. Поскольку я терпеть не мог писать научные статьи, то в 1953 году принялся сочинять якобы химические статьи и отсылать их в «Журнал химического образования». Наклепав с полдюжины, я спохватился — до меня дошло, что я за них ничего не получаю, а мои читатели такие журналы и в руки не берут.

Тогда я начал писать научно-популярные статьи для НФ-журналов; такие статьи предоставили мне несравненно больший простор и многообразие тем, чем рамки научного журнала. Первой такой статьёй стала «Гемоглобин и Вселенная», появившаяся в февральском номере «Эстаундинг» за 1955 год.

Однако в сентябре 1957 года мне позвонил Боб Миллс и спросил: не могу ли я регулярно писать статьи для «Венчер»? Я охотно согласился, и уже в январе 1959 года вышла первая из них «Ограниченная плодovitость». Увы, «Венчер» продержалась лишь еще несколько номеров, но затем меня попросили вести такую же колонку для F&SF. В ноябре 1958 года в F&SF появилась первая моя статья под названием «Пыль веков».

Серия моих статей в F&SF жила и процветала. Сперва меня просили писать колонку на полторы тысячи слов — как в «Венчер», но быстро увеличили заказ до четырех тысяч слов, и начиная с декабря 1958 года все мои статьи стали более глинными.

Серия статей в F&SF оказалась поразительно успешной. В июне 1975 года была опубликована уже двухсотая. До сих пор я не пропустил ни единого номера, поэтому вполне вероятно, что это самая глинная серия статей одного автора (не являющегося редактором), когда-либо появляв-

шаяся в НФ-журнале. Издательство «Даблдэй» периодически выпускает сборники этих статей, их вышло уже одиннадцать.

Однако для меня важнее всего удовольствие, которое я получаю при работе над этими статьями. Мне до сих пор нравится писать их гораздо больше, чем любое другое. Я постоянно опережаю график их написания на месяц или два, потому что мне не терпится сесть за машинку, но издатели вроде бы не возражают.

В определенном смысле именно Боб Миллс помог мне выработать стиль написания этих статей — раскованный и неформальный. Этот стиль ухитрился просочиться и в мои сборники прозы (чему свидетельство данная книга). Когда я писал статьи для Боба, он постоянно называл меня «Добрый Доктором», а я его «Любезным Редактором», и мы с удовольствием подшучивали друг над другом в сносках, пока Боб не оставил этот пост. (Нет, это не было причиной и следствием.)

В любом случае статьи помогли мне укрепиться в научно-популярной области, но сделали возврат к прозе еще труднее. Боб, как вы должны понять, не одобрял мой отход от прозы. Время от времени он предлагал мне сюжеты, пытаясь заманить меня за письменный стол, и иногда мне его предложения нравились. Одно из них, например, вылилось в рассказ «До четвертого колена», напечатанный в апрельском номере F&SF за 1959 год и позднее включенный в сборник «Приход ночи». Этот рассказ один из моих любимых.

Когда же я написал по его идее «Дождик, дождик, перестань», то думал, что он окажется столь же удачливым. Рассказ был написан 1 ноября 1958 года, передан редактору 2 ноября, и отвергнут 3 ноября. Вот уж, воистину, Любезный Редактор!

Со временем я подыскал дом и этому рассказу, и он вышел в сентябрьском номере «Фантастик Юниверс Сайенс Фикшн» за 1959 год.

ДОЖДИК, ДОЖДИК, ПЕРЕСТАНЬ!

— **А** вот и она, — сказала Лилиан Райт, натягивая шнур жалюзи, чтобы лучше видеть происходящее в соседнем дворе.

— Ты это о ком? — Ее муж Джордж в предвкушении трансляции бейсбольного матча крутил ручку настройки — пытался сделать изображение контрастнее.

— О миссис Саккарос, — ответила Лилиан и, опережая обычное мужнино «А кто это?», пояснила: — Боже мой, Саккаросы — наши новые соседи.

— Понятно.

— Собирается загорать. Она без конца загорает. Интересно, где ее мальчик? В такую погоду он всегда стоит посреди их огромного двора и лупит мячом в стену. Ты его когда-нибудь видел, Джордж?

— Нет, но я его постоянно слышу. Это похоже на китайскую пытку водой. Хлоп об землю, хлоп об стену, хлоп об землю, хлоп об стену...

— Он славный мальчик, спокойный и воспитанный. Я бы хотела, чтобы наш Томми с ним подружился. И возраст у него подходящий. На вид ему лет десять.

— Не замечал, чтобы у Томми возникали трудности при знакомстве.

— С нашими новыми соседями познакомиться непросто. Они такие замкнутые. Я до сих пор не знаю, чем занимается мистер Саккарос.

— А зачем тебе знать? Не твое это дело.

Rain, Rain Go Away
© 1959 by Isaac Asimov
Дождик, дождик, перестань!
© А Шельвах, перевод, 1997

— Но все-таки странно: я никогда не видела, как он уходит на работу.

— Соседи могли бы сказать то же самое про меня.

— Ты работаешь дома.

— Смею тебя уверить, мистер Саккарос держит супругу в курсе относительно рода своих занятий.

— Джордж, — Лилиан отошла от окна и с отвращением посмотрела на экран телевизора (Шондиест готовился бить по мячу), — я считаю, что мы должны сделать первый шаг.

— Первый шаг? Что ты имеешь в виду? — Откупорив большую, запотевшую бутылку кока-колы, Джордж поудобнее устроился в кресле.

— Мы должны с ними познакомиться.

— Разве ты этого еще не сделала? Ты же разговаривала с ней, когда они въезжали.

— Я с ней поздоровалась, она мне ответила, но тем дело и кончилось. Ей было не до меня, у них в доме все тогда стояло вверх дном. Однако прошло уже два месяца, а мы по-прежнему только здороваемся. Она довольно-таки странная.

— Странная?

— Вот она лежит, загорает, а сама то и дело поглядывает на небо. Я замечала это за ней тысячу раз. И никогда не выходит из дому, если день облачный. Однажды ее мальчик играл, как обычно, с мячом, и вдруг она ему кричит, чтобы он немедленно шел в дом, потому что начинается дождь. Я тоже ее услышала и думаю: «Боже милостивый, у меня же белье во дворе сушится!», выскочила на крыльцо — и что ты думаешь? Небо было совершенно чистое. Нет, ползали какие-то тучки на горизонте, но и только.

— Но потом все-таки пошел дождь?

— В том-то и дело, что нет. Не было никаких причин для беспокойства.

Две подачи подряд, затем непростительный промах и перебежка... — Джордж и не заметил, как Лилиан ушла в кухню. Когда игра немного выровнялась, он крикнул:

— Это все потому, что они из Аризоны и не разбираются, какие тучи дождевые, а какие нет!

Лилиан, громко стуча высокими каблуками, вбежала в гостиную:

— Из Аризоны?

— Так сказал Томми.

— А ему откуда это известно?

— Томми разговаривал с их парнем. Вероятно, этот малый все-таки делает перерывы в своих тренировках. Они приехали из Аризоны. Или из Алабамы. В общем, откуда-то с юга. На память нашего сына особенно полагаться не следует, но скорее всего они из Аризоны. Тамашние жители не способны оценить прелесть влажного климата.

— Почему же ты молчал до сих пор?

— Потому что Томми сказал мне об этом только сегодня утром. Кроме того, я был уверен, что тебе он сообщает подобные новости в первую очередь. Клянусь, не предполагал, что для тебя это вопрос жизни и смерти. Ого!.. — Мяч летел к зрителям на трибуну справа, и питчеру уже больше не на что было рассчитывать.

Лилиан снова подошла к окну:

— Обязательно с ней познакомлюсь. Она ужасно милая... О Боже, нет, ты только погляди, Джордж!

Джордж не отрывал глаз от экрана.

— Понятно, — сказала Лилиан, — заметила вон то облачко. И сразу побежала домой. Ну и дела.

Двумя днями позже, когда Джордж вернулся из библиотеки, где делал необходимые для работы выписки, Лилиан встретила его, ликуя:

— Не планируй никаких дел на завтра.

— Это звучит как приказ.

— Это и есть приказ. Мы отправляемся вместе с Саккаросами в Мерфи-парк.

— С кем?

— С нашими новыми соседями, Джордж. Неужели так сложно запомнить их фамилию?

— Я в восторге. Но каким образом ты это устроила?

— Сегодня утром я подошла к их двери и позвонила.

— И все? Так просто?

— Нет, это было довольно трудно. Я вся тряслась и никак не могла решиться нажать на звонок, пока не сообразила, что, если кто-нибудь из них в этот момент выйдет из дома, я буду выглядеть крайне глупо.

— И она тебя не выставила?

— Она была невероятно любезна. Узнала меня и пригласила в дом. Сказала, что очень рада со мной познакомиться. Представляешь?

— И тогда ты предложила поехать с детьми в Мерфи-парк?

— Ну да, мне пришло в голову, что она вряд ли захочет лишиться своего мальчика такого удовольствия.

— Психология матери.

— Но видел бы ты их гнездышко!

— Вот, оказывается, в чем дело. Тебе же всегда любопытно, как живут другие люди. Агентство Кука теряет в твоём лице благодарного клиента. Только умоляю, избавь меня от рассказов о том, какие у наших соседей постельные покрывала. И размеры их платяных шкафов мне знать тоже совсем необязательно.

Тайна счастливой семейной жизни супругов Райт заключалась в том, что Лилиан пропускала мимо ушей вечное подтрунивание мужа. Как ни в чем не бывало она принялась описывать именно постельные покрывала в доме Саккаросов, а размеры платяных шкафов сообщила с точностью до дюйма.

— И такая везде чистота! Просто поразительно.

— Давай-давай, ходи к ней почаще. Очень скоро выяснится, что тебе за этой чистотой не утнаться, и тогда ты ее возненавидишь.

— У нее в кухне, — Лилиан в очередной раз сделала вид, будто не слышала реплики Джорджа, — все блесит. Даже не верится, что она когда-нибудь готовит. Мне захотелось пить, и она, наливая воду, пустила такую тоненькую струйку, что ни одна капля не пролилась в раковину. И это вышло у нее совершенно естественно, как будто она всегда так делает. А стакан она подала мне, обернув его накрахмаленной салфеткой. Прямо как в больнице.

— Похоже, эти Саккаросы из тех, кто сами себе создают лишние трудности. Она сразу приняла твоё предложение?

— О нет, далеко не сразу. Она спросила у мужа, знает ли он прогноз погоды на завтра. Мистер Саккарос ответил, что все газеты обещают погожий денек, однако следует дожидаться, что скажет радио.

— Он так и сказал: все газеты?

— Я тоже обратила на это внимание. Как будто ему неизвестно, что в газетах печатается одна и та же официальная метеосводка. Но вообще мне показалось, что они действительно выписывают все газеты. Во всяком случае, я видела какие-то невероятные кыш...

— Короче, ничто не ускользнуло от твоего внимания.

— Тогда, — невозмутимо продолжала Лилиан, — миссис Саккарос позвонила в бюро погоды и узнала самую последнюю сводку. Они посоветовались и решили принять мое

предложение. Но если погода изменится к худшему, они нам перезвонят.

— Ну что же, раз такое дело, поехали.

Уже издали чета Саккаросов произвела на Джорджа приятное впечатление: молодые, статные, с улыбками на смуглых лицах. Пока они шествовали по длинной садовой дорожке от своего дома к машине Райтов, он успел шепнуть Лилиан:

— Теперь мне все понятно. Это с ним тебе хотелось познакомиться, а не с...

— А хоть бы и так. Что за чемоданчик у него в руке?

— Портативный радиоприемник. Держу пари, парень прихватил его, чтобы слушать метеосводки.

Саккарос-младший бежал следом за родителями, размахивая каким-то предметом, — при ближайшем рассмотрении Джордж определил, что это барометр. Саккаросы разместились на заднем сиденье, машина тронулась, и завязался непринужденный разговор, который не прерывался на протяжении всего пути до Мерфи-парка. Саккарос-младший был столь воспитан и рассудителен, что Райт-младший, впечатленный его положительным примером, тоже старался держаться в рамках приличия. Лилиан не могла припомнить, когда последний раз она выбиралась на природу в таком чудесном настроении, которое не мог испортить даже тот факт, что фоном для их оживленной беседы служила негромкая, но непрерывная воркотня радиоприемника. Она умела не обращать внимание на подобные пустяки.

Лучшей погоды для поездки в Мерфи-парк и пожелать было невозможно: солнечно, сухо и умеренно жарко. Даже мистер Саккарос (он придирчиво изучал каждый квадрат ярко-синего неба и отвлекался от этого занятия лишь для того, чтобы взглянуть на барометр) был, казалось, доволен.

Лилиан отвела обоих мальчиков на площадку аттракционов и купила каждому билеты на все виды головокружительных развлечений, какими только располагал Мерфи-парк.

— Пожалуйста, — сказала она миссис Саккарос, когда та полезла в сумочку за деньгами, — позвольте мне сделать им приятное. Вы заплатите в следующий раз.

Вернувшись к машине, Лилиан застала Джорджа в одиночестве.

— А где... — начала она.

— У киоска со сладостями. Я сказал им, что подожду тебя здесь, а потом мы к ним присоединимся, — утрюмо объяснил Джордж.

— Почему ты такой мрачный? Что-нибудь случилось?

— Да ничего особенного. Просто у меня создалось впечатление, что эти Саккаросы чертовски богаты.

— Почему ты так решил?

— Действительно непонятно, чем он занимается. Я попробовал это выяснить...

— Ну и кто из нас любопытный — ты или я?

— Я же для тебя старался. И знаешь, что он мне ответил? Что «изучает жизнь»!

— Очень глубокомысленно. Вот почему у них дома так много газет.

— Да, но иметь красивого и богатого соседа мне вовсе не улыбается.

— Не говори ерунды.

— Между прочим, они не из Аризоны.

— Вот как?

— Я спросил его, из каких они мест. Наверное, говорю, вы из Аризоны. Он так на меня вытаращился, а потом засмеялся и спрашивает: разве у меня аризонский выговор?

Лилиан сказала задумчиво:

— Выговор у него в самом деле странный. Впрочем, на юго-западе у многих испанские предки, а Саккарос — фамилия, конечно, испанская.

— По-моему, она больше смахивает на японскую. Пойдем, они нам машут. Ого, погляди, чем задумали нас угостить наши друзья!

Каждый из Саккаросов держал в руках по дюжине порций сахарной ваты — лакомства, представлявшего собой насаженный на палочку пышный ком взбитого в центрифуге и застывшего сиропа. Эта розовая волокнистая масса начала таять уже на губах и оставляла во рту тошнотворный приторный вкус.

Райты получили по две порции и горячо поблагодарили за угощение. Потом они вчетвером гуляли по парку, метали в мишень дротики, клюшками закатывали шары в лунки, сбивали с пьедесталов деревянные чурки, сфотографировались и записали на фотокарточки собственные голоса. Когда они зашли за детьми на площадку аттракционов, Томми и Саккарос-младший от избытка острых ощущений пребывали уже в полуобморочном состоянии.

Саккаросы немедленно повели своего отпрыска к киоску со сладостями. Томми выразил страстное желание съесть что-нибудь посущественнее и, получив от Джорджа четверть доллара, отправился покупать сосиску в тесте.

— Давай постоим здесь, — сказал Джордж жене. — Кажется, они снова собрались полакомиться сахарной ватой. Если я ошибаюсь, готов затолкать в себя дюжину порций в качестве извинения. Правда, боюсь, что от одного ее вида меня вывернет наизнанку.

— Очень хорошо тебя понимаю. Смотри, они и своего мальчика пичкают этой дрянью.

— Я предложил Саккаросу гамбургер, но он соорудил брезгливую гримасу и отказался. Конечно, гамбургерами сыт не будешь, но после сахарной ваты — это же пища богов!

— Да уж, сахарной они теперь сыты на всю оставшуюся жизнь. А я хотела угостить ее апельсиновым соком, и она отскочила от меня с таким испуганным видом, как будто я собиралась выплеснуть ей этот сок в лицо. Можно подумать, что они никогда не бывали в парке, и все им здесь в новинку.

— Возможно, — Джордж и Лилиан медленно шли вслед за Саккаросами. — Смотри, Лил, собираются тучи.

Мистер Саккарос, приложив к уху приемник, озабоченно смотрел на небо.

— Ага, — сказал Джордж, — он тоже это заметил. Доллар против пятидесяти, что сейчас наши милые соседи запросят домой.

Не успел он договорить, как Саккаросы обступили его с трех сторон, вежливые, но явно взволнованные. О да, они замечательно отдохнули и в самое ближайшее время непременно пригласят Райтов к себе, но сейчас, к сожалению, им нужно срочно вернуться домой, потому что надвигается гроза.

Миссис Саккарос была чрезвычайно огорчена, что столь многообещающий прогноз погоды не оправдался.

Джордж попытался их успокоить:

— В нашем климате трудно предсказать погоду с абсолютной точностью. Но даже если начнется гроза, а этого, кстати, может и не случиться, она продлится не более получаса.

Его увещевания не подействовали — миссис Саккарос, нервно комкая в руке носовой платок, вся дрожала, а у Саккароса-младшего в глазах уже стояли слезы.

— Ну хорошо, хорошо, поехали домой, — покорно сказал Джордж.

Дорога назад показалась Джорджу бесконечной. Все молчали, зато оглушительно верещал радиоприемник. Мистер Саккарос то и дело щелкал переключателем — бюро погоды по всем станциям предвещало кратковременные грозы с ливнями.

Саккарос-младший вдруг громко объявил, что барометр падает. Его мать, обхватив ладонью подбородок, устремила скорбный взгляд в небеса, а потом спросила у Джорджа, нельзя ли прибавить скорость.

— Погода и в самом деле портится, — откликнулась Лилиан, желая показать своей новой подруге, что разделяет ее озабоченность. Джордж, впрочем, услышал, как она хмыкнула себе под нос: «Ну и дела!»

Ветер клубил пыль над проезжей частью, когда машина влетела в улицу, на которой они жили. Кроны деревьев шелестели злое. Блеснула молния.

— Друзья, через пару минут вы будете дома, — сказал Джордж.

Он остановил машину возле дома Саккаросов и открыл заднюю дверцу. На щеку ему упала первая капля. Да, они вернулись как раз вовремя.

Саккаросы, бледные, бормоча слова благодарности, выбрались из машины и что есть мочи припустили по длинной садовой дорожке.

— Ну и дела, — сказала Лилиан. — Можно подумать, что они...

И тут небеса разверзлись, и хлынул такой ливень, как будто там, наверху, прорвало плотину. По крыше машины забарабанили мириады увесистых капель. Не добежав до своего дома, Саккаросы остановились и в отчаянии запрокинули головы. С каждой секундой их лица под водяными струями теряли очертания. Саккаросы на глазах уменьшались в росте, сморщивались, у них подкашивались ноги. Еще миг — и на садовой дорожке ничего от них не осталось, кроме трех кучек мокрой слипшейся одежды.

Райты в ужасе взирали на происшедшее. Наконец, Лилиан нашла в себе силы закончить начатую фразу:

— ...они сахарные и боятся растаять!

Сборник «Ранний Азимов» принес издательству «Дабл-гэй» неплохие деньги, и тогда там решили выпустить целую серию книг, представляющих ранний период творчества того или иного писателя — если, конечно, он проработал в жанре фантастики достаточно долго, чтобы иметь этот

самый период. Второй в серии вышла книга моего старого доброго приятеля Лестера Дель Рея («Ранний Дель Рей», Даблдэй, 1975).

Лестер в отличие от меня обошелся без автобиографических экскурсов, но придумал кое-что похитрее — в послесловиях к рассказам он излагает свои взгляды на то, как следует сочинять научную фантастику.

Я с удовольствием поступил бы точно так же, если бы знал, как ее следует сочинять и как сочинять вообще что бы то ни было. Дело в том, что я-то пишу исключительно по наитию. Тем не менее и мне иногда приходят в голову кое-какие соображения, касающиеся трудностей писательского ремесла. Одним из них я хочу поделиться с начинающими писателями в связи с рассказом «Дождик, дождик, перестань!» По возможности избегайте реалий времени. Они привязывают действие к определенному историческому моменту и только отвлекают читателя. Например, в моем рассказе упоминается некий Шонгуест, бейсболист. Кто теперь его помнит? Вот вы, скажем, помните? Но даже если помните, какое значение имеет для вас тот факт, что события в рассказе происходят не сегодня, а пятнадцать лет назад? Да, я посвятил множество страниц объяснениям, как и при каких обстоятельствах возникали мои ранние вещи, но ведь это совсем грубое дело. Мы же с вами читатели.

Итак, я продолжал трудиться на поприще научно-популярной литературы. Весной 59-го Леон Свирски из «Бэйзик Букс» уговорил меня засесть за «Путеводитель по науке для здравомыслящих людей», довольно объемистое сочинение, увидевшее свет в 60-м. Это была моя первая большая удача. Критики встретили книгу доброжелательно, и мой годовой доход внезапно вырос вдвое. Но, как вы понимаете, старался я не только ради денег. Между тем семейство мое увеличилось, я начал искать дополнительные источники заработка и поэтому вернулся к фантастике.

В марте 65-го издатель «Гэлэкси» Фредерик Пол, преемник Горация Голда, как раз вознамерился снова сбить меня с пути истинного, каковым я считал писание научно-популярных книг. Фред прислал мне картинку, которую собирался запустить на обложку журнала. «Сочини для нас что-нибудь», — писал он, — с картинкой тебе будет легче».

Картинка мне, однако, ничуть не помогла. На ней крупным планом было изображено скорбное лицо мужчины в шлеме космонавта. На заднем плане виднелось еще несколько грубо

сколоченных крестов, и на верхушке каждого из них — по шлему. Я смотрел на эту картинку и не мог придумать ничего путного.

Я уж было решил отказаться от предложения Фреда, но мне не хотелось огорчать его признанием в собственном бессилии, ведь он был моим другом и верил в меня, как никто. Поднатужившись, я сочинил-таки нижеприведенный рассказ, который был напечатан в августовском номере «Гэлэкси» за 1965 год.

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Первоначальное стечение катастрофических обстоятельств произошло пять лет назад, то есть с тех пор безымянная планета, обозначенная на картах аббревиатурой ХС-12549Д, совершила пять оборотов, что соответствовало одиннадцати годам по земному летоисчислению.

Впрочем, ни у кого из пятерых членов экипажа «Странника Джона» не возникало желания производить эти подсчеты.

Если бы на Земле знали, чем они здесь занимаются, их деятельность была бы названа героической, достойной упоминания в анналах Космической службы. Еще бы, на протяжении пяти лет (по земному летоисчислению — одиннадцати!) они вели отчаянную борьбу с атмосферой планеты.

И вот трое умерли, у четвертого уже желтели белки, что являлось несомненным признаком смертельного заболевания, и только пятый еще держался на ногах.

Никакого героизма тут не было. На самом деле они боролись с тоской, с ощущением полнейшей безысходности и создали в своем металлическом пузыре-бункере подобие земного образа жизни лишь по той единственной причине, что ничего другого им просто не оставалось.

Если кто-нибудь из пятерых и вдохновлялся возвышенными идеями, то предпочитал об этом помалкивать. Возможность возвращения на Землю они перестали обсуждать уже через год, а к исходу второго и само слово «Земля» исключили из речевого обихода.

Founding Father
© 1965 by Isaac Asimov
Отцы основатели
© А Шельвах, перевод, 1997

Зато другое слово постоянно присутствовало в их разговорах. Даже когда они молчали, каждый мысленно повторял его по нескольку раз на дню. И это слово было «аммиак».

Впервые оно прозвучало тогда, когда их заботило только одно: как посадить свою раздолбанную жестянку на поверхность ХС-12549Д и при этом остаться в живых.

Да, можно предусмотреть любую аварию, любую из возможных поломок и ошибок. Можно предполагать, что их будет несколько. Но предусмотреть такое?..

Из-за вспышки сверхновой спеклась электроника. Ладно, это дело поправимое — было бы время. Метеорит угодил в клапан фидера — тоже не смертельно: клапан можно заменить, было бы время. Рассчитали траекторию с недостаточной поправкой на действие гравитационных сил, в результате корабль получил такое ускорение, что полетела к чертям гиперантенна, а все пятеро потеряли сознание... Но, придя в себя, они сумели бы поставить новую гиперантенну — было бы время!

Кажется невероятным, чтобы вышеперечисленные беды могли обрушиться на экипаж «Странника Джона» одновременно. Еще труднее вообразить, что весь этот кошмар случится в момент фантастического по трудности приземления, когда им будет не хватать как раз самого необходимого для устранения любой неполадки — времени.

Экипаж «Странника» попал именно в такой переплет и все-таки ухитрился совершить посадку на планету ХС-12549Д. Правда, лишь для того, чтобы уже больше никогда не подняться с ее поверхности.

Собственно, тот факт, что им удалось приземлиться, сам по себе являлся чудом. Судьба, однако, подарила каждому из них (словно в насмешку) еще по пять лет жизни.

Обнаружить их здесь мог только сбившийся с курса корабль, но шансов на это было мало. Вернее, вообще никаких. После такого количества приключившихся с ними бед рассчитывать на счастливую случайность уже не приходилось.

Да, плохи были дела у экипажа «Странника Джона». Но главная причина бедственного их положения объяснялась одним коротким словом «аммиак».

...Глядя, как приближается по спирали поверхность планеты, глядя в лицо смерти, каковая была так близко, как никогда прежде, и явилась бы для них воистину проявлением милосердия со стороны судьбы, (если бы наступила мгновенно, а не растянулась на годы), Чоу успел-таки краем

глаза заметить, что абсорбционный спектрограф зашкаливает.

— Аммиак! — воскликнул он.

Остальные слышали его, но им было некогда задумываться над тем, что означает восклицание, перед ними стояла задача посадить корабль, посадить хотя бы лишь для того, чтобы мгновенная гибель превратилась для них в медленное умирание.

Но когда они наконец сели на песчаный грунт, поросший скудной голубоватой (голубоватой?) растительностью: травой, похожей на осоку, и чахлыми безлистными деревцами, и увидели над собой зеленоватое (зеленоватое?) небо, покрытое перистыми облачками, это слово прозвучало вновь.

— Аммиак? — с трудом выдавил Петерсен.

— Четыре процента, — ответил Чоу.

— Не может быть!

Но так было. И справочники подтверждали, что это возможно. В справочниках Космической службы говорилось, что на планете с определенной массой, объемом и температурой при наличии на ее поверхности океана возможен один из двух видов атмосферы: либо азотно-кислородная, либо состоящая из азота и двуокиси углерода. В первом случае жизнь на такой планете способна развиваться, во втором — остается на примитивном уровне.

Увы, о планетах типа ХС-12549Д ничего не было известно, кроме трех параметров — массы, объема и температуры. Предполагалось, что атмосфера на них либо азотно-кислородная, либо состоит из азота и двуокиси углерода. Правда, в справочниках не указывалось, что на ХС-12549Д должен быть обязательно один из этих двух видов атмосферы. Просто на ранее открытых планетах было так, но с точки зрения термодинамики допускались отклонения. То есть теоретически они были возможны, практически же — маловероятны.

И вот экипажу «Странника» суждено было остаток своих дней провести на планете с атмосферой, о которой в справочниках не было ни слова.

Они переоборудовали корабль в бункер и постарались максимально приблизить условия жизни к земным. Взлететь они не могли, не могли даже послать через гиперпространство сигнал о помощи, но в остальном дела обстояли не сколько лучше. Например, используя фильтры, им удавалось за счет воды и воздуха планеты компенсировать неизбежные потери, возникающие при замкнутых циклах очистки.

Они выходили из бункера — скафандры, слава Богу, остались целы. Надо же было хоть чем-то себя занять. На планете отсутствовала какая бы то ни было фауна, поэтому выход на поверхность не грозил опасностью встречи с хищными животными. Куда ни кинь взгляд — одни лишь синие кустарники. Аммонизированный хлорофилл, аммонизированный протейин.

Они подвергали местную растительность лабораторному анализу, изучали микроскопические компоненты, тщательно фиксируя результаты своих исследований. Затем попытались выращивать эти растения в искусственной атмосфере, лишенной аммиака, и потерпели неудачу. На некоторое время им пришлось стать геологами — они исследовали поверхностные отложения и состав почвы. Также им потребовалось применить свои познания в астрономии, чтобы сделать спектральный анализ солнца, сиявшего над ХС-12549Д.

Барэр говорил:

— Когда-нибудь люди вспомнят об этой планете, и тогда собранные нами материалы пригодятся. Что ни говори, а она уникальна, эта ХС-12549Д. Во всей Галактике не найти аналога...

— Нам повезло, — горько усмехаясь, откликнулся Сандропулос. Он просчитал термодинамическую ситуацию и объяснил товарищам: — В этой сверхстабильной системе происходит постоянная геохимическая реакция окисления аммиака, в результате которой он разлагается, возникает азот. Растительность усваивает азот, и аммиак восстанавливается. Эти растения адаптировались к его присутствию в атмосфере. Если уровень восстановления аммиака упадет до двух процентов, то содержание его в атмосфере будет экспоненциально убывать. А когда здешняя растительная жизнь зачахнет, тогда восстановление аммиака вообще прекратится.

— Так ты предлагаешь уничтожить растительность, чтобы избавиться от аммиака? — спросил Власов.

— Будь у нас какое-нибудь воздушное средство передвижения и запас мощной взрывчатки, мы могли бы попытаться это сделать, — ответил Сандропулос. — Нет, я имею в виду другое. Вот если здесь приживутся земные саженцы, тогда благодаря фотосинтезу образование кислорода в атмосфере повысит уровень окисления аммиака, а это в свою очередь несколько уменьшит его содержание в атмосфере данного региона. Рост наших растений приведет к задержке роста местной флоры. Восстановление аммиака замедлится — ну и так далее...

И вот с наступлением вегетационного сезона члены экипажа «Странника Джона» сделали огородниками, что, впрочем, обычно в практике Космической службы. На таких планетах, как ХС-12549Д, жизнь возможна только водно-протеинового типа, хотя варианты ее могут быть бесконечны. Пища, которую удастся получить из растений, произрастающих на подобных планетах, малопитательна и неудобоварима. Космическая служба научилась со временем выращивать там земные растения. Часто, хотя далеко не всегда, местную флору удавалось победить. Таким образом земляне сделали несколько десятков планет пригодными для заселения. Существовали уже сотни сортов, способных выживать в экстремальных условиях. Именно они использовались для засева новоткрытых планет. Аммиак убил бы обычное земное растение, однако в распоряжении экипажа «Странника Джона» были семена мутированных сортов, способные противостоять воздействию аммиака. Правда, силы им все равно не хватало. Ростки получались хилыми и вскоре погибали.

И все же с растениями дело обстояло не так плохо, как с бактероидами. Бактериальная жизнь планеты несравненно превосходила растительную, каковая представляла собой лишь синие скудные кустарники и безлиственные деревца. Зато местные микроорганизмы своим количеством и разнообразием видов подавляли любые попытки засеять почву образцами земной бактериальной флоры, способными помочь выживанию земных растений.

Власов сокрушенно качал головой:

— Ничего у нас не выйдет. Наши бактерии выживут лишь в том случае, если приспособятся к этой атмосфере.

— Да, от бактерий мало проку, — соглашался Сандропулос. — Только растения создадут систему, производящую кислород.

— Мы и сами можем ее создать, — возразил Петерсон. — Мы можем электролизовать воду.

— Но надолго ли хватит нашего оборудования? Нет, главное, чтобы прижились саженцы, тогда процесс фотосинтеза потихоньку-помаленьку, в течение какого-то количества лет даст желаемые результаты.

— Значит, надо заняться почвой, — сказал Барэр. — В почве разлагаются соли аммония. Мы выпарим их, и она станет пригодной для наших растений.

— А как насчет атмосферы? — спросил Чоу.

— В очищенной от аммония почве саженцы приживутся несмотря на атмосферу. У них это уже почти получается.

И люди продолжали бороться. Они работали упорно, хотя не слишком верили в то, что их усилия увенчаются успехом. Уж во всяком случае никто из них не надеялся дожить до того дня, когда можно будет отпраздновать победу. Просто за работой время шло незаметнее.

К следующему вегетационному сезону удалось подготовить участок для эксперимента. И снова их ждало разочарование. Растения все равно погибали.

Тогда каждый росток они поместили в стеклянный колпак и закачивали туда очищенный от аммиака воздух. Но это лишь незначительно помогало растениям.

Люди перепробовали разнообразные составы почвы и в самых различных комбинациях. Все было тщетно. Ростки выделяли так мало кислорода, что его не хватало даже на то, чтобы бороться с тем количеством аммиачной атмосферы, которое все же просачивалось внутрь стеклянных колпаков.

— Еще одно усилие, — говорил Сандропулос. — Еще чуть-чуть. Мы почти добились своего. Осталось немного.

Но их инструменты все больше приходили в негодность, а отпущенное время стремительно сокращалось. С каждым месяцем его становилось все меньше.

И внезапная смерть явилась для них облегчением. Они не могли понять, откуда эта слабость и отчего у них кружится голова. Никто из членов экипажа не подозревал, что возможно аммиачное отравление. Ведь все эти годы пищей им служили водоросли, которые они выращивали в уцелевших после кораблекрушения узлах гидропонной установки. И вот то ли свойства водорослей из-за проникновения аммиака в питательный раствор изменились, то ли в них попали какие-то местные бактерии... Также не исключалась вероятность, что земные бактерии в новых условиях мутировали и сделали опасными для жизни людей.

Итак, трое умерли — к счастью, без мук. Они приняли смерть почти с радостью, ибо устали от бесплодной борьбы.

А потом пришел день, когда и Чоу прошептал еле слышно:

— Какая глупая и жалкая смерть.

Петерсон — он оказался наименее восприимчив к болезни — повернул к товарищу залитое слезами лицо.

— Не умирай, — сказал он. — Не оставляй меня одного.

Чоу слабо улыбнулся:

— Это от меня не зависит. Но ведь ты можешь пойти со мной, старина. Дальше бороться бессмысленно. Оборудование вышло из строя, и надежды победить у нас нет, если она вообще была когда-нибудь.

Но даже теперь Петерсону была нестерпима мысль о поражении. Он думал только о том, как завершить начатое.

Он тоже очень устал, у него болело сердце, и, когда Чоу умер, Петерсону впервые пришло в голову, что ему и впрямь осталось единственное: заняться погребением четырех бездыханных тел.

Он смотрел на эти тела, и впервые за одиннадцать лет вспоминал Землю. Теперь он был один, ему некого было стесняться, и он плакал.

Да, он похоронит их. Он срубит несколько чахлах синих деревьев и сколотит из них четыре креста. На верхушку каждого повесит шлем, а в подножие поставит кислородный баллон. Пустой кислородный баллон. Как символ их поражения.

Конечно, все это глупые сантименты. Мертвым безразлично, помнят о них или нет. Кроме него никто никогда эти кресты не увидит.

Но он сделает это, чтобы отдать дань уважения своим товарищам. А также из чувства собственного достоинства, ибо он не из тех, кто бросает тела друзей непогребенными, пока еще способен держаться на ногах. А помимо всего прочего...

Некоторое время Петерсон сидел неподвижно, предаваясь раздумьям. Пока он еще жив, он будет бороться, пусть даже теми инструментами, какие у него остались. И друзей своих похоронит, чего бы это ему ни стоило.

Он похоронил их на подопытном участке. Земля, которую он вместе с товарищами обрабатывал так долго и мучительно, приняла нагие тела. Он похоронил друзей нагими для того, чтобы микроорганизмы, содержащиеся в их телах, успели начать процесс разложения, прежде чем их неизбежно победит местная микрофлора.

Он сделал все, как задумал: на верхушке каждого креста — шлем, у подножия — баллон. Укрепил кресты камнями и, безутешный, вернулся на корабль, где ему предстояло жить уже в одиночестве.

Петерсон продолжал работать и работал ежедневно, но в конце концов почувствовал зловещие симптомы болезни.

В этот день он с трудом поднялся на ноги. Он облачался в скафандр, уже понимая, что этот его выход на поверхность — последний.

Придя на подопытный участок, он упал на колени и... и вдруг увидел, что земные саженцы живы! Да-да, на этот раз они жили дольше обычного и выглядели свежими и сочными. Они зелеными пятнами тут и там покрывали почву. Они все-таки победили атмосферу планеты.

Тогда Петерсон сыпал почву подопытного участка удобрениями. Больше у него уже ни на что сил не оставалось.

Разлагающаяся человеческая плоть выделила питательные вещества, необходимые для роста саженцев. Именно они, эти вещества, довершили работу, начатую людьми. Живыми людьми.

Саженцы вырабатывали теперь кислород в таком количестве, что Петерсон не сомневался: планета ХС-12348Д выйдет в конце концов из эволюционного тупика, в котором пребывала доньше.

Если когда-нибудь сюда прилетят земляне (когда? через миллион лет?), они обнаружат здесь пригодную для жизни атмосферу и растительность, удивительно напоминающую земную.

Со временем кресты, конечно, сгниют и рассыплются в прах, проржавеет насквозь и станет пылью металл баллонов и шлемов, а кости превратятся в окаменелости. Земляне, которые заселят планету, будут лишь смутно догадываться о том, что здесь когда-то произошло. Может быть, для потомков сохранятся только материалы исследований, которые экипаж «Странника Джона» вел до последнего дня.

Но не в этом главное. Даже если вообще ни следа от них не останется, сама планета отныне и навсегда будет им памятником.

Умирающий Петерсон лежал среди зеленых растений, как бы осененный лаврами их общей победы.

Никто из издателей не изменяет так часто данные автором названия рассказов, как Фред Пол. Этим он иногда приводит меня в полное замешательство. Впрочем, что касается рассказа, о котором пойдет речь, то мое название — «Последнее средство» — было действительно не самым удачным, поэтому я согласился заменить его на предложенное Фредом — «Отцы основатели». (Терпеть не могу, когда он придумывает что-то лучше, чем я, но тут уж ничего не поделаешь.)

В 67-м исполнилось десять лет, как я переключился на научно-популярную литературу и перестал сотрудничать с журналом Джона Кэмпбелла. Джон к тому времени готовился отметить тридцатилетие своей издательской деятельности. В 60-м, кстати, он сменил название «Удивительные истории» на «Аналог», но и «Аналогу» мне все как-то не удавалось что-нибудь предложить.

Поэтому, едва закончив «Ссылку в ад», я немедленно отослал рукопись Джону. Слава Богу, рассказ ему понравился, и мне было приятно увидеть его на страницах майского номера за 68-й год, даром что текст занял совсем немного места.

ССЫЛКА В АД

— Русские, — сказал Даулинг сухо, — ссылали каторжников в Сибирь. Французы отправляли их на остров Дьявола, а англичане — в Австралию. Это было давно, задолго до освоения космического пространства.

Он в задумчивости посмотрел на шахматную доску, его рука неуверенно повисла над столом.

Паркинсон, по другую сторону доски, тоже смотрел на фигуры, но шахматы, профессиональное хобби всех программистов, сейчас несколько его не занимали.

«Ей Богу, — думал он с раздражением, — я бы на месте Даулинга чувствовал себя не в своей тарелке. Как-никак именно ему было поручено разрабатывать программу обвинения».

Известно, что программисты, постоянно имея дело с компьютером, в конце концов начинают напоминать его иными чертами характера, в частности своей бесстрастностью, невосприимчивостью к любым доводам, за исключением логических.

У Даулинга это проявлялось также в его безукоризненном проборе и сдержанно элегантном костюме. А вот Паркинсон, предпочитавший на судебных процессах разрабатывать программу защиты, был, напротив, всегда нарочито небрежен в деталях одежды.

— Ты хочешь сказать, — откликнулся он, — что ссылка — наказание столь древнее, что никого уже не пугает?

Exile to Hell
© 1968 by Isaac Asimov
Ссылка в ад
© А. Шельвах, перевод, 1997

— Как раз наоборот. Это проверенная временем мера, а в наши дни она сделалась просто-таки эффективнейшим средством устрашения, — ответил Даулинг, не отрывая взгляд от доски. Он все-таки двинул вперед слона.

Паркинсон произвольно поднял голову и посмотрел вверх. Разумеется, ничего, кроме потолка, он не увидел, ведь они находились в помещении. Все здесь было наилучшим образом приспособлено для того, чтобы удовлетворить любые человеческие потребности и максимально защитить людей от воздействия внешней среды. Ведь там, снаружи, пылала звездным огнем космическая ночь.

Когда он последний раз видел ту планету? Не так уж и давно. Интересно, в какой она сейчас фазе? В первой четверти? Или сияет во всей своей красе? Или, подобная голубоватому ногтю, низко висит над горизонтом? Ничего не скажешь, смотрится она красиво. Вернее, смотрелась когда-то, несколько столетий назад, когда космические путешествия стоили дорого и совершались крайне редко, а условия жизни на планетах еще не были связаны с использованием сложнейшего технического оборудования и не контролировались столь тщательно. В настоящее время один вид той планеты наполняет душу ужасом, словно в небесах вращается тот самый пресловутый остров Дьявола. Из отвращения никто не называет ее по имени. Когда о ней заходит речь, говорят просто «она» или молча поднимают голову и многозначительно смотрят в потолок.

— Ты мог бы позволить мне разработать аргументацию против ссылки как единственно возможной меры...

— Зачем? На решение суда это все равно не повлияло бы.

— Сегодня, может, и не повлияло бы. Но в будущем? В будущем наказания за подобные преступления, несомненно, должны стать менее суровыми. Ссылку будут заменять смертной казнью.

— За порчу оборудования? И не мечтай.

— Но ведь он действовал в состоянии аффекта. Не спорю, налицо попытка нанести вред человеческому существу. Однако намерения портить оборудование у него не было.

— Это ничего не меняет. В данном случае отсутствие намерения не является смягчающим обстоятельством.

— А я считаю, что является, и именно эту точку зрения заложил в программу.

Паркинсон, двинув пешку, защитил своего коня. Даулинг задумался.

— Ты все-таки решил атаковать ферзя. Нет, я тебе этого не позволю. Посмотрим, кто кого, — размышлял он вслух, а потом вернулся к предмету их разговора: — Мы не в каменном веке, Паркинсон. Мы живем в перенаселенном мире, и даже такой, по видимости, пустяк, как поломка консистора, может поставить под угрозу жизнь значительной части населения. Да, он действовал в состоянии аффекта, но в результате отключилась линия энергопитания, а это уже не шутка.

— Я же его не оправдываю.

— Судя по тому как ты разработал свою программу, у меня складывается обратное впечатление.

— Ничего подобного. Послушай, когда по вине Дженкинса лазерный луч нарушил структуру поля, я подвергся такой же опасности, как и остальные. Еще пятнадцать минут — и всем нам была бы крышка. Я прекрасно это понимаю, и все же настаиваю на том, что ссылка — наказание чрезмерное.

Для вящей убедительности Паркинсон постучал пальцами по доске — Даулинг придержал ферзя, чтобы тот не упал.

— Не считай это ходом, — предупредил он, переводя в нерешительности взгляд с фигуры на фигуру. — Нет, Паркинсон, ты ошибаешься. Именно такое наказание в полной мере соответствует преступлению, хуже которого и быть ничего не может. Сам посуди, наша жизнь здесь зависит от чрезвычайно хрупкой технологии. Авария могла всех нас обречь на гибель, и неважно, произошла она вследствие злого умысла, из-за недостатка опыта или по небрежности. Общество хочет чувствовать себя в безопасности и поэтому требует, чтобы подобные преступления карались предельно сурово. Страх перед смертной казнью преступника не оставит.

— Смерти все боятся.

— Но ссылка еще страшнее. Вот почему столь тяжкое преступление случилось за десять лет впервые. А ну-ка, что ты на это скажешь? — Даулинг переставил свою ладью на одно поле вправо от ферзя.

Замигал сигнальный свет. Паркинсон вскочил из-за стола.

— Конец программы! Сейчас компьютер вынесет решение!

Даулинг невозмутимо взглянул на него:

— Ты все еще надеешься, что Дженкинсу смягчат приговор? Не убирай фигуры, после доиграем.

Паркинсон и не думал продолжать игру. Ноги сами понесли его по коридору в направлении зала судебных заседаний. Когда они вошли, судья уже занял свое место. Через минуту два охранника привели обвиняемого.

С того момента когда Дженкинс в приступе слепой ярости набросился с кулаками на сослуживца и при этом локтем зацепил рубильник — отключилась линия энергоснабжения всего сектора! — у него не было иллюзий относительно последствий, каковые повлечет за собой это тягчайшее из всех преступлений. Он был явно подавлен, хотя изо всех сил старался не подавать виду.

А вот Паркинсон не умел скрыть своего волнения. Он боялся встретиться с Дженкинсом взглядом. Ему даже представить было страшно, что сейчас творится у того на душе. Быть может, бедняга пытается всеми своими пятью чувствами воспринять напоследок прелесть этого уютного мира, с жадностью вдыхая ароматизированный воздух, наслаждаясь мягким, ласкающим глаз освещением? Быть может, ему хочется запомнить навсегда все блага и преимущества технократической цивилизации (ровная комнатная температура, чистейшая вода по первому требованию и так далее и тому подобное), предназначенные поддерживать прирученное человечество в состоянии эмоциональной спячки? Ведь на той планете...

Судья нажал на кнопку, и специальное устройство в компьютере произнесло официально-бесстрастным, но вполне человеческим голосом:

— Суд рассмотрел обстоятельства дела. На основании имеющихся прецедентов и в соответствии с законами данного региона Энтони Дженкинс признан виновным по всем пунктам обвинения и приговаривается к высшей мере наказания.

В зале находились только шестеро, но телевидение, разумеется, транслировало процесс для всего населения.

Теперь, используя предписанную терминологию, говорил уже сам судья:

— Осужденного доставят в космопорт, откуда он первым же транспортом будет отправлен в пожизненную ссылку.

Дженкинс вздрогнул, но не произнес ни слова.

Паркинсон содрогнулся. «Многие ли из нас, — подумал он, — сознают чудовищную несоразмерность этой кары по сравнению с проступком Дженкинса? Когда же люди станут настолько человечны, чтобы отменить наказание ссылкой? Неужели кто-то из телезрителей способен сейчас без утрызений совести смотреть на несчастного, которому до конца

своих дней суждено мыкаться на той планете среди странных, злобных существ и вдобавок в совершенно кошмарных условиях: ярко-синее, даже глазам больно, небо и ядовито-зеленая трава, днем невыносимая жара, ночью лютый холод и бурные порывы пыльного ветра, и всегда беспокойный океан?.. И вечная тяжесть в ногах, руках, во всем теле, обусловленная силой притяжения! Нет, невозможно смириться с этим ужасным приговором, обрекшим одного из нас, какова бы ни была его вина, покинуть Луну, ставшую обжитым и уютным домом, и жить отныне в аду.

То есть на планете Земля.

НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ

Джек Уивер в полном отчаянии выбрался из недр Мультивака. Тодд Немерсон, сидевший у пульта, спросил:

— Ничего нового?

— Ничего, — сказал Уивер, — ничего, ничего, ровным счетом ничего! И совершенно непонятно, что же могло случиться.

— Тем не менее он не работает.

— Хорошо тебе рассуждать, сидя в кресле.

— Я не рассуждаю, я думаю.

— Он думает! — Уивер горько усмехнулся.

Немерсон беспокойно заерзал в кресле:

— А почему бы и нет? Шесть бригад кибернетиков носятся по коридорам Мультивака и за три дня ничего не отыскивали. Почему бы ради разнообразия кому-то и не начать думать?

— Думай не думай, ничего не изменится. Надо найти поломку. Где-то, очевидно, произошло замыкание.

— Вряд ли все так просто, Джек.

— Кто говорит, что просто? Ты знаешь, сколько в нем миллионов ячеек и контактов?

— И все-таки ты неправ. Если бы речь шла о реле или контакте, Мультивак использовал бы резервные линии, сам бы уж как-нибудь отыскал неполадку и сумел бы поставить нас об этом в известность. Вся беда в том, что Мультивак не только не отвечает на вопросы, он не может сообщить

нам, что с ним стряслось. А между тем, если мы не поможем ему, в городах начнется переполох. Мировая экономика координируется Мультиваком, и все об этом отлично знают.

— Кстати, я тоже знаю. Что это изменит?

— Думать надо. Мы что-то упускаем. Пойми, Джек, за последние сто лет все самые выдающиеся умы кибернетики старались усложнить Мультивак. Сегодня он может почти все — в том числе говорить и слушать нас. Практически по сложности он уже не уступает человеческому мозгу. Мы до сих пор не можем полностью разгадать человеческий мозг — почему же мы претендуем на полное понимание Мультивака?

— Ну вот, еще немного, и ты скажешь, что Мультивак разумен.

— А почему бы и нет? — Немерсон задумался. — Почему бы и нет? Можем ли мы утверждать, что Мультивак не пересек ту тонкую, условную черту, которая отделяет машину от мыслящего существа? Да и существует ли эта черта? Если мозг количественно сложнее Мультивака, а мы все продолжаем усложнять Мультивак, в какой точке...

Немерсон погрузился в молчание.

— К чему все это? — раздраженно спросил Уивер. — Даже допустим, что Мультивак разумен. Неужели это поможет нам найти поломку?

— Поможет, потому что мы сможем подойти к нему с человеческими мерками. Допустим, тебе задали вопрос, какой будет цена на пшеницу следующим летом, а ты не ответил. Почему ты не ответил?

— Потому что я этого не знаю! А Мультивак знает. Он, а не я, обладает всей нужной информацией. Пользуясь этой информацией, он может предсказывать тенденции в политике, экономике или, к примеру, в метеорологии. И мы отлично знаем, что он может, — он это не раз делал.

— Ну хорошо. Тогда допустим, я задал тебе вопрос, ты знаешь ответ на него, но мне его не сообщал. Почему?

— Потому что у меня опухоль мозга, — огрызнулся Уивер. — Потому что я потерял сознание. Потому что я в стельку пьян. И наконец, черт побери, потому что я сломался! Именно это мы и стараемся установить. Мы пытаемся отыскать место, где произошла поломка. Мы пытаемся отыскать необходимое условие его работы.

— И не нашли. — Немерсон поднялся с кресла. — Послушай, Джек, на каком вопросе Мультивак замолчал?

— Откуда мне помнить? Прокрутить тебе пленку?

— Не надо. Скажи, работая с Мультиваком, ты ведь ве-
дешь с ним беседу?

— Так положено. Это терапия.

— Да, да, конечно, терапия. Мы делаем вид, что Мульти-
вак — разумное существо, чтобы не переживать: ах, машина
умнее меня! Из металлического чудовища делаем этакое
отца-батюшку.

— Объясняй это, как тебе удобнее.

— Но это же самообман, и ты отлично об этом знаешь!
Такой сложный компьютер, как Мультивак, должен гово-
рить и слушать. Недостаточно только закладывать в него
вопросы и получать ответы. На определенном уровне слож-
ности Мультивак должен казаться разумным, потому что он
действительно разумен. Слушай, Джек, задай мне тот, по-
следний вопрос. Я хочу испытать мою собственную реакцию
на него.

— Вот еще глупости, — отмахнулся Уивер.

— Прошу тебя.

Уивер был в полном отчаянии и к тому же смертельно
устал. Иначе он вряд ли подчинился бы такой просьбе. Он
сделал вид, что закладывает программу в Мультивак, и начал
говорить, как говорил всегда в такие минуты. Он высказал
свое мнение о неполадках в сельском хозяйстве, вспомнил
о новом уравнении ракетной струи, о пятнах на Солнце...

Вначале он говорил через силу, но постепенно привычка
взяла свое, и, к тому моменту когда он кончал работу, так
увлекся, что чуть было не хлопнул Тодда Немерсона по
груди, желая ему успеха.

— Ну хорошо, — закончил он. — Обработай информацию
и быстренько выдай ответ.

Несколько секунд Джек Уивер стоял, глубоко дыша, вновь
переживая волнение власти над самым гигантским и слож-
ным творением человеческих рук и человеческого разума.
Потом спохватился и смущенно пробормотал:

— Ну вот... вот и все.

— По крайней мере теперь я знаю, — сказал Немерсон, —
почему я на месте Мультивака не стал бы тебе отвечать.
Джек, очисти Мультивак. Попроси всех ремонтников вы-
браться изнутри. А потом снова заложь программу. Я сам
буду говорить.

Уивер пожал плечами, повернулся к пульту управления
Мультиваком, заполненному темными, немигающими ци-
ферблатами и потухшими лампами. По его приказу бригады
кибернетиков одна за другой покинули машину.

Затем, вздохнув, он включил программное устройство.
В двенадцатый раз за последние дни он пытался заставить
Мультивак трудиться. Замигали огоньки на пульте управ-
ления. Где-то далеко об этом узнают корреспонденты, и
разнесется слух о новой попытке. И люди во всем мире,
столь во многом зависящем от Мультивака, затаят дыхание.

Пока Уивер закладывал программу, Немерсон начал го-
ворить. Он говорил медленно, стараясь точно вспомнить
слова Уивера и ожидая решительного момента, когда он
найдет необходимое условие для работы компьютера.

Уивер кончил. В голосе Немерсона зазвучало волнение.
Он сказал:

— Ну хорошо, Мультивак. Обработай информацию и вы-
дай ответ. — Он сделал короткую паузу и добавил необхо-
димое условие:

— Пожалуйста!

В то же мгновение включились все реле и контакты
Мультивака.

И ничего удивительного.

Машина может чувствовать — когда она перестает быть
машиной.

Кстати, рассказ в F&SF не задержался.

В 1966 году, вскоре после публикации с продолжением
моего романа «Фантастическое путешествие», «Сэтэргэй
Ивнинг Пост» скончался, хотя я не думаю, что между этими
двумя событиями есть связь. Однако журнал возродился, а
его редакторов заинтересовали некоторые мои рассказы.
Они перепечатали «Памяти отца», а затем и «Необходимое
условие» под названием «The Computer That Went on Strike»
(«Забастовавший компьютер») весной 1972 года.

В наше время фантастикой интересуются и «глян-
цевые» журналы. Мои рассказы захотел издать не только
«Сэтэргэй Ивнинг Пост», но и «Бойз Лайф». Они прислали
мне картину, надеясь, что она вдохновит меня на рассказ,
и я попытался. Получился рассказ «Глубокое исследование»,
опубликованный в сентябрьском номере «Бойз Лайф» за 1968
год.

ГЛУБОКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

— **А** для демонстрации все готово, — тихо, будто обращаясь преимущественно к самому себе, произнес Оскар Хардинг, когда ему сообщили по телефону, что генерал уже поднимается вверх.

Бен Файф — молодой сотрудник Хардинга — еще глубже засунул крепко сжатые кулаки в карманы лабораторного халата.

— Ничего у нас не выйдет! — сказал он. — Генерал все равно мнение не изменит.

Он искоса бросил взгляд на резкий профиль своего более пожилого товарища, на его провалившиеся щеки и заметно редящие волосы. Мало ли что Хардинг просто волшебник по части электронного оборудования! В данном случае он просто, видимо, не понимает, что за тип их генерал.

Хардинг мягко возразил:

— Ну разве можно что-нибудь утверждать заранее?

Генерал стукнул в дверь только раз, да и то лишь ради приличия. Вошел он быстро, даже не дождавшись приглашения. Двое солдат тут же заняли пост в коридоре, встав на часах по обе стороны двери, и, не моргая, уставились прямо перед собой, с винтовками наперевес.

Генерал Грюнвальд бросил: «Добрый день, профессор Хардинг!», небрежно кивнул в сторону Файфа, а затем в течение нескольких секунд взглядывался в третьего находившегося в комнате человека. То был мужчина с ничего не выражающим лицом, сидевший в некотором отдалении в кресле

с высокой прямой спинкой, частично скрываясь за лабораторным оборудованием.

Отличительной чертой генерала была решительность — именно она определяла его походку, его осанку и его манеру разговаривать. Он весь состоял как бы из одних прямых линий и углов и во всем неуклонно придерживался этикета, принятого среди настоящих вояк.

— Не уютно ли присесть, генерал, — пробормотал Хардинг. — Я вам очень признателен. С вашей стороны так мило посетить нас. Я сам уже неоднократно пытался с вами встретиться. Прекрасно понимаю, что вы человек чрезвычайно занятой.

— Ну а поскольку я занят, — ответил генерал, — то давайте держаться ближе к делу.

— Я постараюсь быть как можно более кратким. Предполагаю, что вы знакомы с нашим проектом? Вам ведь известно о нейрофотоскопе?

— О нашем сверхсекретном проекте? Разумеется, мои помощники по науке стараются, насколько это в их силах, держать меня в курсе. Но я не буду возражать против некоторых дополнительных разъяснений. Что вам нужно?

От неожиданного вопроса Хардинг часто-часто заморгал. Потом выдохнул:

— Если коротко... то снятия грифа «секретно». Я хочу, чтобы весь мир узнал...

— А зачем вам надо, чтоб об этом узнали?

— Нейрофотоскопия, сэр, очень важная проблема и невероятно сложная. Я бы хотел, чтобы ученые всего мира могли над ней как следует поработать.

— Нет, нет и нет! Мы об этом уже несколько раз говорили. Открытие — наше, и им будем пользоваться только мы.

— Тогда, боюсь, оно останется незначительным. Разрешите мне объяснить все еще раз.

Генерал нетерпеливо взглянул на часы:

— Время будет потеряно совершенно впустую.

— У меня есть новые аргументы. Я хочу их вам продемонстрировать. Уж раз вы все равно здесь, генерал, то не сможете ли вы уделить нам еще чуточку времени и выслушать меня? Я постараюсь опустить все научные детали и напомню лишь, что различные электрические потенциалы клеток головного мозга могут быть записаны в виде слабых и нерегулярных волновых колебаний.

— Энцефалограммы. Да, мне это известно. По-моему, ими занимаются уже больше сотни лет. И еще я знаю то, что вы с ними делаете.

— Э-э... да, — Хардинг стал еще серьезнее. — Излучения мозга несут заложенную в них информацию в очень компактной форме. Они одновременно дают нам целый комплекс сигналов из сотни миллиардов клеток. Я же открыл практический метод, который позволяет преобразовывать их в видимые цветные узоры.

— С помощью вашего нейрофотоскопа, — сказал генерал, указывая на аппарат. — Как видите, мне этот прибор знаком.

Ленточки за все кампании, в которых участвовал генерал, и ордена на его груди с точностью до миллиметра соответствовали предписаниям и правилам ношения наград.

— Совершенно верно. Этот прибор преобразует волны в красочные узоры, в изображения, которые заполняют собой пространство и быстро сменяют друг друга. Их можно фотографировать, и они очень красивы.

— Я видел фотографии, — холодно отозвался генерал.

— А приходилось ли вам видеть аппарат в действии?

— Раз два. Впрочем, вы сами тогда присутствовали.

— Ах да! — Профессор явно смутился, но тут же продолжил: — Зато вы не видели этого человека, — и Хардинг жестом указал на мужчину с остреньким подбородком, длинным носом, без малейшего намека на шевелюру и с каким-то странным отсутствующим выражением глаз, сидевшего в кресле. — Он наш новый подопытный.

— Кто такой? — спросил генерал.

— Мы зовем его просто Стивом. Он умственно отсталый, но дает самые яркие изображения из всех, какие нам когда-либо приходилось получать. Почему так, мы не знаем. Возможно, это как-то связано с его менталитетом.

— Вы что, намерены демонстрировать мне его возможности? — взорвался генерал.

— С вашего позволения, генерал. — Хардинг кивнул Файфу, который мгновенно приступил к делу.

Подопытный с обычным для него незаинтересованным видом наблюдал за действиями Файфа, апатично подчиняясь его распоряжениям. Легкий пластиковый шлем точно прилепился к его бритый череп, а каждый из электродов весьма сложной конфигурации сам собой оказался на нужном мес-

те. Файф старался работать спокойно и без ошибок, несмотря на нервозность обстановки. Он до смерти боялся, что генерал вдруг взглянет на часы, встанет и уйдет.

Наконец, тяжело дыша, Файф отступил в сторону.

— Приступать к активации, профессор Хардинг?

— Да. Начинайте!

Файф осторожно подсоединил контакты, и воздух над головой Стива тут же начал светиться, причем интенсивность свечения непрерывно возрастала. Появился разноцветный круг, в нем возникли другие; все они вращались, переплетались и расходились.

У Файфа откуда-то вдруг родилось ощущение острого беспокойства, но он тут же постарался подавить его. Это были эмоции подопытного — Стива, — лично же к Файфу они отношения не имели. Надо полагать, генерал ощутил нечто в том же роде, так как вдруг начал ерзать на своем стуле и пару раз громко кашлянул.

Хардинг возобновил объяснения:

— На самом деле картинки несут несколько не больше информации, чем волновые излучения мозга, записанные в виде графиков, но их легче анализировать. В какой-то степени тут можно провести аналогию с тем, что происходит, когда мы помещаем микроб под окуляр мощного микроскопа. Ничего принципиально нового мы не добавили, но то, что лежит на предметном стеклышке, становится легче изучать.

Нервное состояние Стива непрерывно усиливалось. Файф ощущал, что виной тому неприятное и нерасполагающее к доверию присутствие генерала. Хотя Стив и не изменил своей позы и не выказывал явных признаков страха, краски на узорах, порожденных его мозгом, становились все грубее, а сами круги сталкивались все чаще и все агрессивней.

Генерал поднял руку, будто хотел оттолкнуть от себя прочь мерцающие цветные вспышки.

— Ну и что вы думаете обо всем этом, профессор?

— Со Стивом мы можем продвигаться вперед гораздо быстрее, чем раньше. Уже за те два года, что прошли с тех пор, как я изготовил первую модель этого прибора, мы узнали о работе мозга больше, чем за предыдущие пятьдесят. Со Стивом и, возможно, с другими ему подобными, а также с помощью ученых всего мира...

— Мне доложили, что вы способны использовать эту штурмовину для коммуникации с другими разумами, — резко оборвал его генерал.

— Коммуникация с разумами? — Хардинг задумался. — Вы имеете в виду телепатию? Ну, это уж слишком сильно сказано. Разумы, знаете ли, тоже разные бывают. Тончайшие особенности вашего мышления отнюдь не сходны с моим или с образами мышления других людей. Грубые зрительные формы мозговой деятельности, весьма возможно, будут плохо контактировать между собой. Нам ведь и самим приходится переводить мысли в слова — очень примитивный способ коммуникации, но даже тут налаживание подлинного контакта между людьми весьма затруднено.

— Я вовсе не имею в виду телепатию! Я имею в виду эмоции! Если подопытный ощущает гнев, то и «принимающий» может испытать наведенное чувство гнева, не так ли?

— Что ж, в некотором смысле так.

Тут генерал разволновался.

— Эти штуки... ну, те что перед нами... — генерал ткнул пальцем в сторону цветных изображений, которые сейчас крутились настолько бурно, что вряд ли были способны доставить хоть кому-нибудь удовольствие, — их ведь можно использовать для управления эмоциями! Соедини их с трансляцией по телевидению, и пожалуйста — налаживай манипулирование эмоциями населения целых стран! Так можем ли мы отдать такую грозную силу в не те руки?!

— Если это действительно такая сила, то рук, в которые ее можно было бы отдать, в принципе просто не существует.

Файф нахмурился. Опасная реплика. Время от времени Хардинг был склонен забывать, что времена демократии давно прошли.

Но генерал на слова Хардинга не обратил внимания. Он гнул свое:

— Я и понятия не имел, что вы в этом деле продвинулись так далеко. Не знал, что у вас появилось это... этот Стив. Вы получите еще таких же. А пока армия возьмет контроль над проектом на себя. Полностью!

— Пойдите, генерал, потерпите еще десяток секунд! — Хардинг обернулся к Файфу. — Дай-ка Стиву его книжку, Бен.

Файф выполнил распоряжение с особым рвением. Томик оказался одной из тех красочных калейдоскопических картинок, где содержание передается с помощью цветных фотографий, которые медленно двигаются и сменяют друг друга, как только книжку раскрывают — нечто вроде мультиков, но в твердой обложке. Стив заулыбался, жадно потянувшись к книге.

Почти в то же мгновение изменился и характер цветных узоров, плывавших вокруг пластикового шлема. Кружение замедлилось, краски стали мягче, а сами узоры внутри большой окружности заметно упорядочились.

Файф облегченно вздохнул и позволил себе расслабиться. По всему телу разошлось благодатное тепло.

Хардинг между тем говорил:

— Генерал, пусть возможность контролировать эмоции вас не тревожит. Наш прибор вряд ли способен на подобное. Конечно, есть люди, чьими эмоциями управлять легко, но нейрофотоскоп для этого вовсе не нужен. Такие люди реагируют на ключевые слова, на музыку, на мундиры и еще на многое другое, совершенно без участия мысли. Когда-то Гитлер полностью контролировал положение в Германии, вовсе не имея телевидения, а Наполеон — Францию без радио и без массовых тиражей газет. Так что наш «скоп» ничего нового в этом плане не дает.

— Не верю я этому, — пробормотал генерал, но все же на его лице возникло выражение задумчивости.

Стив между тем продолжал «вчитываться» в свою книжку, и рисунки над его головой почти застыли, образовав изящный узор, выполненный в теплых и нежных тонах.

В голосе Хардинга зазвучали настойчиво-увещательные нотки:

— Однако всегда найдутся лица, которые сопротивляются ортодоксальности и не могут маршировать в общих рядах; эти люди играют в обществе важнейшую роль. Они не подчинятся подобным цветным узорам — так же, как и любой другой форме силового давления. Так зачем же трепетать по поводу жалкого пугала контроля над эмоциями? Давайте вместо этого будем видеть в нейрофотоскопе простой инструмент, с помощью которого мозговые функции человека могут быть подвергнуты глубокому изучению. Вот это-то и должно интересоваться нас в первую очередь. Чтобы изучить человечество, надо сначала изучить человека, как когда-то справедливо заметил Александр Поп*; ну а что такое человек, как не мозг?

Генерал продолжал хранить молчание.

— Если бы мы сумели понять, как работает мозг, — говорил тем временем Хардинг, — и узнали бы наконец, что именно делает человека Человеком, мы смогли бы встать на путь понимания самих себя, а ведь нет у нас задачи более

* Поп Александр (1688—1744) — английский поэт.

трудной... и более важной! Но разве под силу такое одиночке или даже отдельной лаборатории? Тем более в обстановке секретности и страха? Тут необходима кооперация ученых всего мира... Генерал, снимите гриф «секретно» с нашего проекта! Подарите идею всему человечеству!

Генерал медленно кивнул:

— Я думаю... в конце концов, возможно, вы и правы...

— Я тут набросал соответствующий документ... Если вы подпишете его и подтвердите верность подписи отпечатком большого пальца, если вы воспользуетесь двумя часовыми в качестве свидетелей, если обратитесь к Исполнительному Совету по закрытой линии связи и если...

Все так и произошло. Все было сделано именно так под изумленным взором Файфа.

Когда генерал удалился, нейروفотоскоп разобрали, а Стива увели в его помещение, Файфу наконец удалось преодолеть ступор удивления настолько, что он сприсял:

— Как могло случиться, что генерал легко поддался угворам, профессор Хардинг? Вы же вдалбливали ему свою точку зрения по меньшей мере в дюжине докладных, но это ничуть не помогало!

— Я никогда не излагал свою точку зрения ни в этом помещении, ни при работающем нейروفотоскопе, — отозвался Хардинг, — и у меня никогда не было столь мощного «передатчика» как Стив.

Есть немало людей, которые, как я говорил, способны противостоять контролю над эмоциями, хотя многие другие просто не в состоянии этого сделать. Тех, кто обладает склонностью к конформизму, очень легко уговорить присоединиться к точке зрения оппонента. Вот я и сделал ставку на то, что каждый человек, который свободно чувствует себя в мундире и привык жить по уставу, легко может быть поколеблен в своих взглядах, каким несокрушимым он бы себе ни представлялся.

— Вы хотите сказать... Стив...

— Разумеется. Я дал генералу возможность сначала ощутить беспокойство и острый дискомфорт, а затем ты вручил Стиву его калейдоскоп, благодаря чему атмосфера обрела чувства спокойствия и счастья. Ты ведь тоже испытал это?

— Да, конечно.

— Я предположил, что генерал не сможет противостоять этой радости бытия, которая так внезапно последовала за

тревогой, и он таки не смог! В этот момент что бы ему ни показали, он все воспринял бы как прекрасное и разумное.

— Но он же очнется и свое решение изменит?

— Безусловно, так и произойдет, однако какое это будет иметь значение? Главные результаты, касающиеся нейروفотоскопа, в эту самую минуту уже передаются по всему миру средствами массовой информации. Возможно, генералу и удастся запретить публикации в нашей стране, но уж никак не в других. Нет, ему придется сделать хорошую мину при плохой игре. Человечество сумеет наконец подвергнуть себя глубокому изучению!

Та картинка, о которой шла речь, изображала всего лишь примитивно написанную голову и серию бессмысленных психогелических символов, витающих вокруг нее. Моему уму это мало что говорило, и пришлось затратить чертову уйму времени, обдумывая сюжет «Глубокого исследования». Пол Андерсон тоже написал рассказ, основанный на впечатлении от той же картинки, и, возможно, ему это удалось куда легче, чем мне.

Оба рассказа появились в одном издании, и полагаю, что их было бы интересно сравнить, чтобы поработать над гипотезой о различиях в ходе мыслительных процессов у меня и у Пола; но, как и в случае с «Пустотой», я не сохранил рассказ Пола. Кроме того, мне вовсе не хочется, чтобы вы сравнивали наши мозги. Пол — блестящий писатель, и вы, чего доброго, заявитесь ко мне с тьмой низких истин, которым мне совсем не интересно глядеть в глаза.

В начале 1970 года «Ай-Би-Эм Мэгэзин» обратился ко мне с цитатой из Дж. Б. Пристли, которая звучала так: «Меж полночью и рассветом, когда сон не приходит и все старые раны начинают ныть, мне нередко является кошмарное видение будущего мира, где живут миллиарды людей, где каждый из них пересчитан и перенумерован, где нельзя обрести ни искры гениальности, ни одного неординарного ума, ни единой яркой личности на всем битком набитом земном шарики».

Редактор журнала попросил меня написать рассказ, основанный на этой цитате, что я и сделал к концу апреля, отправив его в редакцию почтой. Этим рассказом был «В лето 2430 от Р. Х.». Я отнесся к цитате из Пристли вполне серьезно и постарался описать мир его кошмаров.

А «Ай-Би-Эм Мэгэзин» прислал мне отказ. Мне сказали, что им не нужен рассказ, подтверждающий цитату; им хотелось получить такой, который ее опровергал бы. Непонятно только, почему они не сказали мне об этом раньше.

В обычных условиях я бы наверняка разозлился и написал им, надо думать, весьма ядовитое письмо. Однако это время было для меня очень трудным, и к тому же имел место один личный крутой разворот, причем очень грустный для меня и затрагивавший самую основу моей жизни.

Мой брак, хромавший уже несколько лет, наконец рухнул. Шестого июля 1970 года, как раз когда на носу был двадцать восьмой юбилей нашей свадьбы, я ушел из дому и уехал в Нью-Йорк. Там я снял двухкомнатный номер в отеле, который мне предстояло использовать в качестве офиса все ближайшие пять лет.

Подобные перемены не могут не сопровождаться различными тревогами, неприятностями и огорчениями. Окруженный ими, я, будучи таким, каков я есть, воссая в двухкомнатном номере отеля в совершенно чужом городе, лишенный своей справочной библиотеки, которая все еще не пришла, больше всего терзался мыслью, удастся ли мне сохранить здесь свою способность писать.

Я вспомнил про рассказ «В лето 2430 от Р. Х.», который в обычных условиях выбросил бы с негодованием. Но тогда, только для того, чтобы убедиться, могу ли я писать, восьмого июля 1970 года, спустя всего лишь пять дней после переезда, я начал второй рассказ, который должен был опровергнуть цитату из Пристли, и назвал его «Величайшее из достижений».

Получившееся я отправил в «Ай-Би-Эм Мэгэзин» — и вы мне не поверите: прочитав этот второй рассказ, они в конце концов решили взять первый. Это меня буквально сразило. Неужели мой второй рассказ так плох, что перед ним даже первый выглядит лучше? Или они изменили свое мнение еще до того, как я стал писать второй, но просто не соизволили сообщить мне об этом? Подозреваю, что верно последнее предположение. Во всяком случае, «В лето 2430 от Р. Х.» был напечатан в октябрьском номере «Ай-Би-Эм Мэгэзин» за 1970 год.

В ЛЕТО 2430 ОТ Р. Х.

Меж полночью и восходом, когда сон не приходит и все старые раны начинают ныть, мне нередко является кошмарное видение будущего мира, где живут миллиарды людей и каждый из них пересчитан и перенумерован, где нельзя обрести ни искры гениальности, ни одного неординарного ума, ни единой яркой личности на всем битком набитом земном шарике.

Дж. Б. Пристли

— Он согласился поговорить с нами, — сказал Альварес, когда из дверей появился второй мужчина. — Отлично, — ответил Бантинг, — давление общественного мнения неизбежно должно на него подействовать. Станный тип. И как ему удалось избежать процесса генетической адаптации, ума не приложу. Но говорить с ним будете вы. Меня он раздражает, я даже забываю о вежливости.

Они свернули в коридор, по которому проходила Административная Тропа и где, как обычно, народу было совсем немного. Можно было воспользоваться Двигающимися Дорогами, но идти было недалеко — всего мили две, а Альварес обожал пешие прогулки, так что Бантинг не стал спорить.

Высокий и худощавый Альварес обладал той атлетической фигурой, которая бывает у человека, стремящегося побольше упражнять мускулатуру, человека, повседневно пользующегося, например, лестницами и пандусами, что подвело его почти к тому пределу, за которым его самого уже

2430 A. D.

© 1970 by Isaac Asimov

В лето 2430 от Р. Х.

© В Ковалевский и Н Штутцер, перевод, 1997

можно было обвинить в импульсивном характере. Бантинг, более мягкий и округлый, избегал даже ламп солнечного света, а потому был очень бледен.

Бантинг меланхолично заметил:

— Надеюсь, нас двоих будет достаточно.

— Думаю, да. Мы же намерены сохранить это дело в рамках своего Сектора, если такая возможность представится.

— Вот именно! Вы знаете, я все время думаю — почему это должно было случиться именно в нашем Секторе? Пятьдесят миллионов квадратных миль семисотого уровня жизненного пространства, и вот — на тебе! Именно в нашем жилом блоке!

— Да, можно сказать, выделились, хотя и в довольно неприятном аспекте, — отозвался Альварес.

Бантинг недовольно фыркнул.

— Но нам с вами это может оказаться на руку, — тихонько добавил Альварес, — особенно если мы сумеем уладить дело без шума. Мы ведь тогда достигнем пика. Достигнем конца. Достигнем цели. Все Человечество достигнет. А добьемся этого мы с вами!

Бантинг тут же просветлел.

— Вы полагаете, они могут взглянуть на дело с такой точки зрения?

— Надо позаботиться о том, чтобы случилось именно так.

Их шаги были почти не слышны благодаря пластиковому покрытию на мелко дробленном гравии дорожки. Они проходили пересечения с другими коридорами и видели огромные толпы людей на Двигающихся Дорогах. Почти повсеместно ощущался легкий запах многочисленных разновидностей планктона. Однажды, почти инстинктивно, они почувствовали, что где-то над ними далеко вверх находится начало одного из гигантских трубопроводов, засасывающих воды океана в глубь города; а где-то поблизости, согласно правилу симметрии, наверняка находится другой, не менее гигантский трубопровод, который далеко-далеко внизу сбрасывает в океан городские стоки.

Целью путешествия Альвареса и Бантинга было жилое помещение где-то на задворках главного туннеля, но казавшееся отличным от тысяч таких же жилищ, мимо которых они проходили. Здесь присутствовало нечто, создававшее трудно уловимое, но тревожное ощущение пространства — вероятно, потому, что по обеим сторонам от двери на

протяжении нескольких сот футов стена была совершенно сплошной. И еще тут чем-то пахло.

— Чувствуете? — пробормотал Бантинг.

— Мне уже приходилось с этим встречаться, — ответил Альварес. — Нечто нечеловеческое.

— В самую точку попали, — кивнул Бантинг. — Надеюсь, он не захочет, чтоб мы на них любовались?

— Если и захочет, нам будет нетрудно уклониться.

Они позвонили, а затем ждали в молчании, не обращая внимания на гул непрерывной бурной жизнедеятельности — к нему они давно привыкли, как к неотъемлемой части своего окружения.

Дверь открылась. Кранвиц ожидал посетителей. Одетый в такую же одежду, что и все, — легкую, простую, серую, он ухитрился выглядеть утрюмым и каким-то подержанным — волосы были слишком длинными, глаза налиты кровью и беспокойно бегали по сторонам.

— Можно нам войти? — спросил Альварес с холодной вежливостью.

Внутри запах был еще сильнее. Кранвиц закрыл дверь, гости сели. Кранвиц же продолжал стоять и до сих пор не проронил ни слова. Заговорил Альварес:

— В роли Представителя и в присутствии Бантинга, как Вице-Представителя, я обязан задать вам вопрос: согласны ли вы подчиниться общественной необходимости?

Кранвиц, казалось, обдумывал сказанное. Когда он наконец заговорил, его низкий голос звучал хрипло, и ему пришлось несколько раз откашливаться.

— Не желаю, — ответил он. — И не обязан. Существует давнишний контракт с Правительством. Моя семья всегда обладала правом...

— Это нам известно, и вопрос о применении силы не стоит, — возмутился Бантинг. — Мы просим вас согласиться добровольно.

Альварес предостерегающе коснулся колена Бантинга.

— Вы же понимаете, сейчас ситуация совсем не та, что была во времена вашего отца и фактически даже не та, что была в прошлом году.

Длинный подбородок Кранвица чуть заметно дрогнул.

— Не вижу почему. Рождаемость в этом году упала на величину, соответствующую расчетам, и все остальное изменилось примерно в тех же пропорциях. Так происходит каждый год. Чем же, по-вашему, этот год отличается от других?

Его голосу, однако, не хватало убежденности в правоте. Альварес был уверен, что Кранвиц знает, в чем отличие этого года, а потому ответил совершенно спокойно:

— В этом году мы достигли поставленной цели. Рождаемость теперь точно соответствует смертности; численность населения полностью стабилизирована; строительство лишь компенсирует объем жилья, выходящего из строя. Морские фермы тоже дают неизменное количество пищи. И только вы загоразживаєте дорогу, мешая человечеству достигнуть Совершенства.

— И все это из-за нескольких мышек?

— Да, из-за нескольких мышек. И из-за других животных тоже. Морских свинок. Кроликов. Птиц и ящеров. Я не производил подсчетов...

— Но ведь это последние животные, которые остались в нашем мире! Какой от них ущерб?

— А какая польза? — вскричал Бантинг.

Кранвиц ответил:

— Польза в том, что ими можно любоваться. В прежние времена...

Альварес все это уже слышал раньше. Он говорил, стараясь вложить в голос как можно больше сожаления и симпатии (к своему удивлению, совершенно искренних):

— Я знаю! Были такие времена! Столетия назад существовало огромное разнообразие форм органической жизни, в частности тех, которых вы так любите. А еще миллионы лет назад жили динозавры. Но у нас о них обо всех сохранились микрофильмы. И человечеству не угрожает опасность начисто их забыть.

— Как можно ставить на одну доску микрофильмы и живые существа?! — воскликнул Кранвиц.

Губы Бантинга искривились усмешкой:

— Действительно, микрофильмы не воняют.

— Наш зоопарк раньше был куда больше, — сказал Кранвиц, — но год за годом нам приходилось от многого отказываться. От всех крупных зверей. От хищников. От деревьев. Не осталось ничего, кроме небольших растений и маленьких зверюшек. Подарите им жизнь!

— Да к чему они? — ответил Альварес. — Ведь никто их даже видеть не хочет! Человечество против вас.

— Общественное мнение...

— Мы не можем удержать людей от противодействия тем, кто стоит на пути прогресса. Народу не нужны эти ошибки Природы. Они вызывают только безразличие; они

и в самом деле отвратительны. Тогда зачем же они? — Голос Альвареса был вкрадчив и убедителен.

Теперь Кранвиц уже сидел. Его щеки покраснели, будто от лихорадки.

— Я мечтал... Когда-нибудь мы выйдем за пределы Земли, и человечество приступит к колонизации внешних миров. Ему понадобятся животные. Захочется видеть какие-то другие формы жизни на новых безжизненных планетах. Тогда человечество начнет создавать новую, более разнообразную экологию, оно...

Его слова увядали под враждебными взглядами тех двоих, что сидели рядом. Вмешался Бантинг:

— Какие это миры вы собрались колонизировать?

— Достигли же мы Луны в 1969 году, — ответил Кранвиц.

— Разумеется, и даже основали колонию — а затем забросили ее. Во всей Солнечной системе нет планеты, которая могла бы поддерживать существование человека без непрерывных технических средств и расходов.

— Но существуют же миры вокруг далеких звезд! Сотни миллионов похожих на Землю! Обязаны существовать! — выкрикнул Кранвиц.

Альварес покачал головой:

— Не доберешься. Мы окончательно истощили Землю и заполнили ее человеческими особями. Мы сделали наш выбор, и этот выбор — Земля. У нас нет ресурсов, чтобы осуществить проект строительства космического корабля, способного пересечь безбрежные пространства Космоса. Вам никогда не случалось изучать историю двадцатого века?

— Это было последнее столетие открытого мира.

— Именно так, — сухо отозвался Альварес. — Надеюсь, вы не слишком романтизировали его? Мне тоже довелось изучать это безумие. Мир тогда был пуст — всего лишь несколько миллиардов человек, а им казалось, что он перенаселен; и в общем-то, не без оснований. Более половины своих ресурсов люди растрчивали на войны и на подготовку к войнам. Они развивали свою экономику без учета будущего, травили среду, слепо растрчивали ресурсы и теряли их безвозвратно, позволяли случая управлять своим генетическим фондом, безразлично относились к отклонениям людей от нормы во всех отношениях. Разумеется, они опасались того, что называли «популяционным взрывом» и мечтали добраться до новых миров, как о средстве бегства

от этой опасности. Мы в тех условиях поступали бы точно так же.

Мне нет необходимости говорить вам об исторических событиях и научном прогрессе, которые изменили все это, но я все же напомню то, что вы, видимо, стараетесь позабыть. Было создано Мировое Правительство, началось развитие ядерной энергетики и генной инженерии. В условиях всепланетного мира и обилия энергии человечество смогло быстро наращивать свою численность, причем наука шла вровень с этим ростом.

Было заранее определено, какую численность народонаселения Земля сможет обеспечить. Столько-то калорий солнечной энергии достигает поверхности планеты, столько-то тонн двуокиси углерода поглощают в год растения и столько-то тонн биомассы животных обеспечивает эта растительная масса. Земля могла поддерживать существование лишь двух триллионов тонн массы животного происхождения.

Тут Кранвиц не выдержал:

— И поэтому все два триллиона тонн следовало отвести людям?

— Именно так.

— Даже если это означает уничтожение всех других живых существ?

— Таков путь эволюции, — зло выкрикнул Бантинг. — Выживают лишь наиболее приспособленные.

Альварес снова слегка прикоснулся к его колену.

— Бантинг прав, Кранвиц, — сказал он мягко. — Рыбы с внутренним скелетом сменили панцирных, которые в свою очередь когда-то сменили трилобитов. Рептилии сменили амфибий, а им на смену впоследствии пришли млекопитающие. Теперь, наконец, эволюция достигла своего пика. Земля обеспечивает жизнь гигантского пятнадцатитриллионного населения людей...

— Но как? — горячо возразил ему Кранвиц. — Они ютятся в колоссальном сверхздании, занимающем всю поверхность суши, на которой больше нет ни растений, ни животных, кроме тех, что прозябают тут у меня. И весь ныне необитаемый океан превратился в планктонную похлебку. Никакой жизни, кроме планктона. Мы бесконечно снимаем с него урожай, чтобы прокормить человечество, и точно так же бесконечно пополняем океан органикой, чтобы прокормить планктон.

— Мы живем очень хорошо, — парировал Альварес. — Войн нет, преступности нет. Наша рождаемость строго регулируется; наша смерть легка. Наши дети генетически адаптированы, и на Земле нынче насчитывается двадцать миллиардов тонн нормального мозгового вещества. Трудно даже вообразить такое количество сложнейшего во всей Вселенной органического продукта.

— И что же делает это колоссальное количество мозгов?

Бантинг испустил громкий вздох возмущения, но Альварес, все еще продолжая сохранять спокойствие, ответил:

— Мой друг, вы путаете путешествие с прибытием к месту назначения. Вполне возможно, что это результат вашего общения с животными. Когда Земля только развивалась, Природа была вынуждена экспериментировать, опираясь на случайность. Тогда расточительность была оправдана. Земля была в те времена пустынна, свободной территории хоть отбавляй, и эволюция могла экспериментировать с десятками тысячами видов или даже больше, пока она не отобрала наконец нужные ей.

Даже когда появилось человечество, ему приходилось идти на ощупь. В процессе обучения оно рисковало, пыталось совершать невозможное, валяло дурака, гибло. Но теперь человечество прибыло в свой дом. Люди целиком заняли планету, и им останется лишь наслаждаться Совершенством.

Альварес помолчал, давая собеседнику возможность проникнуться смыслом сказанного, затем продолжил:

— Мы жаждем этого, Кранвиц. Весь мир жаждет Совершенства, достигнутого нашим поколением, и мы хотим получить награду за свои достижения. Ваши животные нам мешают.

Кранвиц упрямо покачал головой:

— Они занимают ничтожно мало места. Потребляют ничтожно мало энергии. Если вы их уничтожите, то какое пространство выгадаете? Еще для двадцати пяти человек? Двадцати пяти при пятнадцати триллионах!..

— Двадцать пять человек — это семьдесят пять фунтов мозга. А что может быть противопоставлено по важности семидесяти пяти фунтам человеческого мозга? — взвизгнул Бантинг.

— У вас и без того миллиарды тонн этих мозгов!

— Знаем, — согласился Альварес, — но разница между Совершенством и неполным совершенством такая же, как между Жизнью и не совсем жизнью. Вся Земля готова отметить год 2430 от Рождества Христова — год, когда компьютер

сообщил нам, что планета наконец заполнена; цель достигнута; труды эволюции увенчались успехом. Неужели же мы должны страдать от нехватки места для двадцати пяти человек даже при пятнадцати триллионах? Это такая ничтожная, такая крохотная недостача... и все-таки это недостача!

Думайте, Кранвиц! Пять миллиардов лет Земля ждала, чтобы ее заполнили. Неужели нам снова придется ждать? Мы не вправе заставить вас и не собираемся этого делать, но если вы уступите добровольно, то станете героем в глазах у всех.

— Да, — подхватил Бантинг, — и люди будут помнить, что Кранвиц совершил деяние, благодаря которому было достигнуто Совершенство!

Кранвиц ответил, подражая голосу Бантинга:

— И Человечество запомнит, что именно Альварес и Бантинг убедили Кранвица поступить так, а не иначе!

— Если допустить, что нам это удалось, — кивнул Альварес, не позволяя своему раздражению вырваться наружу. — Но скажите мне, Кранвиц, сможете ли вы вечно противостоять объединенной воле пятнадцати триллионов людей? Каковы бы ни были ваши мотивы — а я признаю, что вы в определенном смысле идеалист, — неужели вы посмеете лишить такое огромное количество людей последнего недостающего ему жалкого кусочка Совершенства?

Кранвиц молча смотрел в пол, и рука Альвареса сделала легкое движение в сторону Бантинга, который послушно промолчал. Тишина не нарушалась, пока текли томительные минуты.

И тогда Кранвиц прошептал:

— Могу я еще один день провести с моими животными?

— А потом?

— А потом... потом я больше не буду стоять между Человечеством и Совершенством.

Альварес ответил:

— Я извещу об этом. Все будут вас почитать.

Оба гостя покинули комнату.

В огромном, занимающем весь континент здании пять триллионов из населяющих его людей мирно спали; около двух — мирно закусывали; половина триллиона неспешно занималась любовью. Остальные триллионы либо беседовали без всякой горячности, либо неторопливо общались со своими компьютерами, либо катались на машинах, либо изучали

технологии, либо собирали микрофильмовые библиотеки, либо развлекали своих сограждан. Триллионы ложились спать, триллионы вставали с кроватей; это рутинное житейское бытие не нарушалось никакими случайностями.

Работали машины, проверяя собственную надежность и тут же исправляя найденные неполадки. Планктонная похлебка океана грелась под солнцем, и клетки планктона делились снова и снова, тогда как драги бесконечно вычерпывали похлебку ковшами, высушивали и миллионами тонн доставляли к конвейерам и трубопроводам, которые разносили эти тонны по всем уголкам бесконечного здания.

А в других уголках здания собирались отходы жизнедеятельности человека — их подвергали облущению, обрабатывали, высушивали; поступающие трупы размельчали, тоже высушивали и обрабатывали, и все это сбрасывалось в океан.

В течение нескольких часов, пока происходило все сказанное выше, так же как оно происходило множество десятилетий до того и неуклонно будет происходить грядущие тысячелетия, Кранвиц в последний раз покормил своих питомцев, погладил морскую свинку, поднял к лицу черепашку, чтобы встретить ее бессмысленный взгляд, и пропустил меж пальцев живой клинок зеленой травинки.

Он пересчитал их всех — последних живых существ Земли, которые не были ни людьми, ни пищей для людей, затем продезинфицировал почву, в которой росли растения, и убил их. Он затопил клетки и другие помещения, где копошились зверюшки, предназначенными для этой цели газами, и животные перестали копошиться, а вскоре и совсем умерли.

Когда последнее существо погибло, между Человечеством и Совершенством остался стоять один лишь Кранвиц, чьи думы все еще мятежно отклонялись от нормы. Но и для Кранвица тоже нашелся газ, так как он не хотел больше жить.

И после этого пришло истинное Совершенство, ибо по всей Земле среди ее пятнадцати триллионов обитателей и двадцати миллиардов тонн человеческих мозгов не было (раз уж Кранвиц помер) ни одной нестандартной идеи, ни единой интересной мысли, которая могла бы возмутить всеобщее спокойствие, а это означало, что изящное ничтожество единообразия наконец-то победило повсеместно.

Даже когда рассказ «В лето 2430 от Р. Х.» был опубликован и весьма щедро оплачен, мои неврастеничные страхи не улеглись. Принятый журналом рассказ был все же написан

еще тогда, когда я жил в Ньютоне, а тот, что они отвергли, — уже в Нью-Йорке.

И тогда я отнес «Величайшее из достижений» к Джону Кэмпбеллу (мы с ним снова оказались в одном городе впервые за двадцать пять лет) и изложил ему историю с «Ай-Би-Эм Мэгэзин». Я сказал, что даю ему рассказ, который они отвергли, и не обижусь, если он по такому случаю откажется его читать.

Добрый старина Джон пожал плечами и сказал: «Один редактор вовсе не обязан соглашаться с другими».

Он прочел рассказ и купил его. Я не стал говорить ему о своих страхах и безумных тревогах насчет того, что не смогу писать в Нью-Йорке, так как стыдился их, а Джон для меня все еще оставался тем великим человеком, перед которым вовсе не хотелось предстать болваном. И все же, взяв этот рассказ, он добавил еще одно благодеяние к глинному списку тех, которыми он меня уже осыпал.

(А в случае если вы беспокоитесь за меня, то спешу сообщить, что годы проведенные в Нью-Йорке, оказались для меня даже более продуктивными, чем те, что прошли в Ньютоне. В своем двухкомнатном номере я прожил 57 месяцев и опубликовал 57 книг.)

Примечание: Численность населения Земли в 1970 году оценивалась в 3,68 млрд человек. При современных темпах прироста оно удваивается каждые 35 лет. Если такой темп сохранится, то в 2430 году вес человеческой плоти и крови будет равен весу биомассы всех других животных, ныне обитающих на нашей планете. Так что в этих пределах прочитанный вами рассказ — отнюдь не фантазия.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ДОСТИЖЕНИЙ

Прирученная, выдрессированная Земля представляла собой единый огромный парк.

Лу Тансония печально взирал, как ее диск растет в иллюминаторах лунного челнока. Монументальный нос разделял лицо ученого на две непримечательные, вечно скорбные половинки, выражение которых соответствовало сейчас настроению Лу.

Он никогда прежде не уезжал так надолго — почти на месяц — и уже предвкушал малоприятный период акклиматизации к безжалостному земному тяготению. Но это будет потом. А пока он скорбел над растущей внизу Землею.

Издавека Земля казалась изукрашенным белыми спиралями диском, сверкающим на солнце в своей первозданной красоте. Отдельные бурые и зеленые пятна виднелись через облачный полог. Так планета могла бы выглядеть в любой миг из трехсот миллионов лет, прошедших с той поры, когда жизнь покинула море и покрыла зеленью сушу.

Но корабль опускался все ниже, и начинали проступать следы дрессировки.

Не было дикой природы. Лу никогда не видал ее в жизни; только читал о ней в старых книгах или смотрел не менее древние фильмы.

Леса стояли, как на параде, каждое дерево — помечено согласно виду и положению в строю. Злаки росли в полях согласно расписанию, включавшему изредка удобрение и

прополку. Немногие сохранившиеся домашние животные были занесены в каталог — как мрачно подозревал Лу, вместе с каждой травинкой.

Животные попадались так редко, что увидеть одно — и то было чудом. Даже насекомые уменьшились в числе, а крупные животные остались лишь в постепенно исчезающих с лица Земли зоопарках.

Почти пропали даже кошки — если уж хочешь завести зверюшку, намного патристичнее взять в дом хомяка.

Поправимся! Уменьшилось лишь нечеловеческое население Земли. Масса биосферы оставалась прежней, но теперь три четверти ее составлял единственный вид — *Homo sapiens*. И несмотря на все усилия Всеземного бюро экологии, эта доля медленно росла год от года.

Лу всегда думал об этом, как о величайшей потере. Конечно, присутствие человека было незаметно с орбиты, на которой челнок совершал последние витки перед посадкой. И Лу знал, что даже после входа в атмосферу он не заметит их. Исчезли безобразные города, уродовавшие Землю до Объединения. Дороги прежних веков еще прослеживались с воздуха, но на близком расстоянии утопали в разросшихся лесах. Даже сами человеческие существа редко появлялись на поверхности. Но они были там — под землей. Миллиарды обитателей Земли, вместе с фабриками, пищевыми предприятиями, энергостанциями и вакуумными туннелями. Прирученный мир питался солнечной энергией и был свободен от насилия. Лу ненавидел его.

Но теперь он мог позволить себе забыть. После многих месяцев бесплодных попыток он, наконец, увидит самого Адраста. Это последняя кнопка, на которую можно нажать.

Ино Адраст занимал должность генерального секретаря Бюро экологии. Пост невыборный и малоизвестный. Просто это был самый важный пост на планете. Генеральный секретарь контролировал все.

Именно эти слова произнес Ян Марли, с тем выражением рассеянного недоумения, которое неизбежно заставляло подумать, что Ян мог бы растолстеть, кабы не строгая диета.

— Ставлю на что угодно, — заметил он, — что ваш пост — самый важный на Земле. И никто об этом даже не знает.

Адраст пожал плечами. Уже поколение неизбежной детальной административной сцены являлись его плотная фигура, копна некогда русых, а теперь седеющих волос, блекло-голубые глаза с тяжелыми морщинистыми мешками. Он

занимал пост генерального секретаря бюро с тех пор, как слияние региональных экосоветов произвело на свет эту организацию. Те, кто имел представление о его существовании, даже не могли представить себе экологию без Ино Адраста.

— Сказать по правде, — ответил он, — я редко принимаю собственные решения. Приказы, которые я подписываю, тоже не мои. Я их заверяю только потому, что было бы неудобно позволить делать это компьютерам. Но знаете, работу-то делают они.

Ежедневно бюро поглощает неимоверное количество данных со всего земного шара — не только о числе рождений, смертей, демографических сдвигах населения, производстве и потреблении, но и обо всех изменениях численности всех видов животных и растений, не говоря уже о состоянии основных сред биосферы — воды, воздуха и почвы. Информация расчленяется, поглощается и заносится в перекрестно связанные базы данных невероятной сложности. А оттуда мы получаем ответы на наши вопросы.

— На все вопросы? — уточнил Марли, покосившись на собеседника.

— Вопросы без ответа мы научились не задавать, — улыбнулся Адраст.

— И в результате мы имеем экологическое равновесие, — заключил Марли.

— Верно, но равновесие особого рода. Баланс поддерживался все время существования жизни, но всегда за счет катастроф. Любое его нарушение восстанавливают голод, эпидемии, изменение климата. Теперь мы поддерживаем равновесие мелкими ежедневными сдвигами, не позволяя нарушениям накапливаться.

— Как-то вы сказали, — напомнил Марли. — «Величайшее из достижений человечества — это сбалансированная экология».

— Говорят, что сказал.

— Это написано на стене за вашим стулом.

— Только первые четыре слова, — сухо уточнил Адраст.

С длинной ленты блестина подмигивали буквы: «ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ДОСТИЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...»

— Концовку и так все знают.

— О чем еще вам рассказать?

— Могу я посидеть здесь немного и посмотреть, как вы трудитесь?

— Бумажная работа под красивой вывеской.

— Мне так не кажется. Не запланированы ли у вас встречи, на которых я мог бы присутствовать?

— Сегодня одна; с юношей по фамилии Тансония, одним из наших селенистов. Посидите.

— Селенистов? Вы хотите сказать?..

— Работников лунных лабораторий. Слава Богу за то, что он создал Луну. Иначе все их опыты пришлось бы проводить на Земле, а у нас и без того проблем с экологией хватает.

— Вы говорите о ядерной физике и радиационном загрязнении?

— Не только.

Лицо Лу Тансонии выражало попеременно с трудом сдерживаемое возбуждение и с трудом подавляемую нервозность.

— Рад возможности повстречаться с вами, господин секретарь, — выдохнул он, тяжело дыша — земное тяготение брало свое.

— Простите, что не мог принять вас раньше, — вежливо ответил Адраст. — Я получил несколько весьма похвальных отзывов о вашей работе. Этот господин — Ян Марли, популяризатор науки. Его присутствие вас не должно смущать.

Лу коротко кивнул писателю и вновь обернулся к Адрасту:

— Господин секретарь...

— Сядьте, — прервал его Адраст.

Лу устроился в кресле с неуклюжестью человека, привычного к малой силе тяжести, и выражением лица, подразумевавшим, что тратить время на то, чтобы присесть, — значит тратить его зря.

— Господин секретарь, — начал он снова, — я обращаюсь лично к вам по поводу моего проекта, заявка номер...

— Знаю.

— Вы ее читали, сэр?

— Нет, но читали компьютеры. И отвергли.

— Именно! Я обращаюсь к вам с просьбой отменить их решение.

Адраст, улыбаясь, покачал головой:

— Это трудное решение. Не знаю, хватит ли у меня смелости отменить вердикт компьютера.

— Но вы *должны*, — взмолился юноша. — Моя специальность — генетическая инженерия.

— Знаю.

— А генетическая инженерия сейчас — служанка медицины, — продолжал Лу, не замечая, что его прервали, — и это недопустимо.

— Странно, что вы это говорите. Вы дипломированный врач, а ваши труды по медицинской генетике меня впечатляют. Мне сообщили, что благодаря вашим исследованиям в течение двух лет можно окончательно уничтожить сахарный диабет.

— Да, но мне это неважно. Я не хочу заканчивать эту работу. Пусть это сделает кто-то другой. Уничтожение сахарного диабета — всего лишь деталь. Немного понизится смертность, немного увеличится прирост населения, чего я как раз хотел бы избежать.

— Вы не верите в ценность человеческой жизни?

— Верю, но не до абсурда. На Земле нас и так слишком много.

— Некоторые так думают.

— И вы в их числе, господин секретарь. Об этом написано в ваших статьях. Любому мыслящему человеку — а вам больше, чем кому бы то ни было, — ясно, что творится в мире. Перенаселение вызывает неудобства, а чтобы избавиться от неудобств, приходится ограничивать личный выбор. Если загнать множество людей на маленькую площадку, то сесть на землю они смогут только все вместе. Соберите толпу, и идти она сможет только в ногу. Это и происходит с человечеством: оно превращается в слепую толпу, не знающую, куда и зачем она движется.

— И долго вы заучивали эту речь, господин Тансония?

Лу порозовел.

— А все прочие формы жизни, кроме сельскохозяйственных растений, исчезают, уменьшается количество видов и их численность. Экология упрощается с каждым годом.

— Оставаясь сбалансированной.

— Теряя разнообразие и красоту. Мы не знаем, во что обходится нам равновесие. Мы принимаем его за неимением лучшего выбора.

— А что предлагаете вы?

— Спросите машину, которая мне отказала! Я предлагаю начать программу генно-инженерных изменений на большом количестве видов — от червей до млекопитающих. Я хочу создать из подручного материала новые виды, пока старые не исчезли окончательно.

— Зачем?

— Для создания искусственных экосистем. Экосистем, образованных из растений и животных, не похожих ни на что существующее на Земле.

— И чего вы намерены добиться?

— Понятия не имею. Если бы я знал, не надо было бы проводить опыты. Но я знаю, чего мы должны добиться. Мы должны выяснить, что движет экологией. Пока что мы взяли созданное природой, разрушили, сломали и обходимся теперь выпотрошенными остатками. Почему бы теперь не научиться создавать?

— Строить вслепую? Наудачу?

— Чтобы строить по плану, мы слишком мало знаем. Основная движущая сила генетической инженерии — случайные мутации. Задача медицины — уничтожить эти случайности в определенных областях. Я же хочу использовать неопределенность генетической инженерии в своих целях.

Адраст нахмурился:

— И как вы собираетесь создать действующую экосистему? Не станет ли она взаимодействовать с существующими, разрушая равновесие? Этого мы не можем себе позволить.

— Я не собирался проводить опыты на Земле, — торопливо ответил Лу. — Ни в коем случае.

— На Луне?

— Нет, еще дальше — на астероидах. Я подумывал об этом с тех пор, как компьютер отверг мой проект. Может быть, это изменит вердикт. Маленькие астероиды, с полостями внутри — по одному на экосистему. Выделить на этот проект нужное число астероидов. Установить энергогенераторы, системы жизнеобеспечения и засеять формами жизни, способными образовать замкнутую систему. А потом наблюдать. Если не получится — изъять какой-то компонент, или добавить, или изменить соотношения видов. Мы создадим новую отрасль науки — прикладную экологию, или, если хотите, экологическую инженерию — науку, на шаг превосходящую генетическую инженерию по сложности и значению.

— Но конкретной выгоды вы пока не обещаете.

— Конкретной — разумеется, нет. Но как можно ее избежать? Мы получим новые знания именно в той области, где больше всего в них нуждаемся. — Лу указал на мерцающие буквы за спиной Адраста. — Вы сами сказали: «Величайшее из достижений человечества — это сбалансированная экология». Я предлагаю вам способ изучить экологию экспериментально — то, чего никому прежде не удавалось.

— И сколько астероидов вам бы потребовалось?

Лу поколебался.

— Десять? — неуверенно произнес он. — Для начала.

— Пятью обойдетесь, — сообщил ему Адраст, подвинул к себе отчет и решительно перечеркнул вердикт компьютера.

— И вы все еще будете меня уверять, что занимаетесь скучной бумажной работой? — спросил Марли, когда Тансония вышел. — Вы только что отказали в доверии компьютеру и подарили парню пять небесных тел.

— Решение еще должно быть одобрено Конгрессом. И будет, обязательно.

— Так вы полагаете, что этот юноша выдвинул хорошую идею?

— Нет. Ничего не выйдет, несмотря на весь его энтузиазм. Проблема так сложна, что, для того чтобы решить ее хоть частично, больше ученых, чем мы можем выделить, должны работать над ней дольше, чем этот юноша проживет.

— Вы уверены?

— Так сказал компьютер. Потому-то его заявку и отвергли.

— Но тогда почему вы отменили вердикт машины?

— Потому что и я, и правительство в целом сохраняем не столько экологию, сколько кое-что куда более важное.

Марли наклонился вперед:

— Не понимаю.

— Это потому, что вы неправильно процитировали мои давние слова. Потому, что их никто не цитировал правильно. Я произнес две фразы, а из них сделали одну. Я так и не сумел их потом разделить. Предполагаю, что человеческая раса еще не готова принять мою мудрость во всей ее полноте.

— То есть вы не говорили: «Величайшее из достижений человечества — это сбалансированная экология»?

— Нет, конечно. Я сказал: «Величайшая потребность человечества — это сбалансированная экология».

— Но у вас за спиной написано: «Величайшее из достижений человечества...».

— Это начало второй фразы, которую все отказываются вспоминать, а я отказываюсь забыть: «Величайшее из достижений человечества — это свобода мысли». Я не ради экологии отменил решение компьютера. Экология нам нужна, чтобы выжить. Я отменил вердикт, чтобы сохранить и заставить работать мозг, способный мыслить свободно. Это нужно нам, чтобы оставаться людьми, — а это важнее, чем просто выжить.

Марли поднялся.

— Подозреваю, господин секретарь, что вы специально подстроили эту беседу. Вы ведь хотите, чтобы я донес эту мысль до всех, не так ли?

— Скажем иначе, — ответил Адраст. — Я воспользовался возможностью исправить цитату.

Увы, это был последний рассказ, который я продал Джону. Чек прибыл 18 августа 1970 года, а менее чем через год Кэмпбелла не стало.

Следующий рассказ оказался написан в результате комедии ошибок. В январе 1971 года, после сложной цепочки обстоятельств, я пообещал Бобу Силвербергу написать рассказ для антологии оригинальных рассказов, которую он готовил*.

Я написал рассказ, но оказалось, что это не рассказ. К своему огромному изумлению, я написал роман «Сами боги» (Даблзэй, 1972), первый фантастический роман за пятнадцать лет (если не считать «Фантастическое путешествие», который не полностью мой).

Роман оказался неплохим, поскольку получил «Хьюго» и «Небьюлу», а я доказал миру фантастики, что у меня еще есть порох в пороховницах. Тем не менее я оказался в неприятной ситуации, поскольку обещал Бобу рассказ, и тогда я написал грубой рассказ «Возьмите спичку», включенный в антологию Боба «Новые измерения II» (Даблзэй, 1972).

* Вас, возможно, удивляет, что я не объясняю эту сложную цепочку обстоятельств, раз уж у меня репутация неисправимого болтуна, но Бобу моя версия показалась несколько агрессивной, так что мы решили эту тему отложить.

ВОЗЬМИТЕ СПИЧКУ

Космос был черным, куда ни глянь — сплошная чернота. Ни единого просвета, ни единой звезды.

Не потому, что не стало звезд...

В сущности, именно мысль, что звезды могут исчезнуть, буквально исчезнуть, леденила Петра Хэнсена. Это был старый кошмар, как его ни подавляй, но дремлющий в подсознании всех космических дальнепроходцев.

Когда совершаешь прыжок через пространство тахионов, как знать, куда попадешь? Можешь с какой угодно точностью рассчитать время и расход горючего, можешь иметь лучшего в мире термоядерщика, но от принципа неопределенности никуда не деться. Промах всегда возможен, больше того — даже неминуем.

А при скоростях, с которыми мчатся тахионы, ошибка на волосок может обернуться тысячами световых лет.

Что как окажешься без всяких ориентиров, не сможешь определиться и найти обратный путь?

Исключено, говорят ученые. Во всей Вселенной, говорят они, нет места, откуда не видны были бы квазары, а уже по ним одним можно сориентироваться. Да и вероятность выскочить при обычном прыжке за пределы Галактики равна одной десятиллионной, а за пределы таких, скажем, галактик, как Андромеда или Маффей I, — что-нибудь порядка одной квадриллионной. Выкиньте это из головы, говорят ученые.

Take a Match
© 1972 by Isaac Asimov
Возьмите спичку
© Т. Гинзбург, перевод, 1981

Значит, когда корабль возвращается из парадоксального пространства сверхсветовых скоростей в обычный, знакомый мир нормальных физических законов, звезды должны быть видны. Если же их все-таки не видишь, значит, ты угодил в пылевое облако — вот единственное объяснение.

Если не считать ревниво оберегаемых термоядерщиками тайн, Хэнсен, высокий, угрюмый человек с дубленой кожей, знал все о суперкораблях, вдоль и поперек бороздящих Галактику и ее окрестности. Сейчас он был один в милом его сердцу капитанском отсеке. Отсюда он мог связаться с любым человеком на корабле, взглянуть на показатели любых приборов, и ему нравилась эта возможность незримо присутствовать всюду.

Впрочем, сейчас Хэнсена ничто не радовало. Он нажал клавишу и спросил:

— Что еще, Штраус?

— Мы в рассеянном скоплении, — ответил голос Штрауса. — Во всяком случае, уровень излучения в инфракрасном и микроволновом диапазонах свидетельствует о рассеянном скоплении. Беда в том, что мы не можем сориентироваться. Никакой надежды.

— В обычном свете видимости совсем нет?

— Абсолютно. И в ближнем инфракрасном — тоже. Облако густое, как каша.

— А его размеры?

— Решительно невозможно определить.

— Далеко ли может быть ближайший край?

— Не имею ни малейшего представления. Может, одна земная неделя, а может, десять световых лет.

— Вы разговаривали с Вильюкисом?

— Да! — отрывисто произнес Штраус.

— Что он говорит?

— Почти ничего. Он дуется. Он, конечно, воспринимает все это как личное оскорбление.

— Конечно, — Хэнсен бесшумно вздохнул. Термоядерщики ведут себя, как неразумные дети, а особая роль, которую они выполняют в глубоком космосе, заставляет все им прощать. — Полагаю, вы говорили ему, что такие вещи непредсказуемы, что они со всяким могут случиться.

— Я-то говорил. А он, как вы, верно, догадываетесь, возразил: «Только не с Вильюкисом».

— Если забыть, что с ним это уже случилось. Ну, мне говорить с ним нельзя. Что бы я ни сказал, он воспримет это как попытку давления сверху, а тогда мы вообще ничего

от него не добьемся... Он не намерен воспользоваться ковшом?*

— Он говорит, что так можно повредить ковш.

— Повредить магнитное поле?!

— Не говорите ему этого, — предупредил Штраус. — Он заявит, что здесь не столько магнитное поле, сколько термоядерная труба, а потом еще будет обижаться на вас.

— Да. Я знаю... Ладно, пусть все займутся этой задачей. Должен же быть какой-то способ узнать направление и расстояние до ближайшего края облака. — Он прекратил разговор и мрачно задумался.

Прыжок они сделали, двигаясь на полусветовой скорости в направлении к центру Галактики, а значит, на такой же скорости снова вернулись в пространство тардионов**. Такая операция всегда содержит элемент риска. Ведь после прыжка корабль мог оказаться вблизи какой-нибудь звезды, устремляясь к ней на полусветовой скорости.

Теоретики отрицали такую возможность. Корабль, говорили они, не может очутиться в опасной близости от массивного небесного тела. Гравитационные силы, действующие на корабль при переходе от тардионов к тахионам и обратно, по самой своей природе являются силами отталкивания. Однако все тот же принцип неопределенности не позволял точно рассчитать эффект от взаимодействия всех таких сил...

Теоретики сказали бы: положитесь на инстинкт термоядерщика. Хороший термоядерщик никогда не ошибается.

Но именно термоядерщик загнал их в это облако.

— ...О, вот вы о чем! Такое всегда возможно. Не беда. Облака чаще всего неплотные. Вы и не заметите, что попали в облако.

(О мудрец, не такое это облако!)

— Вам даже выгодно попасть в облако. Ковши смогут быстрее собрать газ, необходимый для термоядерных двигателей.

(О мудрец, не такое это облако!)

— Ну, тогда предоставьте термоядерщику найти выход.

* Имеется в виду ковш для сбора межзвездного газа (Здесь и далее примеч пер.)

** Чтобы перенестись из одной точки Вселенной в другую, отдаленную на многие световые годы, автор «пользуется» пространством сверхбыстрых тахионов (от греческого «быстрый») в отличие от тардионов (от латинского «медленный»), составляющих привычный для нас мир

(Но что, если выхода просто нет?)

Хэнсен оборвал этот воображаемый диалог, стараясь прогнать последнюю мысль. Но как не думать о том, что всего сильнее тебя тревожит?

Астроном Генри Штраус был тучным мужчиной с самой заурядной внешностью, и только окрашенные контактные линзы придавали искусственную яркость его глазам. Он тоже был глубоко удручен. Еще с катастрофой иного рода он и смирился бы. Отваживаться на такое путешествие нельзя с закрытыми глазами. Всякий должен быть готов к катастрофе. Но когда она задевает то, чему ты посвятил свою жизнь, а твои профессиональные знания оказываются бесполезны...

Капитан в таком деле бессилен. Он может единовластно командовать всеми другими на корабле, но термоядерщик сам себе хозяин, и этого не изменить. Даже для пассажиров (как это ни огорчительно) термоядерщик — властелин космоса, затмевающий всех и все.

Спрос здесь превышает предложение. Компьютеры могут точно вычислить расход энергии, время, место и направление прыжка (если при переходе от тардионов к тахионам можно говорить о «направлении»), но пределы погрешности огромны и уменьшить их способен лишь талантливый термоядерщик. Что это за талант, никто не знает — термоядерщиками рождаются, стать ими нельзя. Но сами они знают, что у них есть такой талант и нет термоядерщика, который не извлекал бы выгоды из этого.

Вильюкис в этом смысле еще не самый трудный. Со Штраусом он, во всяком случае, поддерживает добрые отношения, однако не постеснялся увлечь самую хорошенькую девушку на корабле, хоть Штраус и первый обратил на нее внимание. (Это тоже давно стало чем-то вроде королевской привилегии термоядерщика.)

Штраус вызвал Антона Вильюкиса на связь. Прошло немало времени, пока на экране возник взъерошенный и сердитый Вильюкис.

— Как труба? — мягко спросил Штраус.

— Думаю, я вовремя выключил ее. Сейчас осмотрел и повреждений не обнаружил. Теперь, — он глянул на свой костюм, — мне надо привести себя в порядок.

— Хорошо, что труба не повреждена.

— Но пользоваться ею нельзя.

— Может, придется, Вил, — осторожно начал Штраус. — Мы не знаем, что будет дальше. Если бы облако рассеялось...

— Если бы, если бы, если бы... Я скажу вам, что «если бы». Если бы вы, безмозглые астрономы, знали о существовании здесь облака, я сумел бы избежать его.

Сказанное было несправедливо и к делу не относилось. Штраус не поддался на провокацию.

— Облако может рассеяться, — сказал он.

— Как там анализы?

— Анализы скверные, Вил. Это самое плотное из всех когда-либо отмеченных гидроксильных облаков. Я не знаю в Галактике другого места с такой концентрацией гидроксила.

— И совсем нет водорода?

— Немного, конечно, есть. Процентов пять.

— Мало, — решительно заявил Вильюкис. — Но там не только гидроксил. Там есть кое-что похуже гидроксила.

— Да, знаю. Формальдегид. Его больше, чем водорода. Вам понятно, что это значит, Вил? Какой-то процесс вызвал скопление кислорода и углерода настолько огромное, что оно поглотило весь водород в объеме, может быть, нескольких световых лет. Я ни о чем таком прежде и не слыхивал и не представляю, что это за процесс.

— На что вы намекаете, Штраус? Не хотите ли вы сказать, что это единственное в своем роде облако и что только я по своей глупости мог угодить в него?

— Не искажайте моих слов, Вил. Я выражаюсь достаточно ясно. Ничего подобного вы ведь не слышали. Сейчас, Вил, все мы зависим от вас. Я не могу вызвать помощь, потому что, не зная нашего местоположения, не представляю, куда нацелить гиперлуч. А определить местоположение я не могу из-за отсутствия звезд...

— Ну а я не могу использовать термоядерную трубу. Так почему же я виноват? Ведь и вы не можете сделать свое дело, почему же всегда виноват термоядерщик? — кипятился Вильюкис. — Дело за вами, Штраус, за вами. Скажите мне, куда вести корабль, чтобы отыскать водород. Скажите мне, где кончается это облако... Или ладно, черт с ним, с облаком! Скажите, где кончается это гидроксильно-формальдегидное засилье.

— Я бы рад помочь вам, — сказал Штраус, — но в каждой пробе я нахожу только гидроксил и формальдегид.

— С ними термоядерная реакция не пойдет.

— Я знаю.

— Вот, — бушевал Вильюкис, — видите, к чему приводит перестраховка! Если бы термоядерщик мог сам принимать

нужные решения, у нас была бы энергия для двойного прыжка, и мы горя бы не знали.

Штраус понимал, что он имеет в виду. Речь шла о возможности делать второй прыжок сразу вслед за первым. Но неопределенность, имевшая место при одном прыжке, при двух возросла бы во много раз, тут никакой термоядерщик не смог бы ничего поделывать.

Было установлено строгое правило: между прыжками должны пройти сутки, а лучше — три дня. За это время можно подготовиться к следующему прыжку. Чтобы данное правило не нарушали, запас энергии дозировался с таким расчетом, чтобы его хватало лишь на один прыжок. Затем надо было снова собрать ковшами газ, сконденсировать его, накопить энергию и запустить термоядерные двигатели. На все это, как правило, требовалось не меньше суток.

— Сколько у вас осталось энергии, Вил? — спросил Штраус.

— Вот столечко, — Вильюкис на четверть дюйма развел большой и указательный пальцы.

— Скверно, — заметил Штраус.

Расход энергии фиксировался и мог быть проконтролирован, но термоядерщики все же умудрялись создавать некоторый запас. И Штраус спросил:

— Вы уверены, что это все? Если запустить аварийные генераторы, выключить освещение...

— Да. И вентиляцию, и все бытовые приборы, и арматуру гидропоники. Знаю, знаю. Я уже прикидывал. Все равно не выйдет. Этот ваш дурацкий запрет делать двойной прыжок...

Штраус опять сдержался. Он знал, да и все знали, что в действительности о запрете позаботился союз термоядерщиков. На двойном прыжке иногда настаивали капитаны, но именно термоядерщики боялись оказаться несостоятельными. Впрочем, сейчас известный всем обязательный интервал между прыжками имел и свою положительную сторону. Его можно было при необходимости растянуть на целую неделю, не вызвав у пассажиров никаких подозрений. А за неделю что-нибудь, авось, выяснится. Пока еще шли только первые сутки. Штраус сказал:

— Вы уверены, что ничего нельзя сделать с вашей системой? Скажем, отфильтровать примеси?

— Какие примеси! Это не примеси, это — основная масса. Примесь здесь — водород. Поймите, нужна температура в полмиллиарда, если не в миллиард градусов, чтобы атомы кислорода и углерода вступили в термоядерную реакцию.

Это невозможно, я и пытаться не стану. Если бы я попытался и ничего не вышло, вся ответственность была бы на мне, а я этого не желаю. Вы должны доставить меня туда, где есть водород, вот и выполните свою работу. Ведите корабль к месту, где есть водород. Мне все равно, сколько вам потребуется для этого времени.

— При такой плотности облака мы не можем увеличить скорость, Вил. А на полусветовой скорости мы можем прокрутиться здесь и два года, и двадцать лет...

— Придумайте выход сами. Или пусть это сделает капитан.

Штраус в отчаянии отключил связь. Термоядерщику разумные доводы недоступны. Существовала даже теория (вполне серьезная), будто повторные прыжки влияют на мозг. При прыжке каждый тардион переходит в тахион, а затем происходит обратное превращение. Если бы при этом возникло малейшее отклонение, оно, естественно, сказалось бы в первую очередь на самом сложном, на мозге. Конечно, прямых доказательств тому пока не наблюдали: офицеры суперкораблей если и изменялись с годами, то лишь в связи с возрастом. Но, может быть, особое устройство мозга термоядерщиков, в чем бы оно ни заключалось, не позволяет полностью восстановиться этому исключительному созданию природы.

Чепуха! Не в том дело! Просто термоядерщики донельзя испорчены!

Штраус был в нерешительности. Может, обратиться к Черил? Если кто способен помочь, то только она. Вил — точно избалованное дитя. К нему нужен подход. Тогда он и в такой ситуации сможет что-нибудь придумать.

Верил ли в это Штраус? Или ему просто претило застрять здесь на годы? В принципе суперкорабли приспособлены и для таких экстремальных условий. Но на практике этого еще не случалось, и ни экипаж, ни — тем более — пассажиры к экстремальным условиям не готовы.

Но как обратиться со столь щекотливым предложением к Черил? Что сказать, чтобы это не выглядело прямым подстрекательством к обольщению термоядерщика? Шли только первые сутки, и Штраус еще не чувствовал себя готовым толкнуть Черил в объятия Вильюкиса.

Ждать! Пока, во всяком случае, ждать!

Вильюкис хмурился. От ванны ему стало чуть легче, и он был доволен проявленной в разговоре со Штраусом твердостью. В сущности, Штраус — неплохой малый, но, как все

они («они» — капитан, команда, пассажиры, все тупицы, населяющие Вселенную и не являющиеся термоядерщиками), он стремился избежать ответственности. Свалить ее на термоядерщика. Дудки! С Вильюкисом этот номер не пройдет.

Вильюкис встал и потянулся — высокий, с глубоко посаженными глазами, над которыми навесом торчали густые брови.

— Эта болтовня, что они могут застрять здесь на годы, — только попытка запугать его. Пусть как следует пораскинут мозгами, авось, определят размеры этого облака. Должно же оно где-то кончаться. Едва ли они сидят в самом центре. Конечно, если корабль находится вблизи одного края, а мчит к другому...

А вдруг дело и впрямь затянется на несколько лет? Такого еще не бывало. Самое длительное путешествие в глубоком космосе продолжалось восемьдесят восемь дней и тринадцать часов. Тот корабль попал в диффузную туманность и должен был снизить скорость, а потом наращивать ее до девяти десятых скорости света, чтобы можно было сделать прыжок.

Никто не погиб. Конечно, двадцать лет, например...

Но этого не может быть.

Сигнальная лампочка трижды мигнула, пока он обратил на нее внимание. Ну, если это капитан, он ему покажет!..

— Антон!

Нежный настойчивый голос несколько поубавил досаду. Вильюкис позволил двери на миг открыться, чтобы выпустить Черил.

Двадцать пять лет, зеленые глаза, решительный подбородок, матово-рыжие волосы...

— Что-нибудь случилось, Антон? — спросила девушка.

Даже термоядерщик не станет слишком откровенничать с пассажирами, и Вильюкис ответил:

— Вовсе нет. С чего вы взяли?

— Так сказал один пассажир. Некий Мартанд.

— Мартанд? Что он в этом смыслит? — Затем подозрительно: — И почему вы слушаете какого-то дурака-пассажира? Что он собой представляет?

Черил слабо улыбнулась:

— Просто человек. Ему лет под шестьдесят, и он вполне безобиден, хотя, по-моему, не хочет, чтобы его считали таким. Но не в том суть. Все заметили, что звезд не видно, и Мартанд сказал: это неспроста.

— Вот как? Мы просто пересекаем облако. В Галактике их полно, и суперкорабли постоянно проходят через них.

— Да, но Мартанд говорит, что и в облаке, как правило, видны звезды.

— Что он в этом смыслит? — повторил Вильюкис. — Он что, старый космический волк?

— Н-нет, — признала Черил. — Кажется, это вообще первое его путешествие. Но он, видать, очень знающий человек.

— Чувствуется! Ступайте-ка к нему и велите заткнуться, если он не хочет попасть в изолятор. И сами тоже помалкивайте.

Черил склонила набок голову.

— Знаете, Антон, мне начинает казаться, что у нас действительно что-то случилось. Вы так это сказали... А Луис Мартанд — интересная личность. Он школьный учитель. Преподает в старшем классе общий курс наук.

— Школьный учитель! Боже милостивый! Черил...

— Но вам стоило бы его послушать. Он говорит, что учить ребят — одна из немногих профессий, при которых надо иметь некоторое представление обо всем на свете, потому что ребята вечно задают вопросы и легко распознают лиду.

— Вот и вам следовало бы научиться распознавать лиду. В общем, велите ему заткнуться, не то я сам это сделаю.

— Хорошо. Но прежде скажите, верно ли, что мы пересекаем гидроксильное облако и что термоядерная труба выключена?

Вильюкис открыл рот, но тут же закрыл его. Наступила долгая пауза.

— Кто вам это сказал? — спросил он наконец.

— Мартанд. Ну, я пойду.

— Нет, — резко произнес Вильюкис. — Постойте. Кому еще Мартанд все это рассказывал?

— Никому. Он говорит, что не хочет сеять панику. Должно быть, я просто оказалась рядом, когда это пришло Мартанду в голову, и ему надо было с кем-нибудь поделиться.

— Знает он, что мы с вами знакомы?

Черил чуть сдвинула брови:

— Кажется, в разговоре я об этом упомянула.

Вильюкис фыркнул:

— Не воображайте, что этот старый идиот, которого вы подцепили, лезет из кожи вон ради вас. Это он пытается через ваше посредство произвести впечатление на меня.

— Вот уж нет. Он даже специально просил ничего вам не говорить.

— Зная, конечно, что вы тут же отправитесь ко мне.

— Да зачем ему это?

— Чтобы посадить меня в галошу. Вы знаете, что такое быть термоядерщиком? Все тебя ненавидят, все против тебя. Потому что ты необходим, потому что...

— Но при чем тут это? Если Мартанд ошибается, как он может посадить вас в галошу? А если он прав... Он прав, Антон?

— Что именно он говорил?

— Я не уверена, конечно, что могу все вспомнить, — задумчиво сказала Черил. — Это было через несколько часов после прыжка. В то время все говорили, что звезд не видно, а без них путешествовать в глубоком космосе совершенно неинтересно. В гостиную только и было разговоров, что о следующем прыжке. А потом пришел Мартанд и заговорил со мной... Пожалуй, он мне симпатизирует.

— Пожалуй, я ему не симпатизирую, — угрюмо заметил Вильюкис. — Продолжайте.

— Я сказала, что скучно лететь, когда ничего не видно, а он сказал, что так будет еще некоторое время, и мне показалось, будто он обеспокоен. Естественно, я спросила, почему он так думает, а он ответил, что термоядерная труба выключена.

— С чего он это взял?

— Он говорит, что в одном из мужских туалетов слышалось негромкое гудение, которое теперь смолкло. А в стенном шкафу, где лежат шахматы, одно место всегда нагревалось от трубы. И теперь это место холодное.

— Это все его доводы?

— Он говорит, — продолжала она, — что звезд не видно, так как мы находимся в густом облаке; а термоядерная труба выключена, потому что здесь не хватает водорода. По его словам, нам может не хватить энергии для нового прыжка, и если мы станем искать водород, мы можем на годы застрять в этом облаке.

Выражение лица Вильюкиса стало свирепым.

— Он паникер. Вы знаете, что за это...

— Он не паникер. Он предупредил, чтобы я никому ничего не говорила, потому что это вызовет панику, и еще потому, что ничего такого с нами не случится. Со мной он поделился просто потому, что я оказалась рядом, когда эта мысль пришла ему в голову. Вообще же он сказал, что есть

очень легкий выход из положения и термоядерщику это, конечно, известно, так что беспокоиться не о чем... Однако вы ведь термоядерщик, вот я и подумала, что надо спросить у вас, верно ли это все насчет облака и насчет того, что вы уже принимаете какие-то меры.

— Ни черта он не понимает, этот ваш школьный учитель. Держитесь от него подальше... Гм-м... А говорил он, что это за легкий выход из положения?

— Нет. Спросить его?

— Нет. Зачем мне это? Что он может знать? Впрочем... Ладно, спросите. Мне любопытно, что у этого идиота на уме. Спросите.

— Я могу спросить. Но у нас действительно неприятности?

— Предоставьте это мне, — отрезал Вильюкис. — И пока я не сказал, что у нас неприятности, считайте, что их у нас нет.

Он долго глядел на захлопнувшуюся за Черил дверь, сердито и вместе с тем растерянно. Что он намерен предпринять, этот Луис Мартанд, этот школьный учитель, оседаемый идеями?

Если в конечном счете путешествие затянется, пассажиров надо осторожно к этому подготовить. Но кто станет слушать, если Мартанд уже сейчас обо всем раструбит?..

Почти яростно Вильюкис щелкнул тумблером, вызывая капитана.

Мартанд был строен, подтянут. Губы его все время, казалось, готовы сложиться в улыбку, хотя лицо неизменно сохраняло вежливую серьезность и словно бы даже надежду, как будто он постоянно ожидал услышать от собеседника нечто поистине важное.

Черил сказала ему:

— Я разговаривала с мистером Вильюкисом... Он, вы знаете, термоядерщик. Я передала ему ваши слова.

Мартанд с нескрываемым неудовольствием покачал головой:

— Боюсь, вам не следовало этого делать!

— Ему не понравилось...

— Конечно. Термоядерщики — народ особый, они не терпят, чтобы посторонние...

— Я это заметила. Но он уверяет, что для беспокойства нет причин.

— Конечно, нет. — Мартанд успокоительно погладил ее по руке. — Я ведь сказал вам, что из такого положения есть

очень простой выход. Хотя допускаю, что Вильюкис не сразу до него додумается.

— До чего додумается? — Затем мягко: — Почему он не сразу додумается, если вы додумались?

— Но он специалист, милая девушка. Специалисты мыслят привычными для их специальности категориями. Им трудно от этого отрешиться. Мне же нельзя быть косным. Демонстрируя перед классом опыт, я почти всегда должен импровизировать. Я, например, никогда еще не работал в такой школе, где имелся бы миниатюрный атомный реактор; и когда мы проводили занятия в поле, мне пришлось смастерить термоэлектрический генератор, работающий на керосине.

— Что это такое — керосин? — спросила Черил.

Мартанд, явно очень довольный, засмеялся:

— Вот видите? Люди забыли. Керосин — это такая горячая жидкость. Мне случалось нередко пользоваться еще более примитивным способом добычи огня: с помощью трения. Слышали о таком? Вы берете спичку...

Черил тупо смотрела на него, и он снисходительно продолжал:

— Ладно, неважно. Я просто пытаюсь объяснить, почему ваш термоядерщик не сразу найдет выход. Я же привык пользоваться примитивными методами... Например, вы знаете, что это? — Он указал на смотровое окно, за которым фактически ничего не было видно, отчего и в гостинной отсутствовал народ.

— Облако, пылевое облако.

— Да, но какое? Основное вещество, присутствующее всегда и всюду, — водород. Он, можно сказать, заполняет Вселенную, и на этом держится навигация в глубоком космосе. Ни один корабль не может запастись горючим, необходимым для повторных прыжков или для того, чтобы то разогнаться почти до скорости света, то вновь резко замедлять ход. Нам приходится черпать горючее из космоса.

— Знаете, меня всегда это удивляло. Я думала, в космосе ничего нет, он пуст.

— Почти пуст, голубушка, а «почти», как известно, не считается. Делая сотню тысяч миль в секунду, успеваешь собрать и сконденсировать достаточно водорода, даже если в каждом кубическом сантиметре лишь несколько его атомов. А малые количества водорода при постоянно идущей термоядерной реакции дают нужную кораблю энергию. В облаках водорода обычно даже больше, чем нужно, но примеси

могут иной раз испортить все дело. И сейчас именно такой случай.

— Откуда вы знаете, что здесь есть примеси?

— Зачем бы иначе мистер Вильюкис выключил термоядерную трубу? После водорода в космосе наиболее часто встречаются гелий, кислород и углерод. Раз трубу выключили, значит, здесь недостает горючего, то есть водорода, и имеются гибельные для сложной термоядерной системы вещества. Гелий, тот безвреден. Скорее всего это гидроксильные группы, образующиеся при соединении кислорода с водородом. Вам понятно?

— Пожалуй. Я проходила в школе этот общий курс наук, и кое-что мне запомнилось. Пыль фактически состоит из гидроксильных групп плюс твердые частицы.

— Собственно, гидроксил в умеренных количествах не очень опасен для термоядерной системы, но вот соединения углерода — другое дело. Здесь скорее всего есть еще и формальдегид. Теперь понимаете?

— Нет, — откровенно призналась Черил.

— Эти соединения не дадут термоядерной реакции. Если разогреть их до нескольких сот миллионов градусов, они просто распадутся на отдельные атомы. Но почему не использовать их при нормальной температуре? Гидроксил и формальдегид после сжатия вступят в обычную химическую реакцию, и это не причинит никакого вреда. Во всяком случае, я уверен, хороший термоядерщик сможет модифицировать систему и провести химическую реакцию при комнатной температуре. Энергию, которая при этом выделится, можно накопить и спустя какое-то время использовать для прыжка.

Черил сказала:

— Не понимаю, каким образом. Едва ли химические реакции могут заменить термоядерную.

— Вы совершенно правы, дорогая. Но нам ведь много и не надо. После предыдущего прыжка у нас не могло хватить энергии для нового — таков порядок. Но, держу пари, ваш приятель-термоядерщик позаботился снизить расход горючего до минимума. Это обычная тактика всех термоядерщиков. Теперь нам надо лишь восполнить небольшой дефицит, тут достаточно и энергии, которую дадут химические реакции. А потом, когда прыжок выволит нас из этого облака, мы попутешествуем с неделю в космосе, снова накопим водород и сможем спокойно продолжать путешествие. Конечно... — Мартанд поднял брови и пожал плечами.

— Да?

— Конечно, если мистер Вильюкис по какой-то причине промедлит, положение может стать затруднительным. Ведь с каждым днем запас энергии на корабле будет истощаться, и через какое-то время химические реакции уже не смогут пополнить его настолько, чтобы можно было осуществить прыжок. Надеюсь, мистер Вильюкис не станет слишком долго тянуть.

— Почему бы вам не поговорить с ним? Сейчас.

Мартанд покачал головой:

— Поговорить с термоядерщиком? Это невозможно, дорогая.

— Ну, тогда я сама с ним поговорю.

— О нет. Он наверняка сам до всего додумается. Я даже готов предложить вам пари, дорогая. Вы передадите ему в точности наш разговор и скажете, что я уверен: он уже сам принял такое решение и включил термоядерную трубу. И, конечно, если я выиграю... — Мартанд улыбнулся.

Черил тоже улыбнулась:

— Посмотрим...

Мартанд проводил ее задумчивым взглядом, и мысли его были заняты не только тем, как воспримет Вильюкис его идею.

Он не удивился, когда возникший, словно из-под земли, охранник сказал:

— Прошу вас следовать за мной, мистер Мартанд.

— Спасибо, что дали мне кончить, — спокойно ответил Мартанд. — Я боялся, что и того не позволят.

Прошло больше шести часов, прежде чем Мартанд смог побеседовать с капитаном. Это время он провел в изоляции, но заключение не показалось ему слишком тягостным. И капитан, к которому его наконец допустили, хоть и выглядел усталым, но отнесся к учителю без особой враждебности.

— Мне доложили, — сказал Хэнсен, — что вы распространяете слухи, порождающие панику среди пассажиров. Это серьезное обвинение.

— Я беседовал только с одной пассажиркой, сэр. И умышленно.

— Мы так и поняли. Мы тут же взяли вас под наблюдение, и я получил достаточно полный отчет о вашей беседе с мисс Черил Уинтер. Это была вторая беседа на данную тему.

— Да, сэр.

— Вы явно желали, чтобы содержание разговора было передано мистеру Вильюкису.

— Да, сэр.

— Вы не сочли нужным обратиться лично к мистеру Вильюкису?

— Я сомневался, что он станет меня слушать, сэр.

— Или ко мне.

— Вы, возможно, выслушали бы меня, но как вы передали бы эту информацию мистеру Вильюкису? Пожалуй, вы тоже были бы вынуждены прибегнуть к помощи мисс Уинтер. Термоядерщики — народ нелегкий.

Капитан рассеянно кивнул:

— На что вы рассчитывали, сообщая через мисс Уинтер свои соображения мистеру Вильюкису?

— Моя надежда, сэр, основывалась на том, что мисс Уинтер он выслушает с меньшим неудовольствием, чем любого другого, и не сочтет это враждебным выпадом с ее стороны. Я надеялся, он со смехом ответит ей, что напрасно она сообщает ему столь элементарные вещи, он сам давно до них додумался и уже запустил ковши для сбора газа. А затем он поспешит отделаться от мисс Уинтер и действительно запустит ковши, после чего доложит вам, сэр, о принятых мерах, не упоминая ни обо мне, ни о мисс Уинтер.

— Вы не подумали, что он может отвергнуть эту идею как несостоятельную?

— Такая возможность была, но этого не произошло.

— Откуда вы знаете?

— В помещении, куда меня заперли, сэр, уже через полчаса заметно померк свет. Я понял, что на корабле максимально снизили подачу тока и Вильюкис, должно быть, старается сберечь остатки горючего, чтобы их вместе с энергией, полученной от химической реакции, хватило для прыжка.

Капитан нахмурился:

— Почему вы вообразили, что сможете найти подход к мистеру Вильюкису? Разве вы имели когда-нибудь дело с термоядерщиками?

— Нет, но я постоянно имею дело с детьми, сэр. Как учителю, мне знакома детская психология.

Лицо капитана медленно расплылось в улыбке.

— Вы мне нравитесь, мистер Мартанд, — сказал он. — Но вам это не поможет. Ваши ожидания и впрямь сбылись. Но знаете вы, что из этого следует?

— Узнаю, если вы мне скажете.

— Мистер Вильюкис должен был оценить вашу идею и сразу решить, осуществима ли она. Он должен был очень тщательно перестроить систему, чтобы химическая реакция не исключила возможности последующей термоядерной. Он должен был с предельной точностью определить надежное соотношение компонентов и количество потребной энергии, а также оптимальный момент включения двигателей, характер и вид прыжка. Все это надо было сделать быстро, и никто, кроме термоядерщика, с этим не справился бы. В сущности, даже не каждый термоядерщик мог бы это сделать. Вильюкис и среди термоядерщиков личность исключительная. Это вам понятно?

— Вполне.

Капитан глянул на стенной хронометр и включил экран. Тот был черен, как все это время — вот уже вторые сутки.

— Мистер Вильюкис информировал меня, когда он намерен попытаться сделать прыжок. Он надеется, что это удастся, и я вполне на него полагаюсь.

— Если он промажет, — утрировано заметил Мартанд, — мы окажемся в прежнем положении, но лишимся энергии.

— Я сознаю это, — сказал Хэнсен. — И поскольку вы, возможно, чувствуете себя в какой-то мере ответственным за подсказанную термоядерщику идею, я подумал, что вам захочется присутствовать при ожидаемом событии.

Оба умолкли, глядя на экран. Хэнсен не назвал точного срока, и Мартанд не знал, идет ли все как положено. На лице капитана ничего нельзя было прочесть.

А затем наступило то странное мгновение, когда кажется, что тебя вдруг пронзило током. Прыгнули!..

— Звезды! — с глубоким облегчением прошептал Хэнсен.

Это был счастливейший миг в жизни Мартанда.

— И с точностью до секунды, — сказал Хэнсен. — Замечательная работа. Мы лишились энергии, но через пару недель у нас ее снова будет полно, и все это время пассажиры смогут наслаждаться изумительным зрелищем.

Мартанд был еще слишком взволнован, чтобы говорить.

Капитан повернулся к нему:

— Ну вот, мистер Мартанд, ваша идея блестяще оправдалась. Можно спорить, вы ли спасли корабль и всех нас, или мистер Вильюкис достаточно быстро сам додумался бы до этой идеи. Но споров не будет, потому что ваша роль ни при каких обстоятельствах не должна стать известна. Мистер Вильюкис виртуозно выполнил задачу, и не так уж важно,

что подсказали ему решение вы. Все почести достанутся ему одному.

— Понимаю. Если хоть чуточку задеть гордость мистера Вильюкиса, он будет для вас потерян, а такая потеря невосполнима. Что ж, согласен. Будь по-вашему. Всего хорошего, капитан!

— Нет. Мы не можем на вас положиться.

— Я буду молчать.

— Вы можете случайно проговориться. Для нас это риск. До конца путешествия вы останетесь под домашним арестом.

— За что? — возмутился Мартанд. — Я спас вас, и ваш проклятый корабль, и даже вашего термоядерщика.

— Именно за то, что вы нас спасли. Такое вот дело...

— Где же справедливость?

Капитан медленно покачал головой:

— Справедливость — вещь редкостная и, признаюсь, слишком дорогая иногда, чтобы решиться на нее. Вам нельзя даже вернуться к себе. До конца путешествия вы не увидите ни одного человека.

Мартанд задумчиво почесал подбородок:

— Но это ведь не надо все же понимать буквально, капитан?

— Боюсь, что именно буквально.

— А есть ведь еще один человек... Мисс Уинтер тоже может случайно проговориться. Посадите уж и ее под арест.

— Чтобы совершить тем самым двойную несправедливость?

— На миру и смерть красна, — сказал Мартанд.

Капитан улыбнулся:

— Что ж, пожалуй, вы правы...

ТИОТИМОЛИН К ЗВЕЗДАМ

- **В**едь опять заведет ту же песню, — устало заметил младший лейтенант Пит.

— А почему бы нет? — отвечал лейтенант Прохоров, закрывая глаза и осторожно усаживаясь на копчик. — Он уже пятнадцать лет произносит эту речь перед каждым выпуском Космической Академии.

— Слово в слово, небось, — сказал Пит, который впервые слышал ее год назад.

— Насколько я могу судить. Зануда и притворщик! Хоть бы раз ему проколоться.

Однако выпускники уже строем входили в класс; взволнованные, в новенькой форме, они под приглушенный барабанный бой дисциплинированно разбились на ряды, шагнули каждый к своему месту и с дружным грохотом сели.

В эту секунду вошел адмирал Вернон и проковылял на возвышение.

— Здравствуйте, выпускной класс 22-го года! Ваша учеба закончилась. Начинается образование.

Вы назубок знаете классическую теорию космических перелетов. Вас напичкали астрофизикой и релятивистской небесной механикой. Но никто не говорил вам о тиотимолине.

На то есть свои причины. Рассказывать о нем в классе — бессмысленно. На тиотимолине надо летать — этому вам и предстоит учиться. Только тиотимолин доставит вас к звездам. При всей вашей книжной учености вы можете не совладать с тиотимוליном. В таком случае вам все равно найдут работу в космосе, но только не за пилотским пультом.

Thiotimoline to the Stars
© 1973 by Isaac Asimov
Тиотимолин к звездам
© Е Доброхотова, перевод, 1997

Сегодня, в день окончания учебы, я прочту вам первую и последнюю лекцию по этому предмету. Дальше вы столкнетесь с тиотимוליном уже в полете, и мы сразу увидим, есть ли у вас дарование.

Адмирал замолк и обвел взглядом молодые лица, словно хотел с ходу определить способности каждого. Потом рявкнул:

— Тиотимолин! Легенда гласит, что его открыл в 1948 году Азимут, или, по другим источникам, Асимптот, однако, вероятнее всего, такого человека попросту не существовало. Не сохранилось следов якобы написанной им статьи, только неявные упоминания, причем самые ранние датируются двадцать первым столетием.

Серьезные исследования были начаты Альмиранте, который впервые получил тиотимолин — или вновь открыл его, если принять гипотезу об Азимуте-Асимптоте. Альмиранте разработал теорию гиперпространственных помех и доказал, что у молекулы тиотимоллина в силу ее сверхискривленности две химических связи вытолкнуты во временное измерение, причем одна в прошлое, другая — в будущее.

Благодаря направленной в будущее валентности тиотимолин способен откликаться на еще не состоявшееся событие. Скажем, в классическом примере он растворяется за секунду до того, как прилили воду.

Тиотимолин, разумеется, относительно простое соединение. Собственно, это простейшая молекула, которая обнаруживает эндохронные свойства, то есть временное измерение.

Это открыло уникальные возможности ее использования, однако настоящее применения эндохронность получила позднее, когда были синтезированы более сложные молекулы: полимеры, совмещающие эндохронные свойства с жесткой структурой.

Пеллегрини первым получил эндохронные резины и пластмассы; двадцатью годами позже Кудачи научился соединять эндохронную пластмассу с металлом. Это позволило делать эндохронными крупные предметы — например, целые космические корабли.

Давайте разберем, что получается, когда большая структура становится эндохронной. Грубо это означает, что у нас есть все нужное. Теоретики, разумеется, нагромодили формул, но что-то не доводилось мне видеть физика за штурвалом космического корабля. Пусть они ведут заумные споры, ваше дело — вести судно.

Маленькая молекула тиотимоллина крайне чувствительна к статистической вероятности. Если вы уверены, что при-

льете воду, она растворится заранее. Если у вас есть хоть малейшие сомнения, тиотималин не растворится, пока вода не будет в сосуде.

Большая эндохронная молекула меньше реагирует на сомнения. Она растворится, разбухнет, поменяет электропроводность или еще как-то провзаимодействует с водой, даже если вы почти уверены, что не прильете влагу. И что же случится, если вы ее не добавите? Ответ прост. Эндохронная молекула устремится в будущее на поиски воды и не остановится, пока не достигнет цели.

Получается как с осликом, который идет за подвешенной морковкой, только эндохронная структура, в отличие от ослика, не разумна и не устает.

Если эндохронен весь корабль — то есть если в его корпусе с достаточной частотой расположены эндохронные вкрапления — легко создать устройство, которое выпрыскивало бы воду в ключевые узлы, и сделать так, чтобы это устройство постоянно готовилось включиться, но никогда бы на самом деле не включалось.

В таком случае эндохронные вкрапления двинутся в будущее, увлекая за собой корабль и все в нем находящееся, включая команду.

Конечно, ничто не абсолютно. Корабль движется в будущее относительно Вселенной; с тем же успехом можно сказать, что Вселенная движется в прошлое относительно корабля. Скорость перемещения можно отрегулировать очень точно, внося необходимые изменения в устройство для подачи воды. Навык этот приходит с опытом, но требует врожденных способностей. Вот это нам и предстоит выяснить: есть ли такие способности у вас.

Адмирал снова замолчал и снова оглядел слушателей. Потом, в полной тишине, продолжил:

— Но зачем это все? Давайте поговорим о космических кораблях и вспомним, чему вас учили в школе.

Звезды немыслимо далеки одна от другой, и перелеты между ними, учитывая световой барьер, занимают годы, столетия, тысячелетия. Можно построить большой корабль с замкнутой экологией: маленькую самодостаточную вселенную, посадить на него людей, и десятое поколение достигнет далекой звезды. Одному человеку это невозможно, и если корабль все-таки вернется на Землю, то лишь много веков спустя.

Чтобы первоначальная команда проделала весь путь, ее надо уложить в криогенные камеры. Но замораживание —

процедура ненадежная. Даже если космонавты вернутся, и вернутся живыми, они увидят, что на Земле прошло много столетий.

Чтобы команда достигла звезд при жизни и без замораживания, нужно разогнаться до околосветовой скорости. Субъективное время замедляется, и космонавтам кажется, что перелет занял несколько месяцев. Однако в остальной Вселенной время идет по-прежнему, и звездоплаватели, вернувшись, видят, что, хотя сами они состарились, скажем, на два месяца, Земля успела прожить не одно столетие.

В любом случае межзвездное путешествие означает, что на Земле, если не на корабле, пройдет огромный промежуток времени. Космонавт возвращается, если возвращается, в далекое будущее. Это делает дальние перелеты психологически непрактичными.

Но... но, выпускники...

Адмирал испытующе оглядел класс и продолжил низким, глухим голосом:

— Если у нас есть эндохронный корабль, то мы можем компенсировать растяжение времени эндохронным эффектом. Покуда корабль на околосветовой скорости несется через пространство и претерпевает замедление субъективного времени, эндохронный эффект смещает Вселенную в прошлое относительно корабля. При должной сноровке для команды корабля проходят, скажем, два месяца, и для Вселенной — два месяца. Межзвездные перелеты обретают смысл.

Но это очень тонкое дело.

Допустим, эндохронный эффект немного не поспевает за эффектом растяжения времени. Космонавты возвращаются спустя два месяца и обнаруживают, что на Земле прошли все четыре. Казалось бы, невелика важность... Ан нет! Космонавты выпадают из графика. Окружающие состарились относительно них на два месяца. Хуже того, населению планеты кажется, что космонавты на два месяца младше положенного. Как следствие, возникают обиды и неловкость.

Сходным образом, если эндохронный эффект немного перекрывает эффект растяжения времени, команда вернется через два месяца и увидит, что время на Земле остановилось. Корабль приземляется одновременно со взлетом. Обиды и неловкость остаются.

Нет, выпускники, межзвездный перелет можно считать успешным, только если его продолжительность для команды и для землян совпадает минута в минуту. Погрешность в

шестьдесят секунд — это разгильдяйство. В сто двадцать — профессиональная непригодность.

Знаю, выпускники, какой вопрос вертится у вас на языке. Мне он в вашем возрасте тоже приходил в голову. Разве эндохронный корабль — не та же машина времени? Разве нельзя, соответственно отрегулировав эндохронный механизм, сознательно проникнуть на век вперед, посмотреть, что хочешь, вернуться на век назад и оказаться в исходной точке? Или наоборот, отправиться на сто лет в прошлое, а затем на сто лет в будущее? На тысячу лет, на миллион? Увидеть, как рождается Земля, эволюционирует жизнь, умирает Солнце?

Выпускники! Математики говорят, что подобные перемещения рожают парадоксы и невозможны, поскольку требовали бы слишком больших энергетических затрат. Но я скажу — какие, к чертям, парадоксы! Причина куда проще. Эндохронные свойства нестабильны. Искривленные во времени молекулы очень нежны. Сравнительно малые воздействия ведут к химическим превращениям, и молекула распрямляется. Мало того, она может распрямиться просто от случайных колебаний.

Короче, эндохронный корабль постепенно становится изохронным, обычной материей без всякой временной протяженности. Современные технологии значительно замедлили процесс разгибания и, возможно, замедлят еще, но создать совершенно стабильную эндохронную молекулу теоретически невозможно.

Это значит, что срок службы космического корабля невелик. Вы должны вернуться на Землю, пока корпус еще сохраняет эндохронные свойства, и восстановить их перед следующим полетом.

Что же будет, если вы вернулись не в свое время? При достаточно большой погрешности никто не гарантирует вам технологий, способных восстановить ваш корабль. Хорошо, если вы попали в будущее. А если в прошлое? Если по своей небрежности или просто из-за недостатка дарования вы приземлились в глубине веков, то там вам и сидеть — никто не восстановит ваш корабль для броска в будущее.

Постарайтесь уразуметь, — здесь адмирал хлопнул в ладоши, видимо, желая привлечь внимание к своим словам, — что в прошлом нет ни одного мало-мальски пристойного отрезка, где бы цивилизованному астронавту хотелось провести остаток дней. Вы можете попасть во Францию шестого века или, хуже, в Америку двадцатого.

Поэтому остерегайтесь экспериментировать со временем.

Теперь перейдем к явлению, которое вряд ли всерьез затрагивали ваши преподаватели, но которое вам предстоит испытать на своей шкуре.

Вы спросите, как относительно небольшое число эндохронных валентностей, вкрапленных в изохронное вещество значительно большей массы, увлекает его за собой? Каким образом одна эндохронная связь своей тягой к воде тащит миллиарды атомов с изохронными валентностями? Нам кажется, что это невозможно, потому что мы с пеленок привыкли к инерции.

Однако движение в прошлое или будущее не знает инерции. Если часть предмета движется вперед или назад во времени, то и весь предмет движется с такой же скоростью. Фактор массы отсутствует. Вот почему всю Вселенную так же легко отбросить в прошлое, как и закинуть корабль в будущее; причем, опять-таки, скорость будет одинаковой.

Но это еще не все. Как учили вас в курсе элементарной релятивистской физики, эффект растяжения времени есть следствие вашего ускорения относительно Вселенной в целом. Это связано с массой, следовательно, с инерцией.

Однако эндохронность устраняет растяжение времени, а значит — и его причину. Короче, когда эндохронный эффект полностью компенсирует эффект растяжения времени, он сводит на нет инерционные следствия ускорения.

Нельзя отменить одно инерционное следствие ускорения, не отменив все остальные. Значит, инерция падает до нуля, и можно свободно разгоняться до любой скорости. Как только достигнут нужный эндохронный эффект, вы можете развить любую скорость, начиная от состояния покоя и кончая ста восьмьюдесятью шестью тысячами миль в секунду относительно Земли, за любое время — часы, минуты. Чем больше ваш опыт и дарование, тем быстрее вы можете разгоняться.

Сейчас, господа, вы испытываете это на себе. Вам кажется, что мы сидим в аудитории на поверхности планеты Земля, и я уверен — за все время у вас не было ни малейшего повода усомниться в этом впечатлении. Тем не менее оно ошибочно.

Да, вы в аудитории, но не на планете Земля. Вы, я, все мы — в огромном космическом корабле, который взлетел при первых моих словах. Пока я говорил, мы достигли окраин Солнечной системы и теперь возвращаемся.

За это время вы ни разу не почувствовали перегрузок, вызванных ускорением, и потому считали, что находитесь в состоянии покоя относительно Земли.

Это не так, выпускники. Все время, пока я говорил, вы находились в космосе, и прошли, согласно расчетам, в двух миллионах миль от планеты Сатурн.

По рядам пробежал шум. Адмирал с мрачным удовольствием оглядел взволнованных слушателей.

— Не тревожьтесь, выпускники. Поскольку мы не испытывали ни перегрузок, ни гравитационных эффектов (что, в сущности, одно и то же), значит, Сатурн никак не повлиял на наш курс. Мы вот-вот опустимся на поверхность Земли. По специальной договоренности мы прибудем в порт Объединенных Наций Суздаль, так что выходные вы проведете в городе.

Сам факт, что мы не испытывали никаких инерционных явлений, доказывает, что растяжение времени полностью компенсировалось эндохронным эффектом. Будь здесь хоть малейший зазор, вы бы почувствовали перегрузку — еще одна причина не экспериментировать со временем. Помните, выпускники, погрешность в шестьдесят секунд — разгильдяйство, в сто двадцать — профнепригодность!

Мы приземляемся; лейтенант Прохоров, пожалуйста, поднимитесь в боевую рубку и осуществите посадку.

Прохоров коротко ответил «Есть!» и полез по трапу в дальнем конце зала, где сидел во время всей лекции.

Адмирал Вернон улыбнулся:

— Можете оставаться на местах. Мы идем точным курсом. Мои корабли всегда идут точным курсом.

Но тут Прохоров спустился по трапу, бегом бросился к адмиралу и зашептал на ухо:

— Адмирал, если это Суздаль, то что-то не так. Я вижу одних монголов. Толпы монголов. Монголы в России, сейчас?

Адмирал побелел и с квохчущим звуком повалился на бок. Выпускной класс неуверенно поднялся с мест. Младший лейтенант Пит поднялся на возвышение вместе с Прохоровым; он все слышал и теперь стоял, как громом пораженный.

Прохоров поднял обе руки.

— Не волнуйтесь, господа. Все в порядке. У адмирала легкий приступ головокружения. С пожилыми людьми это иногда случается при посадке.

Пит хрипло шепнул:

— Но мы же застряли в прошлом!

Прохоров поднял бровь:

— Конечно, нет! Ты же не чувствовал ускорения? Мы не могли промахнуться и на час. Будь у адмирала вдобавок к поганам еще и мозги, он бы сам это сообразил.

— Почему же ты утверждал, будто что-то не так? Разве ты не говорил, что видел монголов?

— Говорил, потому что они здесь. Когда адмирал Тупица придет в себя, он не сможет мне ничего сделать. Мы сели не в Суздале, а значит, что-то и впрямь не так. Что до монголов, если я правильно прочел дорожный указатель, мы приземлились на окраине Улан-Батора.

Антология Гарри Гаррисона, в которой впервые напечатан «Тиотимолин к звездам», называлась просто «Эстаудинг». Гарри хотел сделать один последний выпуск журнала. Не «Аналог», но «Эстаудинг».

«Аналог» тоже неплох, однако нам, старожилам, ничто не заменит «Поразительную научную фантастику», сколько ни меняй названия.*

Итак, что еще осталось мне сказать, чтобы ввести вас в курс последних новостей?

30 ноября 1973 года я женился во второй раз на Джанет Джеппсон. Моя жена (в порядке увеличения важности) психиатр, писательница и замечательная женщина. Она в 1974 году опубликовала собственный фантастический роман «Второй эксперимент», а о том, что роман окончательно принят в издательстве, узнала за полчаса до нашей свадьбы. Это был великий день.

Мне хочется пожелать ей, чтобы профессиональная карьера оставляла ей побольше времени для писательства. Тогда мы, возможно, когда-нибудь выпустим совместный сборник, написанный мужем и женой.

* «Аналог» научная фантастика — научный факт — новое название журнала «Эстаудинг Сайенс Фикшн»

Содержание

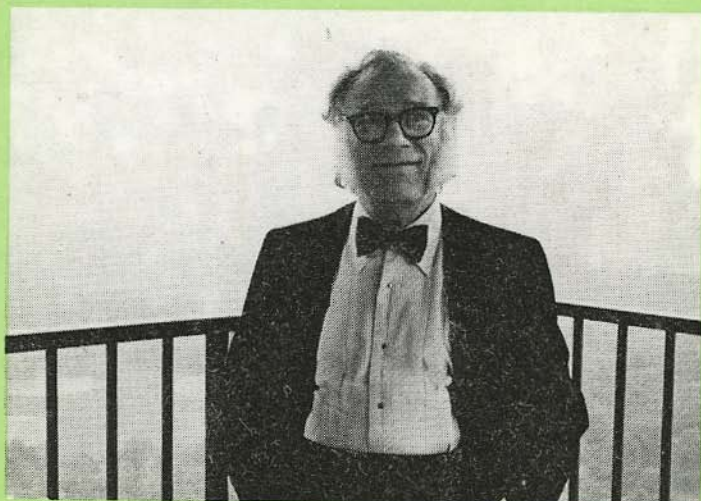
Детективы по Азимову, рассказы

Что значит имя?, перевод В. Постникова	7
Поющий колокольчик, перевод Н. Гвоздаревой	21
Буква закона, перевод А. Мельникова	39
В плену у Весты, перевод И. Почиталина	41
Годовщина, перевод А. Шельваха	58
Некролог, перевод Г. Файбусовича	76
Звездный свет, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	95
Ключ, перевод Е. Доброхотовой	100
Бильярдный шар, перевод В. Тельникова	129

Покупаем Юпитер, рассказы

Дарвинистская бильярдная, перевод И. Гуровой	157
Шах Пепе С., перевод И. Гуровой	165
Ах, Баттен, Баттен!, перевод Т. Шинкарь	177
Эверест, перевод И. Гуровой	195
Пауза, перевод И. Гуровой	202
Давайте не будем, перевод И. Гуровой	217
По-своему исследователь, перевод И. Гуровой	223
Пустота!, перевод И. Гуровой	239
Какое дело пчеле?, перевод И. Гуровой	245
Они не прилетят, перевод А. Шарова	252
Покупаем Юпитер, перевод И. Мартынова	256
Памяти отца, перевод Р. Валиевой	262
Дождик, дождик, перестань!, перевод А. Шельваха	270
Отцы-основатели, перевод А. Шельваха	280

Ссылка в ад, перевод А. Шельваха	289
Необходимое условие, перевод И. Можейко	294
Глубокое исследование, перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер	298
В лето 2430 от Р. Х., перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер	307
Величайшее из достижений, перевод В. Серебрякова	317
Возьмите спичку, перевод Т. Гинзбург	325
Тиотимолин к звездам, перевод Е. Доброхотовой	342

РАССКАЗЫ

